

**МЕРТВЕЦЫ
ОРДЕНОНОСНОГО
САХАРОЗАВОДА**

Станислав Росовецкий

Станислав Росовецкий

МЕРТВЕЦЫ ОРДЕНОНОСНОГО САХАРОЗАВОДА

Киев - 2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(4Рос)-445
Р75

ISBN

Р75 **Росовецкий, Станислав Казимирович**
Мертвецы орденоносного сахарозавода. Хоррор.
[Электронная книга]. Киев, 2025. 418 с.

Автор – известный прозаик и драматург, победитель многочисленных литературных конкурсов, в частности дважды «Коронации слова». С первых же страниц читателя захватывают страшные и смешные, трагические, а иногда и раблезиански комические события в одном из наших запущенных городков в девяностые-нулевые. Несмотря на жанрово обусловленную зловещую окраску повествования (порой с почти дюрренматтовскими мотивами), даже эсхатология авторского мира приобретает оптимистический оттенок. Работа над этим гротескным сатирически-фентезийным романом ужасов была окончена в 2013 году.

Ужасы / Фэнтези / Сатирический роман

Дизайн обложки авторства С. К. Росовецкого.

В издании использована графика С. К. Росовецкого.

На авантитуле фото С. К. Росовецкого авторства С. Н. Саломатина.

ISBN

УДК 821.161.1-312.9
ББК 4(4Рос)-445

© Росовецкий С. К., текст. 2025
© Росовецкий С. К., обложка, графика. 2025
© Саломатин С. Н., фото. 2025

**Пролог,
в котором кое-что происходит в городке
Крольчанске на левобережной Украине
6 июля 199... года, около шести часов утра**

В другое время на здешний сахарный завод было бы приятно посмотреть: строили его в конце позапрошлого века не только с забытой в наше время надёжностью, но и с некоторым щегольством. Вплоть до того, что башенки возвели, абсолютно бесполезные для переработки свёклы. Однако Петру Трофимовичу было сейчас не до любования родным предприятием, где двадцать лет отишачил, в последние годочки в высокой должности технорука. Его глаза, воспалённые после бессонной ночи, не отрывались от главных заводских ворот: там, по агентурным данным, вот-вот должен был показаться первый грузовик с демонтированным оборудованием.

То, что творится сейчас с ордена Трудового Красного знамени Крольчанским сахарным заводом имени Василия Боженко, неоднократным победителем соцсоревнования в отрасли, ещё несколько лет тому назад не привиделось бы его работникам и в страшном сне. В стране дефицит сахара, а у предприятия возникли проблемы со сбытом продукции. Склады стоят затоваренными, зато касса пуста. Пошли задержки зарплаты, пронёсся слух, что завод меняет форму собственности, что он выставлен в Киеве министерством на торги. Коллектив притих испуганно, потом забурлил, но именно в это время генеральный директор Глеб Александрович почему-то вспомнил, что тысячу лет как не отдыхал на

море, и затеял с подчинёнными детскую игру под названием «прятки». Вдруг, как гром среди ясного неба, грянула катастрофа: в один прекрасный солнечный день каждый работник завода обнаружил у себя в почтовом ящике извещение об увольнении, красиво, будто в типографии, отпечатанное на снежно-белой финской бумаге. Дело было в субботу, и Пётр Трофимович кайфовал тогда на веранде над чашкой индийского растворимого кофе со сливками. Пресловутое извещение ему довелось прочитать в ручках у Татьяны, его дражайшей супруги. Она в то утро сама наведальась к почтовому ящику, потому что по субботам почтальонша баба Стёша приносит журнал «Огонёк», а это престижное перестроечное издание несколько раз уже из их ящика пропадало. Татьяна винит в этом соседей, вот только никак не может решить, кого конкретно. А тогда супруга визжала, что он, Петька, допрыгался, наконец, что уволен за моральное разложение, ведь со всех сторон ей докладывают, что он на заводе пристаёт к работницам помоложе, руки свои бессовестные куда не надо суёт. Этот словесный поток Пётр Трофимович сумел остановить, только обратив внимание ревнивой супруги на то обстоятельство, что подписана бумага неведомой фирмой АО «Zucker-dream».

Всего через несколько дней всеведущее телеграфное агентство «Одна баба сказала» разнесло по Крельчанску удивительную весть: никакого акционерного общества на самом деле не существует, а принадлежит теперь завод известному скоробогачу, имеющему на Кипре в банке миллионы баксов, а в кармане израильский паспорт. Казалось бы, интересы незаконно уволенных работников должен был защитить профсоюз, однако толстый председатель профкома испарился одновременно с генеральным директором, чем только подкрепил давнюю

догадку Петра Трофимовича, что славные советские профсоюзы – всего лишь устройства для возвращения в казну процента от зарплаты. Возможно, что и не взялся бы уволенный технорук за организацию протестной демонстрации, если бы не подтвердился очередной, поразительный по нелепости слух. Новый хозяин и в самом деле предпочёл, не заморачиваясь производством сахара-рафинада, вывозить с территории завода всё железо, которое только удалось разобрать и снять, для сдачи в металлолом. Вот тогда Петру Трофимовичу стало обидно – не то чтобы за державу, а за родной завод уж точно. Он ведь не о себе хлопочет. Едва ведь сороковник разменял, и даже в тот возраст ещё не вошёл, в котором Пушкина на дуэли застрелили. Пусть и не получил образования, зато технарь-практик – во какой! Лучший в Крольчанске специалист по паровым котлам, вот что люди говорят. Уж он-то найдёт себе применение в обещанном им всем капиталистическом раю, и не обязательно в родном городе. Но было в отношении нового хозяина к людям и механизмам нечто подлое, глубоко враждебное самой натуре Петра Трофимовича, такое, чего уволенный технорук не мог и не хотел простить.

Вот почему стоял теперь Пётр Трофимович под самодельным, на красном полотнище косыми белыми буквами намалёванным, лозунгом: «Не дадим разорить наш краснознамённый завод!». Плечом к плечу с сотрудниками и приятелями стоял. Левое древко кумачового плаката держал мрачный Карякин, бывший мастер цеха дефекации, а правое – пьяненький экс-снабженец Левчук.

На заводском дворе, за главными воротами, уже начали прогревать моторы, и под солидный рокот разномастных движков несколько растрёпанные мысли Петра Трофимовича неспешно крутились вокруг того факта, что очень многое теперь изменилось. Взять того же Лев-

чука, варнякающего себе под нос непонятное. Трезвому Левчуку цены нет, недаром начитанный главбух Млинский присвоил ему почётное прозвище «лейб-проходимец», заводским народом переименованное в «Лейбу-проходимца»: проходит ведь, доставая потребный заводу дефицит, в любые двери. Но чуть выпьет, всё соображение теряет... А вот теперь уже не имеет никакого значения, пьян наш симпатяга или нет... Дальнейшие события показали, что именно этот вывод бывшего технорука оказался ошибочным.

Кстати, мог ведь Пётр Трофимович предотвратить нынешнее состояние Левчука: это если бы запретил ему не в очередь прикладываться к бутылке, когда они вчетвером, в компании ещё с Карякиным и Млинским, пересиживали прошедшую ночь за преферансом. Окна столовой главбуха, получившего квартиру в двухэтажке, построенной для руководства завода, выходят как раз на ворота и главную проходную. Оставалась возможность, что оборудование попытаются вывезти ночью, вот и решено было подежурить. К шести утра похерили последнюю недоигранную пульку и вышли с плакатом на шоссе, где уже собрались другие заводчане-активисты. Прямо скажем, немного пришло народу из города и заводского посёлка. Кто и уехать успел в областной центр или прямо в Киев, новую работу искать, кто по-прежнему рассчитывает, неизбывную рабскую натуру проявляя, что новые хозяева возьмут хоть в сторожа, а кто и просто рукой махнул. Человек сообразительный, а было и такое мнение в народе, что первый умник Крольчанска, Пётр Трофимович давно уже понял бессмысленность протеста, однако не мог он просто так смириться с поражением, да что там – с жизненной катастрофой большинства заводчан...

Наконец! Первая машина, прямо за воротами, газанула, и над их створками поднялся столб чёрного дыма. Дизельный движок! Танк у них там, что ли? Донеслось урчание электродвигателей, растаскивающих в стороны створки, и Пётр Трофимович на пару секунд отвлёкся воспоминанием о последнем, в 1989-ом, кажется, году, ремонте этого механизма, но тут Карякин пропищал:

– Господи мой Боже и царица немецкая!

От волнения у технорука запотели стёкла очков, а внутренними очами увидел он, что из ворот выползает приземистый и широкий танк Т-55, вот только башню повернул стволом назад, будто сквозь сарай или хату проламываться собрался. Когда же протёр Пётр Трофимович очки (а свежий носовой платок в кармане всегда наготове), то обнаружил, что демонстрантов атакует мирный дорожный каток. Как же им удалось незаметно завести машину на заводскую территорию? Через задние ворота? На трейлере? Неужели своим ходом? Тотчас же эти догадки вылетели из головы Петра Трофимовича, потому что каток не притормозил, а продолжал неумолимо накатываться на толпу. Технорук опомнился.

– Все на обочину! – размахивая руками, прохрипел он. И откашлявшись, рывкнул. – Пропустите технику!

И сам отскочил в придорожный бурьян. Но двоица с плакатом осталась на месте, при этом малорослый Карякин вроде как приплясывал и пытался вырвать плакат у Левчука, а тот застыл в тягостном оцепенении. Петру Трофимовичу напомнило это сцену из кинокартины «Кавказская пленница», где Никулин, Вицин и Бывальский, взявшись за руки, пытаются остановить таратайку с Ниной за рулём. Кого же из них он сам только что...? Но не довелось ему додумать эту мысль. Потому что Карякин выпустил древко и, взвизгнув, отскочил на обочину, где уцепился Петру Трофимовичу в лацканы.

Тем самым обездвигил, и техноруку оставалось только наблюдать, как широкий передний валец катка подминает под себя голову Левчука, и слушать треск. И надеяться, что это лопаются под тяжкой сталью всего лишь древки фатального плаката.

Очевидно, водитель катка не видел, что происходит, потому что спокойно повёл его дальше по шоссе. На пыльном асфальте обнаружилась сплюснутая в лепёшку шляпа Карякина, а в метре от неё, вперемешку со щепками и полуприкрытое вдавленной кумачовой тряпкой, нечто плоское, ранее бывшее «Лейбой-проходимцем». Пётр Трофимович отвёл глаза и увидел за этим безобразием милицейский «газик». Дверцы тачки клацали, распахиваясь. Тем временем повисший на нём Карякин внезапно сделался ужасно горячим, захрипел, побагровел лысиной, а под ногами их, быстро впитываясь в сухую почву, натекла тёмная лужа.

Тут чья-то решительная рука оторвала Карякина от технорука, и хрипун мягко улёгся прямо на мокрый бурьян. А перед Петром Трофимовичем оказался полупознакомый милицейский сержант, сегодня почему-то в дорогущих тёмных очках. Не говоря худого слова, мент размахнулся и врезал Петру Трофимовичу в висок.

Глава 1,
уже о наших днях. Снова лето,
снова 6 июля. После полудня.
Где-то на трассе между Киевом и Крольчанском

Тарас Хомчук, довольно известный кинорежиссёр, некогда сгоряча названный «надеждой украинского кинематографа» и сейчас, через полтора десятилетия после того многообещающего дебюта, всё ещё числящийся в перспективных молодых, рулил своей старенькой «Ладой» и чувствовал полное довольство жизнью. Его почти уже сорокалетнее полное тело звенело здоровьем: геморрой отступил, побеждённый чудодейственным тайским снадобьем. И ещё два обстоятельства не менее эффективно поднимали настроение. Первое: три года фактического простоя завершились предложением поработать над настоящим, полнометражным игровым фильмом, и сейчас он ехал на место съёмок, в какой-то Крольчанск, во главе целого обоза тачек, вместивших в себя съёмочную группу. Второе: справа от него перед общим выездом от метро «Лесная» нахально уселась... Как её там? Натали, Эвелина, Лаки? В общем, гёрла, которая в этой поездке непременно упадёт ему в руки, как яблоко с ветки осенью. Так, вспомнил... Стася она. Старлетка, хоть несколько уже старовата для первой роли не второго плана.

– А ведь Фимусик обещал мне главную роль, – вдруг капризно протянула эта самая Стася.

Настроение у Тараса понизилось сразу на несколько градусов. Возникла возможность, что гёрла если и не

умеет читать мысли, то и не такая типичная блондинка, каковой кажется. А оно надо? А главное – прозвучало знаковое имя, при этом в форме фамильярной, даже запанибрата, что настораживает. Ефим Валентинович – тот самый меценат, который вложил деньги в фильм, а режиссёром пригласил Тараса. Вот ему и ограничиться бы двумя этими благими деяниями, ан нет... Нежданно-негаданно сей невыносимо энергичный тридцатилетний делец, за душой имея разве что подростковое увлечение «Резнёй бензопилой в Техасе» и фильмами Джорджа Ромера, сам назначил себя продюсером, лично осуществил кастинг, предоставил для съёмок какой-то заброшенный завод и даже пообещал лично наезжать в Крольчанск, чтобы непосредственно поруководить кинопроизводством. Тарас признаёт, что толстощёкий воротила внешне производит впечатление порядочного и искреннего человека. Однако, если он такой порядочный, как тогда сумел в кризис подняться, господи прости, на рекламе? А кастинг в его исполнении, так это же вообще...

– Ты почему же отмалчиваешься, Тарасик? Ты, что же, успел пообещать главную роль другой?

Ничего себе наглость! Будто бы слюнявый поцелуй в подъезде даёт право тыкать режиссёру... Однако ж и поколение! Была, правда, неудачная попытка продолжить. Впрочем, надо ведь пояснить...

– Будь добра, обращай ко мне на «вы». Снимать мы будем ужастик. Тут, как правило, всего две женских роли, точнее именно для девушки. Одна девица глупая такая, она в самом начале фильма трахается со своим бойфрендом, а маньяк их первыми убивает. И ещё одна девица, несколько более порядочная, что ли... Не то чтобы интеллектуалка какая, нет, но она единственная остается живой к концу фильма. Можно сказать, что

это главная женская роль. Именно эта девица в первых кадрах обязательно пробегает с визгом по дикому лесу. Тебе играть именно её.

– О!

– Роль сучки, которая выживет, – уточнил с удовольствием.

– А меня Фимусик предупреждал, что придется сниматься в постельной сцене... – проняла Стася.

– Это во время вашей с ним постельной сцены предупреждал?

– Фима не такой, он семьянин и... как это? Внецерковный христианин, вот как оно правильно называется. Чтобы раз и навсегда покончить с подобными не тактичными вопросами, уж лучше я сразу открою свою ужасную тайну. Так вот, роль в фильме мне устроила Лиза, жена Фимусика. Мы с нею подруги.

– Одноклассницы небось? – ухмыльнулся Тарас.

– Нет, в тренажёрном зале познакомились.

Тарас промолчал. Вот такой, значит, кастинг. Но, если специально не придирааться, в целом отбор Фимусика уже тем хорош, что экономичен, а на выходе по эффективности может оказаться не хуже любого другого. Кроме того, в случае неудачи всегда остается возможность уговорить рецензента вставить среди ругани и плюсовое замечание: снимались, мол, исключительно непрофессиональные актеры, во всяком случае, не успевшие надоесть зрителям своими физиономиями. Да, Фима нанял чуть ли целую группу студентов специализации... Как-то теперь у них мутно. Актёрской, в общем, специализации – и для театра, и для кино, и для сериалов. Но в нынешних условиях, когда после выпуска каждый сам за себя, это вовсе не обязательно, что все они засветятся на драматической сцене или в каком

фильме, так что рецензент слишком нахально не соврёт. Ну да ладно, со студентами он как-нибудь справится. А вот оператор – это уже проблема, личность потому как.

Тот оператор, с которым Тарас снимал свой первый стартовый и, наверное, самый удачный фильм, талантливейший Коля Семеновский, при последней, случайной встрече сделал вид, что не узнал, обогнул его, словно тумбу для афиш. Коля теперь в Голливуде подрабатывает и не стал бы снимать такой копеечный ужастик да ещё за копейки. Но обидно это пренебрежение. Чистоплюй чертов! Ну, взял он, Тарас Хомчук, доллары у Содружества детей бойцов УПА, сварганил документальный фильм о Степане Бандере – так что, теперь всякие политкорректные полуамериканцы не станут ему руки подавать? И этот второй чистоплюй, денежный мешок Фима, смотрел в сторону, когда у них речь зашла о том фильме. Если был на свете такой Степан Бандера (а вот это вряд ли кто-нибудь посмеет отрицать), то должен же кто-то снимать о нём фильмы? А что вышло хвалебно и даже, говорят, апологетически, то такое уж это искусство, украинское документальное кино: врало оно безбожно при коммуняках и сейчас врёт, и посреди брехни как бы само собой начинает воспевать этих героев, тут уж ничего не поделаешь. В такой ситуации даже бездушная камера умудряется прогибаться и подличать. Только разве ж она бездушная, если...?

– Ты почему молчишь, Тарасик? Считаешь, что тебе не о чем со мной поговорить?

Он ругнулся про себя. Вот и эта уже начинает претензии предъявлять... Досчитал до пяти и повторил вдумчиво:

– Я же просил обращаться ко мне на «вы», голубушка. А насчёт поговорить, то я думаю сейчас над фильмом.

– Тогда тебе полезно знать, что прямо от Фимусика тут ещё один человек. Та старушка-одуванчик. Это двоюродная бабушка Лизы, Фимочкиной жены.

– В общем и целом осведомлён. А подробнее не можешь?

– Ну, Алевтина Францевна танцевала в Оперном, потом преподавала, танцы тоже, кажется, в Институте культуры, а потом вышла окончательно на пенсию и заскучала. Муж давно умер. Теперь она старейшина в Лизиной семье, но ей этого недостаточно. Основательно досаждают своими наставлениями родственникам...

– То есть?

– Перевожу, мой сладкий: триндит без конца. И вот Фимусик сбыл её с рук хоть на время съёмок.

– Вот за эту информацию тебе спасибо... Э-э-э...

– Снова забыл? Стася я, Стася.

– Да я вспоминал, как по отчеству. Спасибо, в общем. Я понимаю, Стася, что кто-то из вас двоих, а то и обе, наперебой, будете докладывать своему драгоценному Фимусику о том, что делается на съёмках. Я на эти ваши доклады клал... Сама знаешь и даже, если не ошибаюсь, видела, что клал, посему можете не стесняться.

– Вот ещё, очень мне нужно! О чём же я тогда, возвратившись, буду с Лизкой трепаться? Я ж о другом, Тарасик, хотела сказать. Напрасно ты её, родственницу Фимочкину, не посадил к себе в тачку. Вот я о чём. Она водит, но так далеко из Киева раньше сама не выезжала.

В ответ он только замычал и, как порядочный, глаз от дороги не отрывая, безвольным своим подбородком, замаскированным чёрной бородой, дёрнул в сторону. Таким способом хотел привлечь внимание спутницы к заднему сидению, где, скорчившись в позе зародыша и притом обнимая камеру в потёртом футляре, храпе-

ло самое ценное приобретение Фимусика – самозванный оператор Славик.

Девушка кивнула, а Тарас вздохнул. Вообще-то ему повезло, что Славик оказался давним знакомцем и даже приятелем Фимы, а к тому же, свободный в июле, не подумался забить себе отпуск. Странно, конечно, вышло: сам он с Славиком знаком много лет, с бурного их студенчества, а вот с Фимой не пересекался раньше. Или не странно как раз – у Славика с внецерковным верующим (надо же!) Фимой были в прошлом общие духовные увлечения, чем, при всей романтичности, Тарас никогда не грешил. Славик же проживает свою жизнь столь экзальтированно, что можно было предположить, будто он хочет слепить из неё когда-нибудь сценарий сенсационного биографического фильма.

Основные фазы бурной биографии Славика Тарас припоминал с мало понятным ему самому удовольствием. Зелёным провинциалом Славик сумел поступить на отделение теоретической физики московского Физтеха, потом, явно недооценив совершённое им чудо, бросил пудрить себе мозги никому тогда уже не нужной высшей математикой и увлёкся какой-то экзотической религиозной фигней – восточной, но не йогой, это точно. Разочаровавшись и в духовных подвигах, скинул Славик с себя фиолетовые тряпки – и вдруг выплыл в Киеве, на первом курсе актёрского факультета Театрального института. Сам он потом рассказывал, что хотел быть ближе к тогдашней своей сумасшедшей любви, однако, как только красотка окончательно его отвергла, устроил в общаге будущих старлеток до сих пор памятный в институте сексуальный беспредел. Размаху Славиковой гульни не хило поспособствовала квартира на территории Киностудии имени Довженко, оставленная ему известным в те годы режиссёром, уехавшим по контракту

в Польшу. О, Тарас прекрасно помнил, как бешено все знакомые завидовали тогда Славику! Теперь дело другое, само собой... Пенсионеров-сторожей, что ли, склонять там к пикантным связям? Потом Славик успел ещё постранствовать по СНГ в одной из последних семеек хиппи, и о чудеке начали уже потихоньку забывать, как вдруг среди его знакомых пронёсся слух, что Славика, вечно не вылезавшего из свитера и рваных джинсов, видели в поблёскивающем, как у президента Кравчука, костюме и при галстукe! Оказалось, что он владеет фирмой, помогающей регистрироваться новым предприятиям, и что процветает. Зато никто не удивился, когда некие квадратные парни заставили Славика отдать им дело и вышвырнули из офиса. Однако Славик, вопреки ожиданиям, не облачился в рубище или в гуньку кабацкую, а в прежнем буржуйском прикиде принялся обходить пописывающих друзей, заказывая им киносценарии, а Тараса пригласив делать фильм. Он-де, фирму просто ликвидировал, а теперь продюсер... Кинул всех, никому ни копейки не заплатив и ничего, разумеется, не сняв. Тарас, как, впрочем, и незадачливые сценаристы, на Славика не шибко обиделся: такие финты были в духе того взбалмошного времени.

А Славик вдруг принялся поставлять музыкальные клипы для частных телеканалов, в первые годы удивительно убогих. Тогдашнее телевидение Тарас вообще не жаловал, а если, повинуясь случайной прихоти, включал зомбоящик и попадал на сработанный Славиком клип, немедленно вырубал звук. Видеоряд, однако, представлялся его опытному глазу чаще интересным. И забавным, если в кадре возникал сам Славик. Помнится, Тараса от души развлекало его появление, рядом с официальной артистической фавориткой тогдашнего президента, в клипе, стилизованном под 40-е годы. Голова хиппаря,

с годами всё больше смахивающего на Полунина в гриме Асисяя, над мундиром полковника НКВД смотрелась просто баалдёжно. Однако недолго музыка играла. Славик умудрился перессориться со всеми «звёздами» и ударился в грандиозный, на несколько лет, запой.

Вновь возник в околкиношной тусовке уже трезвым как стёклышко, пьющим только минералку, да и то, если без газа и только из стеклянной бутылки. Вынырнул он теперь оператором, к тому же, что называется, от Бога. Как оказалось, глаза ему даны такие, что любую жизненную картинку тотчас укладывает в единственно возможный гениальный кадр; мог бы и перебранку старушек на скамеечке у подъезда снять так, что премия на фестивале документальных короткометражек обеспечена! Вот тут-то Тарас позавидовал Славику той же чёрной завистью, что накрывала его, когда слышал имена Довженко или Эйзенштейна. Те ведь оба, будучи гениальными графиками, перед съёмкой создавали, на бумаге или в воображении, готовые раскадровки каждой сцены будущего фильма. Тарасу же только и оставалось надеяться, что он, как Феллини или Данелия, берёт работой с актёрами и неповторимой индивидуальностью синтетического зрелища. Вот, помнит же – и сумел мысленно повторить без запинки!

– Как же он снимать будет, этот мертвецки пьяный нахал? – спросила девица.

– Да Славик вовсе не пьёт, – пояснил Тарас. Сам ощутил неубедительность сказанного, повернул к заднему сиденью свой толстый нос и принюхался. – Во всяком случае, от него не пахнет.

– Можно подумать, что должно обязательно пахнуть... Мало ли чем можно задвинуться. Но о чём это я? Мы же говорили о моём участии в постельной сцене.

– Угу.

– Так вот. В одежде я могу показаться худышкой, но вот раздетая выгляжу... Скажем так, довольно телесистой. Ты как режиссер должен иметь это в виду. Хотя... Быть может, кое-кто сегодня успеет рассмотреть в натуре, как я буду выглядеть в постельной сцене.

Тарас снова вздохнул, но не соизволил ответить. Путешествие подходило к концу, а вместе с ним и этот трёп, скорее напрягавший его, нежели развлекший. На горизонте справа от шоссе уже торчал типичный силуэт автозаправки, последней перед Крольчанском. Не помешает и подзаправиться на всякий случай, и присмотреться к строению: ведь ему предстоит стать декорацией в одной из сцен фильма.

Присматривалась тогда к автозаправке и чупакабра, осторожно высунувшая из придорожной канавы облезлую голову. Совсем не к таким жилым норам двуногих привыкла она на милой родине, в Аргентине, и здесь ей недоставало тамошних плоских крыш, белых глухих стен и белых же колонн, растыканных, куда надо и где не надо. С противно скользкой, словно жабьей кожей, похожая на ободранный трупик таксы, туго обтянутый мокрой лайковой перчаткой, внешностью своей непоравимо ужасна чупакабра, но не сказать, чтобы так уж и добра внутренне. Характер, во всяком случае, у животинки прескверный.

Фыркнула чупакабра, встревоженная необычным скоплением на шоссе вонючих железных повозок. Нет, она, в общем, ничего не имеет против них и огромных птиц белого металла – иначе как бы добралась в эти спокойные края из Аргентины, где местные черноволосые и черноусые двуногие устраивали на нее облавы? Вот

если бы фура с курами остановилась на заправке... Тут она погрузилась в свои чупакабрские размышления о сопоставительных вкусовых качествах кур аргентинских и местных, для нас с тобой, читатель, мало понятные и, правду сказать, едва ли и занимательные.

Глава 2

Тогда же. В Крольчанске, на бедной улице Первого мая, в половине домика, принадлежащей Петру Трофимовичу

Пётр Трофимович с отвращением разлепил левый глаз. Чуда не случилось: взгляд упёрся во всё тот же надоевший до чёртиков рваный коврик на стене. А вот в уши ударил стук, громкий и резкий, будто у двери терял уже терпение власть имеющий. Повторный стук. Первый разбудил Петра Трофимовича, вернул в совсем не радующую его действительность.

Он открыл правый глаз, сунул ноги в тапки, сделал с десяток неуверенных со сна, робких шагов и откинул крючок на двери. Отступил невольно – на крылечке стоял тип, которого Пётр Трофимович опасался больше всех крольчанских. Продажный мент Толька Ханенко там застыл, тот самый, что запроторил его на зону, а потом в психушку. С испугу показалось Петру Трофимовичу, что лютей враг за двадцать лет не изменился, разве что раздался вширь.

Мент нарушил солидную неподвижность чугунного монумента и спросил:

– Шо ж это ты, Дымов, дрыхнешь до полудня? Почему гостя в дом не приглашаешь?

Пётр Трофимович просипел нечто, похожее одновременно и на приветствие, и на извинение, и даже на приглашение, а про себя послал незваного гостя куда подальше. Потом освободил проход и обеими руками изобразил гостеприимный жест.

Проигнорировав кухню, откуда можно было пройти в гостиную, она же столовая, мент тяжко протопал в спальню и, проверив единственный табурет на прочность, уселся. Пётр Трофимович вытянулся возле раскладушки, руки по швам.

– Ну, почему же ты, Дымов, живешь наподобие скотины, а не как приличный гражданин? Отчего у тебя здесь мышами воняет?

Не сей раз Пётр Трофимович пробормотал уже поразборчивей, что жена его, Татьяна Никитична Дымова, в девичестве Гончарук, взяла развод, уехала и не только мебель, но и все постельное бельё увезла, вот книги, спасибо ей оставила. И что эти полдомика его собственные, и он обретается здесь с тем комфортом, который позволяет ему пенсия по инвалидности. Инвалидность с диагнозом «шизофрения» определена ему врачебной комиссией в лечебном учреждении, а уже в Крольчанске по справке об инвалидности оформлена была пенсия.

– Ишь ты, гордые мы какие – говоришь, дом у тебя собственный? Шо ж ты за дуролом такой упёртый, что не исправил тебя ни колония, ни психушка? Или ждёшь, пока я тебя выселю из Крольчанска за пожароопасное состояние твоего домовладения?

Хотел было Пётр Трофимович возразить, сказать, что едва ли возможно выселить человека ещё дальше вашего засцаного Крольчанска, но тут же понял, что не прав, что это возможно... И проглотил ответ. И не поднял глаз от пола, покрытого мышинным помётом, в сгустках и клочьях пыли. И даже предпочёл согласиться:

– Так точно, гражданин капитан.

– Ты кому это рожки корчишь, а? Как ты, Дымов, смеешь подмигивать мне, капитану полиции при исполнении?

На что ответил он, что гримасничает и подмигивает непроизвольно, в результате побочного действия применённых к нему лекарственных средств. И, собрав в кулак всю свою волю, вымолвил, почти не запинаясь:

– И всё же... Так чем я обязан приятности видеть вас у себя?

– Под интеллигента косишь? А про профилактику правонарушений и про работу с оболтусами, что откинулись, будто и не слыхивал никогда? Так от, я получил телефонограмму, что приезжают люди от нового хозяина бывшего сахарозавода, приказано обеспечить безопасность и правопорядок, понял? Ты усёк, доходяга, что если я тебя хоть и за километр от завода поймаю, сперва наизнанку выверну, а потом снова на нары отправляю?

Пётр Трофимович кивнул. И невольно заразившись от незваного гостя его способом объясняться, ответил вопросом на вопрос:

– А вы помните ли, гражданин капитан, какое сегодня число?

Мент только толстым пальцем у виска покрутил, тяжело поднялся и вышел, стукнув от души дверь. Пётр Трофимович ещё некоторое время постоял неподвижно, корча жутковатые рожи и ехидно подмигивая опустевшему табурету. Сегодня исполнилось двадцать лет со дня злосчастной демонстрации (а на суде выяснилось, что то был пикет) у главных ворот сахарозавода. Ровно двадцать лет прошло, как погибли Левчук и Карякин, а сам он будто попал в центрифугу, и едва ли теперь то, что от него после выжимки осталось, годится для нормальной человеческой жизни.

Отмечая этот печальный, можно сказать, юбилей, Пётр Трофимович и позволил себе сегодня дёрнуть стакашку самогона с самого утра. Тем самым нарушил

правило, самому себе установленное: принимать жидкое успокоительное только по вечерам, перед сном.

А теперь нарисовались перед Петром Трофимовичем две возможности избавиться от стресса, вызванного посещением ужасного мента. Появился убедительный повод незамедлительно повторить успокоительную дозу, это раз. И можно было отвлечься, припомнив сновидение, прерванное ментом, а там и снова, если повезёт, всухую погрузиться в мечтательную задумчивость. Это два. Как человек, заботящийся о своём подорванном здоровье и не желающий давать потачку собственным слабостям, Пётр Трофимович, разумеется, выбрал второе. Довольный собой и даже чуточку гордый сделанным выбором, он вернулся на раскладушку и закрыл глаза. Эх, что-то не устраивало всё-таки его в принятом решении, внутреннее сопротивление ощущалось и даже легко посасывало под ложечкой, однако сообразил, в чём дело, только когда удалось припомнить прерванный сон. Глупости всякие, пустяки ему мерещились, вот оно что...

Снилось Петру Трофимовичу, будто лежит он вот так же, как сейчас, с закрытыми глазами, на своей раскладушке, притворяется спящим, а сам подслушивает, о чём пищат мыши на полу. Знает он во сне, это же надо, мышиный язык. А там две мышки разговаривают, городская и дальняя родственница её, рыженькая полёвка. Полёвка будто бы в гости пришла, и никак опомниться не может, всё изумляется: до чего же, мол, огромны у бесхвостых великанов надземные норы!

– Ой! Не сыпь мне соль на рану, сестрица! – пискнула в ответ городская мышь, усевшись на неметеный пол и всплеснув передними лапками. – Ведь вся эта каменная нора испокон веков принадлежала нашему племени. Съедобного здесь, правда, ничего не было, и мы

кормились в других местах, зато вся жилплощадь была наша. И ни следа страшного зверя Кота! И даже Собаки во дворе!

– Невероятно! – ответила ей полёвка и кончиком носа подвигала от сочувствия. – Удивляюсь я, как это вы нынче выживаете и даже деток воспитываете в такой тесноте. Я тут у вас всё дрожу от страха, как бы на меня великан не наступил.

– Здесь была у нас жилия нора, а в соседней, ещё большей, мы общались по-всякому. Детки там играли, мы, мамыши, устроили женский клуб, а папаши-бездельники без конца выбирали себе главного папашу. А то соревновались, кто дальше дотащит за хвост дохлаю крысу. Днём и ночью! Днём и ночью! А теперь нам только ночи и остались...

– Зато теперь, когда здесь великан поселился, вы и кормитесь уже возле него, дома – разве нет?

– Если бы! У этого сквалыги нельзя прокормиться, сестрица. Он и не ест почти ничего твёрдого, только жидкую прозрачную пищу. Вонючая, страсть!

– Ух ты! Зато питательная, небось? Рассказать своим, сестрица, ни в жисть ведь не поверят!

– Может, и питательная... Один наш настырный папаша ухитрился попробовать, когда великан эту жидкость на деревянный холм пролил. Так тот смельчак двое суток проспал как убитый. Питательная, наверное. Побежали дальше, я тебе нору покажу, где у великанов вода в трубах журчит.

Привидится же такое! Пришлось Петру Трофимовичу с раскладушки подняться и хряпнуть для успокоения нервов ещё две сотки.

Глава 3

В тот же день, тогда же.

Возле автозаправки недалеко от Крольчанска

Старенький желтый автобус «МАЗ», тот уж точно встал вслед за «Ладой» у провинциальной автозаправки, а все ли тачки съёмочной группы доехали сюда, об этом сейчас думать некогда – и ненужно. Тарас решил, что сначала сам заправится, а потом будет по головам пересчитывать. Да и не его это дело, директор есть. То есть из-за глобальной, блин, экономии директора как раз и нет, ну и чёрт тогда с ними со всеми.

Стася выпорхнула из тачки ещё раньше его и устремилась в сторону сортира-будки, и даже Славик, скандально распатланный, поднял голову над спинкой сиденья. Не дождавшись, пока его обслужат, Тарас сам проделал необходимые манипуляции с заправочным пистолетом и, освободив место возле раздачи, вернулся, чтобы рассчитаться. Славик, отчаянно зевая, потопал за ним. Камеру прихватил с собою.

– Здорово же ты набрался, – заметил Тарас.

– Обижаешь, Тарасик! – выпучил глаза оператор. – Ты же знаешь... Я ночью, может быть, принимал участие в благотворительном заплыве. Видел бы ты, чьи пленительные округлости всплывали порой из тёмных вод Днепра у меня перед носом... Тайка плыла на спине прямо передо мной и, кажется, запомнила, что мы с нею навеки побили горшки.

– С ума сойти... – небрежно протянул Тарас. Он всё

высматривал оператора АЗС, ведь именно его роль оставил себе. – Может, она тебя просто забыла.

– Мою внешность забыть невозможно, – заявил Славик и был в том прав, ничего тут не скажешь. Вдруг потянул зачем-то носом и продолжил. – Фильмец-то у нас малобюджетный, это я усвоил. Освещение сейчас как раз неплохое и ещё полчаса продержится. Ты не против, если я тут поброжу с камерой, снимаю малость для эпизода с бензоколонкой? Посмотрим материал на базе, и ты решишь, что придётся доснимать, когда вернёмся сюда.

– Лучше запусти, как положено, фотографа, он же второй ассистент, – буркнул Тарас. И тут же вспомнил, на каком он свете и какой фильм снимает. И что Славик – для него счастливая находка. – Вообще же, во всём, что касается изобразительных решений, полагаюсь на тебя. Художник у нас не ахти, ты же знаешь Анечку, а я беру своё работой с актёрами. Я тут ближе к Феллини, нежели к Эйзенштейну или Довженко.

– Феллини ты не трожь, – и Славик собрал все свои морщинки в ехидной усмешке. – Феллини, друг ты мой, начинал карикатуристом. Как ты изрёк? «Вообще же»? Так вот, вообще же я и не припомню знаменитого режиссера, который не заглядывал бы ревниво в окуляр. Хотя... Вот, мотай себе на ус – Ларс фон Триер!

Тарас кивнул. Фон Триер? Ну, пусть фон Триер... Вот так всю жизнь: проглатываешь насмешки, выклёвываешь, словно петух, зёрна полезной информации. Он огляделся: уважаемый Ефим Валентинович сэкономил на декораторе, и за декоратора тут поработало само время. Пустило живописные трещины по стене домика, изображающего здание заправки, обесцветило рекламы. Возле колонки мусор, проливы бензина тоже ни-

кто не соизволил убрать... А ведь Славик дело говорит! Хлопнул его по костистому плечу:

– А что? Мне нравится твоя идея! Вон подваливает моя помреж, я поставлю задачу Клавке отсечь всех наших туристов от автозаправки, кроме тинэйджеров, участников эпизода. Грим им не нужен, пусть шляются, знакомятся с местностью... Жаль, что я не загримирован королём бензоколонки, тоже бы снялся. Коль уж пошли мы на съёмку с рук, отчего бы не сымпровизировать и нашим студентикам?

– Ты, Тарасик, и без грима будешь суперовски смотреться в ужастике, – ухмыльнулся Славик.

От необходимости сообразить, комплимент прозвучал или подначка, Тараса избавил наконец-то возникший в поле видимости старинушка в засаленном синем комбинезоне. Вот кому уж точно нет нужды гримироваться, чтобы в хорроре фигурнуть! Гримёрше Наталье Денисовне долго пришлось бы выстраивать такой носище, вырисовывать каждую лиловую трещинку на брыластых щеках, а какая роскошная лысина прячется под древней кепкою с пуговичкой, можно только вообразить...

– Не в добрый час, мужики, вы туда собрались, – прошамкал вдруг старец.

Тарас задумчиво следил за тем, как две его кровные сотенные исчезают в недрах грязного комбинезона, и открыл уже было рот, чтобы напомнить о сдаче, когда вдруг до него дошло: прозвучали именно те слова, которые по сценарию предстоит произнести ему самому – перед камерой, в гриме оператора АЗС.

– А почему не вовремя? И как это ты, дедуля, просёк, куда именно мы едем?

– Куды ж вам ещё ехать? Шоссе кончается в Крольчанске, а грунтовая дорога проходит ещё через два села,

а дальше уже лес, заповедник. Чего вам в Марьяновке или в Козино делать? Да и поместить всю вашу ораву на проживание возможно только на сахарозаводе. Только завернули бы вы лучше оглобли. И баб увезли бы от греха подальше, мужики.

– И с чего бы это? – набычился Тарас.

– С вами девки молодые да завлекательные, по-летнему, в этих их штанишках, знаете... А тут наши крольчанские ребяташки-хулиганы из армии вернулись, как раз допивают и догуливают. А ещё верховодит ими Федька Кнут, только две недели как из колонии откинулся... Сидел за это самое, за нанесение...

– ...тяжких телесных повреждений, отец? – подсказал Славик, не отрываясь от окуляра.

– Вроде того. Так что не совались бы вы в Крольчанск, а? Долго ли до греха? Обратно до этих самых, тяжких телесных...

Тарас испытал разочарование, хоть и сам не знал, что именно предпочёл бы услышать. Старинушка принялся обслуживать студийный автобус, Славик же, с камерой на плече, уже подкрадывался к студентам, обступившим засыпанный прошлогодними листьями и всяким сором остов «Запорожца».

Тут нарисовалась перед Тарасом запыхавшаяся Клавка-помреж. Здоровенная деваха, она тащила сумку и портфель со всеми бумагами, а под мышкой хлопущку. Толстую русую косу выложила венчиком, кого-то тем самым смутно напомнив. Глазищи бледно-голубые, выпуклые преданно вытаращила на начальство. Сложила своё добро на вытоптанную траву, а когда выпрямилась, в правой руке имела уже ручку, в левой – большой блокнот. Готова записывать гениальные указания режиссёра.

– Ты вот что, Клавочка, – изрёк скромный гений, – как доедем до места, остаток дня уйдет у нас на устройство. Мы с оператором поедem сразу в гостиницу, а всех остальных ты везёшь прямо на сахарозавод.

– А если сценарист туда подъедет, а вас не будет? Куда мне его, Тарас Андреевич?

– Да ко мне в гостиницу, в номер для VIP, – ответил он не сразу и чуток поморщившись. – Ровно в восемь собери всех, мы приедem со Славиком... с оператором то есть, я прочитаю народу синопсис сценария и кое-что о фильме расскажу.

– А где именно мне всех собирать?

– Вот сама и найди на заводе подходящее место, голубушка. Ты же и за директора у нас. И вот ещё... Пересчитай, будь добра, всю шарагу, и потом тебе придется следить, не потерялся ли кто.

Глава 4

День как будто тот же. Стрелки на часах расползаются, но в пыльном окошке закат. Спальня Петра Трофимовича

Во второй раз сегодня за день Пётр Трофимович проснулся не утром, в привычное время. А теперь ещё и в непривычном месте: сидя за столом, голову уронив на скрещенные руки. Затекли руки и ноги, но почему-то и шею ломило. В забытии мерещилась какая-то дрянь, и он удержал себя от попытки вспомнить, что именно. Ну, допустим, серые мышцы какие-то, и среди них желтоватая такая вострушка, полевая мышка, прибежала к родственницам в гости. Пищали наперебой, но теперь казалось, будто ругали его за то, что крошек на столе не оставляет.

Пётр Трофимович помотал головой. Огромное преимущество пребывания дома – в том, что некого здесь стесняться. Не сдерживая посему стонов и даже несвязно причитая почти в полный голос, Пётр Трофимович доковылял до раскладушки и удачно, с первого раза, сумел устроиться на ней. Давно уже испытывая отвращение к себе, сегодня он готов был себя просто возненавидеть.

Это надо же было дойти до такого маразма? Отмечать двадцатилетие гибели товарищей по заводу и собственной жизненной катастрофы – и ничего лучше не придумать, кроме как двойную порцию самоубийственной выпивки! Надо было, прежде чем набираться, сообразить, что он может сделать сегодня хорошего для

покойных Левчука и Карякина. Но не поздно ли теперь ставить перед собой такую задачу?

С трудом собрав похмельные мысли, он остановился на давно уже обсосанной и безоговорочно принятой. Да, соображалка у него классная, горшок на плечах варит – зачем скромничать перед самим собой? Иначе не сумел бы выбраться из психушки. Как только принудил себя прекратить скулёж, а вместо того обмозговал прескверную, хуже не бывает, ситуацию – и измыслил пути выхода из неё. И победил ведь! Ещё раз напомнив себе о собственных замечательных умственных возможностях, Пётр Трофимович не упустил из виду и недостатков, всю жизнь мешающих ему на всю катушку использовать свой незаурядный разум. Помимо природной робости, это, увы, и удручающе куцая образованность. Вынужденный подростком, сразу после восьмилетки, пойти работать, дальнейшее образование получал он только урывками, всю дорогу на каких-нибудь курсах без отрыва от производства, на курсах с отрывом по усовершенствованию, потом на платных семинарах заезжих гуру – после работы и в выходные, а также, само собой, запойным и бессистемным чтением случайных книг. Поэтому в умном разговоре всего от него можно ожидать: то блеснет этой, как её, ерундицией, то в чём-то покажет себя полным невеждой.

Последний такой ученый разговор, с Аристархом Николаевичем, Петру Трофимовичу вспоминался теперь с горечью. Собеседник в прежней ещё жизни был доцентом кафедры научного коммунизма, кандидатом наук. Речь у них зашла о возможностях магии, о вероятности в реальной жизни событий, происходящих вразрез с законами физики. Пётр Трофимович настаивал на том, что в древности маги умели творить чудеса, вон Иисус Христос и мёртвых оживлял, и не он один, говорят, ещё

Аполлоний какой-то там... Выходит, проблема решена была опытным путём. Не сам же он это придумал – слышал на воле ещё, в безоблачные, как теперь оказалось, времена на лекции заезжего профессора магических наук из общества «Пирамида». Ему тогда до того понравилось, что и на следующий вечер пришёл в клуб, не поскупившись на билет, и даже заковыристые выражения лектора, читавшего по тетрадке, хорошо запомнил. Доказывая, что чудеса невозможны, доцент Аристарх Николаевич приводил на память неубедительные цитаты из отменённых нынче классиков марксизма-ленинизма. Поскольку же Пётр Трофимович непоколебимо стоял на своём, доцент принялся драть у себя с головы остатки волос, а потом залез на скамейку, прикрученную к полу у стены, и попытался с неё на эту стену вскарабкаться, за что заработал от санитаря фингал под глазом. Разумеется, оценивая результат учёного спора как победу Петра Трофимовича, следует принимать во внимание, что не так уж умён был доцент Аристарх Николаевич, если оказался не в Верховной Раде, а в дурке. Однако ведь и победитель там не солнечные ванны принимал...

Голова у Петра Трофимовича раскальвалась, но он заставил себя вернуться к потерянной было предшествующей мысли. Вот, вот... Что может он сделать для несчастных, вот уже двадцать лет в земле пролежавших сотрудников? Да навестить их на кладбище и помянуть там, вот что! И оставить им на гробках остаток бухла и закуси. Тут он ощутил прилив сил и заметался по комнате, собирая в дорогу портфель. Припасённые бутылки оказались пусты, кроме только одной, початой. Уж не мент ли позорный... Как его? Толька? Неважно... Уж не этот ли незваный, хуже татарина, вылакал украдкой? Едва ли, вроде Пётр Трофимович не отрывал от него

глаз. За окном уже почти стемнело, и хорошо бы взять с собою фонарик. Какой такой фонарик? Размечтался... Поднял, кряхтя, с пола у раскладушки и сунул в портфель подсвечник с огарком свечи, ещё спички. Вспомнилось вдруг, как у Гоголя бурсак читал над мёртвой дочкой сотника псалмы, и нашарил, не глядя, на книжной полке потрёпанную Библию. Однако руки у него тряслись, голова вдруг безумно отяжелела. Вот так и случилось, что перед тем, как рухнуть снова на раскладушку, Пётр Трофимович положил в свой ветхий портфель совсем не ту книгу, на которую нацелился.

Глава 5

6 июля 201..., четверть девятого вечера, бывший зал для совещаний заводоуправления – нынче в кемпинге «Сахарок»

Тарас и Славик пришли, когда народ уже собрался. Уселись во главе стола на места, зарезервированные для них Клавочкой, и Тарас поднял со столешницы только что им же брошенную рукопись в пластиковой обложке. Промямлил:

– Ну, мы договаривались, что я прочту синопсис сценария. Не весь сценарий, а главное содержание его как бы...

Умолк, разглядывая первую страницу, уже несколько обтрёпанную. Уголок с полным именем автора, адресом, «имейлом» и телефонами почему-то оторван. Сохранившийся текст:

«... 62 стр.

Предлагаю права на время съёмки (2 года)

© Безыменский В. М., 201...»

Тарас сообразил, что уголок оторвал продюсер, чтобы связываться со сценаристом. Решил начать прямо с заглавия:

– Вот.

«Киносценарий

КРОВЬ НА КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ

Автор: Вениамин Безыменский

Синопсис

Получив наследство, пожилая чета учителей-пенсионеров, Дора Павловна и Григорий Тихонович, выкупила

бывший пионерский лагерь, затерянный в лесной глуши, и приспособила его для дешёвого отдыха студентов.

На объявление откликается студенческая гоп-компания из ближайшего областного города. Это два брата, Богдан и Мишель, и их девушки, Лера и Светик. Добираясь до пионерлагеря на пикапчике родителей Богдана и Мишеля, они останавливаются возле провинциальной заправки. Проигнорировав предупреждение старенького заправщика, ребята продолжают путь. И когда между заправкой и пионерлагерем умолкают мобильники, это их тоже не настораживает...»

– Можно вопрос, Тарас Андреевич?

Посмотрел Тарас, кто это там, словно в школе на уроке, руку поднимает. Ага, студент-качок. Произнес любезно:

– Лучше бы в конце вопросы, да уж ладно. Пожалуйста.

– Богдан Недилько. Хотел я спросить вот что. Если меня зовут Богданом, и играть мне Богдана, по правилам ли это?

Тарас хмыкнул, замялся: а дьявол его знает, по правилам ли. Выручил Славик:

– Слышь, Богдан, оно для тебя как раз клёво, если именно так в «братской могиле» и поставят. Киношный народ подумает, что роль писалась специально для тебя, и начнут знатоки друг у друга спрашивать: а кто он такой, этот Богдан Недилько?

– А что оно такое, эта «братская могила»?

Это девчонка-студентка пискнула, посему Тарас промолчал. На парня бы прикрикнул. Ответил сам:

– Так для прикола называют общий список участвующих в фильме. Он выводится на экран, когда народ уже выходит из зала. Учите киноязык, ребята! Вы мне позвольте продолжить? Итак... «Гостеприимные хозяева

радостно встречают студентов, особенно любезен старичок – а с девушками, пожалуй, что и чрезмерно, на грани приставания. Он не только провожает постояльцев к лесному озеру, но и сам купается с тинэйджерами, старомодно пугает девочек, подныривая к ним...». Что опять?

На сей раз Алевтина Францевна его перебила, руку не подняв и с места не сдвинувшись. Повторила:

– Говорю, у вас там старичок подныривает к девочкам... Неужели такое придётся проделывать нашему уважаемому Степану Клавдиевичу?

Тарас усмехнулся и обратился к актёру, играющему любвеобильного старичка-вожатого:

– Вы разве возражаете, Степан Клавдиевич?

– Да нет. Нырять я ещё лет пять тому назад, – улыбнулся приятно. – В Болгарии. В бассейне с морской водой.

– А как это – подныривает? – это опять-таки девчонка-студентка. Нателла, вот.

Алевтина Францевна захихикала. А от двери раздался ехидный голос:

– Ишь фря какая! У самой голый зад из шортиков вылезает, а из себя незнайку корчишь. Да только напрасно просвещать тебя, как это парни приударяют, подныривая. Потому что на нашей речке, на Лубеди, никому никогда ни под кого не поднырнуть, разве что Буратинке под Мальвину. Нашу Лубедь летом куры вброд переходят!

Повернул Тарас голову к двери и увидел высокую и мосластую старушку. Лицо смышлёное, в руке швабра. Догадался, кто это может быть, но для порядка спросил:

– Извините, но у нас тут летучка съёмочной группы. Не могли бы вы сказать, с кем имею честь?

– С кем же ещё, как не со мной, тётей Пашей. Меня здесь, Тарас Андреевич, все знают. Сегодня я ноги била,

пришла сюда из города, встретить ваших артистов. А то кто бы выдал им матрацы, подушки и постельное бельё?

– Благодарю за ценную информацию. Так вы позволите мне продолжить?

Баба Паша кивнула, благосклонно позволяя. Тарас продолжил:

«В то время как Мишель и Лера накрывают на стол под навесом на свежем воздухе, Богдан и Светик уединяются в комнате, отведенной под спальню мальчиков, чтобы на свободе наскоро заняться сексом. Однако приходится одеваться: у Доры Павловны не только твёрдые моральные принципы оказались, но и ключи от всех комнат, а у Богдана не хватило ума запереться изнутри. Сунулись в тачилу, однако там закапризничала Светик, поэтому парень-качок, несмотря на то, что уже стусились сумерки, увлѐк подружку в лес. Помимо комаров, парочке мешал некто невидимый, ущипнувший Светика за попку; у Богдана имелось алиби: в то мгновение он обеими руками прижимал девушку к себе. Возвратившись в свои комнаты после ужина с пивом и травкой, студенты обнаруживают на стенах надписи вроде как кровью: парни – «Вернись, я, быть может, ещё прощу», «Я – твоя Ниночка, изменщик!», а девчонки – «Кыш, сучки, бошки поотрываю!».

Лера, как самая умная, затевает расследование, а неведомая сила подкидывает новые загадки: чуть стемнеет, девочкам хоть на улицу не выходи: атакует живой мертвец, воеет, орѐт и хватается за всякие разные места. Надписи продолжают появляться, в тарелке с борщом Лера находит *человеческий* палец – а это подкрашенный синькой муляж из магазина школьных учебных пособий...». Извините, а теперь уже я сам себя перебью... Анна Вадимовна, дорогая! Вы не забыли запастись человеческим пальцем?

– Так точно! – отчеканила высокая костлявая брюнетка с короткой стрижкой, подав назад угловатые белые плечи и взяв под козырёк. – Пришлось самой отлить из папье-маше и раскрасить. «Из магазина школьных учебных пособий...» – это надо же! Да, был такой «Учтехприбор» на площади Космонавтов во времена Нестора-Летописца... Убила целое воскресенье на ваш палец. Так что пламенный привет от меня сценаристу!

– Благодарю, Анна Вадимовна. Вениамин Моисеевич вот-вот подъедет, так что вы уж лично... Ага, вот. «Расследование Леры приводит её к сохранившейся в заросшем кустарником парке бетонной скульптуре “Девушка с веслом”. Свободная рука у скульптуры выпачкана той же краской, что и в надписях. Парни тем временем отлавливают “живого мертвеца”, им оказывается Григорий Тихонович. Получив по шее от качка, тот объясняет, что прикалывался согласно старой пионерской традиции. Выясняется, что он подрабатывал вожатым в этом самом пионерлагере. Поздно вечером Мишель, возвращаясь после посещения дощатого туалета, останавливается посмотреть на звезды...»

– Ой, опять не пойдёт!

– Что снова не так, ба... тётя Паша?

– Да вот нету тут у нас ни одной дощатой будки, вот что! – поставив швабру к стене, всплеснула она руками. И с гордостью. – На нашем заводе замечательная канализация. Многие работники специально терпели от самого дома, чтобы воспользоваться здешними чистенькими унитазами. А вы – «дощатая будка»...

Тарас даже растерялся. Выручил его оператор:

– Вот там, откуда приходили эти терпеливые заводчане, на том пространстве провинциального быта мы и найдём подходящий дощатый нужник. Продолжай, Тарасик.

– Ага. Да хоть бы и автозаправку снова навестим... «Внезапно сзади к нему (так, так, это к Мишелю) прижимается хрупкое женское тело, а глаза закрывают тонкие ладошки. Камера отъезжает, и зрители видят, что пальцы костлявы, черны от грязи и крови, а обнимает парня труп. Наваждение исчезает. Белый, как мел, Мишель возвращается в свою комнату, но Богдан туда так и не приходит.

Из лесу доносятся истошные крики и волчий вой. Испуганная Светик запирается с Мишелем в комнате для мальчиков. Пытаются отвлечься флиртом, но за дверью раздаются тяжёлые шаги, а в щель под нею наполовину просовывается грязная затрёпанная тетрадка. На полу в коридоре Мишель обнаруживает большие белые следы. Лера впускает его в комнату девочек, они читают записи в тетрадке. Это дневник Григория Тихоновича той ещё поры, когда он работал вожатым в этом пионерлагере и весьма предприимчиво и цинично обходился как с вожатыми-девушками (среди них была и юная Дора Павловна), так и с пионерками-подростками. Чтение Леры звучит на красном фоне флешбэка из прошлого хозяев лагеря: в нынешнем возрасте, но одетые, как пионерские вожатые, они тусуются с подрастающим поколением. Снаружи доносится рокот автомобильного движка, а за ним волчий вой.

Камера панорамирует по ночному лесу, пока не останавливается на кадре распятого вниз головой на дубе Богдана, изо рта которого сочится чёрная кровь. “Are you OK?” (перечёркнуто, написано от руки: “Ну, как ты?”)», – спрашивает его Лера...».

– Извините, Тарас, но я не пойму, к чему это – «Ну, как ты?» – спросил Степан Клавдиевич.

Увлечшись чтением, режиссёр не сразу понял, о чём это наш старпёр. Тут же сообразил и оживился.

– Спасибо за вопрос, Степан Клавдиевич! Очень уместный, по делу, вопросик. Вы все уже обратили, наверное, внимание, что в сценарии постоянно пародируются штампы американских хорроров, фильмов ужаса. Тут наш талантливый сценарист посмеивается над одним из них, когда полуживые персонажи обязательно осведомляются друг у друга: «Are you OK?».

– Благодарю, – буркнул престарелый актер. – Признаться, я так ни одного хоррора до конца и не досмотрел.

– В отличие от наших будущих зрителей, – улыбнулся Тарас. – И раз уже о том зашёл разговор, хочу привлечь ваше внимание к одной тонкости. Пародировать уж очень простой и опошленный бесконечными повторениями штамп – это, по мне, тупо. Поэтому в нашем фильме студенты не будут предварительно, по-пустому пугать друг друга.

– Какой же ты умный, Тарасик! – воскликнула Стася и победительно обвела взором участников летучки.

– Это уже чересчур, милая Стася... Продолжим, однако. Вот здесь, да... «Теперь мы переносимся в парк, где рука у Девушки с веслом уже вся покрыта поблёскивающей под луной кровью. Мы видим древний “Москвич”, припаркованный за изгибом дороги, а возле тачки студентов – давешнего заправщика. Потянув ртом через шланг бензин из бензобака, он опускает второй конец в горловину канистры, становится на четвереньки и снова воет. Это вурдалак...»

– Роль заправщика я оставил за собой, – скромно пояснил Тарас. – Люблю я, подобно многим великим, от Хичкока до Рязанова, сняться в своём фильме сатео, негласно и в эпизодической роли то есть. А вместо «Москвича» снимем мою старушку «Ладу».

– Значит, вам придётся выть на луну и брать в рот бензин? – ужаснулась Алевтина Францевна.

– Ну, на луну повыть – этого мне уж точно не миновать, если наш фильм провалится. А вместо бензина я буду тянуть через трубочку коньяк – правда, Вячеслав Виленович?

– Сгодится и крепкий чай, – буркнул оператор.

– Вечно ты меня – с небес и на землю. Итак... «Решив теперь держаться всем вместе, Лера и Мишель идут в комнату мальчиков, однако опаздывают. Дверь распахнута, они видят только неподвижные босые ноги Светика, которую утаскивают из коридора...»

– Ой!

– Что там ещё, Нателла? Вас ведь Нателлой кличут?

– Нателлой, имя у меня сценическое... Неужели меня будут волочить по здешним грязным полам?

– Да я лично все полы вымою! – встряла бабка Паша. – Для такого дела рук своих трудовых не пожалею... А вы читайте, читайте – интересно ведь, прямо жуть!

– С удовольствием. «Перед самым носом Мишеля дверь в сени захлопывается, скрежещет замок. В комнате они застают Дору Павловну. Она сидит на кровати, качает головой и повторяет: “Опять Гриша принялся за старое”. Мишель отворяет окно, Лера и Мишель выбираются наружу. Бегут к машине, однако она не заводится. Вой стихает, но сквозь завывания стартера пробиваются звуки отъезжающего авто. Между тем ребята не могут выбраться из леса и пешком, вновь и вновь оказываются перед воротами лагеря. Решают дождаться утра в машине.

Очнувшись ночью, Лера не находит Мишеля в салоне. Зато ей является призрак пионерки, весь в кро-

ви, выманивает Леру из машины и рассказывает свою историю. Это девочка Нинка, некогда Гриша-вожатый обрюхатил её в этом пионерлагере, а уже в городе сам же и пытался помочь горю, орудуя алюминиевой ложкой. Она умерла от кровопотери и все эти годы ищет своего соблазнителя-убийцу. Его приметя – татуировка “Не забуду мать родную” вокруг пупка. Лера вспоминает, что видела такую наколку у Григория Тихоновича и выдает его призрак, а заодно и Дору Павловну, бывшую ассистенткой при операции. “Но ведь он же старик!” – хватается за голову кровавая пионерка...». Что вы хотите спросить, Алевтина Францевна?

– Кто же будет играть эту вашу пионерку? Что-то я не вижу среди присутствующих даму соответствующих габаритов...

– На эту роль взята актриса-травести. Она обещала завтра подъехать. Я продолжаю:

«Горестно ахая, призрак пионерки, тем не менее, устремляется к лагерю. Проследив за ним взглядом, Лера обнаруживает, что тёмная масса на воротах – это повесившаяся Дора Павловна. Медленно светает, дорога уже видна, и Лера надеется убежать. За деревьями горит костер, над ним, привязанный, как кабан, к жерди-перекладине за руки и ноги, поджаривается Мишель. Лера, завизжав, возвращается на дорогу, но перед нею – противно усмехающийся Григорий Тихонович с совершенно красными, без белков, глазами, и Девушка с веслом, теперь уже полностью перемазанная в крови. К веслу на её плече, словно фасции к топорику ликтора, привязаны брючными ремнями отрубленные ручки и ножки Светика. Старичок в красном галстуке, весь в крови, делает пионерский салют и дурашливо запекает:

Согретые сталинским солнцем,
Идём мы, отваги полны,
Дорогу весёлым питомцам
Великой советской страны!

Конец».

– Ну, что скажете, коллеги?

– А фасции – это что? – агрессивно спросила Нателла, натуральная блондинка, будущая экранная Светик. Она уже спрашивала про «братскую могилу» и ещё о чём-то там. Кокетничает своим невежеством? Ну, ну...

– В данном случае как раз не важно, что, – отрезал Тарас, обменявшись понимающими взглядами со Славиком. – Деталь будет решена изобразительно. Кому надо, поймет, что это символ тоталитарной государственности. Кто не поймет, всё едино содрогнётся.

– Достанет ли нам кетчупа? – спросила Стася, одарив Тараса обольстительным взглядом и победительно обзрев возможных соперниц. – Столько крови... Не скрою, лично меня это возбуждает.

– Вопрос не ко мне. Кетчупа и здесь, в случае необходимости, можно будет прикупить.

Тут смиренно поднял руку Панченко, толстоватый брюнетик себе на уме. Играть будет Мишеля, привез на дорогом внедорожнике всех студентов-актёров. На нём одна футболка на штуку баксов тянет. Этому-то не приработок нужен, а развлечение, молокососу. И когда Тарас ему кивнул, Панченко выдал с умным видом:

– Во-первых, как бы длинновато для синопсиса слэшера, если я чего не перепутал...

– Слэшера? – искренне удивился Тарас.

– Ну да, слэшера, – ткнув его локтем в бок, солидно

подтвердил оператор. – А вы продолжайте, продолжайте, молодой человек.

– Ага... И логлайн вроде не прозвучал. Во-вторых, где тут пионерлагерь и где лес?

– А озеро? – пискнула Нателла. – И ещё... травку нам раздадут?

Тарас улыбнулся ей, а ответил только юному мажору и о главном:

– Сегодня уже вряд ли, а вот завтра до обеда к нам присоединится сценарист, он скоренько подгонит сценарий к обстановке. На заводе – выйдет тоже достаточно... не избыто получится. А диалоги и сейчас хороши, я читал. Завтра с утра все получите выпечатки своих ролей, и начнём снимать сцены в комнатах. Где лес? Мы проезжали старинное кладбище, вот вам и лес. Ещё веселее, разве нет?

Юный толстячок кивнул, потом продолжил:

– Ваш сценарист явно использовал древний садистский стишок. Все вспомнили, или прочитать?

– Валяй, Панько! – раздалось из глубины зала. – Повесели народ!

– Всегда пожалуйста. Вот:

Два пионера на грязной фанерке
Делали вилкой аборт пионерке.
Рядом стоял виноватый вожатый...

Последний, особенно гротескный стих потонул в бесстыдном хохоте. Когда съёмочную группу удалось успокоить, Тарас заметил, что Алевтина Францевна желает высказаться, и предоставил ей слово.

– Позвольте, я как раз насчет веселья, – отчеканила заслуженная балерина, сидевшая на трёхном табурете, изящно скрестив костлявые ноги и выпрямив спин-

ку, будто британская герцогиня. – Кому нужна вся эта белиберда не самого изысканного вкуса? В чём соль этого, как его, гиньоля? Да, я понимаю, Тарас Андреевич, что моему дорогому зятю денег девать некуда – нет, чтобы мою древнюю «Реношку» заменить... Ладно, я не о том... Ах, да. Но вы-то все зачем занялись глупым ужасстиком? И ещё – если меня действительно заставляют висеть на воротах, я отказываюсь от роли.

Поскольку Тарас, похоже, лишился речи, Славик, откашлявшись, взял на себя инициативу:

– Вы вовсе не окажетесь, уверяю вас, мадам, в таком унижительном и опасном положении. Я здесь сниму только заготовки. А смонтирует, как нужно, уже в Киеве, специалист по спецэффектам. Так ведь, Тарас Андреевич?

– Да, постановщик трюков подъедет позже. Но мы вчетвером, вот ещё с оператором-постановщиком, Вячеславом Виленовичем... и с художником-постановщиком Анной Вадимовной всё обсудили. Кстати, Анечка, как у вас с реквизитом? И прошу вас, хоть сами ночь не спите, но подготовьте три комнаты к съёмкам.

– А чего там готовить, Тарас? – вскочила на ноги Анна Вадимовна. – Я уже посмотрела, конечно. Голые стены и железные койки это будет самое то. Тем более, если надписи...

Под сорок уже, нервная, злющая, едва ли не феминистка, но дело своё знает. Тарас кивнул.

– Спасибо, Анечка. Мы с вами потом пройдемся по комнатам, после летучки. Ещё вопросы есть?

И тут фундаментальная Клава его удивила. Помреж, подрядившаяся также сыграть гротескную роль Девушки с веслом, напомнила:

– Вы ведь на вопрос о сверхзадаче фильма не ответили, Тарас Андреевич. А вопрос ведь, того, серьёзный.

– Плохих жанров не бывает, есть плохие фильмы. А сверхзадача... Вон в самом конце синопсиса, где эта пионерская песенка маньяка... Разве она не вскрывает сверхзадачу? «С прошлым надо расставаться, смеясь», – сказал классик. А мы расстаёмся с совковым прошлым, ещё и ужасаясь. Вот.

– Ну, знаете, я ребёнком чуть ли не каждое лето проводила смену, а то и две в пионерских лагерях, и никаких там гадостей, вроде этих, не заметила, – решительно заявила Алевтина Францевна. – А разве лучше теперь, когда дети летом просто слоняются по улицам или торчат у компьютера?

Молодёжь, в глаза не видевшая пионерского лагеря, разве что в уморном фильме Элема Климова, посматривала на подтянутую старушку с нагловатым удивлением. Помреж, девушка добрая, кашлянула и поспешно вмешалась:

– Тут вот ещё какой возникает вопрос. Или соображение, Тарас Андреевич. Нынче, когда в Украине снимается всего несколько фильмов в год, режиссёр сразу прикидывает, на какой фестиваль ещё не снятый шедевр отправлять, в Канны, в Венецию или уж сразу на Оскара. Но коли так, фильм должен иметь в себе нечто украинское, чтобы мигом распознавалось. А тут – есть ли национальное что? Вы с продюсером над этим подумали? Хотя бы имена взять, а то... Дора, Светик... Ещё Мишель.

Славик рассмеялся превесело. Тарас покраснел, насунился. И – обиженно:

– Откуда ж взяться национальному началу, Клавоочка, если пионеры были принципиально наднациональной организацией?

– Интернациональной, – поправила Алевтина Францевна.

– Пускай... А имена... В этом что-то есть. Фильм в определённой степени задуман как... ну, это... Креативная пародия на американские фильмы ужасов. Иностранные имена, они тоже как бы высмеивались. И есть, наконец, украинское имя – Богдан. И давайте, раз уж пошло такое дело, Светика перекрестим хотя бы в Маричку.

– Если пародия на америкосов, почему маньяк в финале не оживает? – выпалил качок, прошедший кастинг на Богдана.

– А наш маньяк и без того слишком живой, – улыбнулся Тарас. – Правда, Степан Клавдиевич?

Степан Клавдиевич кивнул. Выглядел он при вечернем освещении на полтинник, хоть было ему уже под семьдесят. Сидел рядом с Алевтиной Францевной, но в тот момент, когда обратился к нему Тарас, обволакивал на расстоянии своим вниманием польщённую Стасю. Единственный в съёмочной группе профессиональный киноактёр, пожилой жуир был выбран лично Тарасом за внешнее сходство с гораздо более известным российским актёром Владимиром Носковым. Именно Носкова, опасно-лукавого и улыбчивого, видел Тарас в этой роли, и даже уговорил Фиму на него раскошелиться, но россиянин оказался занят. А у Степана Клавдиевича один только реальный недостаток: он на двух уже съёмочных площадках сваливался с сердечным приступом. Тарас и надеяться не мог выбить у Фимы деньги на специально приглашенного медика, поэтому сошлись на том, что шустрый старичок привезёт с собою свои обычные лекарства. Степан Клавдиевич не говорун, зато текст роли произносит ясно и чисто, а если не такой уж большой умник, то и это в кино не беда.

Много народу собралось в пустом, с ободранными стенами, бывшем зале для совещаний заводоуправле-

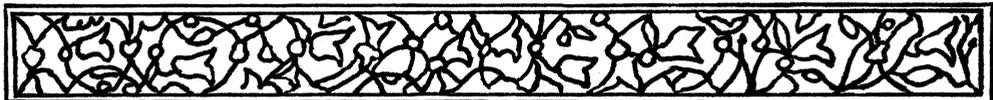
ния, и больше там было всяких технарей, подчинённых Славику и помрежу Клаве, чем актёров и вообще творческого народа вроде гримерши и звукооператора. Но только встретившись взглядом с уверенным в себе, вальяжным Степаном Клавдиевичем, Тарас вдруг понял, что фильм у него получится.

– А как насчёт травки? Я ведь о травке вас спрашивала!

Со слезой пропищала это блондиночка Нателла, и явно не травка её волновала, а что получает в этой тусовке меньше внимания, нежели рассчитывала. «Ну, девочка, это твои проблемы», – подумал Тарас. И прикрикнул:

– На время экспедиции объявляется сухой закон, и марихуана, само собой, тоже строго запрещается! Для сцены вечеринки Анна Вадимовна выдаст вам самокрутки с обычным сигаретным табаком послабее.

Глава 6

Под той же датой.

За четверть часа до полуночи.

*Кладбище на окраине Крольчанска,
в трёх километрах от сахарозавода*

Полная луна сияла на тёмном небе, и Пётр Трофимович не сомневался, что сумеет найти могилы своих прежних сотрудников, мастера цеха дефекации Карякина и снабженца Левчука. Когда бывшая жена Татьяна ещё навещала мужа, то бишь приходила к СИЗО под решётчатое окошко камеры, она сообщала и городские новости. Помнил поэтому Пётр Трофимович, где их, несчастных Семёна и Харько, похоронили. Последними перед самым шоссе, а через шоссе кладбище уже не перешло, стало расширяться в другую сторону, отщипывая помалу землю от вроде как бесхозного теперь свекловичного поля.

Он заметно приободрился: проспался как-никак и не усугублял ведь с обеда. Добрёл по шоссе до кладбища, у оградки остановился отдышаться и оглядеться. Надо же – ночь на Ивана Купала сегодня! В прежние-то времена в этот час отсюда виднелись бы в двух местах над горизонтом багровые дрожащие зарева, это над сёлами Марьяновкой и Козиным, от костров на выгонах. Сельская молодёжь гуляла отчаянно, парубки жгли старые покрышки, девушки украшались венками, водили хороводы. Парни в кулаки встречали городских или поселковых чужаков, не пуская на игрище, к пьяным и

ласковым девкам, а весь конец ночи озоровали в своих сёлах, но обижаться на них было не принято... И-и-и-эх!

Пётр Трофимович не без труда перелез через низкую ограду, затеплил свечку в подсвечнике и, прикрывая огонёк рукой, принялся обходить крайние от дороги могилки. Ориентировался по датам печального события и вскоре вышел на своих. Над мастером торчала стандартная бетонная стела, полускрытая полыньёю и обвитая повиликой, а над Левчуком – только жестяной щиток на чёрном железном кресте, зато могильный холмик выглядел ухоженным: трава выполота, надпись на щитке недавно подновлена, а крест поблескивал свежей краской.

Хотел было Пётр Трофимович присесть на холмик, да посчитал неприличным и устроился на скамейке перед ближайшим богатым захоронением, спиной к столу для поминальных трапез, зато лицом к сотрудникам. Вздыхнул из глубины сердца, достал из портфеля гранёный стакан, поставил рядом с подсвечником на скамейку, потом поллитровку вытащил и плеснул грамм этак восемьдесят. Не сразу нащупал в углу портфеля яйцо. Сварено оно вкрутую, это точно, но вот вчера или третьего дня? Не без затруднений облупил, смёл скорлупу на землю, а белого круглого гольша положил на скамейку слева от себя. В правую руку, огорчительно дрожащую, взял стакан, едва не расплескав. Ночь стояла тихая, свечку не задувало.

Покойники, они чем хороши? Им можно ничего не говорить, достаточно только хорошо о них подумать. Пётр Трофимович так и сделал, молча подумал хорошо об обоих сотрудниках, а потом по-прежнему молча воздел руки в их сторону, в сторону их могил то есть, в правой руке, как сказано, имея стакан. Почти тотчас же посудину потянуло из его руки, мягко потянуло и,

как успел он заметить, к могиле Левчука. Не мудрствуя лукаво, сжал Пётр Трофимович пальцы и тотчас же стакан опустошил. Перетерпел после судорожных глотков неприятные ощущения и позывы, затем, всё ещё пере-кривленный, как среда на пятницу, занюхал вареным яичком и аккуратно вернул его на скамью. Тут приятное тепло в пищеводе возникло, распространилось по всему телу... И утвердился он в мысли: если бухать с самого утра, и не такое померещится. Припомнилась ему народная мудрость: «Между первой и второй перерывчик небольшой». Прислушался к народной мудрости.

Между второй и третьей (а если брать с утра, то и посчитать затруднительно) вспомнил Пётр Трофимович о своём намерении почитать над приятелями псалмы. Потянул из отощавшего портфеля Библию – ан вместо неё незнакомая книжка вынулась, тоже в тёмном плотном переплёте! Ничего себе... Сверху ярлычок наклеен с шестизначным номером, под ним – выпукло – два знамени, как раньше на стенгазетах рисовали, название вытеснено тоже, но неразборчиво в полутьме. Развернул на титульном листе, прочитал «Ленин и Сталин в творчестве народов СССР»... 1938. Выходит, не вовсе незнакомая книжка, а полузабытая. В Лебедяни на толчке за полтинник сторговал, отбивая на тамошнем сахарном заводе стажировку и не имея чего перед сном в койке почитать. Прямо на земле, помнится, лежала, а рядом потёртые кожаные перчатки. Допустим, а теперь что с этой макулатурой делать?

Потянул Пётр Трофимович из кармана платок, и хоть оценил его свежесть весьма критически, протёр, за неимением лучшей тряпочки, очки. Поднёс книжку ближе к свечке, согнувшись на скамейке, пролистнул. «Кумыкская песня о Сталине», «От месяца и звезды родился Ленин». Это надо же... Оставить, что ли, прямо, где си-

Как ни увлётся Пётр Трофимович своим причитанием, однако краем глаза приметил непонятное шевеление возле могилки. Не бездомный ли пёс нацеливается на его закуску? Прикрыл он левой рукой яичко, разогнулся и... Батюшки-светы! Плита на могилке мастера вздыбилась, серый столбик покосился вправо, а крест над Левчуком подался влево! И движутся дальше! И сухая земля шуршит. Попробовал было Пётр Трофимович перекреститься, даже три пальца ко лбу успел поднять, а куда дальше махать, забыла рука. Да и не помогло бы уже крестное знамение. Ибо из-под могильного камня выкарабкивался мёртвый Карякин, а из-под холмика рядом уже подмигивал выбравшийся из земли по пояс, сине-красный лицом и белозубый почему-то Левчук. А также одноглазый. Хотя это ещё вопрос, стоит ли называть мужика одноглазым, если у него и второй глаз есть, только висит он сухой на щеке?

Смежил веки Пётр Трофимович и принялся молиться. Строчки «Отченаша» сами наворачивались на язык. Вот когда пригодилась наука покойной бабушки! На словах «И не введи нас во искушение» решился открыть глаза. Увы! Оба мертвеца стоят уже рядом, рукой подать. А что им помешает его потрогать?

– Аминь, – возгласил усопший мастер цеха дефекации писклявым своим голоском. – И почём берёшь, товарищ технорук нашего краснознамённого завода, опиум для народа?

Левчук, тот ничего не сказал, а только подхватил со скамейки бутылку и вылил остатки самогона себе в глотку. Еле живой Пётр Трофимович и безусловно мёртвый Карякин застыли, наблюдая, как драгоценная жидкость стекает вниз по плоскому животу расплющенного чуть ли не в бумажный лист Левчука. Тот отозвался со всегдашним оптимизмом:

– Пустяки! Зато классно освежился. Что вылупились-то? Всё каток проклятый! Хотя... Я ведь теперь настоящий стану «Лейба-проходимец!»! Боком-то теперь в любую дверную щель протиснусь.

– Новое заимел полезное свойство, – ухмыльнулся мастер цеха дефекации полусгнившими губами.

– Я смекаю теперь, что если бы и удержал самограй в себе, то брюхо только в ширину раздалось бы, а не в толщину. В толщину я образцово худ. Во как!

– Неэвклидова геометрия! – буркнул технорук.

– А это что? – поинтересовался Карякин.

– Знал бы, не мудохался бы с вами в крольчанском дерьме... Ой!

Это Пётр Трофимович сообразил, что треплется с мертвецами, словно за картами перед роковым утром, и дрожащими ладонями зажал себе рот. Поднял глаза к небу, невольно в том подражая тёмным православным предкам, а там ангел летит. Крылья прорвали свитку на спине, под свиткой – ряса, на ногах – сапоги. Голова кудрявая, нестриженная, щёки красные, полные, под лунным сиянием грустно кривится ангел, да и пальцем грозит. Привидится же такое!

Тем временем мёртвый Карякин завладел яйцом. Попытка разжевать только и привела к тому, что желток размазался по остаткам синих губ покойника.

– А патриотично ты, Сёма, раскрасился, – ухмыльнулся Левчук. Широкая получилась ухмылка.

Не сразу раскусил Пётр Трофимович, в чём соль шутки. А потому он тупил, что принадлежит он к тем людям, котрым по большому счёту давно уже все равно, какой там над ними реет государственный флаг, хоть и серо-буро-малиновый. Главное, перебиться бы как-нибудь. Это теперь. А ребята всё ещё в девяностых живут, вот в чём дело. Живут? Ну-ну...

– Шутник ты, однако, – протянул Карякин и, как и прежде, когда в живом ещё был виде, не понять, прикалывается или серьёзен. – Лучше бы, Харько, ты из себя щепки повытаскивал, а то колоться будут на ходу.

И вытащил из живота у плоского снабженца довольно толстую щепку. Не соврал, стало быть. Пётр Трофимович ещё две углядел, пустил ногти в ход, вытянул. Откуда бы в могиле? «Сбросьте, скиньте гробову доску...». С гробовой доски, что ли? И вспомнил, что Левчука расплющило вместе с древком плаката.

– Господи, Петро, да что же с тобою стряслось? – это Левчук, за медицинскую помощь не поблагодарив, всплеснул, как тюлень ластами, своими плоскими ручищами. – До чего же ты поплохел, попаганел-то как!

Скрипнул технорук зубами, но удержался от ответа типа «На себя бы посмотрел», пояснил, что их смерти продажный мент Толька Ханенко, стакнувшись с судьёй, на него повесил, за них и в колонии чалиться пришлось, и в психушке намаялся. Неужели утром, как проснётся, и все эти тары-бары ему вспомнятся?

– Ну, Трофимыч, будь спок! Отольются кошке мышкены слёзы! – грозно прохрипел Карякин. – Спасибо тебе, конечно, что помог своими «Пробудитесь, восстаньте!». Но мы и сами уже собирались выбраться наружу и навести шороху. Чёрт знает что у вас на поверхности творится! Новые хозяева завода посмели вернуться – кто бы мог подумать?

Пётр Трофимович осмелился спросить, откуда им известна эта наисвежайшая новость – если его самого только сегодня днём осчастливил ею злобный мент Толька Ханенко, да ещё с предупреждением, чтобы сидел тише воды, ниже травы, а то снова упечёт? На что Карякин ответил туманно:

– Слухами земля полнится.

А Левчук:

– Ничего, мы этого гада...! Пусть бережётся! Ты, Петро, у нас будешь типа начштаба... Ну, и ещё шпиёном, Штирлицем, когда потребуется. При любой погоде руки в поганой крови марать тебе не придётся. Мы с Сёмой и сами справимся. Сегодня же только в обстановке разберёмся, прикинем, что к чему...

Тем временем Карякин вплотную приблизился к Петру Трофимовичу, втягивая воздух какой-то картофелиной на месте полуотвалившегося своего шнобеля. Скривился:

– Не годишься ты в разведчики, Трофимыч. Воняет от тебя на версту. Я-то, как на свежем воздухе оказался, сразу смрад учуял, но убедился только сейчас.

– Да разве это смрад? – вступился за живого товарища Левчук и, попытавшись блаженно прищуриться, стал похож на фотку толстого кота, приклеенную к фанерке. – Замечательный аромат нашей фирменной бураковки! Бураковки, которую, не сблевав, можно подержать во рту, целом и упругом, да ещё поболтать в ней языком, смакуя! С чего бы это вонять бураковке, переваренной в здоровых, пустых кишках? Бураковке, возвратившей природе свой аромат, помимо прочего, и газами, поднявшимися по пищеводу! Бураковке, прошедшей через живые почки и естественное, безупречно работающее запорное устройство! Ох, Трофимыч, как же я тебе завидую, шельмец!

Карякин давно уже махал на товарища костяной рукой, и тот, наконец, заткнулся. Теперь и Пётр Трофимович расслышал, что кусты на кладбище трещат, будто через них продирается ошалевший пьянчуга. Или, не дай того Боже, медведь! Откуда? Медведей в окрестных мелких лесах отродясь не водилось. Кабан? Но от кустов уже хлынула новая волна жестокого зловония, и у Петра

Трофимовича исчезли последние сомнения: к их компании намерен присоединиться ещё один оживший мертвец. Вот и сплошные белки его глаз смутно блеснули под осиной...

– Порфирий Исаакович? Вы? – просипел Карякин. – Вы-то как здесь оказались?

– Как оказался, как оказался... Аки все на земле человеки, Семён Макарович, вот так и я оказался, – проворчал главный бухгалтер сахарного завода Млинский, ибо это именно он стоял сейчас возле покосившегося памятника Карякина. – В две тыщи пятом шарахнул меня первый инсульт, помыкался-помыкался ещё какое-то время на инвалидности, без речи, правую ногу позорно приволакивая... Последнее, что помню, мировой банковский кризис... Вот ведь беда!

А это главбух с лёгким скрипом поднёс к глазам локоть левой руки, вернул на место и наклонился, заскрипел костями уже погромче, чтобы разглядеть брюки. Пробормотал:

– Моя мегера таки по-своему поступила. Темновато здесь, но я увидел... Напялила на меня для погребения повседневный рабочий костюмчик и кожаных заплат на рукавах не постеснялась. Я ж давал указание свой выходной, прекрасного синего бостона с лавсаном взять! Даром, что ли, он двадцать лет в гардеробе повисел на плечиках?

– Оставила, небось, ваша вдова для дома, для семьи, – дипломатично заметил Карякин.

А главбух опять-таки со скрипом выпрямился и желтоватыми мутными белками на месте глаз обвёл бывших сотрудников:

– И куда ж это вы без меня собрались, многоуважаемые мои коллеги?

Удивительное дело, однако понял вдруг Пётр Трофимович, что на его измученной, но благообразной физиономии сторонний наблюдатель разглядел бы такое же точно выражение, как и на сине-красных (а лучше не присматриваться!) лицах Карякина и Левчука. А именно смесь недоверия, смущения и престонародного упрямства.

Тут Левчук всплеснул руками-ластами и уселся на собственный могильный холмик. Выглядело это, будто фигурно обрезанный и размалёванный лист жести согнули в двух местах. Прогудел решительно:

– Нет, Порфирий Исаакович, вам с нами не по пути. Мы с Семёном решили за правое дело вступиться, а вы нам неудачу накличете. Сейчас-то вы нам никто, ни-какое, то есть, не начальство, а в бытность главбухом сколько вы наших замечательных придумок зарезали на корню! И того нельзя, и это запрещено, и я, мол, не желаю, то есть вы не желаете... Чего ж это вы не желали? Ах да, со мной вместе в тюрягу садиться! Да если бы не вы, лично я и не пребывал бы в таком жалком положении, вот что я вам скажу, Порфирий Исаакович! Дом был бы у меня полная чаша, не дом – особняк, виноградом увитый, а в гараже – «Пежо» последней модели. И в таком случае плевать было бы мне в девяносто третьем, закроют или нет наш завод, и жил бы я и сейчас как нормальный мужик, жил-поживал бы и в ус бы не дул! Живой, здоровой упитанности, а не в этом позорном виде!

Услышав это обвинение, Пётр Трофимович невольно кивнул. Его проекты и рацпредложения, в случае, если их одобрял генеральный директор, тоже похеривал именно главный бухгалтер. Единственно, что технорук, в отличие от Левчука, предлагая, например, организовать из побочного продукта, патоки, производство кара-

мели, думал о процветании и обогащении своего предприятия, а для себя лично мечтал разве что о премии. А на премию размером даже в месячный оклад никакого терема с бассейном не выстроишь, это уж точно... Тем временем бывший главбух начал говорить, и говорить вещи удивительные, такое сказал, чему и доцент Аристарх Николаевич наверняка бы изумился.

– Если и виноват я в чём перед вами, братцы, то простите меня. Вы пойдёте теперь мстить своим обидчикам, а у меня к ним особый счёт имеется. Наш генеральный директор Глеб Александрович, козлина, продал нас, взявши большую взятку, и мне взятку предлагали, а я отказался. Законы государственные тогда не изменились, а вот человеческие изменились – да ещё как! Оказалось, что тот, который сумел придумать, как государство половчее ограбить, тот и в люди вышел, тот и молодец! Тот не вор теперь, а хозяин жизни, депутат, министр и благодетель! Меня, может, от того Кондратий и хватил... Да, я простить себе не мог, что упустил свой шанс. И супруга моя, известная вам мегера, без конца грызла, напоминала. Не было мне покоя на земле, нет и под землёй. И не будет, пока не подпущу нашим обидчикам красного петуха. Поэтому молю вас, братцы: возьмите меня с собою. Хотите, на колени стану?

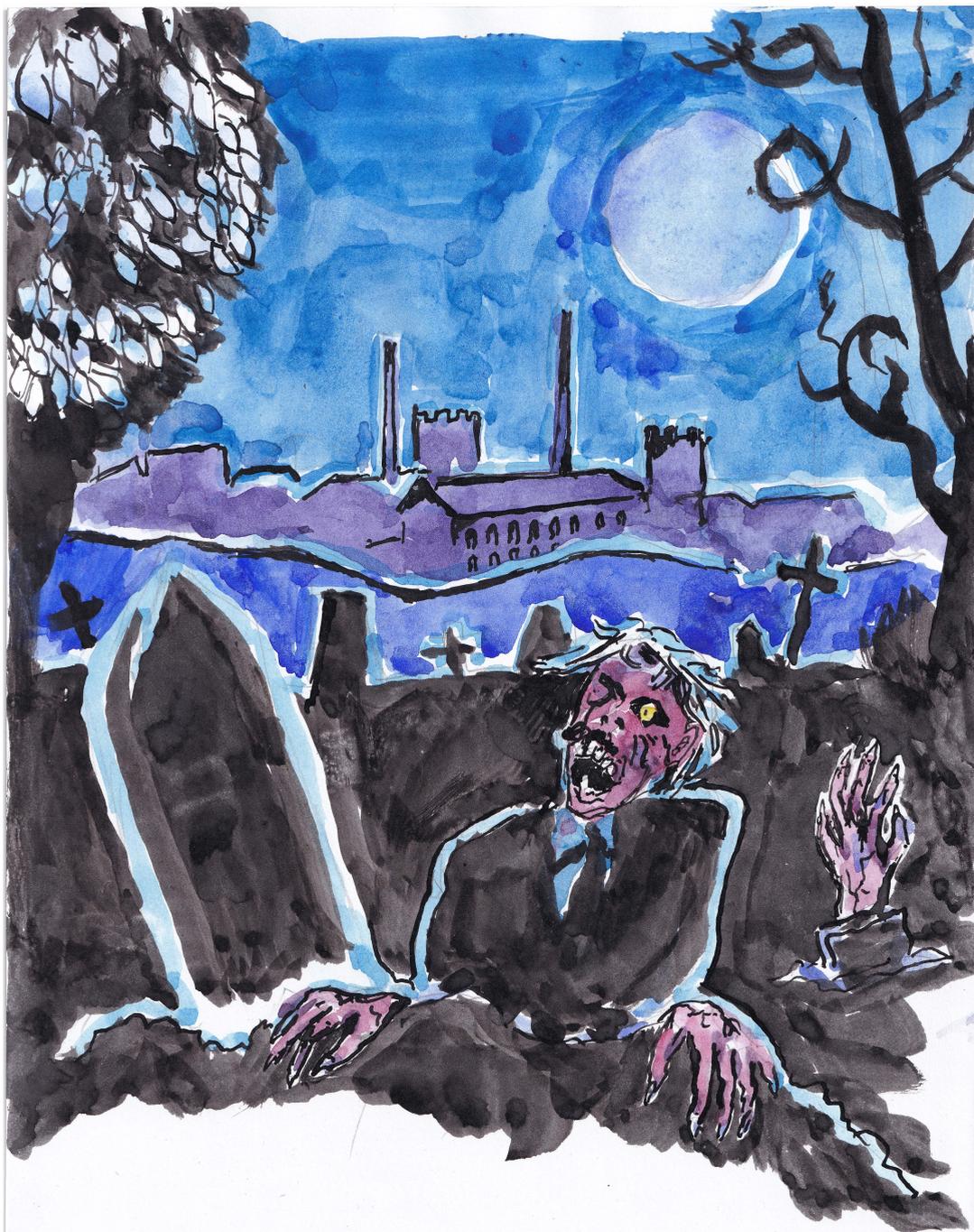
И не дожидаясь ответа, с ужасным скрипом, а то и с треском каким-то, рухнул. Вот уж не ждал Пётр Трофимович, что увидит вальяжного главного бухгалтера на коленях перед такими простыми мужиками, как Харько и Семён, не вынес такого жалостного зрелища, расчувствовался, а снабженец, судя по безгубым гримасам его, тщился и слезу пустить. Они переглянулись, а заговорил Пётр Трофимович, зевнув прежде всласть:

– Всенепременно белая горячка у меня, если я вас вижу сейчас, мужики. Но уж коли сам Порфирий Исаакович вас умильно просит, придётся взять его с собой.

– Спасибо, конечно, за поддержку, Пётр Трофимович. Но не белая горячка у тебя, ты уж прости, – буркнул главбух. – Ты же пьян, а у пьяных её не бывает. Вот промучаешься пару дней без опохмелки, тогда может хватить. У тебя только алкогольный психоз... Однако же почему именно психоз? Разве мы не присутствуем здесь? Разве ты не видишь нас и не слышишь?

Обиделся Пётр Трофимович и готов был уже возразить, но тут Карякин шикнул на всех и не без труда задул свечку. И в самом деле, со стороны шоссе быстро нарастал рёв мощного движка. Ещё несколько секунд, и рядом с кладбищенской оградкой промелькнула тёмная, от скорости смазанная тень высокой чёрной иномарки, очертаниями похожей на советскую «Ниву».

С. К. Росовецький. Ескіз обкладинки.

Глава 7

7 июля. Четверть первого ночи. Крольчанск. Номер для VIP гостиницы «На волнах Лубеди»

Вынырнув из полураздумья, полудрёмы, Тарас обнаружил, что Стася, уже полностью одетая, подмазывает губы.

– Надеюсь, что ты не разбудишь Алевтину Францевну, если она уже легла, – проговорил он, изо всех сил стараясь не показать виду, как доволен, что блондинка догадалась слинять.

– И я надеюсь, что не побеспокою Алевтину Францевну, – безмятежно ответила Стася, – просто потому, что едва ли увижу её в ближайшие час-два. А то и до утра, возможно. Я договорилась пересечься с этим очаровашкой, со Степаном Клавдиевичем, поболтать немножко. А у тебя есть возражения?

Если и возникли у Тараса возражения, не смог бы он выдать их на-гора – онемел. Ещё минутой ранее ему хотелось только одного – спокойно уснуть. И даже припомнились, успокоенному торопливой любовью и в меру хмельному, стихи отца древнегреческой поэзии Архилоха: «Как сладко засыпать пьяному, укрывшись козьей шкурой...». Дрёма слетела окончательно, он откинул простыню, уселся на кровати, снова схватился за простыню, рывком натянул её на живот... Подёргался-подёргался и, наконец, сумел выговорить:

– С нашим старпёром вы не очень-то поболтаете. Степан Клавдиевич у нас молчун.

– Подумаешь! Будто мне самой нечего ему сказать? И довольно странно мне твои упрёки, любимый, – тут она попыталась изобразить восточную женщину, блондинка позорная. – Неужели ты недоволен мною, мой повелитель?

– Н-ну...

Стукнула дверь, за собою закрывая. Тарас (сна теперь ни в одном глазу) натянул шорты и футболку. Сунул ноги в сандалии, не стал наклоняться к липучкам. Прошлёпал к окну. Заполночь, с третьего этажа наблюдаемая, главная площадь Крольчанска смотрелась такой же скучной, как и засветло. Унылый универмаг слева и уродливый бетонный кинотеатр с чахлым сквериком справа. Есть на площади занятная для нового человека достопримечательность, но её оттуда нельзя было увидеть, потому что Тарас пребывал аккурат внутри неё. Это трёхэтажное кирпичное здание без особых затей снаружи, зато начинка... Первый этаж – гастроном, второй – ресторан, а третий – гостиница. Как величают этот местный небоскрёб жители Крольчанска? «Бермудским треугольником», «тройняшкой», «слоёным пирогом»? Если бы Тарас жил здесь, называл бы трёхэтажку триремой, но если бы он жил здесь, то и не знал бы, наверное, что оно такое – трирема... Растравляя себя, представил, кем был бы и как бы сейчас выглядел, если бы здесь родился и сидел до сорока безвылазно. А вертихвосток этих, кто их поймёт? Это до скольких лет мужику надо дожить, чтобы научиться их понимать? До возраста Степана Клавдиевича, что ли?

Раздался деликатный стук в дверь, и тут же она скрипнула. Ещё и петли взвизгнули.

– Передумала? – не оборачиваясь, спросил Тарас, и сам удивился, до чего же трагическим тоном. – И чем это я обязан такой твоей любезности?

Хихиканье прозвучало, знакомое, потом голос Славика:

– Это всего лишь я, Тарасик. Предприимчивый старичок выставил меня из номера, чтобы порепетировать с нашей блондинкой, а у тебя здесь запасная койка имеется.

– И не одна. Заходи, конечно, – вздохнул Тарас. – Чувствуй себя как дома.

– Вот спасибочки! Я как раз хотел к тебе фундаментально переселиться. Этот твой Степан Клавдиевич устроил в номере форменную газовую атаку. Одеколон у него ещё туда-сюда, но вот дезодорант – прямо тебе настоящий фосген. Я тебя не очень стесню, Тарасик? Ты ведь всё равно за три койки заплатил.

– Я? Это богатенький Ефим Валентиныч заплатит. А я планировал, чтобы и офис одновременно...

– А мы устроим тут штаб съёмочной группы. Даже лучше...

Тарас отвернулся, наконец, от окна и встретился взглядом, чего и следовало ожидать, с искрометной и искренней улыбкой Асися, сияющей любовью ко всему человечеству в целом, а в частности – к оказавшемуся в дурацком положении давнему знакомцу. Помимо улыбки, Славик принёс, куда ж он без неё, камеру. На полу стоял также большой баул. Видать, там личный набор принадлежностей для съёмки и шмотки Славика.

Снова вздохнул Тарас и предложил приятелю располагаться, а потом догнаться по рюмке-другой перед тем, как баиньки. Тут же опомнился и извинился.

– Да ничего, ты давай, а я поищу для себя минералку в холодильнике. Знаешь, – оживился Славик, – я, когда среди вас, на грудь принявших, толкаюсь, тоже чувствую себя подшофе. Какая-то идёт от вас, гедони-

стов-практиков, психическая зараза... А заодно покажу я тебе, чего у бензоколонки наснимал. Сразу же отберём нужное.

Пока оператор шуровал в холодильнике, Тарас обвёл тоскливым взором номер. Да, лучший в гостинице. Оснащённый вот этим самым холодильником, электроутюгом, допотопным вентилятором вместо эйр-кондишн, настоящим бухарским ковром на стене, советским чёрно-белым телевизором, кой-какой посудой в буфете и даже нерабочим компом с отменно пузатым монитором. И тремя койками. Женский номер, если поселены VIP-дамы, и мужской, если в нём VIP-господа. Остальные двухместные, трёхместные и четырёхместные номера – тоже строго мужские или женские. Советская ещё забота о морали постояльцев, не иначе. И невдомёк, что такая однополая система может оказаться как раз чрезвычайно удобной для геев и лесбиянок.

Только успели чокнуться стаканами, как закурлыкал Тарасов мобильник. Супруга Лилька пожелала узнать, почему он не спит в столь позднее время. Тарас не нашёлся, что ответить, но выручил Славик: он забрал телефон и капитально задурил Лильке голову своим просмотром отснятых днём кадров. Побазарили про баб, выпили, наконец, но до просмотра дело так и не дошло.

Потому что с улицы донёлся рёв автомобильного движка, и Тарас сразу же догадался, что не местные развлекаются. На площадь выкатился чёрный джип, а из него выскочил не кто иной, как Панченко, молодой толстенный мажор. За ним Нателла, они покричали друг на друга, помахали руками, девица вернулась в салон, а парень тоже исчез из виду: явно поднимается уже по лестнице.

– Знаешь, Славик, а ведь я подсознательно ожидал какой-нибудь подянки, – промолвил Тарас элегиче-

ски. – Что нашим мой запрет на водку? Есть же железобетонная традиция отмечать приезд... Вот только чего они там такого учудили, если возникла необходимость будить нас с тобою среди ночи?

– Ты давай отлипай от окна, начальник. Гостиница-то заперта, придётся самим с дверью возиться.

В длинном коридоре темновато: горит только лампа на столе у дежурной. Дежурной бабы на месте нет. Входная дверь изнутри закрыта на засов. Славик, успевший к двери раньше, откидывает задвижку – и с тёмной лестницы вдвигается в коридор Панченко. Пространство тотчас же наполняется отвратительным запахом сгоревшей конопли, и Славик, отпрянув, драматическим шёпотом выдвигает обвинение:

– Вы обкурились в хлам, молодой человек!

– А вы поддали так, что и на ногах не стоите, – парирует юный толстяк. – У меня, впрочем, не к вам дело, а к режиссёру.

Тарас выступил из темноты.

– Вот он я. Давайте вы все быстрее в номер, нам тут лишние разборки без надобности.

Закрыли за собой двери, расселись в номере. Пока студент осматривался, Славик спросил:

– А девушку зачем в тачке забыли?

– Ещё чего? Это чтобы я сюда вам, пьяным мужикам, поддатую Натку собственноручно предоставил?

Тарас от души расхохотался. На Славикином лице, напротив, угасла улыбка великого человеколюбца Асия. Заявил грубо:

– Давай, парень, не тяни. Чего там стряслось?

– Кино и немцы, одним словом. May day!

– Настоящие призраки вас атаковали? – всё ещё ухмыляясь, поинтересовался Тарас. – А вы их в следующий раз попросите, чтобы подождали вот его, оператора.

– Если бы! Местные в гости заявились! Ещё хорошо, что мы позапирали двери и окна, когда сели отмечать... В общем, желают они погулять с нашими девушками. Ломятся в двери, пытались залезть в окна, но на первом этаже почти на всех решётки. Бежали по крыше, пугали... Матерятся по-чёрному, это само собой. Короче, я улучил момент, спустил Натку из окна туалета, сам спрыгнул. И мы успели добежать до тачки, вот. Я и не смотрел пока, в порядке ли джип, духу не хватило! Мне надо было брать свою, третью «Мазду», а я польстился на семейный «Чероки». Поприкальваться, идиот! Мои на отдыхе, но что я скажу бате, если эти отморозки успели выцарапать нехорошие слова?

– Я понял, вы тачку свою спасали. И это другое сокровище, Нателлу-цыпочку, вы привезли сюда, так... Станислава Ковалив, блондинка, она тоже за девушку сойдёт... Однако же здесь она, Стася, в номере с Алевтиной Францевной. Это кто же из девушек там у вас остался? – и Тарас взлохматил остатки шевелюры. – Что-то не соображу никак...

Славик поднял глаза к потолку и принялся загибать пальцы.

– Так, Клава-помреж, раз... Анечка-художница, два... Ну, ещё гримёрша... Не имею чести помнить, как по имени-отчеству, знакомство наше шапочное. Но по возрасту едва ли...

– Я Наталью Денисовну много лет знаю, даже неловко её в игривом контексте обсуждать. А ты и нашу Анечку в девушках числишь? Ну-ну... Ладно, Панченко, а полицию вы вызывали?

– Какая там полиция, если покрытия нет?

– А у сторожа разве не стоит стационарный? – удивился Тарас. Уразумев же из мимики Панченко, что тот

не видел ни сторожа, ни телефона, прикрикнул. – А вот здесь покрытие есть! Вызывайте полицию, а я пока соберусь.

Панченко скривился, но достал «айфон» и принялся тыкать в него ногтем. А Славик тем временем заставил Тараса вытащить из чемодана и надеть на футболку пиджак, а к пиджаку прицепить бейджик. Сам прихватил, конечно же, камеру. Стараясь шуметь поменьше, выбрались из гостиницы, входные двери только притворив. Протопали по лестнице и вышли на свежий ночной воздух. Тотчас хлопнула дверца, и выскочила из джипа юная озабоченная блондиночка. Покинув световое пятно, обратилась неясным силуэтом и, спотыкаясь, засеменила к ним.

– И меня возьмите с собою, не бросайте тут! – запищала, обращаясь почему-то к Славику.

– Я же тебя просил, Натка, постереги тачку. Можешь и покемарить на заднем сиденье, только каблуками орудуй поаккуратней...

– А ты напрасно, Панько, пургу гонишь! Подумаешь, подвалили сельские ребята, хотели познакомиться, даже прикольно. Я с вами, мэны! Можно мне? Ну, можно, а?

Запахи перегара, травки, табачного дыма и незнакомых устойчивых духов соединились в коктейль, от которого Тарасу захотелось чихнуть. И Славика накрыло это пахучее облачко, он скривил нос, однако Тарас ткнул его локтем в бок: к тебе тёлка адресуется, ты её и угомони. Тогда Славик пристроил камеру на заднем сиденье «Лады», а сам повёл Нателлу к джипу. Глядя ему в спину, костлявую, обтянутую выцветшей футболкой, задумался Тарас на минутку. Чем же всё-таки столь привлекателен Славик для девушек? Неужели только из-за этой копны полуседых волос на голове, словно у Анжелы Дэвис? Тут ему пришло в голову, что Нателла и Панченко,

небось, понятия не имеют об Анжеле Дэвис, а то, что он сам о ней помнит, выдает его возраст.

Вдвинулся Тарас в свою «Ладу», врубил свет в салоне, а рядом уже Панченко сидит. С таким видом озирается, будто оказался невзначай у индейца в вигваме.

– А травматический у вас в бардачке?

– Простите?

– Ствол вы прихватили с собою, спрашиваю?

– Господи, какая чушь...

– Так, быть может, мне сбегать к тачке, взять свой?

У меня «Макарыч».

Пришёл Славик, уселся. Студент и его спросил о травматике. Славик отмахнулся:

– А мне и не дали бы разрешения в ментовке. Слишком много приводов у меня было. Эх, и любил же я покуролесить, когда ещё не завязал с плохими манерами! Зато иногда даже сам себе удивлялся. Увы, немислимо такое в серой трезвой житухе...

Они уже выезжали с площади. Под светом фар домишки на улице, переходящей, если верить карте, в шоссе, что ведет к заводу, показались Тарасу призрачными и ненастоящими, будто декорации на заднике в театре, приобрели нелепую загадочность. Ах, да...

– Ну как, Панченко, удалось дозвониться до полиции?

– А? Удалось, менты вроде приняли вызов, приедут...

Послушайте, а вы только что ничего не заметили на обочине?

Но Тарас, когда проскакивали они мимо кладбища, смотрел, как за рулём и положено, вперёд на дорогу, а Славик, тот задрёмывал на заднем сиденье. Потому только один Панченко углядел на обочине зазевавшегося и потому не успевшего скрыться в кювете мертве-

ца-главбуха. Но и юный мажор не поверил своим глазам: ведь неоткуда здесь взяться ряженому на Хелоуин, да и до Хелоуина добрых три месяца.

Ворота сахарного завода отворены, окна одноэтажного здания перед чёрными корпусами светятся, а над крышей вспыхивает, освещая жалким неонам нелепые зубцы фасада, вывеска «Кемпинг “Сахаро...”», а если ближе подъехать, тогда и последнюю, тёмную букву можно распознать. У крыльца и вокруг затейливого строения маячат неясные фигуры. Не успел Тарас затормозить у низкого крыльца, как тачку окружила толпа, а стоило только ему, преодолев мгновенное внутреннее сопротивление, распахнуть дверцу – как парни начали перекрикиваться:

– Вот он, пахан! – Нет, водила! – Пахан на джипе слинял! – Не, этот жиртрест! – Пусть водила скажет!

И мат, через слово, конечно. Тарас вздохнул, выбрался наружу и признался:

– Ну, я здесь главный. Я – режиссёр-постановщик Тарас Хомчук. Что...?

Не вышло до конца выговорить вопрос. Подхватили его под белые руки и мягко, но настойчиво, не вырвешься, повели. Куда-то за «кемпинг», а там врыт в землю стол и скамейки вокруг него, а над столом – зависла горящая лампочка под жестяным колпаком. Курилка была, не иначе. Толкнули Тараса на скамейку. Напротив, через стол, сидел уже парень постарше других, лет тридцати, бритоголовый. На столе тёмная бутылка и два стакана. Лампочка худо-бедно осветила и толпу вокруг. Одеты и подстрижены ребята были так, что Тарасу почудилось, будто попал на съёмку рекламы дешёвого пива. Визави его улыбнулся, блеснув золотой коронкой. И где он раскопал свою рубашку – ядовито-клетчатую и на молнии?

– Вот тебе, Федька, главный ихний! Режиссёр-подстановщик.

– Ну, будь здоров! – и пришлось Тарасу пожать потную горячую руку. – Так это ты пахан у практиканточек? А я откинулся недавно, таперича здесь, в Крольчанске, типа смотрящего. Дела надо делать по-хорошему, по понятиям, типа. Я Федька Кнут, меня тут каждый знает. Я тебе ставлю бутылку, а ты позволяешь мне и ребятам моим погулять с твоими цыпами-дрипами, всё честно-благород... Э, нет! Мы так не договаривались!

И Федька указал коротким пальцем за спину Тарасу. Тот обернулся – это Славик приближается к столу, снимая большой камерой, по-настоящему снимая: неонка горит.

– Взяли менты моду – чуть что, на видео снимать! Терпеть ненавижу!

– Ты вырубил, Славик, – попросил Тарас. – Люди возражают.

Красный огонёк угас, из-за камеры показалось смеющееся лицо оператора:

– Люди возражают, потому как не желают сниматься на шару. И правильно не желают!

Тарас как раз пытался сообразить, что именно подсказывает ему Славик. Прислушаться следовало, ведь оператор тут единственный, небось, кто сохраняет голову трезвой. Ему помогли подержать паузу: длинный очкарик в спортивном костюме вдруг бросился к Славику и принялся лихорадочно шарить в своих карманах:

– Славик? Слава Полунин! Знаменитость! Асисяй! Автограф, прошу! Автограф – Христом-Богом молю!

И сунул Славику под нос какую-то скомканную бумажку. Славик задумчиво на неё уставился.

– Так ты к нам знаменитость привёз? – сменил гнев на милость Федька. – Про Асисия и я... Того, слышан вроде.

– Да нет! Полунин старше и лысый! К тому же в Париже проживает, – проявил Тарас совершенно неуместное правдолюбие. И тут же поправился. – Сын это! Внебрачный, правда.

Последние слова произнёс он уже потише, глаза опустив под пламенным взглядом Славика. И тогда только дошло до Тараса, на что намекал его хитроумный оператор. И принялся разводить бодягу, что, мол, никакой практикой не руководит, а режиссёр-постановщик он (тут представился снова), и что для фильма ему нужны будут статисты, которые смогут не хило по здешним меркам заработать. Пусть уважаемый Фёдор со своими людьми приходит завтра... Нет, лучше послезавтра приходит. И часам к десяти, надо ж будет утром отоспаться. Тогда и договоримся.

– По рукам! – на мгновение только задумавшись, отозвался Федька. И, почесав пятерней бритый череп, добавил. – Только бабки лично мне. А я уж согласно вашей ведомости сам хлопцам раздам. Лады?

Почему бы нет? Помрежу, она и за бухгалтера у них, будет меньше хлопот. Тарас кивнул. Что?

– А с твоими девками как решим, говорю?

– Да тут и нет никаких девок, уважаемый Фёдор! У меня только тётки работают. Две есть только помоложе, актрисы. Обе в гостинице. Одна – любовница мажора, который и завод купил, и за фильм мой платит, он за неё с меня голову снимет. Я, ты уж извини, за нею вынужден приглядывать. Вторую вы видели – худая, белявенькая, но папаша у неё – ого! Только пальцем её тронете, его бойцы тут как тут. Весь ваш Крольчанск на асфальт мордой вниз уложат и начнут разбираться.

– Ты, застановщик, только не лепи тут горбатого, – и короткий палец заходил вправо-влево у Тарасова носа. – Я к тебе по-хорошему, а ты мне фонаришь. Нафиг нам твоя блондинистая пигалица? Чтобы в кафешку её по очереди водить и сникерсами откармливать? Тут, на заводе, в конторе, такая красавица поселилась, что прям пальчики оближешь! Фигуристая, как надо, и с характером! Клавкой зовут, пока не было тебя, верховодила в вашей тусовке.

Так вот какие у Федьки, а также, надо думать, и у всех здешних парней представления о женской красоте! «Девушку с веслом» им подавай... Но не додумал Тарас эту мысль, потому что за спиной его резко взвизгнули тормоза, толпа крольчанских хулиганов мгновенно отхлынула от стола и рассосалась в темноте, а у Федьки Кнута окаменело лицо.

От поблёскивающей в полутьме красной иномарки к столу неторопливо подходил мент лет пятидесяти, в капитанских погонах. Простая его физиономия сохранила неподвижное, как у памятника, солидно-покровительственное выражение, когда он вдруг зашипел:

– Это кто ж из нас двоих, я или ты, Феденька, клялся, чтобы больше не нарушать? Что ж ты достаёшь уважаемых кинематографистов, что ж прерываешь заслуженный ночной отдых?

Подскочил со скамейки Федька, выпучил донельзя свиные глазки и вроде как отрапортовал:

– Никак нет, гражданин-начальник! Не прерывал я ничего. Вот договорились мы с господином режиссёром-застаночником, что даст моей коdle временную работу по сдельным расценкам. Да чтобы мне свободы больше не видать, гражданин-начальник!

Тарас величественно кивнул, подтверждая. Мент тем временем повернулся к нему, не лицом, а характерно

так, всей затянутой в форму тугой фигурой, сощурил глаза, фиксировал с полминуты получившимися щёлками, а потом поманил к себе согнутым пальцем. Тарас вздохнул. Эх, не удалось изобразить крутого начальника... Прикид, наверное, подвёл. Пришлось поднять зад со скамейки и подойти к капитану. Тот, продолжая щуриться, ткнулся носом в его бейджик, ничего, видать, не разобрал – и слава Богу, потому что написано там было: «Участник симпозиума молодых кинематографистов “Голубой махаон”». Махнул рукой мент этак затейливо, будто воздух лопаткой сапёрной ковырнул. Тут же отдал честь.

– Нешто мы, господин кинематографист, совсем уже олухи деревенские? Нешто не можем обеспечить порядок на территории предприятия бывшего сахарозаводства? А вы, труженики украинского бессмертного искусства, не войдёте ли в положение нашего районного управления? Мебель истребалась, средства связи на ладан дышат, фонд для поддержки нуждающихся ветеранов полиции развор..., того, опустел – ну, не беда ли? Без малейшего бюрократизма, взнос приму прямо на месте – неужели, господин кинематографист, поскупитесь?

Оправившись несколько, Тарас представился и так сяк объяснил, что не решает такие вопросы. А решает их продюсер и он же спонсор. Тарас, конечно же, передаст ему просьбу, но припоминает теперь, что продюсер уже толковал на эту тему со здешним полковником, начальником райотдела.

На это мент помолчал значительно, сплюнул себе под ноги, развернулся, не попрощавшись, и направился к своей иномарке.

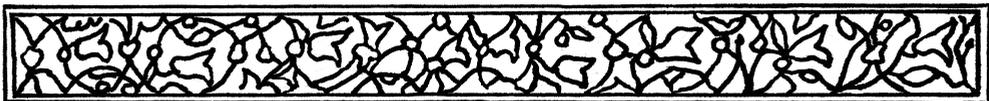
– Зря ты так, Тарасик. Надо было тебе удовольствоваться ментовских ветеранов хотя бы и из своего кармана. Не накликал бы теперь на нашу голову неприятностей.

Кинематографист обернулся. Это Славик сидел на месте испарившегося вдруг Федьки Кнута и невесело кривил губы. Камера, уже зачехлённая, лежала рядом. Тарас попытался ковырнуть рукой точно так же, как проделал мент. В фильме это будет жест заправщика. Оба говённые провинциалы, мент и заправщик – так какая разница?

– Всё путём! – пробормотал. – Богатенький Фимусик приедет и разберётся. Пошли теперь народ успокаивать. А то глаза уже начинают слипаться.

Последующие события показали, что прав оказался Славик.

Глава 8

Та же ночь, около двух часов. Бывший сахарный завод. Тень от сторожки сразу за воротами

Облегчённо вздохнул Пётр Трофимович, когда, через несколько минут после иномарки страшного мента Ханенко, через ворота в сторону города проскочила и старая «лада», на которой приезжал чернобородый толстяк, новый хозяин завода. А когда угас звук её движка на шоссе, осмелился он и голову поднять, посмотреть, не растаяли ли в темноте восставшие из гроба бывшие его сотрудники, а теперь, небось, и подельники. Да нет, никуда они не делись. Встали уже на ноги и как раз отряхиваются. Труха всякая с них сыплется, прошлогодние листья, пыль, полусгнившие дубовые орешки – и очень захотелось Петру Трофимовичу, чтобы только это.

– Чего разлётся, Петро? Притомился, что ли? – поинтересовался приставучий Карякин, затем присмотрелся к Левчуку и вытащил у него из шеи ещё одну щепку. – Пора и на разведку, мужики. Айда по-тихому до конторы.

– Если мне будет позволено заметить, – отозвался главбух, – хотел бы обратить ваше внимание на то, что лампочка над входом в заводоуправление не горит. А это благоприятствует задуманному нами мероприятию.

– Не горит потому, что её пацаны выкрутили, а вкрутили в фонарь над курилкой, – жёлчно пояснил Каря-

кин. – Да, нам на руку. Но хреново, что новый хозяин, как вы сами видели, вась-вась и с ментами, и с кофдой.

– Чем ночь темней, тем ярче звёзды, – это Пётр Трофимович от страха продекламировал. Не хотел пугать подельников, но увиденный под конторой мент Ханенко, сам о том не догадываясь, здорово поубавил в нём пьяного куража. Этим ужасным ментом крольчанские матроны пугают малых детей, потому что с проштрафившимся или просто не приглянувшимся ему взрослым мужиком Ханенко запирается в камере и избивает несчастного женским шерстяным чулком. Ничего фривольного: мокрый речной песок в чулок у него набит!

– Что значит – допился мужик... – и Левчук глубоко вздохнул. – Эх, до чего же завидно!

Сказать, что заводоуправление сияло огнями, было бы большим преувеличением. Светились два окна слева от входа, и только. Не видно было за решётками и стёклами ни штор, ни занавесок. Подельники подкрались к крыльцу, и Левчук подёргал за ручку. Никакого результата.

– Заперлись они. А вы чего ожидали? – прошипел Карякин. – А ты, Харько, не желаешь ли в щель протиснуться и нам изнутри открыть? Обещал ведь!

Левчук только руками развёл, при этом стал похож, как показалось Петру Трофимовичу, на широкую и плоскую рыбу с плавниками. На какую – на леца? На камбалу? Отвлёкся Пётр Трофимович и пропустил сказанное Карякиным. Но поскольку мертвецы сосредоточились на сей раз под ближайшим от крыльца окном, сообразил он, что теперь станут искать не защёлкнутое на шпингалет окно. Увы, такого не обнаружилось.

– Хоть посмотреть, чем прислужники толстого гада занимаются в конторе, – это опять Карякин предложил. И отправил Петра Трофимовича поискать какой-нибудь

ящик, чтобы на него забраться. Поплёлся бывший технорук к бывшей заводской столовой: там, возле чёрного хода, раньше всегда высилась пирамида ненужных ящиков. По дороге ему вдруг захотелось проснуться. Во-первых, совесть надо иметь: и так ведь проспал, пьяненький, чуть ли не весь день. А во-вторых, сон продолжался как-то скучно, и вот – послали его за ящиком, словно мальчика на побегушках...

На месте кучи ящиков обнаружилось только старое кострище. Вспомнил тогда Пётр Трофимович, что неподалеку пожарный щит, а возле него два ящика для песка. Оказалось, что пожарный инвентарь разворован, только на выщербленный топор никто не покусился, один из красных ящиков полон слипшегося песка, а из второго для какой-то надобности песок выгребли, едва на доньшке остался. Ухватился Пётр Трофимович за ручку сбоку, потащил пустой ящик. На полпути до конторы утомился, лёг животом на крышку деревянного короба... В глазах помутнело, он их и закрыл. Успел только подумать, что не по чину было Карякину командовать им, техноруком, самому мастеру надо было подсуетиться. Однако же ящик, даже и пустой почти, тяжеловат, и у Семёна запросто могла бы оторваться рука... Тут перед ним закружились разноцветные кольца, потом закачались перед носом мелкие волны на родной речке Лубеди. С чего это вздумалось ему купаться, ведь вода в Лубеди отравлена? И в самом деле, как отвратительно вдруг завоняло!

Очнулся Пётр Трофимович и увидел, что это Карякин трясёт его за плечо, ворчит. Мол, кончай ночевать, вроде... Это же надо! Чтобы во сне ухитриться не только заснуть, но и проснуться... Дотащили ящик вместе, поставили под одно из освещённых окон. Припомнилось

Петру Трофимовичу, что там была раньше бухгалтерия, предложил посадить первым главбуха.

– Нет, спасибо, – отказался Порфирий Исаакович. – Чтобы я опять расстроился? Не уверен, что и в собственный кабинет мне захотелось бы заглянуть.

А Левчук уже залазил на красный ящик. Уцепился за оконную решётку, осторожно выпрямился. Замер.

– Чего там видишь? – пропищал Карякин.

– Две койки, расстеленные, и на каждой по бабе.

– Голые? – Карякин с надеждой.

– Интересные хоть? – это уже главбух.

– Сами, блин, посмотрите, – и Левчук изогнулся, попытавшись пожать плечами. – Смалят обе и бухают по глоточку, культурненько так. Одна из фляжечки серебряной, у другой от неё же, фляжки, стаканчик.

– Ладно, слезай уже, – потянул его за полу ветхого пиджака Карякин. – Эх, это сколько же лет мы, мужики, ни одной бабы не видали!

– Эти не для тебя, Сеня, – прошипел Левчук, спрыгивая, и Пётр Трофимович показалось, что подуй сейчас ветер, и отнесет беднягу к самому забору. – Наши с тобой бабы на кладбище, лежат в могилах в полной готовности. И, главное, молчаливые такие лапочки.

Осталось неизвестным, что ответил бы Карякин, если бы не пришлось ему срочно присесть на корточки, а всем остальным прятаться за ящик. Потому что в окне появилась тощая брюнетка лет сорока пяти, в халате и с бигуди на волосах. Подёргала-подёргала она за форточку, а когда форточка распахнулась, наконец, раздалось:

– Ну, Клабочка, ты не говори так, я этих мужчин насквозь вижу...

– А я вижу, что мы не в лучшей форме, вон у «лейб-доставалы» и губы отвалились, – сообразил главбух ужасную улыбку, тем боле ужасную, что только угадывалась

она в полутьме. – Однако насквозь, ей-же-ей, покамест не просматриваемся...

Из форточки потянуло табачным дымом, даже приятным среди смрада, при каждом движении струящегося от покойников. Пётр Трофимович хотел было вставить свои рубль-с-полтиной: лет двадцать, мол, не видали вы баб, и вот вам теперь на посмотрение старая вешалка с ногами-палками, но сам почувствовал, что малость припозднился с этой колкостью. А там ещё и рычание мощного движка донеслось с шоссе, заметались по двору белые отсветы фар. Живые мертвецы посыпались на землю, а с ними и Пётр Трофимович. Через открытые ворота пролетел чёрный джип, затормозил у крыльца. Хлопнула дверца, а из освещённой комнаты донесся стук двери.

Потом мимо протопали две пары ног, толстого парня в шортах и худышки в шортиках, но на высоких каблучках. Парень проворчал:

– А ведь днём этой кучи тряпья здесь не было... Что только рогули вытворяют!

Стук каблучков на крыльце, двери отворились. Та крашенная дылда из освещённой комнаты встретила молодую пару не весьма любезно, но впустила, и слышно было, как заперла за ними. Через пару минут за углом конторы осветилась полоска травы чуть ли не до корпуса цеха дефекации. Три мертвеца и живой мститель переглянулись и, не сговариваясь, ухватили совместно ящик и подтащили под новое окно-витрину.

И секунды не прошло, как кладбищенские жители уже стояли на ящике, при этом главбух и снабженец с двух сторон уцепились за мастера. Красный ящик потрескивал, крышка прогнулась, однако держалась. Вот

только Петру Трофимовичу места не хватило, о чём он не замедлил пожаловаться свистящим шепотом. На что Карякин:

– Потерпи, Петро. Вон тебе Харько расскажет, что увидит.

– Вот спасибо! Это же мой кабинет был...

– Что было, то сплыло, – это уже Левчук его обрадовал. – Четыре койки, на двух мужики спят, видно, рассердились, что свет толстяк врубил, руками на него машут. Успокоились. На полу всякой техники навалом.

– А девка там?

– Здесь, никуда не делась... Ничего себе! Раздеваются оба... Во блин!

Тут Левчук замолчал. Все трое живых мертвецов замерли, затаили дыхание. «Никак снова окочурились», – испугался Пётр Трофимович. Да нет, стоят же, не падают...

– Что видишь? – потянул он за полу Левчука.

– Ну... Парочка не в футбол тут играет, а я тебе не комментатор, не Котэ же Махарадзе. Да и слова про траханье не все знаю...

– Трофимыч, мы же с тобой ходили на порнуху к цыгану в видеосалон, – просипел Карякин. – Вот это и есть то самое... Эх, и чем это я, братцы, всю свою жизнь занимался?

– Тебе твоя Тамара хрен бы такое позволила... Ого!

– Прямо тебе кабельное телевидение, – подал голос главбух.

– И где это вы в Крольчанске надыбали кабельное телевидение, Порфирий Исаакович? – сдерживая природное ехидство, поинтересовался Карякин.

– А я в кино видел. У того же цыгана... О! Ну, уж этим-то, я полагаю, и в нашем околотке никого не удивишь... Мать моя женщина! Бежим!

Вот выдержала же крышка красного ящика вес трёх стоявших на нём мертвецов, а когда они разом спрыгнули, с громким треском разломалась. Пётр Трофимович остановился передохнуть, не добежав до тёмных ворот. А тут и мёртвые сотрудники подоспели. Отдышался экс-технорук и говорит:

– Что-то не понял я юмора, мужики. Почему вы их боитесь и от них тикаете? Ведь договаривались мы, что накажем подлецов...

– Верно, Трофимыч, светлая ты наша голова! С чего это вам вздумалось кричать «Атас!», уважаемый Порфирий Исаакович? – поддержал его Карякин.

– Можно подумать, что вы сами не видели, Семён Макарович, как девица повернула голову к окошку! Увидала, шлюшка белобрысая, наши рожи, разинула ротик и тут же сомлела от страха.

– Ручки-ножки у ней подкосились, она шлёпнулась животиком на постель, а толстый хахаль тоже потерял равновесие – и на неё сверху... Да, уж! – и Левчук сделал попытку облизнуться. Забыл бедный, что плоти на губах у него почти не осталось.

– А вы и рады, Харитон Ильич, посмаковать моральное разложение современной молодёжи! Мы не их испугались, а того, что очутились в нелепой и двусмысленной ситуации подглядывания за парочкой студентов, занимающейся этим, как его, сексом. Вот почему мы бежали!

– Говорите за себя, я как раз не подглядывал, – с обидой подчеркнул Пётр Трофимович. – Предлагаю территорию завода не покидать. Пущай они нас боятся, сволочи. Пойдёмте-ка в курилку, перетрём результаты сегодняшней разведки.

Вот так они вернулись почти к самому заводууправлению, от которого позорно ретировались. Решительно

и смело, как настоящим хозяевам завода и положено, расселись в курилке на скамьях, а Карякин даже бычок нашел, брошенный кем-то из молодой коды. Технорук достал из кармана спички, и дал ему прикурить. Не без труда. Ведь ветерок поднялся, листва ближних старых акаций зашумела, сухая ветка треснула невдалеке. Фонарь над головами мертвецов принялся раскачиваться, прихотливо освещая и без того безобразные лица, так что Пётр Трофимович, пряча спички, предпочёл отвести глаза. Впрочем, не успел никто и рта раскрыть, как «Лейба-проходимец» взгромоздился на стол и выкрутил лампочку.

– Нам ещё пригодится, – пояснил.

– И куда ты её в могилке подключать станешь? – ухмыльнулся Карякин. – Тебе ж её и в задницу вкрутить не получится.

Левчук промолчал, а главбух прикрикнул:

– Кончайте языки чесать, а то ещё раньше времени отвалятся!

– Шутка! – это Карякин встрял.

Главбух блеснул на него пустыми белками глаз и продолжил:

– Давайте уже начнём совещание, а то ещё прозаседаем до самого утра. Тебе слово для доклада, Пётр Трофимович. Только прошу коротенько.

И тут почудилось техноруку на мгновение, будто вернулись прежние времена, и они сидят за длинным столом для совещаний в просторном и светлом директорском кабинете. Гендиректор Глеб Александрович укатил в Киев, в министерство, оставив за себя Порфирия Исаковича. Пётр Трофимович поднялся, пошарил по карманам в поисках рабочего блокнота, махнул рукой и начал:

– Да куда уж короче, Порфирий Исаакович? Я так полагаю, что до простых работяг и студентов-практикантов нам дела нет. Наша задача ограниченная – наказать только нового хозяина да ещё директора-предателя. Вот и надо решить, как наказать.

– Вора и предателя – к ногтю! А напугать всех! – шлёпнул по столу рукой-ластой Левчук.

Помолчали. Потом Карякин засипел с полной на сей раз серьёзностью:

– А заманить обоих в мой цех. И в барабанную свекломойку! Вот вы без конца надо мной потешались: «Цех дефекации, цех дефекации...». Так получите настоящую дефекацию: уж точно все дерьмо из говнюков этих выжмет!

Двое мёртвых заводчан и один живой переглянулись без тени улыбки. Им самим давно уже осточертели тупые подначки невежд насчет дефекации – в производстве сахара так называется основной технологический процесс, а именно извлечение из свеклы сырого сока при помощи извести. Бывший главный бухгалтер заявил озабоченно:

– Ох, боюсь я, что мы слишком уж торопим коней, товарищи. С Глебом Александровичем, у меня язык не поворачивается теперь назвать его генеральным директором... с ним-то всё ясно: уж точно предатель и взяточник. Собаке, как говорится в народе, собачья смерть. А этот буржуй, хозяин завода, что он за человек? Мне он показался довольно безобидным...

– Ничего себе безобидный! – возмутился Карякин. – Шоблу уголовную купил на корню, милицией повелевает!

– Олигарх хренов! – это Пётр Трофимович вставил умное словечко. Аж на душе потеплело.

– А заносчивый какой, товарищи, до чего же тщеславный! Возит с собою оператора, чтобы тот каждый его шаг снимал для кинохроники. И смотрите, какой он подлый лицемер: у самого денег куры не клюют, а ездит на старенькой «Ладе».

Кивнул Левчук, соглашаясь с главбухом, и заметил горько:

– Вот такие и становятся новыми хозяевами жизни, блин. Такой скряга складывает всю жизнь копеечку к копеечке, вовремя поменяет накопленное на зелёные, а у ханыг наменяет ваучеров на водку. Выждет подходящий момент, а потом как бросится, будто котяра на мышшь – и хап! Лучший в области сахарный завод себе отхватит!

– Верно, Харьков! А прислугой всё заводоуправление набил. Самых вредных подручных тоже не мешает – того, в барабан!

– Притормози, Сеня! – взмолился Пётр Трофимович. – Во-первых, новый хозяин человек симпатичный, этого у него не отнимешь. Во-вторых, как ты его засунешь в свекломойку, если на заводе чуть ли не вся техника демонтирована?

– Это ты брось – симпатичный! Вот все знаменитые жулики и маньяки, они как раз симпатичные, Петро! Да вспомни хоть бы Чикатило. А этот для чего, как вы думаете, умники, чёрную бороду завел? Что под нею прячет?

– И что же, Сеня? – разинул безгубый рот Левчук.

– Да дьявольские знаки – что ж ещё? Свастику ту же!

Довольный эффектом, произведенным на сотоварищей, бывший мастер цеха дефекации кашлянул и продолжил уже деловым тоном, на совещании уместном:

– А казнить – да найдём мы, чем казнить. И если на территории завода хоть одна центрифуга осталась, да

разве мы с твоими золотыми руками, Трофимыч, её не запустим?

– Главное – свет горит, подстанция, значит, работает. На такую ораву им придётся и столовую подключить к сети, – поддержал приятеля Левчук. – А не хватит вам, технарям, того же кабеля – авось я не разучился доставать.

Бывшие сотрудники «Лейбы-проходимца» только переглянулись. И никто из них не встревожился, когда не вдалеке уже вдругорядь треснула сухая веточка.

А там, в темноте, прятался осветитель Димон. Несколькими минутами ранее он очнулся на кровати в комнате «4» и, не открывая ещё глаз, задался вопросом: что его разбудило? Будто пьяные голоса... Да и свет в комнате никто не позаботился выключить. Почему он лёг спать одетым? Отвратный привкус во рту подсказал, почему. Зато голова ни грамма не болит – что значит чистый, сельский воздух! Димон отрубился сразу после того, как принял на грудь граммов триста в компании Кости-звуккооператора и двух водил. Такое с ним теперь случалось часто, и не было поводом для расстройства. Правда, он проснулся, когда местные буянили под окнами, однако не в том был настроении, чтобы махать кулаками, посему повернулся на другой бок и снова заснул, как младенец.

Прошёлся по комнате, лавируя между сложенной на полу аппаратурой. Чуть не наступил на плетеный босножек на высоком каблучке. Другой прикрыт небрежно сброшенными коротенькими шортами. Димон представил ситуацию, в которой это произошло, и невольно облизнулся. Поднял глаза: на железной спинке койки молодчика-мажора висели рядом крошечная жёлтая маечка и шорты огромного размера. Владелица маечки прикорнула на кровати рядом с мажором Паньком,

даже не позаботившись прикрыть свои скудные прелести одеялом. Присвистнул тихонько Димон и прошептал:

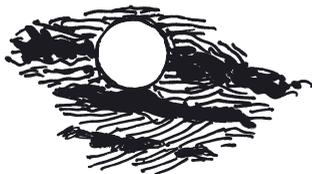
– В жизни не видал такого бардака!

Тут же ухмыльнулся: да видел он, видел на самом деле бардак ещё покруче – чего только не насмотришься в общаге? Распахнул форточку, и тут переполненный мочевой пузырь могуче заявил ему о себе. Вечером, вроде, Димон искал уже туалет внутри этой кирпичной коробки, но вот беда: совершенно не помнил, чем закончились поиски. Тогда на воздух! На целебный свежий воздух! И под колесо автобуса отлить или просто под деревом.

Уже с крыльца услышал Димон голоса и, выглядывая из-за угла, ожидал увидеть всё тех же местных хулиганов, оравших под окнами, но... Зрелище рассеявшейся в курилке компании заставило его разинуть рот – и вообще окаменеть, когда в десятке метров от него мертвец, плоский, словно вытертый и пыльный ковер, взобрался, изгибаясь, на стол и потянулся за лампочкой. Лампочка потухла, и Димона обдал холодный пот. Ему почудилось, что жуткие гости замыслили в темноте добраться до него – вот зачем потушили свет! В голове у Димона стучало, не всё сказанное за столом воспринималось сознанием, но кое-что он расслышал-таки и понял.

Опомнившись, решил он ретироваться. Смывался на цыпочках, но сразу же наступил на сухую ветку, услышал треск и чуть не помер со страху. Мертвецы продолжали разговор, на него не бросились. Только оказавшись за входной дверью и задвинув засов, почувствовал он себя в относительной безопасности. Скудное освещение вестибюля поначалу ослепило. Димон опустил глаза: на выцветших добела джинсах расплывалось, устремляясь вниз, позорное тёмное пятно. Вот теперь уж непременно надо было искать туалет, а рядом он видел,

кажется, и кран над раковиной. Увы! Никак нельзя ему действовать по первому побуждению и литься отсюда, куда глаза глядят! Ведь подработка на этих съёмках – единственная возможность хоть частично рассчитаться с долгами. Остыв, Димон решил, во всяком случае, дожждаться, пока высохнут постиранные джинсы и трусы. А днём обязательно поговорить с режиссёром.

Глава 9

7 июля. Позднее утро.

Центр Крольчанска. Ресторан «На волнах Лубеди»

Тарас как раз дожёвывал творог и неприязненно поглядывал уже на стакан с кефиром, готовый поскорее запить рыхлую желтоватую кислятину жидкостью не менее противной, когда Славик, поглощавший напроотив него третий подряд «салат из свежей капусты», издал восторженный вопль, а затем сработал за целый цыганский хор:

– Он приехал, он приехал, гениальный наш шлимазл!

И в самом деле, к их столику приближался, окидывая лучистым взглядом зал ресторана, полутёмный этим пасмурным утром, не кто иной, как Веня Безыменский, с лёгкой руки богатенького Фимы – автор сценария будущего шедевра украинского кино. Рассеяно, с небрежной улыбкой Джоконды ответив на приветствия Тараса и Славика, он уселся за стол, брякнул на второй свободный стул наплечную сумку и тут же нечаянно опрокинул локтем полный стакан. Кефир разлился на скатерть, и без того отнюдь не свежую.

Старые знакомцы прищельца переглянулись, однако вопрос, на правах начальника, задал Тарас:

– Поведай мне, душа любезный, что побудило тебя чирикнуть прямо с утра?

К их столику уже подходила недовольная, губы кровавым квадратиком, лет сорока, официанточка Катя. Боязливо на неё оглянувшись, Веня пояснил вполголоса:

– Я провёл безумную ночь, сна не в одном глазу. Пили после полуночи одно белое сухое. Опоздал на первую маршрутку, удалось поймать частника. Мужик решил почему-то, что я с большого бодуна, и предложил полечиться. Чашка двойного кофе – и я опять человек. Слышь, Тарасик? Снова готовый на подвиги интеллекта.

Катя стояла уже у стола, руки с блокнотиком держа за спиною и тем как бы подчёркивая, что и не подумает менять скатерть. О роде человеческом у неё сложилось весьма критическое мнение, столичную кинематографическую тусовку, отмечавшую вчера в заведении приезд и начало съёмок, воспринимала как стадо шимпанзе, сбежавшее из передвижного зверинца, а вот Славика-Асися явно желала приютить и откормить домашнею пищей. Во всяком случае, именно так Тарас воспринял перехваченные им томные взгляды Катиных густо подкрашенных оловянных глаз. Ну, а Веня – дело совершенно иное! Неизвестно, как обслужили бы Веню вышколенные официанты фешенебельного лондонского «Петруса», но на Украине ресторанная прислуга с некоей мистической солидарностью демонстрировала к душевному шлимазлу чётко выраженную идиосинкразию. Сам Веня пояснял это тем, что в ресторане он, поддав, тут же начинает шляться от столика к столику, чтобы превратить скучный кабак в милую компанию подружившихся людей, официанты же выступают как надсмотрщики, тупо проводящие выгодную и комфортную для них политику нудного порядка.

Катя соизволила-таки явить миру блокнотик, оторвав его от пышной задницы, спросила сквозь зубы, что будем заказывать.

– Два двойных кофе, один сейчас, второй в конце завтрака. Бифштекс, можно из свинины, – отрапортовал Веня.

Насчёт свинины, это он на Славикова «шлимазла» отвечал. Веня из обычной советской, атеистической еврейской семьи, все скверные привычки у него чисто славянские, но вот самоопределение на идише оставил как память о тех временах, когда интересовался своими этническими корнями и обязательно провожал родственников и знакомых, уезжавших в Израиль, стараясь напоить каждого до положения риз. Самому же ему эмигрировать и в голову не приходило.

– Какие вам там бифштексы с утра? Разве что на бизнес-ланч. Берите яичницу-глазунью... Можно на сале, вот.

– Прошу извинить, Катя, но ваш кофе не совсем кофейный, – встрял Тарас. – А ты, Веня, попроси кипяточку в чашке, сахарницу, да и смешай себе растворимый по вкусу, банка на столе. И вы записывайте всё, что закажет этот господин, на общий счёт съёмочной группы. Это наш сценарист, известный писатель Вениамин Безыменский. Можете и кофе туда вписать, отчего же нет.

– Где-то я слыхала уже вашу фамилию, – подобрела Катя.

– Если на казённый счёт, тогда две яичницы, пожалуйста, – это Веня прокачал ситуацию, а когда Катя, насупившись от усердия, принялась черкать в блокнотике, попытался заглянуть ей под руку. Зачем бы ему? Просто привык повсюду совать свой длинный шнобель.

Славик, подмигнув Тарасу, принялся подначивать:

– А ты открой, открой, с кем безумствовал ночью.

Веня молча кивнул. Но тут вся троица отвлеклась. Наблюдали за сложными по амплитуде движениями Катиных бёдер под короткой чёрной юбкой, над короткими

белыми голеньями. Веня рассеянно, Славик – с этим своим радостным «Всегда готов!», труднопереносимым для такого разочарованного романтика, как Тарас, а сам Тарас – только затем, чтобы не реагировать на появление в зале Степана Клавдиевича под ручку с обеими дамами, справа со Стасей, слева с Алевтиной Францевной. Успел, впрочем, углядеть, что изменщица свежа, как майская роза, Степан Клавдиевич выглядит усталым, а тщательно подкрашенная Алевтина Францевна в боевом настроении.

– Не составить ли нам столы, как вчера вечером? – предложил Славик. Катя уже скрылась за дверью кухни, откуда пахло смрадом много раз использованных для жарки скверных жиров.

Тарас издали приветствовал вошедших жестом давешнего мента. Промолвил, улыбаясь:

– У нас ведь серьёзный разговор о сценарии предстоит. К тому же при дамах Веня постесняется отчитаться тебе о прошедшей ночи.

– При дамах? Постесняюсь, ну да, – с подозрительной стоворчивостью согласился Веня. – Вы знаете, конечно же, что в Киеве открылся фестиваль кукольных театров...

– Это «Арлекин в петле»?

Веня ответил на ухмылку Славика ещё более отчаянной ухмылкой. Сосредоточился, соображая, с чего начать. Тарас знал, что на самом деле Веня в грош не ставит представительниц прекрасного пола, если речь идёт не об актрисе кукольного театра. А вот насчёт кукольных актрис у него пунктик. Вообще-то Веня начинал ещё на исходе «перестройки», когда, презрев инженерное образование, закончил сценарные курсы и разжился корочками члена союза сценаристов, позволявшими не ходить на службу, а вести жизнь вольного стрелка, теперешним

же языком, фрилансера. Перо у него лёгкое, строчил себе без хлопот тексты для песен в кинофильмах (песнями «из кинофильмов» они не становились), сценарии, как правило, купленные студией, но оставшиеся на полках, ситкомы для телевидения, домашние задания для КВН, утренники для детей... И вдруг обнаружил свою, родную нишу – пьески для кукольного театра. Хорошо пошли! И начали провинциальные кукольные театры приглашать к себе автора – живого, доступного, с телефоном, а не какого-нибудь там Шарля Перро. Для того приглашать, чтобы помог в постановке своего собственного творения. Вот в этих командировках и окунулся Веня в волшебный и соблазнительный закулисный мир, где господствовали заранее к нему расположенные артистичные и пылкие женщины. И пошла писать губерния...

В попытке осмыслить жизненное увлечение давнего знакомого Тарас пришёл к выводу, что беззаботному вольному писаке удалось высвободить сексуальную энергию затворниц кулис, накопленную в их незавидной творческой жизни. Ведь проходят их рабочие вечера в полутьме и безвестности: спрятанные от зрителей за ширмой, эти носительницы актерского темперамента вынуждены часами, с поднятыми вверх руками, произносить дебилские реплики Мальвины или Красной Шапочки. Тарасу даже казалось, что едва ли в провинциальных кукольных театрах Украины найдётся хоть одна актриса детородного возраста, которую Веня не осчастливил бы своей любовью. Можно себе только представить, что происходит, когда Венин своего рода гарем съезжается в Киев на очередной фестиваль кукольных театров! Любой нормальный мужик спрятал бы мобилку в шерстяной носок, завернул бы носок в свитер, засунул бы свитер на самое дно рюкзака и смылся бы на эти дни

из дому – хоть на дачу, даже и зимой, хоть в осенний лес без палатки и даже без спальника. Только не Веня! С открытым забралом идёт он навстречу любви и ревности, побеждает – и странное дело, ему даже ни разу не расцарапали толком физиономии...

– ...вдруг в три утра её мобила играет...

– «Позвони мне, позвони...»? – Славик сочувственно.

– Нет, начало «Лунной сонаты». Золя – девушка изысканная. А это муж дозвонился. Я рислинг по бокалам разливаю, но и мне слышно, как мужик поет. Решил, дескать, справиться, удалось ли ей заснуть: она-де всегда плохо засыпает на новом месте...

Перестал Тарас вслушиваться. Поиграл в гляделки с коварной Стасей, специально, небось, усевшейся к нему лицом, отвернул от неё свой светлый лик и принялся дожидаться, пока Веня наговорится, насытится яичницей с беконом и зальётся кофеём. Тогда в тачку его – и вместе со Славиком на завод, чтобы на месте родил свои предложения, ведь без переделки сценария не обойтись. А потом сразу же снять эпизод, в котором Богдан и Маричка пытаются заняться сексом прямо в кемпинге. Ах да, там и Алевтина Францевна участвует, придётся подождать её тоже.

Глава 10

В тот же день. Тогда же. Спальня в домике Петра Трофимовича

Давно проснулся Пётр Трофимович и глаза давно уже открыл, вот только боялся повернуть голову и осмотреться в спальне: нет ли там жутковатой тройцы бывших сотрудников, привидевшейся ему вчера? Смутно помнилось ему, что звал их к себе переночевать... Тьфу, приснится же такое! Ещё будто бы плоский Харько в ответ предлагал ему своё гостеприимство, а багрово-синий главбух вежливо отменил это приглашение в могилку как преждевременное. И пошли мертвецы отдохнуть до вечера под свои могильные холмики.

Храбро оглядевшись, Пётр Трофимович не обнаружил в спальне чужих и, заранее привычно поойкивая, сел на кровати. Ойкал он, как выяснилось, напрасно: голова от перемены положения не взорвалась болью. И общее самочувствие не в пример лучше вчерашнего: есть вовсе не хотелось, только похмелиться. Увы, денег не опохмелку не имелось. И не появятся они раньше третьего августа, когда на почте начнут выдавать пенсию на букву «Д». Пётр Трофимович был искренне благодарен покойному родителю за фамилию Дымов, ведь какой-нибудь Шапокляк, родившийся под несчастливой звездой, вынужден будет дожидаться двадцать девятого числа. Наученный горьким жизненным опытом, Пётр Трофимович, получив июльскую пенсию, и не подумал отдать долги соседкам. Отложил на спиртное минимальную сумму, а на остальное накопил впрок продовольствия: в

самом дешёвом магазинчике нагрузился десятком пакетиков вермишели «Мивина», килограммовыми упаковками пшена и макарон, несколькими банками самых дешёвых «Бычков в томате», бутылкой подсолнечного масла, а на базаре у одной старухи выторговал несколько кило картошки и у другой, как деликатес уже, кусок сала. Да гори она, вся эта жалкая еда, синим пламенем! И пропади оно пропадом, унижение таких нищенских покупок!

Но где раздобыть денег? Из утвари, которой побрезговала Татьяна, в доме кое-что можно ещё попробовать сбить с рук на «блошином рынке», но и толчок соберётся только в субботу, а сегодня всего лишь понедельник. Перехватить до пенсии? У кого? Все окрестные добросердечные и нищелюбивые старушки успели уже заделаться его кредиторами, и можно только надеяться на старческий склероз у какой-нибудь, но таковым родичи и денег на руки не выдают. У главбуха, может, у Порфирия Исааковича, как в былые времена? Видел ведь его недавно...

И тут замер бывший технорук, и бледное чело его оросил холодный пот. Припомнилось ему, в каком виде общался с ним Порфирий Исаакович, и догадался он, что отнюдь не во сне это происходило. Быстрой своей соображалкой оценил ситуацию и пришёл к выводу, что перед ним две возможности. Первая: добровольно попроситься в областную дурку и сдать на милость врачам. Плюсы: доцента Аристарха Николаевича, которого туда перевели, можно будет поставить на место своим новым и уникальным мистическим опытом, это раз; врачи помогут избыть тягу к спиртному и избавят от белой горячки, два. Минусы: горько самому же и похерить всю замечательную и много сил отнявшую комбинацию, с помощью которой освободился из дурки, раз; в

гробу он видал по своей воле снова нырять в то полугодное и бесправное существование, два. И то ведь следует учесть, что некому приносить ему с воли разносолы к скудным больничным кашкам и супчикам, покупать необходимые лекарства и подмазывать персонал. Вторая возможность – оставить всё как есть. Здесь плюс, и колоссальный – при благоприятном случае можно будет утешиться алкоголем. Ведь глупо было бы отнимать у себя последнюю радость жизни! И ради неё стоит перетерпеть такой минус, как компания смрадных и ужасных видом мертвецов. Тем более, что вот промелькнула же ведь только что идея, как с их помощью раздобыть денег на опохмелку.

Чтобы активизировать умственный процесс и, в частности, поймать за хвост ускользнувшую мысль, Пётр Трофимович улёгся на кровать, закрыл глаза и вытянул руки вдоль туловища. Такую позу он привык принимать в дурке, тогда больные меньше приставали. Вполне возможно, что психи принимали его за мёртвого, но это не имеет уже значения... Несколько безрезультатных попыток вспомнить – и вот она, идея! Очаровашкам-мертвецам ничего не стоит позаимствовать безденежно пару бутылок настоящей водки в магазинчике. Едва ли бабка Фросина посмеет им отказать. Да она завизжит и свалится в обморок! А тогда можно будет и выручку в ящичке под кассой переполовинить...

Горестное пребывание в колонии общего режима существенно изменило отношение Петра Трофимовича к заповеди «Не укради». Нехорошо красть у своего, у вора, за такое крысятничество могут жестоко наказать. И поделом. Все же остальные кражи есть перераспределение собственности. С позиции вора оно всегда справедливо, а насчёт планируемого терпилы следует в каждом отдельном случае поразмыслить самому или перетереть

с опытными ворами. Та же бабка Фросина торгует в магазинчике «У тёти Симы», и все старожилы прекрасно помнят, что то был кондовый советский гастроном. Украдена, стало быть, у государства торговая точка, и почистить её большого греха нет. Тем более, что самолично Пётр Трофимович на дело не пойдёт ни при какой погоде. Но в этом случае... Стоит ли мелочиться? Ведь ожившим мертвецам и банк взять – это раз плюнуть!

Открыл глаза Пётр Трофимович, увидел давно осточертевший потолок в грязных пятнах и трещинах, и снова смежил веки. Банк, банк... Смешно, но в маленьком и бедном Крольчанске аж пять отделений различных банков, какое из них брать? Говорят, что частные банки принадлежат бандитам, а с ними лучше не связываться. Остаётся «Сбербанк», он вроде государственный... А с государством у простого человека свои счёты. Может быть, в Киеве и трудится душка-президент, добрый, как папа Карло, и в Верховной Раде депутаты сидят с лучезарными улыбками, ночей не досыпают, всё придумывают, благодетели, как сделать тебе и всему народу хорошо, но здесь, в родном Крольчанске, государство – это судья-«позвоночник», к тому же и продажный, да беспредельщики-менты. «Сбербанк», вот что следует брать! Но вот как...?

Попытался он припомнить кинокартины, в которых грабят банки. Ну, «Бонни и Клайд»... Бонни эта, блондиночка, там шибко симпатичная, он тогда, в те перестроечные годы, ещё не чуждый игривости в отношении противоположного пола, к ней всё больше присматривался. А банки парочка грабила просто: револьвер касиру в зубы – и ходу на авто. Главное было правильно припарковаться, чтобы после ограбления спокойно уехать. А тут им не на чем уезжать, вот в чём загвоздка. Надо, стало быть, найти место, куда можно будет пеш-

ком прибежать и там пересидеть. Ладно, это потом... Ещё всплыло в его памяти кино, тоже штатовское, где банк ограбили трое дряхлых старичков-пенсионеров, которым надоело перебиваться с хлеба на воду. То бишь с чипсов на растворимый (вот где ужас-то!) кофе. Перед глазами встала дрожащая стариковская рука с пистолетом, пистолет выпаливает – в стенные часы, для остротки. А вот его подельникам пистолетов негде взять, разве что ему самому вырезать, как в детстве, из дерева и покрасить тушью. Теперь, если Татьяна-беглянка бутылку с мебельным лаком из кладовки не выбросила, можно ещё и лаком сверху... Лаком? Да лак ещё неделю будет липнуть и вонять, – это если за двадцать лет в бутылке не закаменел! И зачем подельникам пистолеты? Прекрасно мужики обойдутся без пистолетов!

Будто вживую увидел Пётр Трофимович, как в прохладный кассовый зал отделения «Сбербанка», куда он недавно сунул нос, наивно предположив, что именно там будут ему выплачивать пенсию, заскакивают три фигуры, с головы до ног замотанные в белые простыни. На пороге сбрасывают покрывала. Карякин с кладбищенской лопатой и главбух с пегой от старости хозяйственной сумкой устремляются к окошкам управляющего отделением и кассира, а вечно белозубый Левчук – к дежурному охраннику. Кто-то нажал колёном тревожную кнопку, потому что задрезжал звонок. В последний раз слышал Пётр Трофимович такой поганый звон, когда в Харькове едва не угодил под трамвай.

– Ограбление! Деньги на стол! – это главбух командует дребезжащим фальцетом и добавляет с укоризной. – Будьте любезны!

Тем временем Карякин, грязно матерясь, тычет через окошко лопатой в управляющего, не без оснований подозревая, что именно этот щеголеватый молодчик и

поднял тревогу. Управляющий с визгом уклоняется от лезвия лопаты, поднимает руки и в ответ на обвинения начинает громко икать.

Дежурный охранник разевает рот и чуть не попадает в него пальцем, которым только что ковырялся в носу. Дрожащей рукой пытается достать из кобуры свою пушку, но вытаскивает полкруга кровяной колбасы. Это завтрак, который он носит в кобуре, согласно мирной провинциальной традиции. Всмотревшись в Левчука, охранник протягивает ему колбасу и без чувств падает на плиточный пол. Тут изменение происходит в скучном украшении кассового зала, и такое изменение, какового и представить себе невозможно! Это валяжный президент на большом портрете холеной ладонью закрывает себе глаза, а другой рукой машет точно так же, как мент Ханенко. Отмашку дает: не связывайтесь, мол – не видите, что ли, с кем дело имеете?

Однако второй охранник не последовал мудрому указанию наивысшего начальства. Потому, наверное, что портрет президента висит как раз над каморкой, из которой парень выскочил. То ли близорукий, а очки носить стесняется, то ли вконец очумел от сна в неудобном положении, но только выхватил он из кобуры пистолет, с виду настоящий, и, держа двумя руками, как в американских боевиках, наставил его на главбуха. Вглядевшись в отменно глупое лицо паренька, тотчас же догадался Пётр Трофимович, что дурак давно мечтал пальнуть когда-нибудь в живого человека, а не в мишень, и счастлив, что вот, наконец, представился случай.

А главбух спокойно передаёт сумку белой, как мел, старушке-кассирше и поворачивается к охраннику:

– Не суетитесь вы так, молодой человек. Себе же во вред. Смотрите, как бы у вас не повисилось кровяное...

Не договорил Порфирий Исаакович, потому что отвлекся. А отвлекся потому, что глупый охранник нажал-таки на спуск, пистолет выпал и на высоком лбу бывшего главбуха, переходящем в сиреневую плешь, аккурат между двух сине-красноватых морщинок появилась тёмная дырка, а за затылком взметнулся горизонтально и опал небольшой бело-лиловый фонтанчик. Пожевал синими губами Порфирий Исаакович и обратился к Карякину:

– Не в службу, а в дружбу, посмотрите, пожалуйста, что у меня с затылком. Уж слишком сильно там зачесалось.

– А то у вас с затылком, – с неизменной весёлостью ответил мастер-покойник, – что придётся вам раскошелиться на шляпу!

– Ассигнование на покупку новой шляпы теперь не проблема, – добродушно констатировал Порфирий Исаакович и снова повернулся к охраннику. Опять пожевал губами, закатил свои и без того белёдые, но с желтизной, как протухший яичный белок, глаза и сделал зачем-то несколько глотательных движений. После чего, раскрыв рот, высунул язык. На языке все увидели блестящую, будто новенькую, пулю. Втянул внутрь язык – и вдруг выплюнул пулю прямо под ноги охраннику. И с укоризной. – Если уж стрелять, молодой человек, то серебряной пулей.

Лицо глупца в стильном чёрном комбинезоне сморщилось. Он заглянул в дымящееся дуло, расширил на встречу дыму свои ноздри, поставил пистолет на предохранитель, засунул в кобуру и аккуратно её застегнул. Сел на корточки под стеночкой, обхватил стриженую голову руками и завыл, между рыданиями выкрикивая:

– Нету серебряных! Не выдали! Начальство не выдало! А Якименко у них опять виноват!

Уже и мёртвые грабители исчезли, не забыв прихватить с собою драную хозяйственную сумку, набитую пачками сотенных в банковской упаковке, уже кассирша сумела разыскать белый патрончик с нитроглицерином на своём замусоренном столе и положить таблетку под язык, уже управляющий заставил себя икать не столь громко, а глупый охранник всё корчился под стеной, подвывал и роптал.

В таком жалком виде и застал его неустрашимый капитан Ханенко, прикативший по тревоге под жуткие, прямо тебе мороз по коже, завывания сирены. Обвёл он просторное помещение неусыпными своими очами и грозно спросил у кассирши:

– И как это ты, бабка, ухитрилась довести до такого состояния человека с ружжом?

– И как это ты, Дымов, встречаешь меня, своего уважаемого гостя?

Ахнул тут Пётр Трофимович, наяву услышав устрашающий голос, очнулся, в панике открыл глаза – а возле его койки в реале, а не в мыслительной плоскости мечты, стоит чугунной статуей страшный мент Ханенко. Первой мыслью Петра Трофимовича было, что у ментов появились новые усовершенствованные радары, где на мониторах можно читать преступные замыслы граждан. Словно некоей волной смело бывшего технорука на пол – и вот уже стоит он, вытянувшись, руки по швам, и поедает глазами капитана. Быть того не может... Улыбаться страшный мент, как это всем известно, не умеет, но вот сейчас из глаз-щёлочек – удивительное дело! – сочится некое благорасположение.

– И почему бы мне не сменить, это, как его, гнев на милость, а? Почему бы не похерить свою прежнюю директиву? Разве не лестно тебе, червяк ты ничтожный,

пыль ты лагерная, поработать на меня сексотом? Отправить тебя на завод последить за кинематографистами – не лучшее ли это решение для нас обоих? И неужели ты, Дымов, не догоняешь, что ждёт тебя, если не будешь доносить немедленно обо всём, что только разузнаешь?

Тут мент Ханенко достал из нагрудного кармана кожаный футлярчик, вытащил из него визитку и толстым пальцем выщелкнул её на грязный матрац.

Глава 11

В тот же день. Перед полуднем. Комната № 4 в кемпинге «Сахарок»

– Внимание! Всем приготовиться!

– Какого чёрта лысого? – процедил сквозь зубы Славик. – Какого пархатого дьявола мы не сможем снять это на студии, в павильоне?

– Ты уже спрашивал, – удивляясь собственному терпению, повторил Тарас. – И я тебе отвечал.

– Так ответь, будь другом, ещё раз. Быть может, теперь я пойму.

Тарас сжал зубы. И не подумает он в третий раз признаваться своему драгоценному оператору, что согласился с предложением Фимы сэкономить на аренде павильона, ибо пребывал в эйфории (как же, снимет полнометражный!), и ему тогда казалось море по колено. Да, это была его вина, а Славику из-за минутной слабости режиссёра-постановщика придётся тяжелее всех: он вынужден будет снимать в тесной комнате, кодуя исключительно с оптикой. Однако же все остальные успели уже неплохо поработать: Анна Вадимовна задекорировала три стены, которые будут в кадре – с дверью, глухую и с окном, Димон, бледный, словно с перепоя, худо-бедно установил устроившее Славика и Тараса освещение, Костя-звуккооператор ухитрился так поставить свои журавли с микрофонами, чтобы не попадали в кадр, а перед тем все дружно вытаскивали оказавшиеся лишними кровати и тумбочки. Под ногами у киношников всю дорогу вертелась баба Паша. В едином

лице совмещая администратора, сторожа и уборщицу кемпинга «Сахарок», объявилась она сегодня только после завтрака. Не имея никакого понятия о специфике кинопроизводства, шустрая старушка бурно протестовала против любых изменений в интерьере «Сахарка» и в качестве аргумента хваталась за швабру. Но теперь, когда всё готово, актёры уже на пороге, пора бы Славику и перестать ворчать... Ну, слава Богу, кивнул.

– Мотор!

Насупленная Клава, уже в гриме Девушки с веслом, но ещё не в гимнастическом белом купальнике и пока не обмазанная вся мелом, выдвинулась под объектив и щёлкнула своими полосатыми палочками на шарнире. Вдруг улыбнулась ослепительно:

– «Кровь на красном галстуке»! Студия «Самограй»! Режиссёр Хомчук! Оператор Польшенко! Синхрон! Кадр двадцать второй! Дубль первый! Всех – с почином!

Тарас успел ещё удивиться, где это она заработала на хорошего стоматолога, быстро всех и всё оглядел и, мысленно перекрестившись, подал последнюю команду:

– Начали!

И пошло, закрутилось. К сожалению, вошедшие в комнату блондиночка Нателла в роли Марички и Богдан, играющий своего тезку, держались перед камерой куда хуже, чем на последнем прогоне эпизода. У Тараса создалось впечатление, будто скучает на школьном самодеятельном спектакле, и удивительно было, как это Богдан ухитрился не повернуться к объективу спиной. И чему только их учат? Однако съёмку режиссёр предпочел не останавливать, ведь скованность персонажей зритель сможет списать на их смущение перед интимом, им задуманным. Звук записывался синхронно, руководить Тарас мог разве что мимикой и жестами, поэтому догадался скрестить руки на груди. Вот, деревянными

языками отгарабанивая реплики, начали горе-актеры раздеваться: Нателла стащила футболку, обнажив груди-прыщики, а за ней и качок Богдан явил камере свой могучий торс. Теперь целуются. Ложатся. Камера подъезжает ближе. Вроде нормально...

– Стыдобушка-то какая!

Это баба Паша высказалась в полный голос, кто ж ещё? Первым захохотав, Тарас выдает неизбежное:

– Стоп!

Водители уводят бабку-моралиста под белые руки. Во втором дубле студенческая парочка ведет себя уже более непринужденно, пока в своём как бы сеансе классической борьбы партнеры не переходят в партер. Тарас всматривается в Богдана – и не верит своим глазам: парень краснеет не только лицом и шеей, но и мощной грудью. На сначала пунцовых, а потом почти свекольного цвета щеках здоровый румянец, нанесенный гримёршей, выделяется уже светлым пятном...

– Стоп! Всем – перерыв.

Не позволяя одеться, в одних шортах и босого, Тарас увлекает Богдана в коридор. Там баба Паша, придерживая за пуговицу рыжего водилу «Лихтвагена», просвещает его насчет грибов: в эту пору года вылезают-де в лесу разве что после долгого дождя. Баба Паша окидывает Богданову мускулатуру оценивающим взглядом, и Тарас, чертыхнувшись, принимается толкать двери выходящих в коридор комнат, пока не поддается дверь с чёрным номером «5». Пониже номера кнопкой приколота открытка, изображающая розовую орхидею.

Это явно комната женщин съёмочной группы, здесь пахнет духами, сигаретным дымом и ещё чем-то неуловимо дамским. Тарас срывает со спинки стула рас-

правленную на нем цветастую блузку, подталкивает к стулу студента, а сам плюхается на кровать, изрядно её продавив.

– Давай колись, что с тобою стряслось.

– Неловко мне, Тарас Андреевич...

– Но ведь это я должен разругить ситуацию, священника или психолога у нас тут нет и не будет. Что тебя конкретно смутило, Богдан?

Пряча глаза, парень пояснил:

– Мне стыдно стало, что моя мама это увидит. Вот что.

– Какие глупости! Вспомни, что ты нанялся на работу, и обжиматься понарошку перед камерой входит в твои служебные обязанности. Это раз. И вся любовь именно для блезиру, мы ведь тут не порнушку снимаем. Все же понимают, что это только имитация... ну, настоящей пилорамы.

– Пилорамы? Ах да, понял... Я читал, что для сцен траха специально нанимают дублеров.

Тарасу безумно захотелось рассмеяться – надолго чтобы, со вкусом, однако удержался. Нельзя было расстраивать сосунка ещё больше, поэтому пояснил осторожно:

– Насколько мне известно, к этому приему прибегают, если у знаменитости в раздетом виде обнаруживаются телесные косметические проблемы, жирок, где не положено, к примеру.

– Целлюлит, что ли?

– Вроде того. А в других случаях... Смотрел «С широко закрытыми глазами» Стэнли Кубрика? Разве там кто-нибудь заменял отпадную Кидман и Тома Круза? А?

Покачал Богдан головой и снова завел свою шарманку: стыдно-де, что мама такое увидит. Тарас вдруг оживился:

– Посто́й, посто́й, а в какой кинотеатр ходит твоя мама?

– Ну, в «Киевскую Русь».

– Могу тебе успокоить. Наш фильм в «Киевской Руси» ни при какой погоде не покажут, это уж точно. Даже в малом зале. Ты хоть бы раз видел на вашей киношке афишу украинского фильма?

Качок помотал головой. Глаза он по-прежнему отводил в сторону, и Тарас внезапно прозрел – и почувствовал себя одураченным. И припомнилось ему, как был он ещё младше этого качка, и отправили его родители под Киев в летний молодёжный лагерь баптистов, тогда ещё такие были в новинку. На месяц отправили, и он быстро пропил и прокурил с ребятами взятую с собой мелочёвку, а тогда пошёл проситься у пастора-вожатого, чтобы на денёк отпустил домой – по родителям, мол, соскучился. А пастор посмеялся над ним: закончились у тебя деньги, так отпросись честно, не придуривайся. Надо же! Теперь этот молокосос чуть его самого не обманул.

Ухмыльнулся Тарас и заговорил, по возможности щадя чувства тонкокожего Геркулеса:

– Послушай, не надо вешать мне лапшу на уши, не в маме твоей дело... Ну, ну! Может быть, тебе и впрямь перед матерью неловко, но не настолько же, чтобы застесняться, будто барышня, которой хулиган известно что показал. Выкладывай, в чём твоя проблема. И кончай вилять, из-за тебя одного простаивает вся съёмочная группа.

– Ладно, Тарас Андреевич, я скажу... – и вдруг опять начал багроветь. – Во всём Натка виновата. У нас с нею вроде что-то серьёзное наклёвывалось на первом курсе. Как-то раз и у меня дома побывала, с мамой моей познакомилась, но после этого и сошёл её интерес ко мне на нет. Потом я разное о ней слышал, да верить не хо-

телось. И вот сюда приезжаем, сели за стол, забухали, потусовались. Отводит меня толстый Панько в сторону – и что я от него слышу?

– И что же ты от него услышал?

– Просит меня пойти погулять, пока он с Наткой поразвлечется. А нас там четверо должны были спать в этой самой комнате, где съёмка сегодня. Это же он каждого взрослого мужика предупреждал о том, что с нею будет делать – вы представляете? А слова какие употреблял! И пыжился как, жиртрест говённый! Я психанул – и ходу оттуда. Уже стемнело, ну, и поддатый был. Пробежал по шоссе дальше за завод, через какие-то пустыри, а там речка. Хотел искупаться – да где там... мелко. Посидел на берегу. Думал-думал и задремал. Потом выяснилось, что в это время местные шебуршили под этой общагой... кемпингом то есть, а Панько с Наткой гоняли в город за вами. Как я пожалел, что меня не было, когда местные подвалили! С каким наслаждением сковырнул бы кого-то отсюда, да и мне полезно было тогда получить разок-другой по морде.

– Полезно? И с синяками – на площадку? – возмутился Тарас. – А съёмки – это вам всем хрен собачий?! Ах, да... Продолжай, пожалуйста.

– Ну, я прихожу, а они дрыхнут на его койке, Натка даже не оделась и в свою комнату не ушла... А сейчас эта съёмка – на той же койке, на тех же обтраханных простынях. Вот во мне вся злость разом и поднялась. Понимаете меня, Тарас Андреевич?

– Простыни-то как раз и заменила Анна Вадимовна, – глубокомысленно заметил Тарас, на самом же деле понятия не имевший, меняли ли постельное бельё. – Да и не на простынях вы с Маричкой... Нателлой то бишь, снимаетесь, а на жлобском розовом покрывале. И какое это имеет значение – на чём?

– И-и-их! Вот как раз и имеет значение! И простыни после ихней случки вонючие, и что кровать та железная точно так же скрипела сеткой, как ночью, и эти её, Наткины, девчоночьи какие-то, беззащитные коленки и локотки! Тарас Андреевич, неужели вы меня совсем не понимаете?

Он-то тогда кое-что начинал уже понимать, вот только мыслительный процесс прервала Стася. Беспардонно ворвавшись в комнату, она округлила русалочьи глаза и сложила руки в форме сердца, а ноги расположила носками вовнутрь. Изобразив, таким образом, искреннюю-преискреннюю юницу-эмо, затараторила:

– Вы уж простите меня, непутевую, вы простите, Тарас Андреевич, и вы, Богдан, тоже простите... Я подслушивала под дверью, но только для пользы дела! И зачем это, думаю, вы заперлись в комнате девушек? Не буду ходить вокруг да около, а предложу-ка я сразу своё предложение. Богдан не хочет сниматься в постельной сцене с этой девочкой, правда ведь? Ну и хорошо... То есть ничего хорошего! Необходимо спасти съёмку. Предлагаю: давайте заменим Наталку в этой сцене мной. Разве это не лучшее решение проблемы?

Мужчины, режиссёр и актёр, одновременно издали звуки, похожие и на кашель, и на икоту. Тарас заметил, что Богдан заинтересован и что только хорошее воспитание удерживает его широко открытые глаза на пикантном личике Стаси, не позволяя обшарить пытливым взором её округлости. Сам же Тарас почувствовал себя, как заржавленный ТТ в то мгновение, когда чёрный копатель заливает маслом его спусковой механизм. Вот когда Стася подставилась, вот когда он отыграется на затейнице по полной программе!

Снова кашлянул Тарас, теперь уже специально:

– Богдан, выйди, пожалуйста, на минутку, мне нужно кое-что объяснить твоей коллеге.

Пряча довольную улыбку, присмотрелся он к Стасе, выглядевшей так, будто вот-вот заплещет в ладони и бросится от радости к нему на шею, – и вдруг резко расхотелось Тарасу язвить, иронизировать и вообще огорчать и унижать эту не совсем чужую и не совсем безразличную ему девушку. Какую ещё девушку? Незамужнюю женщину первого бальзаковского возраста, тридцатилетнего. Что он знает о её жизни в Киеве? И в любом случае неразумно портить отношения с актрисой с маху, в первый же день съёмок... Заговорил проникновенно:

– Спасибо за желание выручить съёмочную группу, Стася, но у тебя немножко не та фактура для этой сцены. Вот именно на месте будут эти острые локотки, подростковые квадратные коленки Нателлы, её не преодоленная ещё местечковая вульгарность... А с парнем я справлюсь, ты не беспокойся.

– Что ты этим хочешь сказать, Тарасик? Ведь ты имел случай убедиться, что я не так худа на самом деле, как кажусь одетой.

– Вот о том и речь. Мы тут всё-таки не порнушку снимаем... Ах, ты это слышала уже... Можно и ужастик снять качественно, и это доказал Лебедев своим «Змеиным источником». Кстати, ты смотрела этот фильм Лебедева?

– По-твоему, я должна была смотреть каждый фильм, о котором ты меня сможешь вдруг спросить? – неожиданно оцетинилась она.

– Ладно, пусть. Если сюжет и пародийный, он должен развиваться на абсолютно достоверном бытовом фоне. Ты не обижайся, Стася, но девушка твоего возраста не

поехала бы в компании восемнадцатилетних придурков в какой-то сомнительный кемпинг. Наша гримерша, Наталья Денисовна, и Славик-оператор совместными усилиями сумеют тебя омолодить лет на десять, да только даже наш волшебник Славик не станет и пытаться обуздить твои роскошные телеса, если придётся снимать в обычной комнате. Вот когда ты появишься в купальнике в сцене на речке, там он сумеет сделать тебя более стройной. Дело не простое, но я буду Славика специально просить. И поставлю ему бутылку йогурта, вот.

Стася будто ледяной коркой вся покрылась, развернулась и вышла, стукнув дверью. Оставшись один, Тарас тяжело вздохнул, пожал плечами, а после паузы проделал жест чугунного мента, ещё раз его повторил... Помедлил немного и высунул голову в коридор:

– Богдан, заходи.

А вот этого чувствительного качка Стася, кажется, переключила-таки на себя и успокоила немного. Как только уселся парень, Тарас спросил небрежно:

– Ведь она, Нателла эта твоя, в общаге живёт?

– А вы как догадались, Тарас Андреевич?

Загадочно усмехнувшись, Тарас пересказал одну историю, услышанную некогда за домашним праздничным столом от отца-профессора. Тот в советские ещё времена, отгуляв в ресторане на чьём-то юбилее, встретил под кабаком среди проституток, собравшихся к закрытию, свою студентку, из группы, в которой был куратором.

– У нас тоже куратор, так мы его месяцами не видим, – оживился Богдан.

– Тогда были другие времена. Кураторы возились со студентами, словно нянечки в детском саду, и знали всех из своей группы в лицо. Да соль не в этом.

А соль была в том, что ухватил молодой преподаватель подопечную за локоток, отвёл в сторонку и давай допытываться, что это она делает в такое время и в таком месте. Оказывается, хотела познакомиться с киевлянином, чтобы выйти замуж. Ну, он объяснил ей, само собой, что не лучший способ для знакомства она выбрала.

– И что?

– Да то, Богдан, что психология таких Золушек из провинции не слишком изменилась. Только теперь им нужен не просто киевлянин с квартирой, а наследный принц республики в красном «ягуаре». Вот почему, как легко догадаться, ты и твоя мама Нателле не подошли.

– Но ведь и Панько... Тоже мне нашли принца, Тарас Андреевич. Он же...

И качок повторил это своё «принц» с такой интонацией и такие подобрал лихие эпитеты, что поколебал мнение о себе собеседника как о маменькином сынке. Приближался решающий момент. Тарас набрал в грудь воздуху:

– Ты учишься на актёра, Богдан. А сейчас ты раньше выпуска становишься актёром. Профессия эта особая. Ведь ты актёр, Богдан, а это значит...

– ... что не страшны теперь ни горе, ни беда? – криво усмехнулся качок.

– О! Ты слышал эту песню Утёсова? Да нет, это значит, что ты способен пережить свои эмоции так, точнее, перенаправить, переплавить их таким макаром, чтобы пережитое тобой стало основой для твоего искусства, для созданного тобой образа. Я уважаю твои чувства, и ты должен их сохранить, передав своему персонажу, а Нателлу воспринимая теперь как бывшую девочку этого парня. Скажем так... Те, киношные Богдан и Маричка были близки раньше, потом она бросила его, и вот на

этом уик-энде они снова оказались вместе. Ты понял, что от тебя нужно?

– Ну...

– Играй, как мы договорились, а если получится, доснимаем потом эпизод в машине. Как Богдан и Маричка выясняют отношения по дороге сюда. Я дам указание сценаристу, он допишет ваш диалог. Фильм только выиграет! Обдумай всё это. А когда будешь готов, начнём снимать третий дубль.

Парень кивнул, на его лице отразились трудные перипетии продвижения мысли, а Тарас вздохнул облегчённо и отбыл в коридор. Если бы не бросил курить несколько лет назад, после гипертонического криза, сунул бы сейчас сигарету в зубы. Тем более что сам объявлял перекур. Да и в коридоре дружно смолили возле растворенного, слава Богу, окна приземистый Димон-осветитель, рыжий водитель «Лихтвагена», имя которого Тарасу никак не удавалось запомнить, и с ними торчала всё та же вездесущая бабка Паша.

Димон, бездумно таращившийся в окно, обернулся на скрип двери, спрятал зачем-то окурок в кулаке и шагнул вперёд, явно желая заговорить с начальством. Тут лицо его исказилось, мужик рванулся снова к окну. Раздался вопль:

– Мертвец! Снова ожил! Мертвецы возвращаются!

Вот уже возле окна Тарас, вот выглядывает из-за плеча Димона. Ну, топчется на асфальтовой дорожке мужичонка в шляпе с обвислыми полями, испуганно этак взглядывая поверх очков на окно – при чём тут живые мертвецы? Правда, блудливый Степан Клавдиевич сейчас гримируется для сцены, в которой просит прощения у Девушки с веслом, но ведь не могла же Наталья Денисовна, как ни проворна, так быстро справиться...

– Тю на тебя! Где ты тут, сынок, мертвеца увидел? – это бабка Паша за спиной рассудительно. – Спору нет, крепко поплохел наш технорук Тромифыч, еле ноги волочит, но ведь жив курилка! Эх, посмотрела бы я на вас, сынки, если бы вам довелось, как Тромифычу, мыкаться за правду двадцать лет в тюрьге да психушке...

– Мертвец он, бабка! Ночью я видел его в курилке с другими мертвецами! Я хорошо рассмотрел, от страху-ужаса за малым не обделался! Он под лампочкой сидел, которую я сам же и вкрутил над столом! Как раз хотел вот Тарасу Андреевичу доложить...

– Он, значит, лампочку вкрутил! Тогда, значит, ты, поц, её и выкрутил на крыльце! Ну, парень, не посмотрю я, что ты меня своей слабенькой папироской угостил! Да разве на вас, злодеев, лампочек напасёшься?

Тарас остановил бабку Пашу, попросив сказать прямо, сумасшедший ли этот Трофимович, почтивший своим посещением «Сахарок», превращённый теперь в съёмочную площадку. Если настоящий псих, делать ему тут нечего, и пусть сама баба Паша его и завернёт.

– Да какой же он псих? Его ж из психбольницы выпустили! А до несчастья своего был умнейший человек в Крольчанске!

Кивнув ей, снова подошёл Тарас к окну. Предмет их разговора расположился удобно для подробного осмотра: смущённый, по-видимому, нелепыми криками Димона, Тромифыч топтался на асфальтовой дорожке, не решаясь теперь войти в кемпинг. Да, жизнь крепко побила мужика, и Тарас не удивился бы, окажись у его старомодных полуботинок подошвы прикрученными проволокой. Костюм же на нём висел мешком, и именно таким можно было представить себе секондхенд, собранный в СССР в конце восьмидесятых, чтобы отпра-

вить куда-нибудь в Сомали. Шляпа древнего фасона, фетр, отсюда видно, молью поеден немилосердно. Лицо измождённое, выражение имеет кроткого терпения. Правда, глаз не видно: круглые очки блестят. Да вроде не вредный мужик...

– Впустите его, ба... тётя Паша, и если у него дело ко мне, пусть подойдёт в следующем перерыве. А вам, Дмитрий, пора, пожалуй, показаться наркологу.

Отвернулся от них – и перед ним нарисовалось нечто совсем уже невообразимое. Миниатюрное создание, девочка не девочка, женщина не женщина, но вот если присмотреться, видны «куриные лапки» возле глаз. И славненькая такая, красивенькая! И виктимна до неприличия, прямо тебе вопиющий соблазн для маньяка! Будь сам Тарас любителем маленьких девочек или нимфеток, тотчас же ухватил бы он двусмысленное, однако ж невыносимо прелестное дитя за ручку и отвёл бы в безлюдное место. Начал он уже догадываться, кто перед ним, но тут и создание хлопнуло ресницами и раскрыло ротик:

– Здравствуйте, Тарас Андреевич! Меня прислал к вам Ефим Валентинович на роль пионерки. Я не слишком серьёзно опоздала? Вот это просто беда моя – всюду опаздываю. О, забыла... Позвольте представиться, Марта Загоруйко.

Как она доехала сюда? Без неприятностей то есть? В детстве читал будущий режиссёр приключенческий роман забытого теперь Миколы Трублаини, там его навсегда поразил лилипут-путешественник, которого в милиции снабдили «браунингом» для самообороны. Спросить, есть ли у малышки «браунинг»? Тут дошло до Тараса, что это она только что, специально, дабы произвести впечатление на него, режиссёра, накрутилась, и он выдавил из себя:

– Значит, вы подружка супруги Ефима Валентиновича?

– Не знаю я никакой его супруги, – передёрнула малышка голыми беззащитными плечиками. – Ефим Валентинович приезжал в наш театр на Лютеранской и выбрал меня. Он обещал, что я буду занята только пару дней и успею вернуться на субботний спектакль, на «Золотой ключик Буратино». Это правда?

– А вы Мальвину играете? – заинтересовался вдруг Тарас.

– В этом спектакле не одна женская роль... Подружку Мальвины я играю.

И она снова пустила в ход плечики, но Тарас уже отвлёкся. Не дольше, чем полминуты промычал и выдал решение:

– До конца дня я занят, а после ужина – вас всех повезут нашим автобусом в Крольчанск – поднимитесь из ресторана на третий этаж, в гостиницу. Порепетируем. Мы с оператором там в VIP-номере, вам покажут. Я приглашу ещё сценариста, гримёршу и художника. Прикинем, как вас поскорее отпустить. Вы, кажется, заняты в двух сценах только.

Показалось ли ему, что малышка при упоминании о гостинице встревожилась, а в целом сказанное разочаровало её?

Глава 12

В тот же день. Полдень. Двор сахарозавода, затем коридор перед комнатой «4» кемпинга «Сахарок»

Странные, душещипательные чувства испытал Пётр Трофимович, среди бела дня возвратившись на подворье предприятия, на котором отрубил лучшую половину своей сознательной жизни. При дневном свете все строения разорённого и униженного завода смотрелись совсем иначе, чем ночью. Жалкими и ободранными смотрелись. Если в темноте заводские здания словно пытались расползтись по углам двора, скрываясь от позора, и казалось тогда, будто и углы у них заострились, и зубчатые башенки наверху криво торчат, то теперь выглядели они обыденно, и всякий бы догадался, что внутри эти кирпичные коробки пусты. До того по-другому смотрелись, что Пётр Трофимович даже вздохнул облегчённо: конечно же, вчерашний кошмар ему просто приснился. Правда, вот эту нелепую вывеску на заводууправлении, выгнутую из неоновых трубок, он как будто уже видел недавно. Но такое можно объяснить и тем, что побывал на родном заводе пьяным, забрёл на автопилоте, а поход сюда просто забыл. Чего только с пьющим человеком не бывает?

А за контору крепко он сейчас обиделся. Была ведь вроде как святая святых завода, куда рабочие постарше заходили, сняв на крыльце шапки, не иначе. Ранее покрашенное в приятный зелёный цвет, с белыми всегда архитектурными излишествами, зданьице пестрело те-

перь пятнами облупившейся штукатурки, упомянутые излишества кое-где обвалились, а на крыше нахально выросли стебли бурьяна и два куста дикой смородины. И эта глупая вывеска над крыльцом, где по праздникам прикреплялся плакат с соответствующим лозунгом! А от двух сияющих медных досок на разных языках с названием предприятия остались теперь только светлые прямоугольные пятна и дырки от болтов.

Увидев в открытом окне зловредного олигарха, а с ним рядом бабку Пашу, старую свою знакомую, Пётр Трофимович несколько стушевался; когда же мордатый приезжий парень вдруг испугался его, человека безобидного, и принялся орать всякие нелепости, от обиды у него даже в ушах зашумело. Сообразив же, что, в худшем случае, чужаки вызовут полицию, а тогда капитан Ханенко выручит, невыполнение же поручения грозит настоящим наказанием от ужасного капитана, Пётр Трофимович приободрился и поднялся по каменным ступеням крыльца. Столь же привычно потянул на себя дверь – и петли противно взвизгнули. Дело невозможное в бытность его на заводе!

Стоит ли удивляться, что ноги сами принесли бывшего технорука к бывшему его кабинету? Но не тут-то было: именно в родном ему помещении и происходил возмутительный шабаш. Из открытой двери заливал коридор ослепительно яркий свет, полуголый народ толпился у кабинета, раздавался хозяйский голос главного врага, а то, что в самом кабинете делалось, не поддавалось описанию. То есть поддавалось, конечно же, поддавалось описанию в какой-нибудь «Камасутре», но не Пётр Трофимович взялся бы такое описывать. (Он и затрёпанную, перепечатанную на машинке тетрадку «Камасутры», сумел дочитать некогда только до половины: картинок там не было, и слишком утомительно оказа-

лось представлять в своём воображении расписанные древним индийским язычником соблазнительные гнусности). А именно, когда засунул Пётр Трофимович на несколько мгновений нос в свой бывший кабинет, там голые парень и девка при ярчайшем свете и для развлечения блудливого олигарха предавались деянию, на которое сам он решался только с бывшей законной супругой, то есть имея соответствующую запись ЗАГСа в паспорте, исключительно под покровом целомудренной темноты, в ночном белье и под одеялом.

Он отпрыгнул назад в коридор и замер, переваривая увиденное, пожалуй, что и в первый раз в своей долгой жизни. Правда, ночью (или всё-таки во сне?) Карякин напомнил Левчуку, как ходили они втроем ещё при Горбачёве в видеосалон к цыгану Ваське смотреть порнушку. По пьянке ходили, что тут скажешь. Вот только слишком уж нерезкое изображение выдавал цыганский видеомэгафон, немного Петру Трофимовичу тогда удалось рассмотреть.

Сейчас очки у него запотели, и он смиренно стоял в коридоре, пережидая: пусть успокоится дыхание, и стёкла сами собой снова станут прозрачными. Платок в кармане имеется, но для протирки очков уже не годится, а орудовать пальцами обойдётся себе дороже.

Мир вокруг Петра Трофимовича успел уже немножко проясниться, когда рядом с ним раздался тонкий детский голосок:

– Вы к Тарасу Андреевичу на приём, наверное? А я уже договорила с ним на вечер.

Он всмотрелся – и увидел девочку-недоростка, ярко, как проституточку, покрашенную. Доводилось ему уже наблюдать профур, на Харьковском вокзале в году этак в девяносто первом, не без того, но те были зрелые бабищи...

Осмелился Пётр Трофимович и спросил прямо:

– Так ты для этого дела с ним сговорила?

И большим пальцем за спину показал. Развратное дитя хихикнуло:

– Ну, не совсем в точности... А вообще же у меня профессия такая. Конечно, и мне не очень по душе было ехать за небольшие, собственно, деньги в эту вашу глушь.

Снова у Петра Трофимовича зашумело в ушах, и он не разобрал, о чём там дальше пицала эти малолетняя прости-господи. В горестных размышлениях провёл он немало времени, пока яркий свет в его бывшем кабинете не погас, а перед ним не явился вдруг главный злодей, растлитель малолетних и вообще враг рода человеческого. Пока ожидал Пётр Трофимович, припомнилось ему, что антихрист, отводя людям глаза, тоже должен будет многим показаться симпатичным, и его вовсе не удивила вежливость чернобородого олигарха и некоторая даже приятность в обращении.

А начал олигарх с того, что поинтересовался личностью посетителя. Пётр Трофимович, естественно, отрекомендовался бывшим техноруком данного завода. А на это:

– Что ж оно такое, технорук?

– А я фактически являлся на нашем заводе главным инженером. Но, не имея высшего образования, не мог занять этой должности, потому числился техноруком – техническим руководителем, – пояснил Пётр Трофимович и, скромно потупившись, добавил. – Говорили, что по паровым котлам я в Крольчанске первый специалист.

– Кому они теперь нужны, паровые котлы?

Пётр Трофимович не стал спорить с невеждой, промолчал. Олигарх посмотрел на свои заграничные часы

(интересно, сколько миллионов стоят, если перевести на наши деньги?) и понёс зачем-то полную чушь:

– Мне очень понравилось, что вы, Трофим Петрович, предпочли не торчать бесполезным зевакой в комнатёнке и без того тесной. Мне даже припомнилась одна история об Александре Довженко. Слышали о Довженко?

– Это какой Довженко? Тот, с улицы Стаханова, он ещё у себя на огороде везде капусту сажал?

– Нет, другой, кинорежиссёр. Когда он снимал фильм «Земля», надо было ему снять кадры... ну, сцену, с обнажённой артисткой. Всё было готово к съёмке, как вдруг Довженко увидел в студии пожарника в каске и в полном снаряжении. Довженко его просит уйти, а тот заявляет, что обязан присутствовать. Довженко тогда не стал терять времени на пререкания и любознательного пожарника уволил. Вы же, уважаемый, явно не увольняться ко мне пришли, а наниматься. Вот только никак не догадаюсь я, на какую работу?

Петру Трофимовичу обидеться бы, что его к пожарнику приравняли, но он не мог этого себе позволить. Да ведь и доля правды здесь есть: спит в последнее время день и ночь Пётр Трофимович, как настоящий пожарник. Поэтому только вздохнул он и пояснил, что никто лучше его не знает территории сахарного завода и лучше его не знает, где что стояло и даже где что лежало. Поэтому и мог бы поработать у нового хозяина экскурсоводом, что ли.

– Мне экскурсоводы без надобности, – отвечал на это олигарх. Однако, подумав самую малость, продолжил любезно. – Но вот не соблаговолили бы вы, как человек осведомлённый, пояснить мне одно странное обстоятельство. На заводе должен быть сторож, для него там, у ворот, и домик предусмотрен. Однако мои люди здесь вот уже почти сутки, а никакого сторожа и в глаза не

видели. Ворота же отворены стоят. Точно так же, приметил я, и ночью дежурного администратора гостиницы не было на месте. Что это у вас тут за кавардак такой?

Усмехнулся Пётр Трофимович и пояснил, что никакой это не кавардак, а исторически сложившиеся местные условия. Все уже привыкли, что по ночам ночные сторожа спят каждый у себя дома, потому что объекты охраны у них недалеко: начнётся какая заварушка, сторож услышит и прибежит. Раньше, говорят, тут вообще о ворах не слыхивали, и замки не принято было на двери вешать, потом же, когда нравы испортились, воры снова перевелись с возмужанием и заступлением на должность страшного мента Ханенко, а у него с провинившимся расправа короткая, но не дай такую Боже. А Галина Викторовна, администратор гостиницы, после развода с мужем в гостинице же и поселилась, приспособив под жилую комнату бывшее помещение для швабр, вёдер и щёток. Она проснётся, если стрясётся что серьёзное. А если вам будут клепать на Галину Викторовну, будто слаба на передок с командированными, так это её личное дело. А вот ночной сторож завода... Тут особь статья. Сегодня у нас какое число? Седьмое, говорите? Вонифатьевича не будет в городе ещё до 15 августа.

– Отпуск?

Пётр Трофимович покачал головой.

– Запой?

Пётр Трофимович кивнул, подмигнул ненужно пару раз и пояснил:

– Вроде того. Точнее было бы сказать, что и это тоже. Он каждый год чуть ли не на всё лето исчезает на рыбалку в какое-то заповедное место, о котором так никому и не проболтался. Я раньше злился на него... А теперь кой хрен на него злиться? Денег Вонифатьичу давно ни-

кто не платит. Так, просто по привычке, ночует старик иногда в сторожке и гоняет пацанчиков с территории.

Олигарх, почти не глядя теперь на Петра Трофимовича, а на всё окружающее бросая взгляды отсутствующие, уже невидящие, заявил небрежно:

– Вот и займите пока место вашего Бонифатьича, зашибёте сотню-другую. Оформим вас как охранника. Ворота можете не затворять. И я не стану требовать от вас, чтобы щуплой вашей грудью защищали от всяких хулиганов, но вот сообщать о появлении подозрительных типов ночью вы обязаны. Звоните из сторожки в кемпинг и мне в гостиницу.

И спросил Пётр Трофимович уже в спину уходящему олигарху:

– А разве телефон в сторожке работает?

– Вот вы и узнайте. За что же я, спрашивается, вам деньги плачу? Впрочем, по городскому можете и отсюда позвонить.

Глава 13

Тогда же. После полудня.

Комната «4» кемпинга «Сахарок»

– Мотор!

На сей раз Клабочка уже не улыбалась. Щёлкнула хлопушкой-номератором и выкрикнула своё:

– «Кровь на красном галстуке»! Студия «Самограй»! Синхрон! Кадр двадцать третий! Дубль первый!

– Начали!

Упала такая тишина, что стало слышно, как тихонько жужжит камера. Быть может, она и не жужжала вообще? Все в комнате, кроме Богдана и Нателлы, продолжавших свои притворные ласки, уставились на дверь. Та должна была без стука распахнуться, однако оставалась неподвижной. Наконец, Тарас чертыхнулся, достал мобильник, пощёлкал по экранчику ногтём. Вымолвил, страдальчески скривившись:

– Алевтина Францевна! Где же вы? – и после паузы. – Ваш выход!

Дверь растворилась, показалась прямая, как палка, старушка в костюме и в гриме Доры Павловны. Швабру она держала в правой руке, а левой судорожно пыталась спрятать мобилку в несуществующий карман фартука, а когда не сумела, запихнула её себе за пазуху. Вспомнила, зачем пришла, однако тут же отвлекло её зрелище голых тинэйджеров... Кадр уже был испорчен, и Славик обернулся к Тарасу, однако режиссёр не давал сигнала остановить съёмку. Тем временем Алевтина Францевна, держа швабру, как мажоретка жезл, протанцевала до

кровати и, пробормотав потребные по сценарию слова, занесла швабру над головами юной парочки...

– Стоп!

Алевтина Францевна так и замерла со шваброй. Тарас обменялся понимающими взглядами со Славиком, но проверить таким же образом своё впечатление ещё и на Вене не удалось: шлимаза безмятежно дрых на табурете, спиной опершись на стену.

– Дорогая Алевтина Францевна, – произнес Тарас со всей сердечностью, которую только сумел выдавить из себя, – я восхищён вашей замечательной спортивной формой, но здесь не нужно, прошу вас, порхать по сцене... то есть, извините, не по сцене же. Ваш персонаж, эта самая Дора Павловна, влачит на сутулой спине груз прожитых лет, жизнь у неё не удалась, и она готова выместить свою злобу на всём живущем... И швабра... Ну, разве так держат швабру? Не меч же это, в самом-то деле, Экскалибур.

– Экса... что, простите?

– Волшебный меч короля Артура, тётушка, – чётко выговорил Веня, не открывая глаз.

– Во-первых, я вам не тётушка, молодой человек... – отчеканила заслуженная балерина. Присмотрелась к Вене и добавила, тона отнюдь не снижая. – И не такой уж молодой вы человек, а что бомж, так уж точно. Во-вторых, я умею обращаться со шваброй, только она у меня нормальная, пластиковая и с отжимом. В-третьих, я танцевала... то есть играла роли матери Жизели, королевы, матери принца... ещё целой кучи матерей и королев. Что ж, по-вашему, я плохо сыграла какую-то несчастную Дору Павловну?

Обращалась она по-прежнему к Вене, но тот в ответ только почмокал губами, легко всхрапнул, и вообще вид

у него был такой, словно вот-вот начнёт пускать пузыри. Тарас заметил мягко:

– А вот мы сейчас попросим уважаемую... э-э-э... тётю Пашу показать нам всем, а заодно и Алевтине Францевне, как следует обращаться со шваброй. Тётя Паша, не могли бы вы устроить для нас этот мастер-класс? – и громким шепотом. – Славик, дружище, снимай, как только она выйдет!

Тётя Паша, чрезвычайно довольная, выдвинулась из-за громоздкого Димона-осветителя, серьёзно и вдумчиво выслушала инструкции Тараса, безропотно отдала себя в руки гримёрши и художника, а у растерянной Алевтины Францевны властно забрала свою швабру. Наконец, новоиспеченная актриса скрылась за дверью.

– Мотор!

Дверь распахнулась, и в комнату влетела фурия со шваброй. От одного её вида Богдан, как был, голым, чуть не скатился с кровати, а Нателла ойкнула и прикрылась руками. Ещё один дубль тётя Паша отыграла ещё лучше. Глядя на неё, Алевтина Францевна явно разозлилась, а озлобившись, мобилизовалась. Сняли ещё два дубля, теперь с родственницей спонсора и продюсера, о чём Тарас не мог позволить себе забыть.

– Стоп! Перерыв! Прошу выйти всех, нам с оператором и сценаристом надо оценить фотогеничность.

– К чему оценивать? Будто пробы не снимались, – проворчал Костя-звукооператор.

Славик только тяжело вздохнул, а Тарас насупился. Вот проб как раз никто и не снимал. Богатенький Фима, возможно, и не знает, что они необходимы. Тарас придвинулся уже к камере, когда проснувшийся, оказывается, Веня вдруг завопил:

– О!

– О-о-о! – это уже малышка, что приехала на роль пионерки.

– Мартышечка моя потерявшаяся!

– Венечка! Любименький мой!

Тут Веня завихлял бёдрами, невесть кого изображая, и малышка тоже. Потом оба раскинули руки и, широко улыбаясь, протанцевали навстречу друг другу. Веня было наклонился к Марте, но она ловко запрыгнула на него, обхватила ногами, и парочка принялась целоваться. Тарасу наконец-то пробило, что именно он наблюдает: встречу старых друзей на французский манер, вот что.

– А разве Марточка – актриса кукольного?

Показалось ему, что про себя спросил, ан нет. Малышка, ушки, как оказывается, державшая на макушке, пропищала, не оборачиваясь:

– Ага, Тарас Андреевич. Я в кукольном театре начинала, но мне сказал главный режиссёр: «У тебя, Марточка, руки короткие».

– Теперь понял, Марта. Вениамин Моисеевич, кончайте обжиматься, гребите сюда. А вы, дорогуша, ищите гримёршу, Наталью Денисовну, и Анечку Вадимовну, художницу нашу. Пусть срочно делают из вас кровавый призрак пионерки. Будем снимать ваш пробег по комнате. И ещё, не в службу, а в дружбу... Есть там такой остолоп, Димон-осветитель. Пусть готовит пока под ночь комнату номер пять. Вам и там сегодня пробежать.

Просмотрели втроем все дубли. Славик заявил:

– Местная бабка фотогеничней. Бабка Паша вообще молодец. Была, видать, звездой самодеятельности.

Тарас взглядом Веню спросил, да без толку: у того глаза сияют, не отошёл ещё от радостной встречи. Пришлось самому мямлить:

– Да, хороша бабка. Но куда мне деться от Алевтины Францевны? Вы же меня понимаете, ребята.

– Предлагаю снимать обеих, бабушку как бы дублёршей. Мне работа двойная выходит, но я не против.

– Славик, у меня не предусмотрено в смете платить ещё одной старухе за ту же роль.

– Так заплати ей, как в массовке. Мы же не в столице, Тарас. И мы тут все, как я догадываюсь, за копейки вкальываем.

Тут и Веня вроде как очнулся от приятных воспоминаний и заговорил – весомо и с полным самоуважением, будто вспоминал видение, посетившее его во время медитации:

– Я за то, чтобы снимать обеих. В том же гриме и в тех же лохмотьях. Это как бы двойники, две Доры Павловны. Бабушка спонсора будет воплощать лучшую, интеллигентную и тонкую сторону личности Доры Павловны, а тетя Паша – её земную, тёмную, инстинктивно-агрессивную и крикливую мещанскую ипостась. С тинэйджерами будут общаться попеременно, а в финале, перед тем, как утопиться, два воплощения Доры Павловны сольются в одну старушку. Сделаешь, Славик?

– Сольются в экстазе, говоришь? Я что? Я-то сделаю, что угодно, Веня. Удивляет меня, что ты молчишь, Тарасик. Ведь это надо весь сценарий переписывать.

А Тарас, постанывая от удовольствия, всё ещё представлял, как воплотить гениальную идею Вени. Вот в кадре появляются обе Доры Павловны, интеллигентная слева, крикливая справа. Лицом похожи, и одинаковые прикиды одинаково кровью запачканы. Становятся рядом, поворачиваются лицами к зрителю, после паузы делают ещё по полшага навстречу друг другу – и

совмещаются. Тут уже художник-постановщик компьютерной графикой поорудует... О чём там Славик? Ах, да...

– Веня предложил, сам и перепишет. Молоток! Где какая из бабок появляется, можно выбрать во время монтажа, я сам этим займусь. Вот только поймут ли зрители столь тонкие эквивоки? Только это меня и беспокоит, коллеги. И вот ещё что. У нас же Дора Павловна не утопилась, а повесилась на воротах. Неужели ты уже переписал, Веня? И зачем?

– Ты вначале сказал что-то очень важное... Вот. Те зрители, которым реально придется посмотреть твой фильм, поймут и одобряют любой твой изыск, стоит тебе на него решиться. А прочие... Да неужели ты и впрямь хочешь потрафить тому жлобью, что набивает кинотеатры, запасаясь предварительно попкорном? А вот насчёт переписать... Да нет, не переписывал я, а просто забыл, у меня же голова, а не Дом советов, и в ней не один ваш сценарий, – ухмыльнулся Веня – и вдруг снова расцвел в ликующей улыбке. – А повесить бабушку на воротах – куда как лучше! Ведь таким образом в сказках с ведьмами расправлялись: на воротах вешали, да и расстреливали! И здесь, когда уже повиснет, можно злобную Дору снабдить атрибутами ведьмы и показать, как вонзаются в неё призрачные стрелы! Вообще-то, Тарас, в твоих интересах прикрепить ко мне симпотненькую помрежа, чтобы тут же записывала все мои гениальные идеи.

Тарас притворно схватился за голову:

– Притормози, душа любезный! Легко тебе языком молоть, а нам ведь надо будет и призрачных стрелков...

– Иванов-царевичей сказочных, вот!

– ...и стрелков, говорю, снять. Перед тем нанять, а потом одеть, обусть, дать им в руки луки и стрелы.

– Послушайте теперь меня, – рассудительно заметил Славик. – Иваны-царевичи заведут нас не в ту степь. Если уж выдерживать, как условились мы тут, Веня, национальный колорит, то кончать ведьму должны запорожцы. Голые до пояса по летнему времени – и вот вам половинная экономия на костюмах. Эврика! Ведь красные сапоги с шароварами можно будет и здесь, в местном клубе, призанять.

– Запорожцы? Пусть будут запорожцы... – поскущел Веня. И вдруг оживился. – Э! А кстати, что это за пробеги кровавой Мартышки по комнатам ты придумал, Тарасик? В сценарии такого вот уж точно нет!

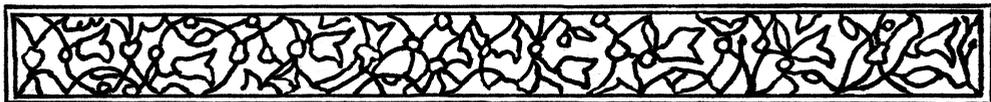
– Разве?

– Забыл уже, кто тебе сценарий написал? Не ожидал от тебя...

– Зато во всех фильмах ужасов, если появляются призраки, то они предварительно пробегают где-нибудь на заднем плане. Быстренько так, чтобы зритель почти ничего на первый случай не рассмотрел.

– Зачем тебе сценарий? Зачем тебе я? Сам уже знаешь, где что снимать... – пожал плечами Веня. И вдруг заныл, заканючил. – А раз так, отпустил бы ты меня, Тарасик, в Киев, пока кукольный фестиваль не закончился.

Глава 14

Тогда же.

Крольчанское районное отделение полиции. Кабинет капитана Ханенко

На ореховом письменном столе капитана Ханенко, в бандитские девяностые сработанном по индивидуальному заказу под антикварный в Румынии, зазвонил телефон – точная китайская копия одного из телефонов, стоявших в кабинете Ленина в Кремле. Вынужденный вынырнуть из приятной послеобеденной дрёмы, капитан с отвращением вытаращился на аппарат. Поднял-таки трубку.

– Кто?

Скривился презрительно.

– А на шо ж ты надеялся, Дымов? Шо я, поджидая твой звонок, и на законный обеденный перерыв не выйду? Почему молчишь?

Пренебрежительно поморщился.

– Думаешь, теперь я тебе за твое донесение премию выдам? А ху-ху не хо-хо, Дымов?

– Не понял, говоришь? Спробуй с одного раза здогадаться, шо я с тобой сделаю, если завтра в это же время, то бишь лучше в тринадцать тридцать, снова не позвонишь?

Бросил капитан трубку на изогнутые рычаги, очень похожие на медные, и тяжко задумался. Начавшийся уже в организме и неуклонно продолжающийся процесс переваривания пищи серьёзно мешал прокачать информацию придурка и дать общую оной оценку. Же-

лудок попросту оттягивал кровь из мозга, вот почему. Ковырнул капитан правой рукой в своей неподражаемой манере, расстегнул на мундире и бриджах всё, что только можно было расстегнуть, смежил веки и сдался в плен приятному сонному оцепенению.

Выходил из спящего положения с трудом, с каждым годом все тяжелее ему днём просыпаться. И вот ведь зараза! Уже не имеет значения, засыпал капитан поддатый или почти совсем трезвый, ведь пиво к простецкому, но сытному обеду или «оператив» перед бизнес-ланчем не в счёт. Кроме того, служебное кресло с мягкими подлокотниками и подголовником по-прежнему остаётся удобным для послеобеденного засыпания, а вот для пробуждения не годится уже: спину после него начало ломить.

Продрав, наконец, глаза, капитан Ханенко сориентировался в пространстве – почти мгновенно. Потом вычислил, что время послеполуденное, но ещё далеко до сумерек; на глаз определил, потому что лень было посмотреть на часы либо осветить экранчик мобильного. Испустил газы – и с отвращением принюхался, определяя, здоровый ли дух в теле. Вникнул в ощущения вокруг мочевого пузыря, вздохнул с облегчением: вот в такой именно момент и хватали его приступы простатита, а сегодня пронесло. Не приспичивало и по малому делу. А поскольку сегодня и кофе, и чай пришлось бы готовить самому, предпочёл капитан остаться в кресле. Ничего иного ему не оставалось, кроме как скомандовать самому себе: «Кончай придуриваться и приступай к несению службы!».

Что ж, придётся. На память капитан Ханенко, слава Богу, пока не жаловался. Из трусливого лепета доходяги Дымова надлежало выделить основные факты, что он с неохотой и проделал. Всесильный и вальяжный оли-

гарх (ну и словечки эти яйцеголовые придумывают!) сумел, этого у него не отнимешь, произвести впечатление на слабака. Следовательно, никак не мог он быть тем ничтожеством-режиссёром, которого капитан Ханенко поставил на место поздним вечером. А значит, новый хозяин сахарного завода прикатил сегодня. И прибыл он вовсе не кинокартину снимать, кинокартина только прикрытие. Здесь, в Крольчанске, вдалеке от нахальных и пронырливых столичных журналюг, киевский богатеи отрывается, как хочет. Скучно ему стало порнушку смотреть, так он придумал для гостей как бы съёмку порнушки, чтобы вместе с ними позабавиться зрелищем секса вживую. Для телесных же забав выписал себе из Киева малолетнюю проститутку. А и в самом-то деле, к чему богачу стесняться? Вон Бурнускони, бывший в Италии под колпаком у СМИ, позволял себе поразвлечься с молоденькими, а наш олигарх чем хуже? Тем более здесь, в Крольчанске, кто ему может помешать резвиться? Была одна районная газетка, да и та сдохла.

Кто может помешать, спрашивается? И тут капитан Ханенко плотоядно усмехнулся. Да найдется тут, кто помешает. Точнее же, препятствовать забавам олигарха как раз и не выгодно, а вот срубить с него лишнюю толику капусты за невмешательство вполне возможно. За нейтралитет, то есть, вот. Только следует признать, что не на его, капитана Ханенко, уровне возможно произвести это изъятие баксов. Уж какой слизняк был тот бородатый кинематографист, но его, капитана Ханенко, именно в денежном вопросе и сумел отшить. Следовательно, нужно выходить на начальника, а при успехе начальственного наезда и ему, капитану Ханенко, перепадёт – Иван Степанович, то есть исполняющий обязан-

ности начальника Крольчанского районного отделения полиции подполковник Нечипоренко, всем известен как человек справедливый.

Вздохнул капитан, внутренне выпрямился, изгнал из сознания непочтительные блудливые догадки (начальство следует полагать проницательным!) и набрал домашний номер подполковника. Через шесть гудков откликнулся автоответчик. Положил трубку капитан: не то чтобы на автоответчик наговаривать, излагать свою информацию по городскому телефону он не рискнул бы, только забил бы для того стрелку. Звонить на мобильник Ивана Степановича допускается только в крайнем случае, но ведь это и есть, блин, крайний случай. Достал капитан смартфон, нашёл «дядю Ваню» в «Контактах», ткнул корявым ногтём. Та же картина, что и на городском. Дело, значит, серьёзное...

Подполковник Нечипоренко, о чём известно очень немногим, страдает алкоголизмом. При этом в почти забытом истинно русском варианте, запойном. К тому же в затейливо стыдливом: позволяет себе напиваться только на «левые» доходы, пребывая в благой уверенности, что всё официально заработанное следует отдавать семье. Да ещё и такое неудобное для служащего человека пьянство практикует подполковник Нечипоренко, что только тогда конец запою приходит, когда пропита последняя «левая» копейка. Призадумался капитан Ханенко: сам он в тот день, когда длинный белый «мерс» с блатными киевскими номерами стоял у отделения, оттягивался в отгуле, но ему, конечно же, донесли... Только вот когда это было? Получилось у него, что не больше двух недель тому назад. С тех самых пор Иван Степанович на службе и не появлялся, а срочные бумаги подписывает дома: замужня дочь, с ним вместе квартирующая, и принимает, и выносит.

Капитан Ханенко вполне понимал своего начальника. Кто ж не пьёт? Разве что фонарный столб, да и тот потому, что стоит с чашечкой кверху дном. И высшее начальство в душе прекрасно это понимает, равно как и необходимость расслабиться после сволочной службы, но вот запои на две недели подряд высшее начальство уже не понимает... А подполковник Нечипоренко вот-вот должен получить очередное звание и стать не и. о., а полноценным начальником райотдела. Поэтому старик и избрал такую линию защиты, образцово глухой, не подкопаешься: во время запоя на службу ни ногой, болен, мол, а почему бы и не занять нужное свидетельство о состоянии здоровья или заполненный по всей форме бюллетень, если зять-приймак у него врач и работает в поликлинике? На телефонные звонки положил не отвечать – вот никто чужой и не услышит, и не запишет его пьяного мычания. Для срочной же связи с неофициальным заместителем капитаном Ханенко, на самый-самый крайний случай, подполковник избрал одну из российских электронных почт. Почему-то надеется он, что в сопредельном государстве СНГ рьяно соблюдают право пользователей на конфиденциальность переписки.

Тяжело вздохнул капитан и нажал малозаметную медную кнопку на правой тумбе письменного стола. Тотчас же часть столешницы перед ним разделилась на две доски, и каждая отогнулась вниз, а на их место изнутри выдвинулась таким же зелёным сукном оклеенная платформа с ноутбуком на ней. Устройство предназначалось для пишущей машинки, а заменивший её ноутбук надо ещё подсоединять к розетке (батарея давно капец) и к Вай-Фай. Подсоединил, открыл, врубил. Для дальнейших операций пришлось достать из портфеля очки и нацепить на нос. Теперь перестали расплываться буквы-

ки, и удалось задействовать электронную почту. Натужно сопя, капитан перестроил «клаву» на иноземщину и, подолгу разыскивая каждую американскую букву, ввёл секретное «мыло», адрес подполковника. Начал было составлять и донесение, однако, взглянув на монитор, увидел, что полезло несусветное: «Сjukfcyj ljtctyb. Стrcjnf...». Матюгнулся, переключился на наши буквы и худо-бедно напечатал. Теперь, где оно? Вот. «Отправить». Чёрт знает какие усилия приложив, подвёл стрелочку и стукнул. Всё. Пошло.

Вот и подтверждение, что отправлено. Теперь надо подождать: а вдруг Иван Степанович не спит сейчас, пьяный, а бадуется со своим нетбуком: пасётся в соцсетях или выискивает забавные, а то и зазорные ролики. Кряхтя, поднялся капитан Ханенко из кресла, скovyрнул с носа постыдные для мужчины и офицера очки, но не успел добраться, разминая затёкшие, будто не свои, ноги, до угла стола, как позади его пискнуло. Повезло!

Снова в очках, снова в кресле, он еле нашел страничку с ответом. Прочитал: «оккнлл лдджжжжоенггчсмавиитьтььюп66777888». Да уж... Славно дрожат руки у Ивана Степановича, пальцы так и скачут по малым клавишам нетбука, да и глаза, водкой залитые, трудно вато болезному навести на фокус. Уставился капитан на клавиатуру и давай расшифровывать. В конце вычислил он вопросительный знак (ещё и то помогло, что к другим знакам, кроме разве что восклицательного, подполковник в электронной переписке не снисходит), и задание упростилось: прикинуть, о чём мог спрашивать Иван Степанович, и проверить по соседним клавишам. В конце концов, вышло у него: «Кто доносит?». Попотев, отбил-таки капитан Ханенко в ответ: «Технорук Дымов, откинулся с дурки».

Теперь уже долгонько не отзывался Иван Степанович: отлучался, вполне возможно, чтобы освежиться огуречным рассолом. Снова пискнуло, наконец, и капитан Ханенко увидел: «ссмммццуудджжжаакккееииит вввыыа ооббббааппёёёё!!!!!»» чсссеесмммиеейцценныфй иииит зхххрисстьбиииаппииинггг». На сей раз времени на расшифровку ушло побольше, но в конце её капитан получил вот что: полковник выругал его в обидной увязке с ничтожеством Дымовым, а затем высказал своё мнение про приезжего миллионщика, будто он «семейный» и, что ещё глупее, вроде как это, верующий. Надо же! Бредни пьяного мента, и ничего больше.

Нахохлился капитан Ханенко над казённым ноутбуком, будто старый ворон под дождём, удалил всю переписку. С горьким злорадством напомнил себе, что в любой момент может сдать запойного пьяницу областному или сразу уж министерскому начальству. И тут же, в который раз, осознал, что этого не сделает. Хотя бы и потому, что репутация у него вконец испорчена. Сколько ни доноси, уже не поправишь. Важнее другое: как только попрут Ивана Степановича, будет назначен новый и. о. начальника, а он первым делом уволит самого доносчика. Вот именно, по причине репутации. Ведь только благодаря Ивану Степановичу удалось капитану Ханенко восстановиться в органах, вернуть звание и служить до сих пор, хоть никакое повышение, даже под покровительством Ивана Степановича, ему уже никогда не светит.

Эх, не любит капитан вспоминать про свою главную в жизни неудачу, настоящую катастрофу, мать её! Но куда теперь денешься? Тем больше, что после сегодняшнего оскорбления, ни за что ни про что полученного от пьяного начальника, всё одно не миновать теперь самому лекарственного приёма вовнутрь граммов этак трёх-

сот пятидесяти! Тем более, что если уж вспоминать о том, о чём так не хочется, то хоть пользу какую-нибудь, зацепку на будущее хорошо бы извлечь.

А случилось вот что. После грандиозного успеха операции с сахарным заводом Ханенко за несколько лет благополучно завершил своё заочное юридическое образование и начал быстро продвигаться по служебной лестнице. В душе мента звучала неактуальная во всех прочих отношениях, однако прекрасно выражавшая его настроение ликующая мелодия старого марша:

Всё выше, всё выше, всё выше
Стремим мы полёт наших птиц...

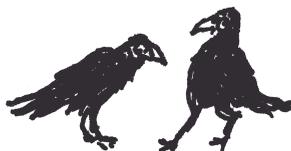
Ведь это ему, старлею Ханенко, чьё личное дело украшено благодарностями начальников разных рангов, вплоть до тогдашнего замминистра внутренних дел, не было в ту пору преград ни на море, ни на суше, вот и решился он пробивать себе перевод в столичное управление. Это было роковое для его карьеры решение, не по Сеньке оказалась шапка. Методы, которыми тогда уже капитан Ханенко добивался успеха в Крольчанске, оказались слишком грубыми для Киева, где, как он с досадным опозданием обнаружил, продажные журналюги только и ждут, чтобы мент какого-нибудь подозреваемого поучил уму-разуму, и раздувают безделицу до немислимых размеров. Но куда опаснее оказался другая, уже политическая усложненность столичной службы. Чтобы осмыслить её, приходится прибегать к учёным словам, заинтересовавшим его в своё время на тех лекциях в Высшей школе милиции, которые всё-таки посетил. А суть дела в том, что в провинции он привык к властной монополии: если добился уважаемый человек, чтобы его избрали городским головой, то вот вам и хо-

зяин в городе. В Киеве же власть распределялась между несколькими центрами, и в некоторых из них происходила ещё внутренняя политическая борьба. Капитан Ханенко слишком рьяно, по провинциальной привычке, не оглядываясь на законы, поддерживал партию, которая вскоре имела наглость с треском проиграть главное политическое сражение. При этом оказались её вожди уже не в оппозиции, а в такой заднице, что побежали из страны, спасая свои драгоценные для родины жизни. Победившая сторона в отместку отдала капитана Ханенко под суд, поставив, как водится в таких случаях, всякое лыко в строку. Больших денег, всех тогда собранных, собственно, еле-еле хватило ему, чтобы купить условную отсидку, когда неотвратимо светило путешествие, куда Макар телят не гонял, однако на милицейской карьере можно было поставить крест. Едва ли не единственной отрадой тех лет для него, униженного и безработного, было приезжать отмечаться в районное бюро по трудоустройству на дорогой иномарке, удерживаемой из упрямства.

Тем не менее, когда проскучал бывший капитан Ханенко четыре года во вневедомственной охране, а по-простому, в сторожах, снова сменилась власть в Киеве, и он обратился за помощью к Ивану Степановичу, тогда и назначенному и. о. начальника райотдела. Высшее начальство посмеялось над Иваном Степановичем, когда попытался тот представить протее жертвой политического произвола, однако позволило вернуть его на службу, а там и звание удалось восстановить. Хорошим человеком оказался Иван Степанович, помнящим добро. Ведь другой попросту забыл бы, как щедро поделился с ним, тогда начальником следственного отдела, сержант Ханенко, взявший на себя всю грязную работу в скользком деле о разгоне пикета бывших работни-

ков сахарного завода. Иван Степанович побоялся тогда руки пачкать, а Ханенко не побоялся и вместе с приехавшим из Киева раскормленным адвокатом богатея развернул, несмотря на малый свой чин, сумасшедшую деятельность, кого запугивая, а кого и подмасливая. И что же? Сумел ведь сделать, надо это признать, белое чёрным, в гибели пьянчуги-снабженца обвинить его же товарищей, а технорука, пытавшегося протестовать, с помощью подмазанных прокурора и судьи отправить за решётку.

Вот тогда-то новоявленный владелец сахарного завода, уже видевший себя если не в колонии строгого режима, то в бараках на «химии», и отвалил на радостях своему менту-спасителю по полной. Почему же и мент Ханенко тогда не поспешил, одаряя из своей доли непосредственного начальника? Да по сравнительной молодости тогдашней, потому и щегольнул широкой душой, даже, можно сказать, и щедростью. Будущее казалось ему нескончаемой вереницей, таким счастливым фейерверком «благодарностей», «боковых» и подарков, и как-то не приходило недотёпе в голову, что в родном обнищавшем Крольчанске просто больше не на чем ещё раз столь же сказочно поживиться.

Глава 15

В тот же день. Время послеобеденное. Крольчанское городское кладбище

Странно было Петру Трофимовичу пешком входить на кладбище со стороны завода. Ведь даже если умирал заметный заводской деятель, и гражданская панихида происходила в заводууправлении, то везли покойника вначале к жилищу его в заводском посёлке или в городе, а потом уже доставляли к могиле, и обязательно через главные, чугунного литья, ворота.

Пётр Трофимович решил сбежать на кладбище, чтобы навестить своих друзей. Если вчерашние ночные события ему попросту приснились, неплохо будет убедиться в этом на месте, а если нет... Что ж, тогда следует рассказать о событиях дня и посоветоваться о том, как поступать дальше. Отлучиться же с только что полученной работы он считал вполне уместным: поскольку речь шла о постоянных ночных дежурствах, день должен был оставаться в его распоряжении.

Ещё на подходе к участку, где лежали крольчанцы, упокоившиеся в июле 199... года, Пётр Трофимович прислушался – и тяжело вздохнул. Увы, хоть могилки скрыты были разросшимся кустарником, берёзами и клёнами, слуха его достигли знакомые голоса. Там Карякин радостно скрипел:

– А вот тебе банкирское очко, а вот тебе!

– Забирай, коль выиграл, нечего вдобавок и душу мне надирать, – глухо отвечал Левчук.

Отодвинул в сторону Пётр Трофимович зелёную ветку берёзы, и открылись ему мёртвые сослуживцы во всей своей покойницкой красе. Под беспощадными к их сине-красной коже лучами послеполуденного солнца расселись они за тем самым столом, где и Пётр Трофимович, было дело, обосновался, когда приходил помянуть их, а вот, надо же, нечаянно поднял из могил. Баловались мертвецы в очко, и Карякин держал банк из палочек, наломанных из мелкого сушняка. Вторично вздохнул технорук: белая горячка у него начиналась, теперь уж он не ошибся в диагнозе, и не миновать снова играть по их, мертвецов, правилам.

– Что невесёлый такой, Трофимыч? – окликнул его, задорно оскалившись, Карякин. – Погуляй с нами, развлекись. Хочешь, и тебе сдам карту?

– Новости хреновые, но вы доигрывайте, ребята, а я потом расскажу. А на что играете? Неужто на спички?

– На щелбаны играем, вот на что, – грустно ответил главбух. – Расчёт в конце игры.

Представил себе Пётр Трофимович, как синий, с кло чьями отваливающейся кожи палец Карякина щёлкает его по лбу, и повторно отказался сыграть, сказал, что так посидит, за компанию. Похоже было, что Порфирий Исаакович уже много шелабонов проиграл, потому и смурной такой. Как оказалось, ошибся в том хитроумный технорук. А выяснилась его ошибка, когда случился скандалчик.

Теперь уже экс-снабженец ликовал: выпало ему «золотое очко», и он радостно показывал всем двух тузов, пока и сам не сник, ибо оба туза оказались пиковыми.

– Колись, Порфирий Исаакович, где картишки взял? – это Карякин принялся допрашивать главбуха, а Левчук, поддерживая его, только кивал. – Или тебе, картежнику заядлому, их в гроб положили?

– Вот только непохоже, чтобы в гробу двадцать лет пролежали, – заметил Пётр Трофимович. – Чистые чересчур. А вообще, ребята, если в колоде два пиковых туза, такими картами только в аду играть.

Бывшего главбуха это невинное замечание почему-то разозлило. Заявил раздраженно:

– В аду играют не в очко, а в штосс, грешники вперемежку с чертями. А если грешник продуется, его бросают в котел с кипящей медью.

– А если грешник сорвет банк? – это вечный придира Карякин поинтересовался.

Увлечённо, внимания не обратив на эту реплику, бывший «лейб-доставала» возразил:

– Во-первых, ада нет. Был бы ад, нас, безбожников, туда уж точно определили бы. Во-вторых, откуда ты прознал, Порфирий Исаакович, кто и во что играет в аду?

– Читать больше надо, Харитон Ильич. И не всякую фигню, а русскую классическую литературу. А карты я из дому принес. Наведывался домой, уж лучше бы этого не делал. Хотел было от вас, Пётр Трофимович, скрыть, да чего уж там стесняться? Моя мегера снова замуж вышла.

– Имеет право, – робко заметил Пётр Трофимович и спрятался за осину.

Млинский нехорошо улыбнулся. И вправду нехорошо: в верхней челюсти только два передних зуба открылись, в нижней один кривой, а за ними синий язык маячит перед вроде как чёрной дырою – лучше уж не присматриваться.

– И от кого это я слышу? От вас, Пётр Трофимович? Эта ваша блондиночка, которую вы от нас столь ревниво прятали, разве не сбежала от вас вместе с детьми? Разве не развелась с вами чуть ли не на следующий день

после приговора? Тоже «имела право»? Ну и гуманист же вы у нас, почтенный Пётр Трофимович...

«Пусть гуманист, зато живой покамест, в отличие от некоторых», – подумал бывший технорук – и предпочел промолчать.

– Так вот, живет моя мегера с новым мужем всё в той же квартире, мною от завода полученной. Добрался я до заводского поселка спокойно, один только маленький такой смешной автобусик и проехал за всё время, пришлось в канаве прятаться...

– Маршрутка называется, – подал голос Пётр Трофимович.

– Маршрутное такси то есть? Прогресс! Раньше только в Киеве... А в прежнее время, когда завод наш работал, помните, какая была оживлённая трасса? Ну, моя квартира, вы же знаете, на втором этаже. На площадке, слава Богу, никого не встретил, время ведь рабочее. Замок уже другой, но запасной ключ под ковриком – мне ли не знать? Открываю – а дома никого, я и рад был тогда, поскольку не желал причинять особенного беспокойства. Однако в прихожей чужие мужские домашние шлепанцы обнаружили, небольшого размера, и плащ мужской на вешалке. Вот такая петрушка...

– А не сына ли вашего вещички те были? – встрял Левчук.

– Ну, сынок мой в меня пошёл, ростом теперь ещё выше, небось... Да и не та у него натура, чтобы в нынешнем Крольчанске гнить. А вы только мысль мне перебили, «лейб-доставала»...

А Пётр Трофимович припомнил белобрысого и долгоязого подростка, да и кивнул, запоздало соглашаясь.

– Вот тогда уже захотелось мне мою мегеру немножко попугать, но если нет никого? Ладно, думаю... Всю-то жизнь твою, Порфиша, приходилось тебе отказывать-

ся от самых заветных твоих желаний ради пользы семейной и общественной, почему ж ты думал, что после смерти тебе будет уготована другая судьба? Ещё огорчила меня «буржуйка», мною во время оно заказанная и поставленная в спальне, а точнее сказать, что на том же месте она. Выходит, как перестала поступать по теплоцентрали горячая вода с завода, так и нет в посёлке тепла. Ну, пошёл я ваши пожелания, коллеги, исполнять. Семён просил принести водочки из холодильника, я и нашёл початую литровую бутылку...

– Уж лучше бы литровку голландского спиртика «Рояля»! – встрял Левчук. – Вот бы ударили по клавишам, так ударили бы!

Тут Пётр Трофимович вскинулся с могилки Левчука, на которую успел было усесться. Зачастил:

– Какой там вам ещё голландский «Рояль»? И французский «Руайяль» давно весь выпили, позабыли уж, и когда исчез... А мне водочки вы оставили, ребята? Что ж молчите? Давайте, скорее давайте – душа горит!

Левчук отвёл глаза, а мастер цеха дефекации пояснил неохотно:

– Ты уж прости, Трофимыч, но не оставили мы тебе твоей доли, бес попутал. Я вон двадцать лет в рот не брал спиртного, ясно, что кинулся сломя голову, как к голой... Ну, как в том случае, когда нам, в нынешнем нашем техническом состоянии, тоже бесполезно вспыживать и кидаться. Вторым тянул Порфирий Исаакович и оставил за малым не полбутылки. А вот Харько снова весь остаток выдул единым духом, хоть и должен был плоской своей головёнкой задуматься, отчего это вчера твой самогон его ни грамма не зацепил. И мы с Порфирием Исааковичем совсем ничего, ну, вовсе ничего не почувствовали. Так что нам теперь и эта радость жизни, почитай, что до лампочки...

– Так ведь жизни, ты сам сказал, – ядовито уточнил Пётр Трофимович, а Левчук, чтобы не допустить ссоры, поправил торопливо:

– И не до лампочки, не совсем то есть, а имеет на нас полезное действие дезинфекции и дефлорации – так ведь, Семён?

– Сам ты дефлорация, неуч! Дезодорацией, вот ещё чем нам спиртное полезно!

Бывший технорук потянул носом. Как воняло от его бывших сотрудников, так и воняет – отвратительно, только вот водочный запах прибавился. Эх, без толку литровку водяры перевели... Тут главбух промолвил чопорно:

– Быть может, вы, наконец, позвольте мне завершить мое сообщение? Благодарю вас. Так вот, искал я карты для Семёна, и только нашёл, не успел в карман положить, как слышу – входные двери отворились. Странно я тогда себя почувствовал, будто в прошлое капитально вернулся. Был один случай, как-то после майских праздников. Бюлетенил я, и как раз срок моей вольности заканчивался, когда директору понадобилась моя подпись задним числом, он и прислал с бумагой секретаршу. Зою, да вы ж её знаете...

– Кто ж её, Зойку-цыпочку, не знает? – бодро подтвердил Левчук. – Кудрявая, как болонка!

– Подстилка директорская, вот она кто, – блеснул Карякин белками глаз. – Секретутка, а воображает о себе – ого! Будто Мэрилин Монро!

Пётр Трофимович только кивнул. Озлобление Семёна позволяло предположить, что он, мужик с бабами предприимчивый, подбивал клинья к холостячке Зойке, однако получил от ворот поворот. Либо красотке хватало начальственной склонности директора Глеба Александровича (вот кого надо взять к ногтю, пока не поздно!),

либо имелся у неё для души в городе хахаль, не расшифрованный заводчанами. Сам же технорук на Зойку посматривал, не без того, и, рассуждая теоретически, шансы у него, одного из руководителей завода, были побольше, чем у мастера цеха дефекации, но... Женатый вторым браком, Татьяна моложе его на двенадцать лет. Пётр Трофимович о том только и думал, как бы её удержать, ревновал без конца... В общем, не до Зойки ему было.

– ... был уверен, что вспомните. А тогда ознакомился я с бумагой, подмахнул, а сам, естественно, о другом думаю. Мегера моя, на работе взяв отгул, поехала в Конопот, мать свою навестить, на дворе теплынь, солнышко, свежая майская зелень. Смотрю я на Зочку и глазам не верю – она мне глазки строит! Ну и...

– В угол, на нос, на предмет? – обрадовался неизвестно чему Левчук.

– Ага, как девчата в дни молодости нашей в ДК на танцуйках. Я тут же винца предложил, тортика попробовать (с праздников остался), то да се... Там, прямо на кухне, мы и расположились. И вот, в самый ответственный момент, слышу я, как в замке проворачивается его внутренность. Вот тогда я, коллеги, наверное, и посидел...

– Порфирий Исаакович, вы мне только на один вопрос, пожалуйста, ответьте. Скажите, а Зойка голая была? – попробовал прищуриться Левчук. Да только нефиг прищуриваться по-ленински, если на единственном глазу веко сгнило.

– Зойка? Да нет, по-пионерски ведь мы... Я вообще в пижаме, а Зойка успела задранную, уж простите за откровенное словцо, юбку одёрнуть. Моя мегера не смогла

ничего доказать юридически, но пилила меня после ещё два месяца, никак не меньше. А почему вы спрашиваете?

– Как-то в курилке наши работяги поспорили. Один клялся, что у Зойки буфера не натуральные, будто там вата подложена.

– Да нет, отчего же? Полная натуральность у неё спереди. Это вы напрасно... Так вот, сегодня испытал я, когда дверь начала открываться, почти такой же ужас, как тогда, к Зойке приспособленный. Да тут же опомнился: разве ж можно даже сравнивать? Теперь я в своих правах, в своей квартире и никакой Зойки. Приободрился, бутылку за пазуху – и этак смело, петушком, навстречу пришедшим: бубнили они в прихожей, ясно стало, что моя мегера не одна. И вот дверь из кухни открываю – и бац! Вижу низеньких таких старичка и старушку. Старичок мне вовсе незнаком, а вот старушка кого-то напоминает. Господи ты мой Боже! А ведь эта старушка и есть моя мегера... Друзья, вы же помните мою законную супругу, ведь наличествовало же в ней нечто, не позволявшее мне при всей её злости бежать, куда глаза глядят? А?

– Представительная была дама, – заметил Пётр Трофимович дипломатически.

– Ну, ладно... Пока я к ней присматривался, её престарелый ухажёр схватился за сердце и уселся прямо на пол в прихожей. А моя мегера – то есть, простите, уже не моя, а его мегера – давай вокруг своего лысого голубчика толстым задом вертеть. И при том меня не забывает грязью поливать. Даже и не догадывался я, что моя цирлих-манирлих такие словечки замысловатые знает! Ведь мамочкой своей, моей тещей, воспитана была, чего у неё не отнимешь, вполне галантерейно.

– Просто бабы, когда между собой тусуются, матерятся не хуже мужиков, – пояснил Карякин. – Моя, впрочем, тоже своей мамочкой пресловутой мне плешь проела.

– Баба, она ведь тоже человек, так что ж – своего родного русского языка, по-вашему, не знает? – это уже Левчук.

– Вы полагаете? Вполне возможно... Мне даже захотелось проверить, неужто я и в самом-то деле так скверно выгляжу, как моя старая мегера истинно русскими словами живописует. Там же, в прихожей, у меня трюмо стоит, посмотрелся я в зеркало – и лучше бы не смотрел. Я почему-то боялся, что вообще себя не увижу – и лучше бы не увидел, право...

– Выходит, Порфирий Исаакович, вы испугались, не вампир ли вы? – перебил его бывший технорук и обвел мертвецов победительным взглядом. – Ведь это вампир не отражается в зеркале.

– Какой ещё вампир? Упырь, что ли? – набычился Карякин. – С чего бы это тебе, Петро, обзывать нас упырями?

– Да не обзывался я... Мне в больничке доцент Аристарх Николаевич про вампиров много рассказывал. Вот уж кто ерундит, так уж ерундит, не нам с вами чета.

Порфирий Исаакович усмехнулся:

– Ерундит? Ну, ну... И почему только вы все меня без конца перебиваете? Я просто помнил, что нежить не видно в зеркале. А едва ли кто станет отрицать, что живыми нас троих сейчас трудно назвать. Тут есть над чем поразмыслить, а у вас одна выпивка на уме... Ну, ладно. И ещё подумал я тогда, топчась перед собственным, на свои кровные в рассрочку приобретенным трюмо, что только чудом в таком-то гнусном виде добрался домой незамеченным. Пошёл переодеваться. Искал я в

одежном шкафу свой выходной бостоновый костюм – и нету там уже ничего моего! Кургузые только джемпера и курточки. Тогда полез я в кладовку и нашел на полке в том самом месте, где свернул сам и положил... Ну, такую военную штуку широкую, без рукавов, из зелёной резины с капюшоном, я её на толкучке у пьяненького сверхсрочника когда-то купил для рыбалки...

– Плащ-палатку? – подсказал Левчук. – Это в ней вы сюда прибрели?

– Вот-вот... Забрал я её, взял подмышку, вернулся к моей мегере в прихожую. Он всё на полу сидит, а она стоит возле на коленях и меня поливает. Я смотрю: её старинушка как раз глаза раскрыл. Я тогда присел рядом с ним на корточки (кости жутко заскрипели, аж самому стало неприятно!), да и надавил указательным пальцем на его нос-кнопку. Он отпрянул, головкой лысой о стенку стукнулся, а я своим нынешним, несколько надтреснутым голосом: «Дзинь! Мастер дома? Гармонь готова? А позвольте поиграть!». Ну, и спросил ещё, не удержался, куда он костюм мой подевал.

– А почему – «Мастер дома?». Надо ведь было про доктора спросить! – поправил Карякин.

– Разве? Только, помнится, в детском саду именно так играли... Ну, я руки тогда протянул, чтобы пощекотать придурка, а он глазки снова закрыл и головку свесил. Я плащ-палатку с пола подхватил, встал на ноги, а моя бывшая мегера аккурат успела набрать воздуха – и как завоет! Ну, прямо наша заводская сирена... Я в плащ-палатку завернулся, из квартиры выскочил – мне ещё только не доставало, чтобы соседи набежали. Зато вот – имеем теперь средство маскировки.

Пётр Трофимович подумал, что их главбух хоть иногда и ведёт себя, как старый интеллигент в забытых уже анекдотах, на самом деле же показал себя мужи-

ком твёрдым. Это же надо – начал за упокой, а кончил во здравие! И какой молодец, что добыл плащ-палатку! Теперь появился шанс на опохмелку, глядишь, и придет конец страданиям... Заговорил умильно:

– Вот теперь можно будет, наконец, за водочкой сбегать. Я уже и придумал, куда. К тетке Фросине, вот куда. Она сидит одна-одинешенька в лавчонке, и ближе всех отсюда. Заодно и выручку почистить.

– Выручку? Почистить? – с весёлым изумлением переспросил Левчук.

– Ну да, Харько. Вы, братцы, теперь и банк запросто можете взять. Кто вам теперь противиться станет, таким... таким... устрашительным, вот?

– Это дело разжевать требуется, – протянул Карякин.

– Я решительно против!

Порфирий Исаакович заявил это таким тоном и скрипучей рукой таким манером разрубил воздух, что Петру Трофимовичу мгновенно припомнились совещания у гендиректора, когда непреклонный главный бухгалтер на корню гробил соблазнительные, однако рискованные с точки зрения финансовой дисциплины деловые проекты.

– Это же безобразие! Если каждый, кому вздумается, пойдет грабить банк, у нас не финансы будут, а неизвестно что! Чем тогда рабочим зарплату выплачивать? Да и вы сами будете сидеть на бобах!

– Окстись, Порфирий Исаакович! – ухмыльнулся Карякин. – Какие ещё там наши зарплаты теперь? А Петро дело говорит: если мы сейчас ограбим банк, то нам за это ничего не будет. А если и вычислят, если поймут – что с нас, в нашем нынешнем виде, власть может взять? А?

– А ведь верно, главбух. Хрен с меня теперь, с такого, возьмешь! – у Левчука от возбуждения единствен-

ный глаз налился красным огнем, что твой тормозной фонарь.

Горько вздохнул тут Порфирий Исаакович, пустив по кладбищу волну ужасающего зловония с еле заметной спиртовой отдушкой. Потом заговорил, и как только Пётр Трофимович сумел сосредоточиться на сказанном, разобрал:

– ...прямо тебе домашние юристы, это же надо. Кто вам сказал, что с нас взять нечего? Я только здешних, кладбищенских жителей имею в виду, а не господина Дымова, который норовит нашими руками жар загребать. Если мы причиним ущерб государству или частнику, то вполне можем попасть под конфискацию имущества, а именно вот этих благоустроенных и цветущих растительностью участков земли, в непосредственной близости от которых сейчас находимся. Земля будет дорожать с каждым годом, имеющиеся на участках сооружения могут быть достроены и усовершенствованы. И – задам я вам вопрос – разве плохо лежалось нам здесь под индивидуальными участками земли и в собственных, каждый в своём, помещениях? Неужели мы должны рисковать всем этим своим скромным благополучием из-за того только, что нашему хитроумному техноруку не терпится похмелиться?

– Ладно, пусть. Пусть у нас могут забрать эти участки, – неохотно согласился Карякин, – но ведь всё равно им придется нас где-нибудь похоронить. А какая разница?

– Вы будто никогда не слышали о братских могилах, о крематории?

– Вон, говорят, в армии передвижные крематории завели, – осмелился поддакнуть главбуху Пётр Трофимович.

Помолчали. Потом медленно, будто нехотя, заговорил Левчук:

– Ладно, я понял. Дымом и мне не желательно изойти. Банк мы брать не станем. Но пару пузырей позаимствовать не помешает. Эта, как её, дезодорация...

– И ещё консервация, – с умным видом вставил Карякин.

– Вот, вот... И эта штука нам в масть. Возьмём горячего в долг...

– Можем даже попросить открыть потребительскую кредитную линию. Так делают на Западе, – это уже главбух перебил. – А подпишет обязательство Пётр Трофимович, он же и пообещает, что при благоприятной экономической конъюнктуре вернет должок.

На такие речи Пётр Трофимович только рот разинул. А Карякин вдруг развеселился:

– Тогда чего же мы ждём? В путь! Где тут теперь ближайший киоск, Петро?

– Давно уже в киосках водяры не купишь, Сеня. Только пиво. И куда это вы все пойдёте, мужики? Плащ-палатка ведь одна... И ещё насчёт должка, как-то оно...

А Левчук взглянул на него понимающе... Или осуждающе? Попробуй тут разбери... Однако всё-таки сочувственно взглянул на него Левчук, потому что произнёс странным своим безгубым выговором:

– Я Петра понимаю. Сам на рассрочке разок ожёгся, так потом всегда от кредитов открещивался. Всю жизнь, правильно будет сказать. А Петро ведь, счастливец, живой ещё, и ему, действительно, ни к чему эта кабала. Но я хотел сказать про другое. Как ни приятно для души сбегать за водочкой, сам я не пойду. Я тут на досуге поразмыслил и додумался, что нам троим,

нашим, хе-хе, Петром-чудотворцем оживлённым, желательно подольше побродить по земле. А в таком случае мне в Крольчанске лучше не показываться.

– Это почему же, Харитон Ильич? – спросил главбух, и заметил Пётр Трофимович, что он прислушивается к Левчуку с особым вниманием.

– Да потому, что опасаясь я встретить мою жёнку прямо на улице, а даже ежели и не встречу, в городе столько водится сплетниц, что всенепременно ей донесут. А моя Оксана для нас сейчас самая опасная баба в Крольчанске. Вот почему опасна, – и рукой-ластой показал на крест над покинутой им могилой. – Стыдно мне, человеку, как-никак свободному от религиозных предрассудков, но правду не скроешь: после «перестройки» моя законная половина повадилась шляться в церковь. Повесила икону, под ней дурацкую эту ихнюю коптилку на цепочках, молитвы заучила. И меня заставляла поститься и всё зудела, что мне надо окреститься и в общину... того... присовокупить меня, в общем.

– Кажется, я начинаю вас понимать, Харитон Ильич, – проскрипел главбух.

– А чего тут понимать? Трындим мы про всякую чепуху-чепухенцию, а действительно для нас важные вещи ленимся обмозговать. Или просто боимся? Так вот, я отбрехался от неё, соврамши, что меня в младенчестве тайно от родителей бабушка покрестила. А там кто его знает... Разве кто-нибудь станет ручаться, что с ним, несмышлёнышем в те поры, такого не проделали? Но моя брехня меня выручила только на короткое время, потому что начала Оксана канючить снова, уговаривая идти теперь на исповедь к попу. А тогда, если помните, в городе новый попик появился, молодой такой, речуги в церкви по воскресеньям толкал, и баб потянуло в церковь, как мух на мёд. Ну, а если подумать... Спасибо,

конечно, Петру за наше оживление, но смешно было бы, ты уж извини, приятель, верить, что тебе этакое удалось самолично отчебучить. Разве за твоими плечами не маячило настоящей, могучей силы? А с нею справиться и вернуть нас в землю сможет только та сила, которой служит молодой крольчанский попик, отец Сергей который. Вот, вспомнил имя, у него ещё попадья маленькая такая, будто карманная. Стоит только моей Оксане услышать, что я вернулся с того света, она к своему попику враз побежит. Вот такие пироги.

– Молодым ваш попик был двадцать лет тому назад, – проворчал главбух. – Теперь же, небось, укатали сивку крутые горки.

А у Петра Трофимовича остатки волос встали дыбом под шляпой. Потому что смекнул он, какая именно сила использовала его, словно инструмент бессловесный. Прогоняя страх, вскричал:

– Так что же мы, господа и товарищи, времячко золотое теряем? Закутывайся, Сеня, в плащ-палатку и марш-марш со мною за водочкой!

Глава 16

Тогда же.

Курилка перед кемпингом «Сахарок»

Веня вышел во двор покурить. В комнате под номером «5» взрослые потные дяди и тётки вовсю трудились над быстрым пробегом Марточки-призрака. В первый раз великовозрастная малышка пробежала хорошо, можно сказать, что и талантливо. И второй дубль вышел удачным, а когда она, зарумянившись от похвал, готовилась бежать в третий раз, Веня поймал себя на мысли, что не очень и огорчился бы, если бы Мартышка, выскочив из комнаты, побежала бы себе по мощёной дорожке, потом через ворота, да так и не останавливалась бы до самого Киева.

Он добрал до курилки и, придирчиво осмотрев серое от въевшейся в дерево пыли сиденье скамейки, уселся за стол. Нечаянный утренний хмель давно растаял, а некоторая раздражённость и умственная усталость, пришедшие на смену дешёвой той эйфории, вполне естественны. И он, конечно же, справедлив в отношении Мартышки, вовсе не придирается к ней. Они ведь так обрадовались друг другу! Однако то, что их связывало, что так ярко и сладко вспыхнуло, когда она только дебютировала в новом кукольном театре на Оболони, давно уже пеплом рассыпалось и быльём поросло. И ведь она бросила кукол и подвизается в фальшивом, что тут ни говори, амплуа травести, а это отнимает у неё половину очарования. А он, он что тут делает? В Киев, в Киев! Пока идут фестивальные спектакли... Вряд ли успеет

побывать даже и на последнем, нечего и губу раскатывать. Но вот на заключительный банкет он просто обязан попасть. Всех увидеть, со всеми пошутить, похихикать. И если Золя уедет раньше, как грозились, то чем чёрт не шутит? Какая-нибудь Дороти Гэйл, пришедшая в кукольный театр из школьного драмкружка, пылкая, наивная, непосредственная... Хотя в таких делах загадывать наперёд себе дороже...

И всё-таки Веня дал себе волю и, прикрыв глаза, вдруг очутился в полутьме кулис. Сверху проникает почти солнечный свет юпитеров, а тут звучат звонкие, форсированные голоса, взметаются тонкие и сильные женские руки, густеет атмосфера тревожного ожидания и святой, безотчетной веры в успех, поистине, как сказал поэт, «томленье упования», так похожее на блаженное смятение в душе счастливого любовника, когда он с букетом орхидей и шампанским уже топчется перед заветной дверью...

– И о чём это ты, Венечка, так размышлялся? – услышал он голосок Марты. – До чего же приятно увидеть мужчину твоего возраста с таким глуповатым выражением на лице!

Ничего себе комплиментик! Веня открыл глаза: Мартышка, по-прежнему в гриме и костюме Пионерки, взяв сигарету из его пачки, прикуривает от его же новенькой золотой зажигалки, подарка милой Золи. Выглядело это почти так же нелепо, как валенки на ногах у девушки, фотографирующейся в бикини. Но он не сказал ей об этом, предпочёл промолчать. Всё деликатность проклятая! Не говоря уж о том, что давно убедился: ему куда проще придумать остроумную реплику задним числом, чем сымпровизировать. Спросил небрежно:

– Скажи лучше, почему это ты одна выскочила? Чем там вся компания теперь занялась?

– Милый чудик-оператор загорелся идеей при том же освещении снимать сцену разборки между тинэйджерами, а толстячок-режиссер с ним согласился. И ещё предложил послать сейчас автобус за пиццей и кофе в город, а полноценный обед совместить уже с ужином в ресторане.

– Представляю, что там за пицца в этом Крольчанске, – буркнул Веня. И добавил. – А на Тарасика и Славика не наезжай. Честные мужики, и дело своё знают.

– Я от пиццы тоже не в восторге. Мне надо за весом следить. А на твоих приятелей и не наезжаю, я, знаешь ли – любя.

И это свое «любя» произнесла Марточка с таким изумительным вывихом, что невольно глянул Веня на неё с новым интересом. И – осторожно:

– А как у тебя, любовь моя, дела на семейном фронте? Если вопрос тебе неприятен, можешь не отвечать.

– Ну, Венечка, если и неприятен, то самую чуточку... Опять в разводе, если коротко. Что-то плохо сочетается моя профессия с топтанием возле священного домашнего очага. А у тебя как с твоей Розочкой?

– Ты Розалинду имеешь в виду? Отношения у нас прекрасные, – бодро произнёс он. – За одним только исключением: мы тоже в разводе.

Мартышка всплеснула крошечными ручками.

– Как же так? Ты же всегда твердил, что семья – это святое, и на развод никогда не будешь подавать, из принципа не будешь? Или только мне лапшу на уши вешал?

– Да нет, я всем такую... такое, то есть, говорил. Потому как тот принцип был и остается у меня неизменным. И не подавал я на развод, это она, Розалинда, подала. Говорит, дети выросли, получили образование, встали на ноги, нет у меня больше причин терпеть твоё, Вени-

амин, бессовестное поведение, хочется и мне с толком устроить свою жизнь. И ведь она в чём-то права. Мы поженились совсем молоденькими, по пылкой юношеской страсти, и родители были скорее даже довольны. Оно соответствовало древним еврейским обычаям, и то, что мы с нею сразу же завели детей, тоже...

– А что, устроила она, твоя Роза, свою личную жизнь?

– В процессе, скажем так.

– Извини, Венечка, ей-богу, не хотела я тебя расстраивать... Но если уж пошёл такой разговор, скажи мне, оставила ли Роза тебе твою замечательную квартиру? Ты ведь так гордился хатой тогда.

– А разве я тебя, Марточка, приводил к себе? На Саксаганского? – изумился Веня.

Она честно округлила глазки.

– Неужели ты уже забыл, Венечка? Я залезла в большой чемодан, и ты привёз меня на такси. Помню ещё, как ехала в лифте, а очнулась уже в прихожей...

– Что?!

– А потом ты точно так же, в чемодане, выносил меня. И ещё говорил, что тебе полегче теперь, потому что похудела я от любовных трудов... Ну, вспомнил?

Разинув рот, всматривался Веня в её серьёзную рожицу, пока не выдержала Марта и не расхохоталась. Тогда вздохнул он с облегчением и принялся распространяться о том, о чём вообще-то предпочитает помалкивать.

– Ту чудесную квартиру на Саксаганского пришлось разменять ещё раньше, когда старший мой оболтус женился. А теперь я уже несколько лет, как живу в маленькой квартирке, зато отдельной. По минимуму, но всё необходимое есть. А место замечательное, в самом цен-

тре. На Хмельницкого, чуть выше Крещатика, но ниже Коллегии Павла Галагана. И тихое гнёздышко, вот что ценно, потому что глубоко во дворе.

Теперь уже она вздохнула, искренне так, сочувственно. Даже пригорюнилась по-бабьи.

– Ещё раз прости за бестактные вопросы, Венечка. Но ты же знаешь, как мы, киевляне, чувствительны относительно проклятого квартирного вопроса.

Мы, киевляне? Мгновенно припомнилось Вене, что малышка, когда они встречались, ютилась «зайцем» в общежитии театрального института. Но едва ли так уж необходимо галантному кавалеру всё на свете помнить и придирааться к каждому слову красивой женщины. Почему бы ей за эти годы и не почувствовать себя киевлянкой?

– Ой! Побегу я спросить у Тарасика, будут ли меня сегодня ещё снимать. Хочется поскорее смыть этот киношный грим, лицо под ним уже горит.

Убежала. Веня затыкнулся и почти машинально отметил это её «Тарасика». Выпустил клуб дыма и подумал, что понимание женщин – одно из тех его бесполезных, озорных знаний, которые вроде бы и повышают его мужское самоуважение, но на деле... Впрочем, в наш меркантильный, тупо практичный век именно бесполезные знания могут стать приметой истинного интеллигента, настоящего, чистой воды, интеллектуала. Во всяком случае, в своих любовных историях никогда он не пользовался жизненным опытом, всё всегда происходило легко и просто, само собой. Веня знал волокит принципиально иного типа, те превращали ухаживания в тяжёлый труд, утомительно долгий и с весьма сомнительной результативностью. Нет, нечего подтрунивать

над беднягами: результативность, правду сказать, наличествует и у них, хоть и не столь впечатляющая, как у тупых и самодовольных пикаперов, но вот вопрос: много ли радости они приносят, эти финальные победы, если учитывать те обиды и унижения, которые приходится такому Казанове предварительно претерпевать? Кроме того, Веня мог бы гордиться ещё одной особенностью своего донжуанства, представляющейся ему чрезвычайно лестной: он сам всегда выбирал для себя лучших самочек из стада, пусть и была это немногочисленная корпорация актрис кукольных театров.

А вот Тарасик, неожиданно понравившийся достаточно привередливой Мартышке, напротив, как о том было известно Вене, всю жизнь только покорялся воле выбравшей его дамы или отчаянно пытался такой узурпаторше воспротивиться. Вот интересно, как поведёт себя этот тюфяк с Мартой? К сожалению, волей-неволей ему придётся быть в курсе интимных переживаний робкого с женщинами Тарасика, ведь их поселили в одной комнате, да и Славик там же будет обретаться. Веня вздохнул. Он рассчитывал на отдельное жильё в этом Крольчанске, пусть и скромное. Номер на одного. По дороге сюда ему уже представлялась небольшая комнатка, в окно которой заглядывают зелёные ветки – неважно, акации или клёна. Небольшая, но достаточно просторная для того, чтобы по ней можно было ходить туда-сюда. Веня привык мерить шагами помещение во время творческого процесса, и его не на шутку достаёт, что не имеет для этого возможности в своей последней квартире. Квартире? Квартирке! Пенале! Купе! В длину как раз, чтобы поместился узкий диван, ширина же такая, что нормальный письменный стол не втиснулся бы, при-

ходится ставить ноутбук на журнальный столик. А гостя можно положить только на откидывающихся полатах – уж точно купе! Книги же пришлось разместить только на одной стене, противоположной. Ещё там, рядом с окном – панель, посетителю для смеха можно выдать её за дверь в спальню. Хохма в лучшем случае бесполезная, если в гостях дама!

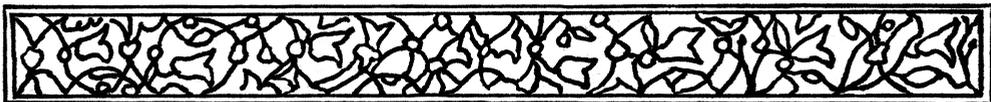
Вот надо же, какое невезенье... Там – квартира-купе, здесь – номер-общежитие. У Вени засосало под ложечкой, и неприятное ощущение почти сразу же перешло в тупую боль. Вот вам, пожалуйста, и приступ в командировке, а с собой никаких пилюль. Нет их с собою потому, что их не выписал врач. А врач не выписал потому, что Веня никаких врачей, кроме стоматолога, никогда не посещал. Визиты к зубному приходится терпеть, потому что Веня очень дорожит своей ослепительной улыбкой. Относительно же прочих хворей имеется у него такой проект – когда-нибудь в будущем сдать в плен сразу всем врачам и стать в клинике, подобно крейсеру в доке, на капитальный ремонт. Впервые сей прожект появился в эпоху советской бесплатной медицины, когда приём у хорошего врача обеспечивали личные связи, но со временем, когда многие знакомые медики эмигрировали, а бесплатная медицина куда-то вдруг испарилась, сам Веня начал сомневаться, потянет ли на такое всестороннее и одновременное исцеление. Наблюдал ведь, как менялись расценки в стоматологии.

Теперь он всё чаще воображает себя беспутным художником Клингзором из маленького романа Гессе. Тот весело проживал своё последнее лето – а там хоть трава не расти! Увы, когда посасывало под ложечкой, пример Клингзора больше не казался Вене таким уж вдохнов-

ляющим. Тем более сейчас, ведь с картинами у того художника не было никаких проблем, а Вене предстоит придумать, как заменить озеро – достаточно глубокое, чтобы любострастный старикан мог подныривать в нём к купающимся студенткам, – на местную речку, через которую, говорят, запросто перебирается кошка.

Тут раздались громкие голоса, и на траву перед стильным зданием заводууправления высыпала пёстрая толпа. Общий перерыв! Веня окончательно решил вернуться в Киев при первой же возможности.

Глава 17

В тот же день.

Окраина городского кладбища в Крольчанске

Из соображений конспирации Карякин предложил на шоссе не выходить, а максимально использовать для маскировки растительный покров кладбища. И Пётр Трофимович не имел возражений против того, чтобы пройти им двоим центральной кладбищенской аллеей и выйти центральными воротами. И всё бы путём, если бы не две неприятные неожиданности.

Сперва они наткнулись на кладбищенского сторожа, не к ночи будь помянут. Покачивался на неверных ногах старинушка и был до того древен, что даже и вблизи оказалось невозможным определить, пьян ли, или просто одряхлел до чрезвычайности. И хоть при виде его Карякин запахнул плотнее плащ-палатку и голову свою сине-красную втянул под капюшон, сторож накинулся на него чуть ли не с кулаками. Принял он мастера цеха дефекации за какого-то Яшку-бродягу, лично им из милости закопанного третьего дня, и принялся бранить, нелепо путая матерные слова. Упрекал в неблагодарности, в нежелании покоиться в земле безмятежно и пристойненько, как все порядочные люди лежат, и присягал, что и не подумает второй раз непоседу-бомжа хоронить по-человечески.

Отбились от старого идиота, оторвались, ускорив шаг. Карякин всё не мог успокоиться, бормотал нехорошие слова. Пётр Трофимович попытался его утомонить:

– Врёт старпер! Я прекрасно помню, Семён Макарович, как тебя хоронили. Гроб твой в могилку на верёвках опускали и потом землёй забрасывали два ражих молодых мужика. Накаченные, словно штангисты, культуристы хреновы, чуток пьяные, с некоторым даже выражением благостного сочувствия на толстых мордах. Профессионалы, блин! Я ещё подумал тогда, что этим вот безработица не грозит. И хорошо гроб они опустили твой, бережно. А я тогда порадовался за тебя: когда самого Леонида Ильича Брежнева погребали, то на глазах у миллионов советских телезрителей гроб сорвался с верёвок и хряпнулся о дно могилы, а у тебя вышло тип-топ. Добрая, мол, примета. У нас оставалась тогда надежда скачать с нового хозяина завода компенсации для ваших с Харько семей...

– Вот увидишь, Петро, эта сволочь ещё на наш участок притащится, нервы портить... Ох, на месте бы порвал негодяя!

Покосился Пётр Трофимович на сотрудника – и показался ему Карякин, со своей свекольной лысиной под капюшоном и в плащ-палатку закутанный, похожим на древнего испанского монаха. И ещё представилось ему, что Семён излишне злобствует на дурачка. Он начал было утешать, доказывая, что старинушке не добрести до их участка, заснёт по дороге, а то и в параличе свалится, но вдруг замолчал. И как было не заткнуться, если собеседник такое учудил? А именно: устрашающе заскрипев костями, Карякин вдруг накренился в его сторону, не отрывая, впрочем, ступней от земли. И прохрипел натужно:

– Ни хрена себе!

Пётр Трофимович отскочил назад, причём достаточно проворно для своего возраста. Тотчас же выяснилось, что не к нему потянуло Семёна, а оттолкнуло от чего-то.

Семён уже переступил неуклюже ногами влево и стоял теперь на том месте, откуда отпрыгнул Пётр Трофимович.

– Да что это ещё за дьявол? Будто кто-то в плечо мне ладонью упёрся и отгалкивал!

– Ты давай, друг, проходи понемногу вперёд, – предложил хитроумный технорук, – а я попробую разобраться. На меня, похоже, эта непонятка не действует.

Осторожно продвинулся Пётр Трофимович на опасное место, в стороне от засыпанной некогда гравием аллеи, по-прежнему ровно ничего не почувствовал и не без труда присел на корточки, приступая к изучению неожиданной природной аномалии. На первый взгляд, то была обычная почва, произвольно заросшая травой. Однако же, наскоро протерев подкладкой пиджака стекла очков и присмотревшись, убедился он, что под ним не просто неиспользованный участок кладбища, а пустырь. Сквозь чахлаю тут поросль молочая и ковыля просвечивали под тонким земляным слоем остатки красной кирпичной кладки. Следовательно, не хоронили здесь только потому, что пришлось бы для могил пробивать толщу фундамента...

– Эй, Трофимыч! Чего ты там нарыл?

– Напугал, право, своим криком... А я чуть было не вспомнил!

Только на короткое время задержал живой мертвец своим вопросом таинственный процесс припоминания, и вот уже всплыло у Петра Трофимовича в голове, о чём покойная мать давным-давно, в детстве неразумном ему рассказывала. Будто на кладбище стояла раньше часовня для отпевания умерших, а снесли её большевики, не то в тридцатые годы, не то уже в шестидесятые. Вот оно что!

Он сообщил о своём открытии Семёну. Тот молча потянул его за рукав вперёд. Только через пару минут выдал озабоченно:

– Выходит, прав был Харько. От церкви и от попа ничего хорошего нам теперь не светит.

– Вот-вот. Значит, будем от них, Семён, держаться подальше. Дело не хитрое. Одна у нас в Крольчанске церковь, и попик вроде всего один. Я не очень-то интересовался, где в точности старые городские церкви стояли, те, снесенные. Но едва ли много их было, невелик ведь наш Крольчанск.

Карякин молча кивнул. Тем временем они благополучно миновали флигель кладбищенской конторы, где крольчанцы уплачивают умеренную мзду за последнюю регистрацию своих родственников. Оба и не смотрели в ту сторону, а Пётр Трофимович решился оглянуться, только когда прошли они уже через приоткрытые ворота чугунного литья. Тут заметил он, что верхняя часть створок срезана. Понятно, что автогеном, ясно, что на металлолом и что ловкачи-беспредельщики поработали, а вот какая надпись прежде составлялась наверху, когда створки сходились? «Вы жертвою пали»? Или «Спите спокойно»? Но уж точно, что не «Добро пожаловать» или «Вы тут как дома»...

Поделился с Карякиным наблюдением и соображениями, а тот и говорит без всяких тебе ухмылочек:

– И я не припомню почему-то. Но годился бы стих Есенина: «Спите, любимые братья...»

– Есенина?

– А я в юности был любитель стихов. Всего Есенина прочитал и Асадова тоже.

Почувствовал тут Пётр Трофимович мгновенный укол совести, и тут же накрыла его волна холодного ужаса. Хоть и потомственный он атеист, но в дурке доста-

точно наслушался от начитанного по завязку дóцента-про́цента про Того, чье имя лучше не называть, и про лукавые его дела. При этом неудобозабываемый Аристарх Николаевич в томительно страшных местах сам увлекался, неопратно брызгая слюной, и к тому же, как заметил его слушатель, норовил самые ужасные рассказы приберечь на беседу уже после отбоя, в тёмной палате, чтобы обязательно тебе ночью эта муть приснилась. А теперь в действительности... Бр-р-р... Итак, к трём ожившим мертвецам и к Петру Трофимовичу, попавшему с ними за компанию в немыслимую заварушку, как кур в ощи́п, проявляют враждебность даже предметы церковного культа. Да и ангел, над кладбищем пролетая, не даром же сердился! Как можно было забыть, что мертвецы ожили в ночь на Ивана Купала? На тех окрестных выгонах, где испокон веков бурлил в ту ночь главный языческий праздник, столь ненавистный попам, теперь некому стало разводить купальские костры и бесноваться всячески. Вот и получилось, что когда он спяну попричитал («Встаньте, встаньте», мол) по той чёрной книге, со всех сторон дьявольская сила, накопленная многолетними буйными и бесстыдными языческими игрищами, а теперь остающаяся не востребованной, хлынула на кладбище – и вот вам результат!

Однако отсюда отнюдь не проистекает, что Тот, чье имя лучше не называть, станет им, напротив, скорым помощником. А если вдруг и станет, вредитель всеобщий и вот уж точно несомненный враг народа, ты и не жди ничего хорошего от его помощи, а только конечную погибель. Ведь точно так же и помощь семье от мертвеца, вернувшегося с того света, всегда, в конечном счёте, приносит родным беду и разруху. Об этом и мамаша рассказывали, как мог он такое забыть?

– Ты отчего это заскучал, Трофимыч? – спросил Карякин. – Ежели беспокоишься, не стоит ли ближайший продмаг на месте какой церкви, то будь спок. Этот магазинчик ещё до революции торговал.

– А ты откуда знаешь?

– Помнишь, небось, как отмечали в нашем клубе столетний юбилей завода? В вестибюле и выставка была, по истории Крольчанска. Там я и видел желтую фотокарточку этого гастрономчика, только вывеска была другая: «Бакалейная лавка...». Не помню, чья дальше фамилия, какого-то поца. Вроде помнится, Шмидта.

– Это про которого особую «Мурку» пели. Мне мать её напевала ещё:

Шмидт лежит на льдине,
Словно на перине,
И зашухаряет медвежат...

– Ты не поверишь, Петро, но, когда учился я в техникуме в Одессе, у одного моего однокурсника было отчество Лагшминальдович. Отец у него, стало быть, Лагшминальд – от «лагерь Шмидта на льдине». Вот!

За размышлениями и разговорами быстро прошли они участок дороги до города – и вот он, первый откладбища гастроном. На бойком месте поставлен, у перекрёстка бывшей Фридриха Энгельса, а теперь снова Вознесенской, и Краснопартизанской, название которой отец города мэр Мардарий Матвеевич предпочел оставить, как есть: по архивным документам звалась она в досоветские времена Кладбищенской.

Два окна-витрины, одно справа, другое слева. В одном окне на табличке часы работы заведения, то есть «Круглосуточно», в другом – «Открыто». Посредине – дверь. К ней ведет высокое каменное крыльцо, над нею

крышу уродует архитектурное излишество, выложенное из кирпичей, полуприкрытое вывеской с трубками для неона. В полуподвале со входом со двора – склад.

– Ты ж про какую-то бабку Фросину говорил, Трофимыч? Откуда ж вывеска взялась «У тети Симы», спрашивается?

– Да чёрт его знает, Семён! То есть... Гм. Кто ж его поймёт, этот капитализм? Может, та самая Сима уже только денежки пересчитывает, а вместо себя посадила вкалывать продавщицей эту старушенцию.

Помаячили ещё, подождали, пока выйдет из магазинчика покупатель. Вроде не наблюдалось поблизости новых желающих, поэтому внезапно заробевший Карякин, сделав последнюю попытку уговорить Петра Трофимовича составить ему компанию и в том не успешный, решился, наконец, войти.

Очень хотелось Петру Трофимовичу посмотреть, что внутри происходит, да только... Боязно было и через щёлку в двери заглянуть, и не менее того опасным ему показалось сложить пирамиду из пустых поддонов и ящичков, чтобы дотянуться до окна. Несомненно, куда меньше переживал бы трусоватый бывший технорук, если бы наблюдал происходящее в магазине. Просто потому не переживал бы, что внутри не происходило ничего интересного.

А вот что там происходило. Бабка Фросина сидела себе на табурете у кассы и ни о чём не думала. То есть кое о чём она всё-таки думала, не без того. В частности, цифры «17.20» на электронных часах кассы посылали в её мозг сигнал, и она время от времени его осознавала, прикидывая, сколько ещё отсиживать до прихода сменщицы: вдвоём с бабой Варкой они обеспечивают злой хозяйке Симониде Максимовне круглосуточную торговлю. Постоянно же держала в уме, что утром у неё часа-

лось под лопаткой, и пыталась без особой настойчивости вспомнить, к добру ли это.

Когда стукнула дверь, и тявкнул звоночек на ней, безо всякого труда изготовилась Фросина к рабочему режиму своего сознания. Слишком мал был магазинчик и неудобен, чтобы после приватизации имело смысла переделывать его на самообслуживание, собственно, в маленький универсам. Поэтому она располагала минуткой-другой для бездействия, пока покупатель выберет товар. Вошедший не поздоровался, следовательно, был, скорее всего, приезжим, но Фросина не торопилась достаивать его взглядом. Ведь покупатели уже очень давно перестали её интересовать, словно они вовсе не те люди, с которыми встречалась на улицах или даже в других торговых точках Крольчанска. Кроме того, Фросина успела уже разувериться в заветной мечте, что когда-нибудь эту дверь с колокольчиком толкнет элегантный мужчина с ямочкой на подбородке и с седыми висками. Вошедший, как определила она периферийным зрением, закутан в военную резиновую накидку, а также высок ростом, следовательно, это не один из местных бомжей, которых ей предписывается выгонять из магазина и которых она знает наперечёт – ну, и слава Богу. Но вот запах... Тут незнакомый покупатель пошевелился, готовясь заговорить, и от него хлынула волна такого ужасного, провоцирующего на рвоту смрада, что Фросина сразу же, мгновенно приободрилась, и дух её перешел в активное состояние. Заорала:

– А ну, мотай сейчас же отсюда, бомжина! И чтобы я тебя здесь больше не видела!

В ответ покупатель молча распахнул широкий плащ, и она успела подумать, что вот, ошастливил её посещением очередной местечковый... как его? Эх-гибни-сионист, вот кто. Под плащом, однако, мужик оказался

одетым, она это по-прежнему краем глаза усекла. Но тут наконец-то сфокусировала взгляд на покупателе – и была потрясена двумя, одним за другим, поразительными, а для её скучноватого и очень ограниченного в последние годы внутреннего мирка и вовсе сенсационными открытиями. Почти одновременно Фросина узнала в отвратительном бродяге-вонючке свою школьную любовь, стеснительного Сеню Карякина, и поняла, что имеет дело с ожившим мертвецом. Затем она обнаружила, что и сенсационный покупатель её узнал. Потому что услышала:

– Неужто это ты, Фрося?

Бывший Сенечка Карякин не то проскрипел это, не то прокаркал, однако бывшая Фрося распознала голос паренька, который на скамейке в городском сквере рассказывал ей по секрету о почти уже сделанном им замечательном изобретении и что заработает на нем миллион и даже больше. Она теперь не помнила, решился ли он поцеловать её перед тем, как, закончив восьмой класс, уехал учиться в техникуме пищевой промышленности. Потом у неё уже совсем иные интересы пошли, взрослые, однако с теми почти детскими ещё его ухаживаниями не связывалось в её воспоминаниях ни грамма стыда или грязи, поэтому она даже всплакнула, когда узнала о безвременной смерти этого, собственно, совсем чужого для неё женатого мужчины. А что и он узнал её, Фросину как раз ни чуточки не удивляло. Ведь она тщательно следит за собой, красит волосы, заботится о макияже – и вовсе не для того очаровашки с седыми висками, на котором практически поставила крест, а чтобы в свои почти шестьдесят удержаться на работе.

– Ну и встреча... Прямо как нарочно, Фрося...

Среднее медицинское образование и годы работы по специальности выработали у Фросины достаточно

стойкое материалистическое мировоззрение. И до сих пор оставалось оно непоколебимым, ибо даже и паршивенького какого-нибудь НЛО или слезливой иконы не сподобилась наша героиня лицезреть, и барабашки не нарушали покой её маленького уютного домика. А невидимые враги, досаждающие по мелочам, они ведь просто невидимы, как злой учёный в прочтённой в детстве страшилке про человека-невидимку. Но сейчас... Чтобы мёртвый Сеня через много лет после своих похорон поднялся из могилы и заявился к ней на рабочее место? Такое просто невозможно! Такого не бывает! Но вот же он, стоит ведь, смердит мертвечиной, не уходит и в воздухе не растворяется. Фросина простонала:

– Ну, так чего тебе теперь надобно от моей душеньки?

– Не от твоей душеньки, Фрося... – вроде как и растерялся он. – Мне бы две бутылки водяры. Заимообразно, вот в чём петрушка...

Даже и не посмотрев на полку, где выставлены были водки пристойных сортов и по приличной цене, она мгновенно извлекла из-под прилавка две бутылки палёного пойла, припрятанные именно на такой случай – скинуть по дешёвке бомжу, если не захочется или не удастся выгнать такого приставаду из магазина. Стукнула доньшками по пластиковому покрытию прилавка. Отрезала:

– Бери. И чтобы я тебя больше тут не видела!

Если на ужасной сине-красной физиономии что и нарисовалось, то не смогла бы Фросина разобрать, ибо глаза её наполнились уже слезами. Но у неё создалось впечатление, что состарившийся, умерший и зачем-то воскресший мальчик Сенечка скользнул очумело взглядом, прежде чем забрать бутылки, по этикеткам, на ко-

торых был, как она помнила, оттиснут ражий борода-
тый мужик, вроде бы папаша известной певицы Маши
Распутиной.

Стукнула дверь, прошелестели шаги по крыльцу.
Осталась отвратная вонь. Фросина нажала на кнопку,
вентилятор тотчас же взвыл. И хоть она позволяла себе
курить только дома, после работы, сейчас бестрепет-
но достала с витрины пачку «Парламента». Пропустив
через себя пахучий дым, Фросина сумела остановить
дрожь в пальцах и поправила макияж перед зеркаль-
цем, прислонённым к кассе. Ещё через несколько ми-
нут она опомнилась настолько, что перестала выбивать
мелкую дробь вставными челюстями. Не то, чтобы успо-
коилась, просто заставила панический ужас отступить.
Теперь можно и обмозговать сложившуюся ситуацию.
Вторжение в её жизнь живого мертвеца Сени Карякина
было явлением чересчур уж масштабным, чтобы при-
вычно и бездумно приписать его невидимым врагам,
вот уже несколько лет досаждавшим Фросине мелкими
пакостями.

Глава 18

В тот же вечер.

У тыльной стены заводоуправления

Вот и дождался искусный, но привередливый к условиям освещённости оператор заветного времени, когда, как он объяснил Тарасу, «уже зажигаются фонари, однако ж и сумерки дают ещё достаточно света». В ответ Тарас напомнил, что сам же Славик не соглашался в качестве фона использовать скучный ландшафт сахарного завода и предлагал уже потом, при монтаже вместо зданий цехов подставить лесные пейзажи. Тогда оператор одарил его взглядом непонятого миром Асия и тихо, чуть ли не по складам, словно отстающему в развитии ребёнку, пояснил, что в данном случае ничего такого ему не нужно, нужно только, чтобы на заднем плане было открыто одно окно, и чтобы из него падал свет. Пришлось осветителю Димону поспешить, ворча сквозь зубы, в дом и выполнять вынырнувшее в последний момент пожелание.

Пока же решено было репетировать. Но не успел эффектно загримированный Степан Клавдиевич произнести вторую свою реплику, как раздался наглый и вообще далёкий от приятности голос Димона:

– Я безумно извиняюсь, но вынужден прервать творческий процесс. Поскольку не желаю быть облыжно обматюк... обруганным и униженным в своей профессиональной сущности. Будьте так любезны, Вячеслав Виленович, скажите мне, какое именно окно должен я

открыть, и какую по мощности лампочку я должен задействовать?

Славик взглянул на осветителя вроде как спросонья, но отвечать начал спокойно:

– Окно, считая от Степана Клавдиевича, мне нужно третье, а лампочка... Сойдёт и на шестьдесят. И неужели вы все не понимаете, что этот светлый полусумрак продержится не дольше получаса?!

– Я ещё раз извиняюсь, но такой лампочки у меня нет. Разве что баба Паша позычит...

Баба Паша отозвалась тотчас же:

– Какая я тебе баба Паша? Я теперь почти что народная киноактриса, вот я кто. Почти что Любовь Орлова. А запасных лампочек и у меня нету. Все, что были, в ваших комнатах вкручены, но там по 40 ваттов только.

Славик схватился за голову, а Тарас повернулся к помрежу Клавочке. Та, уже не только в гриме, но и в белом гимнастическом купальнике Девушки с веслом, да ещё и с руками-ногами, покрытыми мелом, как раз задумалась о чём-то о своём, а когда вдруг распахнула белёдые глаза и задвигала губами, Тарас испытал настоящий шок. И не сразу сумел сосредоточиться на том, что сказала ожившая статуя:

– ...съездит в город за лампочками. А пока, Дмитрий, выкрутите ту, что болтается над курилкой, идёт?

Димон заскрипел зубами. И вот, наконец, Славик, получив нужный ему фон, оторвался от окуляра, обернулся к Тарасу и кивнул. Тарас ещё раз проверил, правильно ли расположена статуя, за кадром ли стоит Степан Клавдиевич и готов ли он. И только теперь:

– Мотор!

Клавочка в образе Девушки с веслом, никому не уступив этой чести, стукнула хлопущкой, оттарабанила, что нужно было сказать, и отступила вправо. Тарас под-

нял руку, согнул ладонь – и Степан Клавдиевич, с видом проштрафившегося пса, чуть ли не на брюхе подползающего к хозяйке, вошёл в кадр и остановился за полшага до постамента. Постамент, такой же бутафорский, как и статуя Девушки с веслом, вырезанная и склеенная из какой-то белой синтетической дряни, чуть ли не из полистирола, был точно так же, как и она, привезен из Киева. Степан Клавдиевич раскрыл рот, но не сказал ни слова, потом всё-таки заговорил дрожащим голосом:

– О, как я виноват перед тобой, Веселина, сердце моё! После нашей незабываемой встречи я так и не собрался навестить тебя, беляночка! Нет мне прощения!

– Стоп!

Сняли ещё один дубль, с постамента стянули и за Тарасову спину унесли статую, а на её место в той же позе стала Клавочка, столь же приятно белеющая в сумерках. Во второй раз превращение статуи в ожившую Девушку с веслом показалось режиссёру уже не таким эффектным, но он утешил себя тем, что зрители-то первого оживления не увидят. Да нет, нечего придирааться к ней, Клавочка вещает просто здорово, одними грязно-белыми губами.

– Тридцать лет и три года, девять месяцев и семь дней...

– Что, сердце моё?

– Тридцать лет и три года, девять месяцев и семь дней, как ты оставил меня, любимый мой.

«Словно общий рабочий стаж Степана Клавдиевича подсчитала!» – ухмыльнулся Тарас, но тут же забыл о своей шутке. Потому что Клавочка, незаметно переведя дух, продолжила звонко:

– Ты ушёл, пообещав вернуться завтра, и добрый утренний дождь смыл с меня стыдные следы, оставленные твоей приставучей любовью. С тех пор снег де-

вятьсот пять раз покрывал меня мыльной пеной, а тысячу девятьсот семнадцать дождей омывали, готовя к нашему так и не состоявшемуся свиданию. Много раз окрестные ведьмы оборачивались сороками и дружно трудились, подкрашивая мои волосы в роскошный пепельный цвет. Дедушка-водяной подарил мне соблазнительную ночнушку, сшитую девицами-утопленницами из лягушачьих кожиц, а заезжий чёрт, поганый немец, исхитрился и набросил на мои плечи длинную шубку. Он уверял, что шубка из американской норки, а я в ответ ему: дескать, хоть и белоглазая, но не безглазая и крысиные шкурки от американской норки сумела отличить. Однако чёртов немец тут же принялся шарить, где не следует, своими слишком длинными руками, за что и получил веслом. Долгонько пришлось ему, сидя в грязи, вправлять на место сбитую с шейных позвонков лысую голову.

– А где теперь эти подарки моих соперников, Веселина, сердце моё?

– О, я так боялась, что ты рассердишься на меня за то, что приняла их! К тому же у меня было время подумать, и я решила, что надёжней снова понравлюсь тебе, любимый мой, если ты увидишь меня точно такую же, какой полюбил – в белом сиянии моих девичьих мускулов и в снежной свежести здоровой кожи. Вот я и позволила ветрам сдуть с себя сначала шубку, а потом ночную рубашку. Я даже перестала давить полевых мышей между пальцами ног – ведь приглянулась я тебе, любимый мой, без красного лака на ногтях будучи и вообще без педикюра.

– Конечно! Я так люблю твои белые ножки – полненькие, крепенькие... Как прекрасны, как волнуют меня эти благородные очертания твоих ступней на бетонном постаменте! Как несексуальны, как бездарно фригид-

ны в сравнении с ними тощие костлявые ступни современных девчонок! О Веселина, твои ножки веселят моё сердце!

– А мое бетонное сердце чувствует, что ты, любимый мой, сегодня весь день прокрутился возле двух городских ссыкушек, хоть тебе и не по нраву их костлявые ходули. Ладно, я ещё могла простить тебе сорок лет разлуки, но этой подлой измены не потерплю. Я ведь не какая-нибудь капиталистическая профурсетка, а социалистическая девушка, рождённая в гарантированном Сталинской конституцией равенстве с мужчинами. И не в каком-нибудь буржуазном бордельере рождённая, а на Первом Московском заводе декоративного искусства имени товарища Жданова, вот!

В глазах у Степана Клавдиевича заблестели настоящие слёзы. «Что значит профессионал!» – воскрился Тарас. А престарелый лицедей поскрёбся у себя в шевелюре, умело растрёпанной гримёршей Натальей Денисовной, скривился умильно и склонил голову.

– Я готов претерпеть любое наказание, Веселина, сердце мое, лишь бы вернуться в твои объятия. Вот только бы не веслом... Боюсь, моя снежная королева, что мне не удастся возратить свою голову на место...

Каменные губы Девушки с веслом тронула нежная улыбка. Она потупилась («Придётся при доработке выбелить ей не только глаза, но и веки», – велела себе запомнить Тарас) и произнесла застенчиво:

– Тебя, любимый мой, я не решилась бы тронуть и пальцем. Я же помню, как затрещали твои косточки, когда я в порыве девственной страсти прижалась к тебе на нашем первом свидании. А вот этих девиц я не желаю терпеть здесь, невдалеке от себя и слишком близко к тебе, и очень бы хотела, чтобы они и землю больше не

топтали своими мосластыми ногами, такими тебе, любимый мой, противными.

Лицо у Степана Клавдиевича вытянулось, впадинки на щеках словно бы углубились. Произнёс сдавленным голосом:

– Обещаю тебе эту безделицу. Одну из тех сопливых уродин я притащу сюда и брошу к твоим ножкам. А ты уж сама, Веселина, сердце моё, выберешь для неё наказание.

В ответ Девушка с веслом величаво протянула ему свободную правую руку. Степан Клавдиевич склонился над ней, осторожненько выделил указательный пальчик, легонько подтянул его кверху и почтительнейшим образом поцеловал.

– Стоп!

Через пару секунд Тарас добавил:

– Перерыв! Актёров прошу отдохнуть на месте, членов съёмочной группы подойти ко мне.

И не дожидаясь, пока все подтянутся, напустился на Веню:

– Господи! Да что ж это за диалог ты сварганил?

Веня до того удивился, что только хихикнул. За него ответила Стася, хоть сейчас и права голоса-то не имела:

– Ты отчего это разволновался, Тарасик? Прикольно ведь...

– Ничего себе прикольно... Стилистический винегрет! Смесь французского с нижегородским! И ты уж меня прости, дорогая, но тебя вроде никто не спрашивал.

– Фи! Как грубо! На тебя не похоже, дорогой.

Тут и Веня пришел в себя, откашлялся и спросил:

– Тарасик, милый, но разве ты раньше не читал мой сценарий? А насчёт стиля... Неужели ты ничего не слышал про постмодернизм?

Тарас даже рот разинул. Леший с ним, с постмодернизмом, но ведь первый Венин вопросик не в бровь, а в глаз! Он ведь так был счастлив, получив предложение снять полнометражный, что сценарий просмотрел по диагонали. Ответил полуправду:

– Получается, что я на свою беду чересчур доверился тебе и Ефиму Валентиновичу. Да ведь и диалоги тинэйджеров были попроще. Постмодернизм же тут ни при чём. Постмодернизм тоже бывает талантливый, а бывает и тупой.

– Ты хочешь сказать... – побагровел Веня.

– Режиссёр прав, – это Алевтина Францевна заявила. Взметнув вверх острый подбородок, убеждённо так и свысока. – Во-первых, режиссёр всегда прав. Во-вторых, этот режиссёр прав в данном конкретном случае. То, что они тут проговаривали, действительно ни в какие ворота не лезет.

– Я глубоко ценю ваше мнение, мадам, – легко поклонился всё ещё багровый Веня, – однако...

Тут уже Славик не выдержал. Устал, видно, больше других за долгий съёмочный день. Закрыв ладонью рот Вене, легонько отодвинул заслуженную балерину и встал лицом к лицу с Тарасом:

– Я ведь тоже имею право голоса – или нет? Диалог позволяет выстроить толковый изобразительный ряд. Лучше не надо! Я так доволен, что, если бы не необходимость снять дополнительно крупные планы, посоветовал бы отказаться от следующих дублей. И актёры справились суперовски. А стиль диалога... Готов поспорить на пачку кефира, что зрители пару раз усмехнутся, слушая его. Именно из-за словесного винегрета, как ты это назвал, Тарасик. Мы показываем любовную сцену сумасшедшего маньяка и парковой скульптуры, а ты хочешь, чтобы они объяснялись, как Ромео и Джульетта?

– И что это ещё за омерзительная деталь была в самом начале? – скривилась Алевтина Францевна. – Какие-то постыдные следы на статуе... А вам, молодой человек, разве не ай-я-яй о таком писать?

Тарас фыркнул:

– Ему? Ему – не стыдно. Веня ведь и для детей пишет. А вот я не припомнил ничего особенно омерзительного. Знаете ли, синемá веритé...

– Не слишком ли веритé эта ваша синемá? И ещё я, Тарас, хотела лично вам кое-что сообщить, – понизила она голос. – Мне пожаловались девочки... ну, Анечка и Клаво́чка, на эту ужасную бабу...

– Да ладно уже вам... – смутилась Анна Вадимовна. – Не актуально уже вроде...

– Почему же? Эта ужасная баба Паша, когда они ей утром рассказали, как местные хулиганы штурмовали этот так называемый кемпинг, только посмеивалась и повторяла: «Неужели вам наши хлопцы не нравятся?».

Славик скривился.

– Нравится, не нравится – давайте все эти вопросы на потом. Свет у меня уходит, Тарас.

– Ладно, ещё два дубля на крупные планы. Костя, как звук записался? – и когда звукорежиссёр показал жестом, что «на ять», Тарас использовал своё право сказать последнее слово. – Звук мы перепишем, чтобы Девушка с веслом утробно эдак... А сценарий я ещё перечту, глазами. Наш разговор с тобой, Венечка, наш момент истины ещё впереди.

Но тут зазвонил у Тараса мобильник. Он отошёл в сторону поговорить – и вернулся к приятелям с таким странным выражением лица, что Славик не выдержал, спросил:

– Кто это был?

– Да Лилька моя... Допытывалась, не спихнул ли ты меня, развратник и пьяница, на дурную дорожку. Она уверена, что ты, Славик, плохо на меня влияешь.

– Ничего себе! Выходит, мою репутацию теперь уже ничто не поправит, – и вдруг Славик солнечно улыбнулся. – Зато ведь ничто и не испортит её ещё больше!

Глава 19

В тот же вечер.

Магазинчик «У тётки Симы»

Иногда сменщица Фросины, баба Варка, приходила раньше: одинокая, как и Фросина, она скучала дома. Дорожа своим свободным временем, с одной стороны, а с другой – не желая дарить злой, будто цепной пес, хозяйке малейший повод для увольнения, Фросина покидала в таком случае магазин ровно в «19.00» по электронным часам в кассе. Передавая бабе Варке смену, она выслушивала обычно все городские новости. К концу двенадцатичасовой смены Фросина так уставала, что только пару месяцев назад задумалась о том, откуда известны становятся бабе Варке свежие сплетни. Вот и спросила её сейчас, без всякой задней мысли спросила, а та вдруг смутилась. Не успела Фросина испугаться (а вдруг донесёт Симониде Максимовне), как баба Варка ответила, что от добрых людей. Ну и ладушки. Тем более опасно было бы сегодня спрашивать у бабы Варки, не знает ли она, кто в городе мог бы избавить от вдруг навязавшегося живого мертвеца. Ведь сменщица, неизвестно за какие заслуги, пролезла в любимицы к злой хозяйке. На следующий же день Симонида Максимовна узнала бы о несчастье, постигнувшем Фросину, и замыслила бы уволить её.

Баба Варка опоздала на семнадцать минут и не подумала извиниться. Что ж, и это придется перетерпеть. Во время оно, когда Фросина была помоложе и продолжала верить, дурочка, в высшую справедливость, ей пред-

ставлялось, что где-то, на небесах или в параллельном мире, установлен специальный счётчик, который записывает её неприятности, все до одной, чтобы со временем обидчики ответили за свои безобразия. Но тогда она ещё надеялась, что встретит предназначенного лично ей мужчину с очаровательной ямочкой на подбородке и седыми висками (от седых висков у брюнетов и сейчас балдеет). Вначале думала, что он появится перед её окошечком в регистратуре поликлиники, а потом, что остановит длинный, как кукурузный початок, лимузин возле гастрономчика, выложит три двухсотки с Лесей Украинкой за покрытую пылью бутылку заграничного коньяка за полтыщи гривен, сдачу оставит, а к концу смены вернётся с букетом роз.

Передав смену, Фросина поднялась уже с табурета, чтобы подхватить заранее собранную хозяйственную сумку и сматываться, но баба Варка придержала её за локоток. Очень холодными показались Фросине пальцы старушки – уж не померла ли она дома и по привычке пришла на работу? Не успела толком струсить: морщинистое лицо и дряблая шея бабы Варки выглядели, как всегда, да и несло от неё луком и одинокой неаккуратной старостью, а больше ничем.

– Ты чего это, Фроська? Чего это дёргаешься? – спросила баба Варка. – Или тебе уже рассказали? Про мертвецов, что среди бела дня по городу шастают? И кто ж это к тебе забежал такой шустрый?

Уж не намекает ли столь издавека, что ей известно о посещении магазина мёртвым Сеней Карякиным? Теперь Фросина уже сама похолодела... Нет, слава Богу! Баба Варка принялась самозабвенно пересказывать сногшибательную новость, полученную прямо перед

выходом из дома, у калитки уже, от соседки Фени, а той на мобильный телефон звякнула золовка из приёмного покоя райбольницы.

– Золовка?

– Санитаркой в приёмном покое до пенсии дотягивает. Так вот, к ним «скорая» привезла из заводского посёлка вдову главного бухгалтера бывшего завода. Ты его не знала случайно, нет? Такой представительный, образованный мужчина. Вдову доставили на «скорой» вместе с ейным нынешним мужем, но того мужичонку ребята напрасно трудились доставлять.

– А... Вдова, что ж, их не поблагодарила?

– Заплатила, не заплатила – какая разница? Посмотрела его дежурная врачиха Эсфирь Давыдовна, ну, ты же знаешь её, она спуску никому не даст...

– Да уж, женщина строгая.

– Эсфирь Давыдовна наорала на медбрата и велела отвезти мужичка на той самой каталке прямо в морг. А вдову никак не могли успокоить, пока укол ей не сделали. Всё вопила, что на них в квартире напал её покойный муж, в таком виде, будто только что из могилы выбрался. Её саму, мол, не трогал, зато прицепился к теперешнему её мужу, требовал от него какой-то костюм от Армани и ещё рукой своей костяной дёргал за нос... Вот, чуть не забыла я, старая перечница, тебя спросить. Что оно такое – Армани?

– Коньяк, – ответила Фросина. Она давно уже не раздумывала и не колебалась с ответом, если не могла ответить на вопрос с полной уверенностью. Поэтому и прослыла в околотке женщиной начитанной и памятливой.

Баба Варка хихикнула.

– Знаешь, Фроська, я мимо ателье индпошива пробежала, ну, теперь они «Бутик Биссектриса», так у них уже

заперто было. Побоялись, небось, наши портняжки, что и к ним мёртвый главбух придет за костюмом.

– Да кто ж, Варвара Фоминична, теперь в ателье себе шьёт? Теперь все порядочные люди готовое на секунд-хенде покупают!

– Да один хрен... Нет, ты только подумай, как вдова своего покойного мужа уважает! И через двадцать лет совестится, что ему, мёртвому, изменила!

– Ладно уже, Варвара Фоминична, я пойду. От тех двух бутылок палёной я избавилась, а твою долю выдам с полочки. Идёт?

– Идёт, идёт... Авось не обидишь. А я вот думаю про вдовину живность. Если бабу в психушку отвезут, в ту же Глеваху, куры ведь передохнут. А хозяйке вдвойне обиднее будет, если без неё клятая чупакабра кур передушит. А эти творенья Божьи в чём виноваты?

– Так она же в посёлке живет, Варвара Фоминична. Там ведь у них только квартирки в пятиэтажках, негде тех же курей держать. Ну, хорошо, пошла я уже. Спокойного тебе дежурства.

Выскочила Фросина из опостылевшего служебного помещения, а на улице уже почти совсем стемнело. Дорога домой до того ей привычна, что, пожалуй, могла бы дойти и с закрытыми глазами. Вот только пробовать не стоит: невидимые враги не дремлют, как раз наведут на открытый водопроводный люк или под грузовик какой, хоть теперь и редко здесь проезжают. И не до экспериментов, коль пошли такие дела. Ведь если повадится мёртвый Сеня ходить к ней за водкой, да к тому же на дурняк – как ей тогда такое несчастье избыть? А что придёт ещё, Фросина не сомневалась. Ведь две приманки для него в магазине, как на грех, наличествуют, а на них все мужики падки, без разницы, живые они или мёртвые – водка и молодка. Молодка, да ещё первая

любовь прыщавой юности – это для мужчинки магнит, и ещё какой магнит! О водке же и говорить не стоит: не найдется такого мужика, каковый, разжившись двумя бутылками на халяву, не понадеялся бы повторить удачу. Чтобы не разориться вконец и нервы себе даром не портить, следует мёртвого Сеню отвадить. Вот только как?

Ломала-ломала Фросина голову, да и припомнила кое-что из того, что ей бабушка давно уже покойная рассказывала в далеком детстве. Сама бабушка Мария Лукинична, папина мама, была происхождения сельского, чего в Крольчанске несколько стеснялась. Однако, когда не удалось родителям устроить маленькую Фросю в детсад и пришлось оставлять её днём на попечение старенькой бабушки, довелось немогущей старушке выискивать в памяти всякие интересности, чтобы хоть занимательными страшилками удержать прыткую девчонку на месте. Вот тогда и услышала Фрося о способах, чтобы отшить летающего огненного змея. Как-то туманно поясняла бабушка, зачем змею прилетать к девушке или к вдове, а всё остальное вспомнилось сейчас Фросине. Вот! Змей прилетал, оборачивался парнем, садился рядом с девушкой и изводил её, говоря ей всякие стыдные гадости. Фактически змей себя вел, как иногда парубки на вечерницах, был ведь и такой сельский способ ухаживания, для жертвы его вроде бы даже лестный. Но одно дело на вечерницах, в шутку как бы и при людях, другое – дома глухой ночью, когда в хате все спят. Да к тому же от такого ухаживания девица, которую облюбовал летучий поклонник, сохла и худела, словно от чахотки. Поэтому от змея надо было избавляться. Огненный змей не терпел отвратительных запахов, вот главное. Надо было, например, сжечь луковую шелуху, он и улетит. Но ведь от самого Сени Карякина теперь смердит

невыносимо, так что, скорее всего, чужой добавочной вони он и не почувствует. Не поможет, стало быть, бабушкин рецепт... Рецепт? При чём тут рецепты?

Фросина остановилась. Откуда вдруг в воспоминаниях о покойной бабушке вылез рецепт? Что-то она совсем недавно, мгновением раньше, увидела необычное... Но что? Вот, проходила мимо доски для объявлений. Ну, проходила... Доска как доска... Сооружение это могло бы привлечь её внимание разве что лет пятнадцать тому назад, когда новоизбранный городской голова принялся воевать с объявлениями граждан на электрических и фонарных столбах. Портили-де благолепие. Вот тогда и устроены были особые щиты для таких бумажек, а незаконно приклеенными занялся специально нанятый на эту службу старикан-отставник. Орудовал заграничным скребком усердно, чистил себе столбы от левых объявлений, пока где-то на окраине не начистили уже ему самому физиономию крольчанцы, не оценившие заботы отца города о девственной красе его столбов. И что ценно, не стал тогда разочарованный в согражданах голова ломать щиты, которыми оборудовал город, как поступил недавно неудачливый кандидат в депутаты по здешнему, как его... ага, малообжоритарному округу. Тот, сперва, когда к избирателям изо всех сил подлизывался, построил в микрорайоне Фросины роскошную детскую площадку с большой надписью, какой именно деятель за свой счёт облагодетельствовал деток, а когда пролетел на выборах, исчезла с того пустыря детская площадка, будто её и не было. Стоп, при чём тут площадка? Речь-то шла о доске для объявлений.

Фросина помотала головой, и хоть колени, в особенности правое, у неё уже начинали крутить, решила всё-таки вернуться к пресловутой доске. Незримые враги постоянно пытаются перемешать её мысли, од-

нако ей не привыкать с ними бороться! Вот и сейчас отвлекли. Фросина обнаружила, что стоит, тупо разглядывая обрывок рекламного плаката с остатком надписи: «...ДАНИЯ. МЕРТВОЕ МОРЕ!». А ну кыш, вы! И сразу нашла: белеет посреди безнадежно посеревших от пыли бумажек одна недавняя, свежая, а продолговатостью своей, и в самом деле, похожая на рецепт.

Присмотревшись, разглядела Фросина, что на белую эту бумажку приклеена ксерокопия вырезки – из газеты, наверное. На сероватой ксерокопии напечатано большими буквами «СКОРАЯ ПОМОЩНИЦА И СПАСИТЕЛЬНИЦА ЭСМЕРАЛЬДА», а ниже на фоне церковных куполов изображена молодая брюнетка в чёрном, но с головой, обмотанной белым платком, а рядом с нею какая-то старушка уже во всём чёрном и даже в чёрном платке. Под женщинами затейливая, полукругом надпись: «На фото Эсмеральда и настоятельница монастыря «София» (справа)». Ещё ниже напечатаны обещания этой самой Эсмеральды, но Фросина утомилась их читать: очень уж мелко, как на её глаза, а очки лежат на самом дне сумки. Из того, что смогла разобрать, впечатлили её два пункта: «2. Считывание информации очно и по фото» и «5. Снимет порчу, сглаз и всех видов активных и пассивных негативных действий». Ну, уже если «всех видов», то и с мертвецом справится. Ещё понравился ей пункт «8. Первая консультация бесплатно». Увы, пункт насчет «бесплатно» зачеркнут тем же чёрным фломастером, которым под вырезкой, крупными отдельными буквами, начертано: «Всего адин ден в вашем городе. Звонит...». И номер мобильного.

Нечем было записать телефон Фросине, поэтому она, оглядевшись, отодрала объявление и сунула в карман. А потом подумала: а зачем откладывать дело в долгий ящик? Достала из бокового кармашка сумки мобиль-

ник, врубила и принялась набивать номер. Вообще-то мобильник она завела только для связи с хозяйкой да со сменщицей бабой Варкой, а так некому ей звонить. Но для этого случая почему бы не сделать кровопускание заветному счёту? И Фросина решительно нажала на левую кнопку.

– Эй! Это кто?

– Мне бы Эсмеральду.

– Я Эсмеральда. А чего надо?

– Мне бы насчёт снятия... – Фросина подсмотрела на бумажке, – негативных действий.

– Так... У меня, знаешь ли, всё расписано на месяц вперед, но вот если ты приедешь прямо сейчас, я чудом свободна.

– А нельзя ли, чтобы бесплатно?

– Рассмешила ты меня. Может, скажешь мне ещё, что сама задарма вкальываешь? Улица Джамбула, пять. Увидишь вывеску.

– Тогда сколько? Ну, сколько мне брать с собою...?

– А вот сколько имеешь, столько и прихвати. И не вздумай мне сбрехать! Такую порчу получишь, что не обрадуешься.

И отключилась дешёвенькая разговорная машинка. Фросина спрятала её и побежала скучной улицей домой. Дорогой в голове у неё мелькнуло, словно белой искоркой, что она уже слышала этот голос. Но погасла искорка, потонула в мощном желании как можно скорее забрать деньги и бежать на Джамбула, пять. Вот и родной заборчик. Она откинула верёвочную петлю (нет ведь мужской руки, чтобы прикрутить на место крючок), толкнула калитку, даже и не заглянула в почтовый ящик, подбежала к двери. Отперла навесной замок. В крохотной прихожей её встречала кошка Нюська – а кому бы ещё? Сидела, как всегда в таких случаях, опрятно обер-

нувшись хвостом, и не подумала посторониться, пришлось хозяйке через неё перешагивать. Фросина уже со всей возможной скоростью перекладывала продукты в старенький, родительский ещё холодильник, когда Нюська нарисовалась на порожке кухни, снова уселась и замяукала:

– А м-м-молочка м-м-не в м-м-мисочку? Всё бы тебе с м-м-мертвецами м-м-мурлыкать!

– Не трындела бы ты мне под руку, – огрызнулась Фросина. – Не видишь, что ли? Не до тебя!

Нюська подошла обнюхать пустую сумку, а Фросина уже доставала с полки жестяную коробку, красную, в белый горошек, с белой же надписью «Гречка». Коробка из маминого наследства, а у Фросины здесь макароны: любит она, что тут поделаешь, побаловать себя в нечастые выходные блюдом «по-флотски». В этой коробке пристроила она второе дно, из картона вырезанное и фольгой обклеенное, под ним и прячет свои сбережения – на данный момент две тысячи триста девяносто две гривны.

Откладывала она всегда красненькими десятками, и когда увидела их россыпь, таких родных, на дне коробки, мелькнула снова искоркой мыслишка, что ведь неладное происходит: только что ты жалела полтинник на звонок, а вот теперь готова отдать всё, что имеешь – а вдруг незримые враги тут замешаны? Едва успела додумать это до невидимых врагов, как тут же услышала, словно рядом с нею прозвучал, жёсткий голос целительницы: «Не бери дурного в голову, раба Божья Евфросиния! Бог дал, Бог взял. А желательно тебе мудрствовать, вот есть у тебя кошка Нюська, о ней и думай!».

Послушалась Фросина, отложила две гривны в сторону, а десятички пересчитала и сложила в использован-

ный, но чистый пластиковый пакет, сунула пакет на дно сумки, а сверху прикрыла пристойным случаем тёмным платком: вдруг спасительница прикажет, как в церкви, голову покрыть. Тут и соображение промелькнуло: мол, если за эти деньги удастся и от незримых врагов избавиться, то на такое дело она ничего бы не пожалела. А что на похороны собраны, так ведь не завтра же помирать.

Приказано было приехать, но на чём? Маршрутка проезжает по городу два раза в сутки. Слава Богу, от дома до Джамбула и пешком недалеко, ещё и в том повезло, что по дороге на всех почти улицах фонари, а переулки короткие. Впрочем, коли велено о кошке думать, можно и о кошке. А с кошкой повезло Фросине, тут ничего не скажешь. Нюська очень самостоятельная, по своим кошачьим делам выходит через форточку, иногда, правда, слишком надолго. Подозревает Фросина, что где-нибудь на соседней улице прибилась хитрая Нюська такой же приходящей кошечкой в другой дом, побогаче. Там, в основном, и кормится, туда с животом уходит и тем хозяевам котятки оставляет, Фросине их не доверяя. Слов нет, приятно бывает, особенно в холодные зимние вечера, посидеть с Нюской на коленях перед печкой, послушать её уютное мурлыканье. Вот так бы и мурлыкала всегда, ан нет – повадилась поучать хозяйку уму-разуму!

Неслась Фросина, как на крыльях, и была счастлива, увидев на заборе вырезанный из белой жести и прибитый гвоздиками номер «5». Хотела бы поблагодарить Бога за то, что добралась к месту невредимой и с деньгами в целости, но не знала, какие слова употребляют в таких случаях. На калитке приклеена была бумажка, и в

неверном свете ближайшего фонаря еле разобрала Фросина, что там предлагаются комнаты на сутки. Вдохнула она глубоко, выдохнула столь же старательно и нажала на кнопку звонка справа от калитки.

Тотчас же забухтела большая, судя по голосу, собака, за забором стукнула глухо дверь, прозвучали шаркающие шаги. В щели калитки возникла пожилая смутно знакомая тётка, в ответ на «Здрасьте!» Фросины молча посторонилась. Огромный дворовый пёс уже не лаял, а молча кидался, натягивая цепь и передавливая, небось, себе горлянку ошейником. До асфальтовой дорожки зверюка не дотягивал с полметра, но Фросина всё равно шла по её левому краю. Уже возле крыльца вспомнила, где видела тетку – перед окошечком регистратуры, всё записывалась «по внутренним болезням», и Фросина, в конце концов, заглянула в её карточку. Надо же, ещё жива...

– Там прямо и сразу налево, женщина.

– Спасибочки.

После прихожей, где под потолком горела голая лампочка, комната показалась тёмной. На столе две чёрные свечи, две ярко намалёванные иконы. За столом, словно судья, восседает скорая спасительница Эсмеральда, вот только она выглядит намного старше, чем на фотографии. Спасительница подняла на неё глаза – и Фросина ахнула. Не поверила себе, ещё раз присмотрелась... Развернулась и бросилась бежать. Тотчас же правое колено налилось острой болью, но Фросина не обращала теперь внимания ни на колено, ни на злого пса, ни на живучую бабу с канцером, разинувшую рот на середине дорожки. Откинула щеколду, толкнула калитку и похромала по улице.

– Я надену на тебя, сучка припадочная, венец безбрачия!

Послышалось ей, или в самом деле прокричала это вслед спасительница Эсмеральда? Тоже мне, испугала ёжика! Сама она сучка подзаборная, если в чужие дела лезет! Нет, не вынесла такой обиды Фросина, притормозила. Обернулась к обиталищу спасительницы, протянула к нему руки и скрутила от души сразу два кукиша. Уже возвращалась в прежнее положение, чтобы немедленно продолжить побег, когда краем глаза заметила, что из трубы дома, где поселилась спасительница, вылетел большой, на вытянутую чёрную запяную похожий, клуб дыма.

Да о какой спасительнице вообще речь? За столом с иконами сидела та самая цыганка, что за несколько минут выманила у Фросины все бывшие с нею деньги и мамино золотое колечко с пальца. Та беда стряслась на киевском автовокзале лет уже двенадцать тому назад, но она до сих пор помнит все фото на стенде «Их разыскивает милиция», возле которого очнулась. Ничего она тогда лучшего не придумала, кроме как встать с протянутой рукой под кассами. От пережитого в тот ужасный день стыда Фросину и сейчас бросило в жар. Слава Богу, никогда не походила она на запойную пьянчужку, поэтому собрать, чтобы достало на обратную дорогу, ей удалось...

Фросине оставалось проскочить Гнилой переулок, а там уже родная Краснозвёздная улица, не страшно. Вот тут-то и грянула, будто у неё сразу за спиной, невыносимо громкая музыка. Фросина удивилась бы, узнав, что это знаменитый «Полет валькирий» Вагнера из оперы «Валькирия», а если уж точнее, так саунд-трек из фильма Коппола «Апокалипсис сегодня», вот уж точно душу из тела вынимающий. Втянула голову в плечи Фроси-

на, припустила ещё быстрее, а тут ещё ощущение испытала, будто что-то лишнее повисло сзади и над нею в воздухе, да и догоняет. Осмелилась оглянуться – батюшки-светы! А там чёрная ведьма за нею на швабре летит и вот-вот настигнет. Настоящая ведьма – с огромным синим носом, в растрёпанных седых космах и пузатая, будто пивная бочка! И уже почти над головой, уже чёрным подолом по щеке так и хлещет, так и хлещет! Вот уж не ожидала Фросина от себя такой прыти, но ведь удалось ей на несколько метров оторваться. Судорожно попыталась она вспомнить, что бабушка рассказывала о средствах народной медицины против ведьмы – и ничего подходящего, только лупить ведьму тележной осью и при каждом ударе повторять «Раз!». А если не уберёжешься и скажешь, не дай того Боже, «Два!», сразу же и попадешь ведьме в костлявые её руки. Спасибо тебе, бабушка, большое за прадедовскую твою премудрость, да только где здесь, да ещё на бегу, тележной осью разжиться?

А вот, слава Богу, и родительский домик. Фросина и сама не знала, почему надеялась оказаться в безопасности за его хлипкими стенами. Когда вспоминала она впоследствии финиш этого немислимого забега, мнилось ей, будто, о больном колене напрочь позабыв, перемахнула через калитку. Однако утром верёвочная петля оказалась порванной, а калитка распахнутой. Тогда же она влетела в прихожую и дверь успела за собой прикрыть, да только не засов задвинуть. Дёрнула ведьма дверь со своей стороны и встала, ужасная, на пороге.

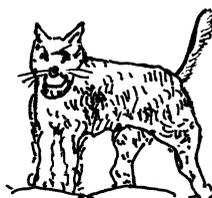
– А вот я тебе... я тебя к себе в дом... не приглашу! – скрутила ей Фросина ещё одну дулю. Бросилась на кухню, схватила сковородку на длинной ручке – и назад. А кошка Нюська подняла хвост и этак неторопливо – за ней.

Как увидел ведьма сковородку, зашипела, пошла волнами, стала полупрозрачной и догадалась Фросина, что превращаться будет. «Давай, давай обернись сорокой, – подумала злорадно, – да я тебя одним махом пришибу! Даже если и цыганкой Эсмеральдой снова обернёшься!». Видно, прочитала ведьма её мысли, потому что превратилась не в сороку и даже не в цыганку Эсмеральду, а в чёрного пса, огромного, будто собака Баскервилей, да ещё светящегося адским голубым огнём. Вот потому и промахнулась Фросина, прошла её сковородка выше оскаленной собачьей морды.

Но тут скользнула на порог кошка Ньюська и, не говоря худого слова, засветила псу лапой с выпущенными когтями прямо в левый горящий красным глаз. Взвыл чёрный пес и обернулся жёлтой шипящей кошкой. Выгнула та спину, подняла хвост... Однако на сей раз и Фросина не оплошала. Вышибла она чужую кошку сковородкой с крылечка, и полетела та с противным нявканьем в куст смородины, где и застряла. А Фросина захлопнула двери и задвинула засов.

Повернулась она к кошке Ньюське, а та не сказала ей ничего. До того, видно, изумилась хозяйкиному подвигу, что и речь у неё отобрало. Подняла снова кошка Ньюська хвост и пошла себе на кухню. Фросина за ней – и наклонилась к хозяйственной сумке, брошенной впопыхах на пол, когда побежала за сковородкой. Вот когда она по-настоящему испугалась, вот когда душа ушла у неё в пятки! Уж не подменила ли цыганская ведьма её любименькие десяточки нарезкой белой бумаги? Нет, на месте лежат, где положила, в пакете под тёмным платком. От радости Фросина и пересчитывать не стала, отложила на утро.

Вот тогда и в мыслях у Фросины, наконец, прояснилось. Насквозь фальшива притворная спасительница, и фальшивы у неё, у ведьмы пузатой, цыганские иконы. Спасти от приставаний мертвяка Сени, а заодно приструнить невидимых врагов-вредителей смогут только там, где иконы настоящие. В церкви то есть. Поп, вот кто ей поможет! Все говорят, что наш отец Сергей – батюшка добрый и знающий.

Глава 20

8 июля 201... Начало первого. Зал ресторана «На волнах Лубеди»

– Какой безумно длинный день... – пробормотал Веня. – Какой утомительно длинный день...

В ресторане стоит дикий галдёж, поэтому надеялся, что никто его не услышит. Но вот Марта, сидевшая рядом, та, если и не услышала, то догадалась. Осведомилась вкрадчиво:

– Скажи мне, Венечка, что тебя тревожит? Что тебе не по душе, миленький?

Мог бы Веня в ответ сказать чистую правду. Признаться, что после того, как шустрая малышка смыла грим и не нашла времени полностью восстановить макияж, а её лукавое личико обрело прежнюю, времен их знакомства, едва ли не детскую свежесть, его тотчас же, и весьма ощутимо, потянуло к ней. Чувствования эти, смутные и более телесные, нежели духовные, казались ему в данной ситуации лишними и неуместными. Проверяя себя, Веня поставил на стол рюмку и взял её ручки в свои длиннопалые грабли – желание только усилилось. Слишком стал он сентиментален после того, как полностью оценил принесенный разводом душевный дискомфорт, слишком падок на легко доступную женскую ласку. А ещё эта неистовая Золя... Так на него, грешного, накинулась, словно не замужем и будто не из многолюдного города приехала (как-никак в областном кукольном театре служит), но с необитаемого острова, а на пароходе пребывала в «поясе верности». И в нём,

мужике на холостяцком положении, два последних месяца насчёт баб постившемся без особой для себя доуки, будто свору псов с цепей спустила. Или из гранаты чеку вытащила... А оно надо? Ведь даже неизвестно, что сейчас сильнее обидело бы Марточку, внезапное его желание – или что старается он эту тягу подавить. Однако надо же и ответить, наконец. Ляпнул первое, что подступило под язык:

– Знаешь, Мартышка, я ведь получил уже гонорар за сценарий. За то, что я делаю сейчас на площадке, мне больше не заплатят ни гроша – так что же тогда я здесь делаю?

– Меркантильный ты мой!

– Вот уж никогда не был я... Как ты это влпила? Меркантильным не был. Просто в непривычное для себя положение я попал, Марточка. Будто вкальваю на...

– Тихо! Тихо! Тарас Андреевич будет говорить!

Это баба Паша подлизывается к Тарасику. На равных правах с киношниками приехала она на ужин, продолжившийся, как водится, обычной для них тусой. Баба Паша успела забежать домой, и теперь щеголяет в зелёном шёлковом платье с прямыми и твёрдыми, как у кавалерийской бурки, плечами. Вене хотелось думать, что платье принадлежало ещё матери бойкой старушки, что та сама пошила его на облезлом «Зингере» из отреза – драгоценного трофея из Восточной Пруссии, залога верной любви, привезённого ей в вещмешке демобилизованным мужем. Что одевала только на праздники, что платье в сундуке пролежало эпоху мини и брючных костюмов, что его чудом не сожрала моль, что его ещё успела поносить дочь, тётя Паша, «баба, ягодка опять», в те годы, когда прямые плечи сороковых снова вернулись...

– ...мне хочется думать, что это обычные неувязки, ведь в первый день съёмок всегда что-нибудь не контактит, не слаживается. Но я хотел бы поднять этот бокал за несомненный успех сегодняшнего дня. Сегодня наш фильм, до того прятанный между страницами сценария, впервые глянул на нас как живое... Живое создание, нашими замечательными актёрами воплощённое и нашим гениальным оператором, присутствующим здесь...

– Красиво излагает, – шепнула Марточка на ухо Вене.

– На самом же деле, без сценария им и снимать было бы нечего. А замечательные актёры сидели бы дома, – ответил он таким же манером, о замечательных актёрах выговорив как бы в кавычках.

– ...фильм уже на нас «косит лиловым глазом», как сказал поэт. Так выпьем же...

– О ком это он говорит? – удивился Веня. – Я такого не писал, кажется...

Но что символизировали эти прямые плечи в восьмидесятые, когда снова вошли в моду? Уж не тот ли факт, что именно тогда мужчины окончательно отдали власть в семьях супругам, а сами бросились в бизнес и политику? «У меня мужские плечи – стало быть, теперь я мужик, я главная в роду». А если бы эту «перестройку» так называемую делали бы женщины, и не только в гуманитарной сфере, но и общие советские богатства взялись бы они перераспределять, вот любопытно, как тогда пошли бы дела в Союзе и здесь, на Украине?

– Я сейчас вспомнила, Венечка, как нравилось мне твое лицо... Это когда у нас с тобой были отношения. Как нравилось мне, миленький, твое лицо, когда ты задумывался.

– Да?

– Скажи, о чём ты только что задумывался? Только не ври, будто обо мне!

Он выпрямился на стуле и окинул взглядом стол яств – сегодня длинный, из ресторанных столиков составленный, словно на свадебном банкете. Стучат вилки, на дальнем конце заслуженная балерина что-то втолковывает этому старенькому бонвивану, как его... Да, Клавдию Степановичу. И Веня тихонько поведал Мартышке, о чём подумал. Скривив рот в ухмылке, добавил:

– Любопытно, что бы ты нахомутала на месте Ельцына?

– Что я могла бы нахомутать, если я тогда пешком под стол ходила? Ты наших бой-бабушек спроси!

А не годится ли такой прикол как основа для нового, не избитого сюжета? Вдруг удалось бы, наконец, сотворить и что-нибудь путное? Веня не очень-то любит задумываться о собственном творчестве, в особенности же терпеть не может подводить так называемые итоги. О каких итогах вообще может идти речь, ежели искусство вечно, а лично у него всё впереди? В относительной молодости Веню раздражало, что даже в случае успеха спектакля по его сценарию или даже пьески, об авторе текста никто и не вспоминал, потом он привык к несколько подспудному литературному существованию. И со временем, сначала только для смеха, начал примерять собственную литературную судьбу к давно завершившемуся жизненному пути Владимира Агатова, совершенно не интересуясь, как того звали на самом деле. Тоже мнимо избранной национальности, тоже киевлянин, он будто бы пятнадцати лет отроду написал слова к сенсационной и вроде бы пророческой «Кокаинеточке» Вертинского, во что Вене как раз не шибко верилось. Потом работал газетчиком в Киеве, а после начала украинизации подался в Москву, где продолжил карье-

ру журналиста, заодно посыпая полосы тогдашних газет стишками, вполне заслуживающими такой судьбы, и пробивая себе дорогу как поэт-песенник. Веня считает весьма поучительным для себя, что на этом хлопотливом и неславном пути Агатов благополучно пережил 1937 год, а загремел в лагеря только в сороковых, уже засветившись всенародно любимыми песнями «Тёмная ночь» и «Шаланды, полные кефали» из фильма «Два бойца». Теперь другие времена, но если бы и Вене удалось прославиться, не ответила ли бы и его судьба на успех сокрушительным ударом?

Правда, сейчас у литературного подёнщика меньше шансов заделаться зэком, чем в сталинщину, но если уж оппозиционные политики и даже олигархи в наше время сидят, то и человек попроще может попасть под раздачу, и отдельную камеру с плазменным телевизором и всеми удобствами ему в лагере уж точно не предоставят. Но глупо думать, что плюха судьбы, как бы нейтрализующая творческий успех, может воплотиться только в отсидке. Это хорошо, конечно, что он почти не пользуется самолётами, но ведь и поезд...

– Послушай, Веня, а теперь у тебя лицо такое грустное...

– Уж очень тяжёлый день выдался, Мартышечка. Да и не по себе мне с ними, честно говоря.

– А мне, Венечка, здесь нравится. Атмосфера душевная, вот что я тебе скажу.

Он пожал плечами. Психологический комфорт создаётся там, где собираются довольные собою посредственности, где нет зависти к более успешным коллегам. А если люди в такой тусовке ещё и друг друга исправно расхваливают, так вообще рай начинается, а не жизнь. Да нет, не тот здесь случай... Когда сбежались к случайной кормушке неудачники, разве смогут они образовать

вокруг себя душевную, как Мартышка выразилась, атмосферу? Вопрос непростой. Но в данном случае у режиссёра очень уж мягкий, совсем не авторитарный характер, а Славик столь высоко ценит свою собственную гениальность, что предупредителен и бесконечно добр ко всяким там ничтожествам... Существует, правда, конфликт интересов между Алевтиной Францевной и бабой Пашей, но на самом деле актёрский талант местной уроженки уравнивается в общем мнении жизненной успешностью Алевтины Францевны, и заслуженная балерина вот-вот и сама, без подсказки, поймёт, что, интригуя против неожиданной соперницы, только унижает себя. Но почему это Мартышка отодвинулась от него?

– Веня, нам переговорить бы не хило, – склонился над ним раскрасневшийся Тарас. – Где-нибудь в сторонке...

– Так, выйдем, что ли? – с угрозой протянул Веня, поднимаясь со стула.

– Тарас Андреевич, не отнимайте у меня кавалера!

Вот интересно, на кого из них нацеливала сейчас своё кокетство Мартышка – неужто на обоих сразу? Выходить из зала Тарас не захотел, он только взглянул коротко в тот конец стола, где восседала напротив его опустевшего стула Фимины бабушка *in law*, костистую спину держа прямой, как палка, а ушки на макушке, и подтолкнул приятеля в противоположный угол, к выходу. Там дремала, поджав кроваво-красные губы, кубической фигуры официанточка Катя. Почесал Тарас подбородок под густой чёрной бородкой и заговорил, наконец:

– Венечка, я ведь знаю тебя много лет. Думаешь, я не понимаю, как тебе хочется сейчас свалить в Киев? Да я бы и сам с удовольствием...

– Заливаешь! Это ты ради красного словца, – перебил его, ухмыльнувшись, Веня. – Тебе ведь тут нравится, признайся. Ты – царь, ты – Бог, ты – режиссёр!

– Ну, соврал, не спорю, – Тарас согласился с подозрительной лёгкостью, и Веня вытаращился на него. – Так ведь у тебя другая ситуация. Хочешь, я уговорю богатенького Фиму выплатить тебе бонус за переделку сценария? Тебе ж это только день-два работы – и всё, дольше тебя не держу! Лети в Киев и наслаждайся своим кукольным фестивалем!

– Разве что, если бонус... Только мне, Тарасик, нужна будет отдельная комната. Сможешь организовать?

– А вот мы сейчас у нашей красавицы Кати спросим, – повысив голос и повернувшись к одной красавице, провозгласил царь и властелин.

Катя ответила, не изменив презрительного выражения лица и не открывая глаз.

– Отдельная жилплощадь? Это же вам Крольчанск всё-таки... Хотя можно прямо тут, на третьем этаже, с Галиной Викторовной решить вопрос. За два или за три места если платить и сразу тётке Гальке на лапу. Только если хотите спокойно дожить до конца командировки... Ох, не советую Гальку сейчас будить! Кемарит она уже в это время.

Веня пригляделся. На веки она наложила столько краски, что если не всматриваться, может показаться, что смотрит абсолютно чёрными глазами, как демоны в том американском фильме... «Семь кругов ада»? «Семь шагов до ада»? Тарас тем временем опять её о чём-то спросил. Вот ведь любопытный какой! Или у него извращенный интерес к таким особам?

Что в высшем лондонском кругу
Зовется vulgar. Не могу...

Чего это там не мог Пушкин?

– ...у частного тоже можно, кто спорит. Сдают и посуточно. Хоть и нет таких удобств, как в гостинице, и всё равно деньги ну просто дикие берут.

Тарас поинтересовался, сколько же всё-таки за сутки – оказалось, что в сравнении с киевскими расценками здешние выглядят, как копеечные. А Тарасу всё неймётся:

– А почему бы вам самой, Катенька, не сдать комнату вот этому приятному мужчине, нашему писателю, господину Безыменскому?

– Мне самой тогда куда деваться? На улицу? А угол и не подумаю сдавать – мало мне, что ли, на работе командировочных? Чтобы теперь и дома приставали?

Поблагодарил Катю Тарас, а «пожалуйста» не дождался, одного только надменного кивка удостоился. Снова взял Веню за локоть и вывел на сей раз за пределы заведения, на открытую лестничную площадку. Веня воспользовался случаем, чтобы закурить, а Тарас, разгоня дым рукой, пожаловался:

– Ну что здесь за народ такой, спрашивается? Каждый второй с тобою изъясняется вопросами.

– Диалект называется, – пояснил Веня, с наслаждением затягиваясь. – Так какие у тебя будут пожелания к переделке сценария?

– Только привязать к новой местности. Чтобы действие – в корпусах брошенного сахарного завода. Разумеется, и мелочи кой-какие...

Веня скривился:

– Избито будет. Такие декорации – в каждом втором ужастике.

– А снимать всё в лесу – по-твоему, не избито? У меня предложение. Давай, как доужинаем, поедем вместе со всей компанией на завод. Возьмем у Димона пару фона-

риков, побродим, заглянем в тёмные углы – у тебя сразу же появятся идеи, гарантирую.

– Доужинаем? Да ты посмотри на часы! Я уже валюсь с ног... Давай вываливай сейчас свои пожелания, претензии, а я заложу себе в наплечный комп, – и он легко постучал себе по виску длинным указательным пальцем. – Будет там вариться.

– Отлично, друг! Вот только прежде я хотел тебя спросить... А то потом ещё забуду. Впрочем, это не так уж и важно... Скажи, а малышка эта твоя, Марта, она таскает с собою револьвер?

Если Веня и удивился, то только чуточку. Обвел невидящим взором тёмный город, припоминая.

– Раньше не замечалось. Вот шокером как-то хвасталась, было дело. А зачем тебе револьвер, Тарасик?

Тарас не успел ответить. Ибо из ресторана – громко и не в лад:

– Тарас Андреевич, за стол! Тарас Андреевич, за стол! Душа горит! Душа горит!

Глава 21

Той же ночью. Тогда же. Кладбище. Участок 199... года, поминальная беседка

– Не-е-а... я не буду! Это ж палёная водка! – воскликнул Пётр Трофимович. – Кто ж её пьёт, палёную водку? Вы допивайте вторую, гробьте себя, а я не стану!

– Не хочешь, так и не пей, – безгубо ухмыльнулся «лейб-доставала». – Впрочем, ты же сам его, этот стекломой, и притащил. Кто бы возмутился? И не пей, говорю, нам для освежения внутренностей больше достанется.

– Разве что за компанию, – кротко заметил Пётр Трофимович, притворяясь для себя, что его товарищи едва уговорили, и протянул руку за бутылкой. – И вот тогда уже точно пойдём. Мне давно уже и на дежурство пора, промежду прочим.

Скверное качество водки проявлялось, прежде всего, в том, что весь организм Петра Трофимовича изнутри сначала разогрелся, а потом и запылал нехорошим эдаким, химическим огнём. Мысли, тоже как будто изнутри разогретые, побежали с невероятной быстротой, и вроде бы яркие, стоящие, но вот беда – почему-то вовсе не запоминались они, мгновенно ускользали из памяти... Он прикрыл глаза, стараясь сосредоточиться.

– Вот допьём – и пойдём, – это главбуха голос. Солидно так высказался, будто рублём подарил.

Главбух! Пётр Трофимович ахнул. И как это он не догадался до сих пор? Деньги ведь рядом, достаточно толь-

ко руку протянуть! Пусть Харько напишет заявление на материальную помощь. Сам, так и быть, поставит черту и распишется за гендиректора, главный бухгалтер – он ведь тут же, за столом. С заявлением с самого утра послать Харько в бухгалтерию, а там и в кассу... В кассу?! Вот блин, это же надо было так забыться! Хорошо, хоть удержал в себе эту бредовую идею.

– Пойти-то пойдём, – протянул тем временем Карякин. – А Петруху, его что же – на руках понесём?

– Ещё чего! – обиделся Пётр Трофимович. – Я вполне о'кей!

Хотел он для доказательства, что в полном порядке, обежать вокруг беседки, где сидели товарищи, да застрял в кустах. Вытащили его живые мертвецы, нахлобучил ему Левчук на голову повисшую было на ветке сирени шляпу. Посмеялись-поскрипели ещё и, не мешкая более, отправились. На шоссе пришлось Петру Трофимовичу и подбегать изредка, чтобы от приятелей не отстать. Что значит, освежились изнутри водочкой! А там и луна выглянула из-за облаков. Вот тогда и заметил Пётр Трофимович, что на плече у него что-то лишнее поблескивает. Снял с плеча, посмотрел – оказалось, ноготь. Нормальный, в общем, человеческий ноготь, разве что чуток ссохшийся. Хотел было окликнуть друзей-товарищей: кто, мол, из вас, братцы, ноготок посеял? Однако передумал. Ему самому в их положении (вот уж чего не дай Бог!) было бы обидно ноготь потерять. Ведь это может знаменовать и то прискорбное обстоятельство, что начали уже его мёртвые коллеги разваливаться прямо на ходу. С другой стороны, а с кем не бывает? У них, на всех если подсчитать, только на руках тридцать ногтей, один ноготок – это ещё не потеря. В который уже раз пришло ему в голову, что с длительностью второй, неестественной жизни его товарищей связано теперь, и

сколько ему самому осталось землю топтать, но он снова прогнал эту догадку. Ведь ни опровергнуть её, ни подтвердить – к чему тогда и голову ломать?

– Вот он, наш красавец!

Это впереди главбух приставил ногу, шлёпнул подошвой обуви по асфальту, и Пётр Трофимович ткнулся носом в плоскую спину «лейб-доставалы». Высунулся из-за его плеча – да, ничего не скажешь, здорово их несчастный завод смотрится в лунном свете! Будто и не простояли корпуса, пустые внутри, двадцать долгих лет. Вот только темно на заводе, как в этот час не бывало и в ремонтный период, когда оставалось на нём не больше двухсот человек: ведь и тогда горели фонари по периметру, над входом в каждый цех, над крыльцом «конторы», и в сторожке, конечно. В сторожке? Там ему самому теперь придётся зажигать свет...

– А отчего это так темно в конторе, у проклятых зайд? – вслух удивился Карякин. – Неужто приبلуды набегались за день и все, поголовно, отрубались?

– Нет, нет! – покачал головой Пётр Трофимович, как будто стоящие к нему спинами могли увидеть. – Не тот они народ, чтобы до полуночи утомониться! Видел я их, уж насмотрелся...

Ещё постояли. Хотел уже Пётр Трофимович поторопить товарищей, когда главбух вдруг промолвил раздумчиво:

– Прямо тебе очевидное, но невероятное... Это чтобы такие строения двадцать лет простояли при аховой охране или вовсе без неё?

– Напрасно вы, Порфирий Исаакович, на меня бочку катите, – обиделся бывший технорук. – Я был принят на работу только сегодня, то есть уже вчера, и вот именно сейчас спешу заступить...

– Да я не о вас вовсе, Пётр Трофимович! В прежние времена рачительные хозяева из пригородов, да из той же Марьяновки да из Козино, растащили бы наш завод на кирпичики, вот что бы произошло. Похоже, что окрестное мужичьё то ли спилось окончательно, то ли не дай того Бог, вымерло...

– Я, конечно, извиняюсь, Порфирий Исаакович, но не поспешить ли нам? Мне ведь давно пора на смену.

Шли некоторое время молча. А когда до ворот и тёмной сторожки оставалось всего ничего, метров пятьдесят, заговорил вдруг «Лейба-проходимец»:

– А откуда ты знаешь, Петруха, который в настоящее время час? Нас-то без часов похоронили, а по луне я не умею.

– По луне-то оно как раз и выходит около полуночи, – буркнул главбух.

И тут припомнил Пётр Трофимович, что у него-то часы имеются. В дурке не положено иметь часы на руке, да и не нужны они так уж очень, вполне достаточно одних на всех, больших и круглых. В столовой, да. Но когда вернулся он в родные полдомика, оказалось, что Татьяна сняла и увезла не только кукушку с кухонной стены, общее их, семейное приобретение, но и напольные часы с боем, испокон веков стоявшие в гостиной. Тогда Пётр Трофимович, не желая погружаться в бездну неподвижного, а то и вспять, совершенно уже нелепо, идущего времени (что-то о таком рассказывал доцент Аристарх Николаевич), запланировал купить себе наручные часы и после получения пенсии отправился на толкучку, теперь превратившуюся в ряды киосков и называющуюся «Оптовым рынком». Там нашёл он лоток с часами российского производства и сторговал у мрачного кавказца часики за полста гривен. Правда, после заводки их надо было тряхнуть посильнее, иногда два-ж-

ды, чтобы пошли, и пришлось со временем потратиться отдельно на новый ремешок – родной у часов гниловат оказался, и всё норовили они с запястья соскользнуть и потеряться.

Посмотрел Пётр Трофимович на циферблат – а там уже двадцать минут полночь. Но не успел сообщить об этом, как на шоссе раздался рокот автомобильного движка.

– В кювет! – скомандовал Карякин, а Пётр Трофимович безо всякой тебе команды припустил к заводу.

Запыхавшись, вытянулся он в струнку возле открытых ворот. Под луной поблескивая чёрным лаком, щегольской внедорожник проскочил мимо, не сбавляя скорости, и затормозил уже аккуратно возле крыльца «конторы». А когда вырубил водитель-лихач двигатель, расслышал Пётр Трофимович, успевший расслабиться и уставившийся на джип, за спиной далекий, надрывный какой-то вой автобусного, небось, движка. Он не ошибся, переполненный автобус тащился по шоссе, виляя от кювета до кювета. Оконца сияли светом, доносились обрывки дикой, как на слух Петра Трофимовича, музыки и возбуждённые голоса хорошо отдохнувших смертельных врагов. Прямо в воротах мотор автобуса заглох, и под тонкое завывание стартера донеслось:

– «Прогнило что-то в королевстве датском...».

– Так чего ж ты ожидала, Клабочка? Мы ж в провинции...

– Ах, в Киеве я, сколько себя помню, не слышала такого отвратительного запаха...

– Повезло тебе, подруга, что не жила на Сырце...

Завёлся двигатель, заскрежетала передача, миновал автобус ворота. Докатился до конторы, посыпалась из него поддавшая компания. Петру Трофимовичу пришло в голову, что злой богач мог бы для своих прислужников

и поновее автобусом обзавестись. Ведь это злополучное изделие Московского автомобильного завода не ценилось и в советское время. Все знали, что оно застревает на ровном месте. Малая канавка способна остановить слабосильный ЗИС-158, и тогда приходится уже пассажирам вылезать и подпихивать... Тут отвлекло его шарканье по асфальту.

О каком факторе внезапности может идти речь? Если плывёт перед его приятелями такая плотная волна отменной вони... Но не скажешь же им этого...

– Айда пока в сторожку, – предложил. – Подождём, пока уснут бандюги.

Сторожка состоит из двух помещений. Первое, с большим окном, выходящим на ворота (нормальное положение – закрыты), и сквозным проходом, некогда было для технорука таким же симпатичным местом, как и курилка. Он любил пораньше заявиться на работу и, отправив вечного сторожа Вонифатьича к воротам, засесть здесь, чтобы подкарауливать опоздавших. Мужиков распекал и пугал, с бабёнками, был грех, любезничал. Трусливо этак, с оглядкой, но своё удовольствие получал. Помещение это не запиралось с тех пор, как по распоряжению Петра Трофимовича стол был намертво приколочен к стене под окном, а скамейка прикручена на железных уголках к полу. Пришлось сделать такие усовершенствования после совершенно возмутительного случая, когда вдребезги пьяный работяга едва не зашиб Вонифатьича табуреткой. Пётр Трофимович провёл их как рационализаторское предложение и получил какую-то лишнюю копейку. Потом оказалось, что в дурке давно уже пользуются такой же безопасной мебелью.

Живые мертвецы набились в сторожку. Левчук торжественно добыл из кармана лампочку, выкрученную из жестяной тарелки над курилкой, и попросил главбуха

как самого высокого вкрутить её здесь в пустой патрон. Зажмурился Пётр Трофимович, а когда глаза привыкли, получил возможность хорошенько рассмотреть мёртвых друзей. Вздыхнув, решил было украдкой определить, кому из троих возвращать потерянный ноготь, но отвлёкся. Воздух в сторожке успел отвратно сгуститься, и Пётр Трофимович поспешил достать полученный от изменщицы бабы Паши ключ, чтобы отпереть второе помещение, тоже каморку. Там всегда стояли топчан и холодильник, позволявшие сторожу отдохнуть (комфортное спальё не предусматривалось) и перекусить, оставаясь на посту. Вдруг осознал он, что вот уже несколько секунд безуспешно пытается засунуть ключ в отверстие.

– Дай-ка мне, Трофимыч, – это Карякин забрал ключ и оттеснил от двери костистым плечом. – Ты поддатый, а меня замки всегда любили.

– Лучше бы тебя, Сеня, бабы любили, – хохотнул неунывающий Левчук. – А замочные скважины, они, того, чересчур уж узкие.

Карякин, однако, не обиделся, а подхватил шутку, принявшись декламировать зазорный стишок:

– «Мы бодали всё на свете, кроме шила и гвоздя. Шило колется в...». Э, да там ключ вставлен с той стороны! Мужики, а ну признавайтесь, не заваялся ли у кого в кармане пинцет? Или, на худой конец, круглогубцы?

– А бензопила тебе не подойдет? – это снова Левчук.

А главбух молча вырубил свет, порылся в карманах потрёпанного рабочего пиджака и сунул мастеру дефекации пару больших скрепок. Потом прошептал:

– Удивительно всё-таки, до чего же палёная водка размягчает мозги. У живых, я имею в виду. Уж если ключ вставлен изнутри, означает оно, что тот, кто это сделал, там сейчас и сидит. Если не вышиб окошко и в

него не протиснулся, конечно. По мне, так лучше бы нам свою компанию этому самозваному заместителю деда Вонифатъича не навязывать, а пойти, куда собирались.

– А вот никуда я не пойду! – заявил Пётр Трофимович во весь голос. – И обидны мне ваши слова, Порфирий Исаакович. Я, быть может, официально назначен на должность сторожа, и вся сторожка, того... переходит в моё распоряжение. Вот.

Главбух пожал плечами. С неудовольствием прислушался к изданному собственными же костями противному скрипу, потом согласился неохотно:

– Ладно. Мы с Харитоном выйдем сейчас, а вы, Семён, испаряйтесь, как только вытолкнете ключ. Пусть уж сам Пётр Трофимович со скваттером разбирается, если есть охота.

– С кем, с кем? – изумился Левчук. – А ну, колитесь, Порфирий Исаакович, откуда вы его, иностранца этого, знаете!

– Вот выйдем – и расскажу.

Долгонько возился мастер дефекации, пока, наконец, не раздался глухой стук. Это с той стороны двери упал на пол ключ. Сунул он в карман скрепку, поднял с полу ключ Петра Трофимовича и вставил в скважину. Кивнул удовлетворённо и попытался подмигнуть, вот только заминка у него вышла, и веко на место пришлось возвращать рукой.

Исчез Карякин. Пётр Трофимович насупился, принимая, как ему казалось, начальственный вид, повернул ключ – и толкнул дверь. Тотчас же поразился: невероятно, но в камерке воздух оказался не свежее, чем в передней комнате сторожки! Воняло, да ещё как! Вроде бы и протухшей рыбой тоже. На топчане нарисовался тёмный силуэт в лёжку, показавшийся техноруку смутно знакомым. Не успел щелкнуть выключателем, как уз-

нал прикорнувшего в позе младенца в утробе. Коморку при сторожке занимал не какой-нибудь тебе самозванец, а сам Вонифатьич собственной персоной, но в виде жалком и душу живого человека угнетающем. Судя по лицу и, в особенности, по рукам, посинелым и несколько даже ссохшимся, был старик непоправимо и давно уже мёртв.

Глава 22

Той же ночью.

Крольчанск. Спальня в доме священника при Крестовоздвиженской церкви

Отец Сергей, а в миру бакалавр богословия протоиерей Сергей Михайлович Потапенко, проснулся весь в слезах. Опять во сне его жестоко обидели, а в чём была обида, предпочел выбросить из памяти, да и не так уж важна причина. Главное, что снова плакал, вот какая беда. Попробовал нашарить на прикроватном столике очки, не нашёл. Всмотрелся, близоруко щурясь в окно, но не удалось разглядеть, открыта ли форточка.

Пришлось откинуть плед с подшитой к нему простыней и прошлёпать босыми ногами к окну. Форточка оказалась распахнутой, следовательно, неприятное пробуждение приключилось не от духоты. Если у человека жизнь зашла в тупик, обратилась кошмаром наяву, то не глупо ли надеяться, что сниться ему будут светлые, радостные сны?

Отец Сергей придвинул ногой прикроватный коврик, стал на колени, повторил семь раз Иисусову молитву и семижды же «Отче наш». На душе немного полегчало, он вернулся под плед, закрыл глаза и попытался снова заснуть. Не выходило. Кое-что вспомнил, подскокил. Стоя уже, перекрестил постель, но грешные мысли отогнал не окончательно. С правой стороны, где у стеночки, как повелось в супружестве у них, всегда спала, уткнувшись в ковер носиком, жена его, матушка Валерия, веяло арктическим холодом. Отец Сергей всегда

настаивал на том, чтобы укладываться ему с краешка. И до телефонного аппарата легче дотянуться, и, если посреди ночи вызовут соборовать умирающего, меньше беспокойства жене. И теперь ему казалось, что обошёлся бы сейчас и без плотского греха, по которому безумно соскучился, что ему стало бы хорошо только от того, что прижался бы к тёплой Валиной спинке. Успокоился бы и уснул.

Бессмысленно было лежать с закрытыми глазами, ведь сна ни в одном глазу. Но и рассматривать в этой осточертевшей комнате, сейчас тёмной, только лунным светом из окна освещённой, ему нечего. «Довлеет дневи злоба его». С Иисусом Христом не поспоришь, но вот почему остается ненасытной злоба пустой холодной ночи? Отец Сергей застонал, когда пришло ему в голову, что мучается от неудовлетворенного желания, разменяв полтинник, в том самом возрасте, когда его буйным сверстникам залезает бес в ребро, и они, ни на какие апостольские правила не оглядываясь, заводят молоденьких любовниц. Маленького росточка, юрких, весёленьких таких, а то и запретным романом с нимфеткой осмеливаются насладиться... Стоп! Заставил себя срочно отрулить от мыслей о нимфетках, потому что вовсе не улыбалось ему выбираться снова из постели и отбивать земные поклоны на твёрдом холодном полу.

Уж лучше вернуться к проклятому вопросу о причинах, побудивших его ненаглядную Валечку сорвать с головки тёмный платок, выписаться у паспортистки и увезти детей в Киев. Хотела подать на развод, но удалось уговорить её обождать с этим. Однако Валя может начать процесс развода в любую минуту, как только появится потребность связать себя узами законного брака с каким-нибудь хахалем. А что без них не обходится, доказывает появление у Вали вдруг, в дополнение к че-

тырём их совместным детям, ещё и пятого. Мальчика Эдика, шесть годочков ему уже. Дитяtko-то ни в чём, понятно, не виновато... Не с её темпераментом воздерживаться, да и зачем оно ей?

Отец Сергей тяжело вздохнул. Брак их был обречён с самого начала, ибо совершался в романтическом ослеплении. Нет, не на небесах, вот уж точно не на небесах. Но если человеческие чувства учитывать, то, как в народе говорят, по любви. Однако лучше бы ему жениться по расчёту – не на деньгах, Господи упаси, однако разумно. Найдя добропорядочную девушку, из общежитских, согласную вернуться в провинцию, чтобы поселиться в просторной казённой квартире при церкви и жить сравнительно безбедно. Они же... Валенька, тогда экзальтированно религиозная, видела в нём новомученика преследуемой церкви, будущего великого проповедника, а он в Валечке – воплощение своей мечты о взрослой Дюймовочке, сохранившей всё очарование девочки-подростка. Теперь-то, мудрый поневоле, отец Сергей понимает, что ему следовало держать язык за зубами, довольствуясь и тем, что имеет. И уж, во всяком случае, не стоило заставлять её сюсюкать, заплетать волосы в две косички, дома одеваться по подростковой моде и натягивать коротюсенькую мини-юбку. Сообразив, откуда ветер дует, Валя выразила решительный протест против намерения мужа трактовать её как нимфетку, и что ни говори, имела на это право. Впрочем, беременность, а там и рождение первого ребёнка во многом пригасили этот обидный между ними разлад...

А ведь Валя не слишком уж преувеличивала, считая его новомучеником, вот только, если по правильному церковному словоупотреблению, то он, конечно же, всего лишь уподобился древним исповедникам. Ведь настоящий мученик – это тот, кого до смерти замучили,

но и тогда может так называться, только если церковь его признает. Исповедник же претерпевает мучение за свою веру, но не до самой смерти. Раздумывая в первые годы священства о своем статусе, отец Сергей остановился на мысли, что является полупризнанным исповедником последних времен. А как случилось оно с ним, не любит вспоминать, но этой ночью никуда от прошлого не деться...

Будучи студентом выпускного курса семинарии, вращался он в диссидентских компаниях и не раз нелестно высказывался о преступлениях, учинённых советской властью во времена, тогда не окончательно ещё минувшие, незаконного преследования святой православной церкви. Вот и загремел, как любили говорить правозащитники, «по сфабрикованному обвинению». Советскому начальству и наказать хотелось диссидентов, и не желательно было демонстрировать всему миру, что этих отщепенцев довольно-таки много. Особенно если речь шла о человеке маленьком, всяким там «Хельсинкским союзам» неизвестном.

Ездил он по поручению ректора семинарии в Москву, все дела закончил и шёл проспектом к агентству «Аэрофлота», чтобы сесть на автобус во Внуково. Билет в кармане, выпил на посошок с москвичами – почему бы и нет? Любил он тогда выпить в приятной компании... И приспичило ему по малому делу. Что делать? Светло, в телефонную будку не зайдёшь. Он – в подъезд, на дверях тогда ещё ни электронных, ни цифровых замков не было и в помине... Только успел ширинку застегнуть, как влетают добрые молодцы в штатском, хватают голубчика – и в отделение. Там ему словно обухом по голове: утверждают менты, будто в подъезде была маленькая девочка, и он ей с развратными целями кое-что показывал. Начинает он, убеждённый

в собственной невинности, права качать – и поднимается со стула молодой человек в сереньком костюмчике, прежде сидевший себе тихонько в уголке, и читает из папочки кое-что из того, что Сергей в трезвом и пьяном виде болтал в семинарии, а также в одной тесной и заслуживающей, как ему казалось, доверия киевской компании и ещё там, в Москве. И говорит, что за эту антисоветчину грозит ему кое-что пострашнее обещанного милицейским дежурным.

О, теперь-то он знает, как надо было поступить! Следовало послать подальше молодого человека и ещё кое-какой антисоветчины присовокупить. Что ему за это грозило? Приговор к отсидке в мордовских лагерях, на пару лет, не больше. А возможно, что и в лагерь не попал бы: случилась беда перед самой «перестройкой», и если затянули бы с судом, мог бы запросто дожидаться в СИЗО оправдательного приговора. Но он испугался, подписал ментовский протокол – и загремел на зону по очень скверной статье, по 120 УК, «за развратные действия в отношении несовершеннолетних». О том, что довелось пережить на зоне, отец Сергей давно уже научил себя не вспоминать...

Однако почему бы сейчас не воскресить в памяти возвращение в Киев? В некотором роде даже триумфальное возвращение: в ореоле защитника церкви, пострадавшего за свои религиозные убеждения, притом сохранившего им верность. В семинарии его тотчас же восстановили, новые однокурсники приняли на ура, даже определенную популярность он приобрел в православных кругах, оставшихся в ведении Московской патриархии. Приглашали и на встречи со студентами. Организовали ему, в частности, активисты беседу в Техникуме радиоэлектроники на тему, как сейчас помнит: «Что приносит человеку воцерковление».

Чувствовал себя он тогда в ударе – и потому, быть может, что с утра побывал в бане, а после подстриг в парикмахерской свои длинные пушистые волосы с эффектной седой прядью и молодую бородку.

И хоть никудышным был он тогда проповедником, однако с толком, с расстановкой и с долей искреннего чувства пробормотал свой текст, даже самому понравилось. А потом вопросы задавали, больше дурацкие. И вдруг поднимается с задней парты девчушка, такая маленькая, что пока сидела там, на камчатке, тихонько, и не видно было её. Звонким таким голоском:

– Учащаяся четвертого курса Антончук Валерия. Сергей Михайлович, скажите, пожалуйста, а что ждёт на том свете человека праведного, но не православного христианина? Вот, скажем, детки невинные, но у матери-атеистки родившиеся – неужели они тоже попадут в геенну огненную?

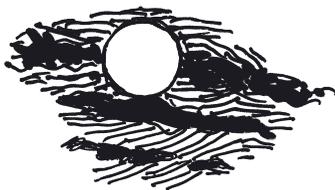
Это теперь он знает и помнит, о чём умненькая Валя спросила, а тогда до того был ею ошеломлен, её миниатюрной, складненькой прелестью ошарашен... Даже и не понял ни бельмеса. Слава Богу, что хватило ума промямлить, что вопрос, мол, слишком сложный, он сперва подготовится, спросит у знающих людей, а потом уже ответит. И попросить, чтобы подошла после беседы к нему, он скажет, где его найти. Страшно боялся тогда, что не подойдёт, постесняется. Это он не знал ещё, какой у Вали характер... О, она всегда доводит до конца, если что начинает, а тогда, только увидев, сразу выбрала его для себя. Итак, подошла. И вблизи лучистые её глаза ослепили его совершенно, до потери пульса!

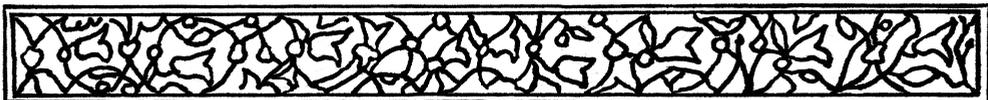
Они не расстались в тот день до поздней ночи, всё бродили по улицам, говорили и не могли наговориться. Он проводил её до подъезда, и троллейбусы уже не ходи-

ли. Добежал до ближайшей станции метро, а милиционер у закрытого входа только покачал головой. Уже светало, когда он пешком прибрёл к своему общежитию. Стояла эта кирпичная коробка на самой окраине, в яблонево́м саду, и впоследствии ему казалось, будто ничего прекрасней того майского рассвета никогда не видел.

Они поженились перед его выпуском, и её родители не пришли на скромную свадьбу, устроенную в комнате бурсы-общежития. Тем же летом уехали вдвоём в Крольчанск, где Валенька с энтузиазмом, умилявшим мужа, принялась играть роль провинциальной матушки, предводительницы женского большинства церковной общины. Но и десяти лет не прошло, как отец Сергей оказался виноват в том, что она потеряла киевскую регистрацию и квартиру обиженных её замужеством родителей, что не закончила техникум, теперь превратившийся в колледж, что похоронила себя в скучном и бедном Крольчанске – и попробуй возрази!

– Ты же сама выбрала себе путь, – произнёс отец Сергей вслух – и сам не понимая, зачем. В ответ зазвучали в его ушах, перебивая друг друга и болтая непонятное, чужие, неизвестные ему голоса. Он догадался, что засыпает – и заснул.

Глава 23

Той же ночью.

Сторожка бывшего сахарного завода

Впоследствии Пётр Трофимович не смог припомнить, каким образом очутился сидящим на крылечке сторожки. Сипел и размахивал руками. Мёртвые приятели поняли сей безгласный призыв и просочились мимо него внутрь. За ними, несколько оправившись, Пётр Трофимович. Услышанное от приятелей не очень-то его приободрило.

– Нашего полку прибыло, – заявил Карякин.

– Хорошо старинушка помер, – это Левчук. – Во сне, значит. И рюмочку на сон грядущий предварительно принявши.

На это главбух ответил что-то такое о вечном сне, но Пётр Трофимович его не расслышал. Стоял уже в каморке и с вождедением взирал на поллитровку «Пшеничной», наполненную не менее, чем на треть.

– Ничего руками не трогать, – предупредил его главбух. И, не отрывая глаз от брэнной оболочки Вонифатьича, продолжил. – Мне всегда импонировал наш сторож. Человек он был вольнолюбивый и не боялся заявить о своей любви к свободе. Не словами, а делом заявить, этой самой своей ежегодной вольной рыбалкой. Мы же пресмыкались как жалкие рабы, мы боялись начальства, боялись своих жён, боялись всего на свете. И вот только сейчас, когда, что ни говори, нам уж очень мало осталось, чего терять, вроде расхрабрились. Хотя, правду сказать, мне наш план разорвать на куски оли-

гарха, главного нашего обидчика, нравится с каждым часом всё меньше.

– И к чему это ты клонишь, Порфирий Исаакович? – угрюмо спросил Карякин. Не дожидаясь ответа, протянул длинную свою руку и сдвинул, уничтожая просвет, занавески на глухом, без форточки, окне. При этом задел рукавом огрызок батона, лежавший на тумбочке рядом с бутылкой и древним телефонным аппаратом – и хлеб тотчас же превратился в горстку белой трухи.

– К чему клоню, Семён? А к тому, что наш Пётр Трофимович не сможет теперь придуриваться, будто знать не знал и духом не ведал, что здесь, в закутке, лежит. Он обязан либо в полицию позвонить, либо...

– О-о-о! – затрясся Пётр Трофимович.

– Либо, говорю, оживить нашего славного Вонифатьича, как нас оживил. Послушай, а что опять не так? Да нет, нет! Ты, будь добр, словами скажи.

– Только не в ментярню! Да меня мент Ханенко опять загребёт!

– За что? Ведь любой эксперт сразу определит, что Вонифатьич помер уже давно, не меньше месяца назад.

– Эксперт? Не знаете вы, дорогой Порфирий Исаакович, что такое нынешние эксперты! Проспали вы кое-что в своей могилке, вот! Тут один милицейский генерал вроде как застрелился и при этом дважды продырявил себе из пистолета голову, а ваши эксперты объявили, что так и надо.

Вот это мертвецов достало. Молчание прервал Карякин. Почесав в затылке (на воротник посыпались серые волосы), спросил с несвойственной для него робостью:

– А почему бы тогда тебе, Трофимыч, не попробовать его... Вот, правильно предложил наш умница главбух... Почему бы тебе не поднять с одра Вонифатьича?

– Поднять с одра? Бери выше! – выдал Левчук. – Воскреси Вонифатьича, ты, наш новый Иисус Христос из Крольчанска!

Теперь уже Петру Трофимовичу нестерпимо захотелось поскрести в затылке, однако пожалел он остаток волос и обошёлся без этой стимуляции мозгов. Скривившись, предпочел ответить сущую правду:

– Попробовать можно было бы, но не выйдет ничего, вот в чём петрушка. Ведь и вас, может статься, на самом деле вовсе не я воскресил. Да и не собирался я вас воскрешать, признаться. Пришел помянуть и по «Псалтыри» над вами почитать, как это у них, верующих, водится. Помните, как у Гоголя Хома Брут читал «Псалтырь» над мёртвой панночкой? Вспомнишь – вздрогнешь...

– И меня всего прямо передёрнуло! Аж в паху потеплело! – встрял Левчук. – Белокожая, черноглазая, и бюстгальтеров тогда ещё не носили. Нам бы такую сюда...

– Ты хоть понимаешь, о чём толкуешь? – окрысился Карякин. – Нам только ведьмы здесь не хватало! Ишь ты, расхрабрился как от своей Оксаны в отдалении!

Петру Трофимовичу очень захотелось обидеться и даже топнуть ногой. Но жизнь отучила его обижаться по пустякам, ибо слишком часто выходило себе дороже. Вот и сейчас он тем ограничился, что упрекнул кротко:

– Уж если спросили, то дослушали бы... Говорю, хотел над вами божественное почитать. Только я был настолько уже поддавши, что вместо Библии прихватил другую книжку, а какую, сейчас уже не припомню. И куда девалась, тоже.

– Да никуда она не девалась, – бросил Левчук. – Как ты её на скамеечке за оградкой бросил, так и лежит. Большая такая, чёрная книжища.

Обрадовался технорук, сам не зная чему. Кстати, и слово вспомнилось, которое ему доцент Аристарх Николаевич втолковывал.

– Буккроссинг, вот! Я её положил на скамеечке, а кто захочет, тот возьмёт и почитает. Буккроссинг оно называется.

Главбух посмотрел на него сверху вниз.

– Да кто её там возьмёт, на гробках? И дождя не было: стало быть, твоя книжка в полном порядке. И если в одной только книжке закавыка, так ты мог бы за ней и сбегать. У нас почти вся ночь впереди.

– Ох, не в одной книжке дело, не только в ней! Я был в такой степени под газом...

– Человеку остается только позавидовать, – перебил его Левчук, облизнувшись чёрным языком.

– Дай мне сказать, Харько! Я был в такой степени под газом, говорю, что теперь даже и не в курсе дела, что именно над вашими могилками читал. И вот ещё... Не всё же время я пьян, иногда ведь и соображаю. Очень на то похоже, что это вообще не я вас воскресил. Я ведь не говорил вам... Но тогда над кладбищем барражировал... Ну, этот, как его... Ангел Господень, в общем. Личико белое кривил и пальцем на меня грозился.

Признание Петра Трофимовича впечатлило даже Левчука. Наступило молчание, и нарушил его главбух. Со скрипом выпрямился и пустил в ход этот свой тон классного руководителя, смертельно надоевший бывшему техноруку ещё в прежние их времена:

– Я настоятельно прошу всех замолчать и больше к этой теме не возвращаться. Для меня теперь несомненный факт, что за двадцать лет идеологические установки изменились. И если нас, троих неверующих, сочли

нужным воскресить эти, как их...? ...скажем так, высокие инстанции мистического порядка, то раздражать их было бы весьма неблагоприятно. И ещё неблагоприятным делом было бы, скажу я вам.

– То есть – с волками жить, по-волчьи выть? – ухмыльнулся Карякин.

– Но я же вас просил! Лично я намерен воспользоваться ситуацией и, если уж выдалась такая уникальная возможность, подольше погулять по земной поверхности.

– Эх, братцы, дотянуть бы только до зимы... – это Левчук проскрипел. – Очень уж мне охота на лыжах покататься.

– Так что же мне теперь делать? – осведомился Пётр Трофимович с привычной уже кротостью. Как настоящий конформист хренов. Когда-то они с Татьяной попали на итальянский фильм под этим названием, еле до конца досидели ту нудоту, но с тех пор слово «конформист» стало у них семейным ругательством.

– Вызывать полицию, вот что. Вон по этому телефону вызывайте, а мы укроемся в одном из корпусов завода и переждём, пока следственная группа здесь пошурует. Кстати, и Вонифатьича уберут, и будет у вас, Пётр Трофимович, место, где перекемарить и, вы уж извините меня за прямое слово, проспаться. В последнем вы явно нуждаетесь.

– Только не в мой цех дефекации, прошу. Боюсь, как бы меня кондрашка снова нехватила, когда увижу, что там творится после этих иродов, – попросил Карякин.

С горечью обнаружил Пётр Трофимович, что вот опять за него уже всё расписали, всё решили... То жена Татьяна, то директор завода, и даже плюгавый заводской парторг – всегда они лучше него самого знали, что ему делать и как на свете ему жить. А про отсидку и

про пропащие годы в дурке хоть и не вспоминай! Вон главбух расписывал, как они рабски на заводе трудились – в глаза не видывал этот чистолюбой настоящего рабства! И решил Пётр Трофимович, из последних сил задействовав отравленные палёной водкой мозги, исчерпать до упора сектор свободы, что ни говори, расширившийся вот именно сейчас. Про сектор свободы ему доцент Аристарх Николаевич задвигал, при этом глаза имея на мокром месте. Но вот у него, когда вышел на свободу, появилось больше, несомненно, возможностей самолично принимать решения, и грех этим не воспользоваться...

– А я решительно возражаю! – вдруг услышал Пётр Трофимович свой дрожащий, но в чём-то и в самом деле решительный голос. – Я не стану звонить менту Ханенко посреди ночи, ведь я не самоубийца же! Прошлый раз позвонил в обеденный перерыв, так еле жив остался.

– Почему вы во второй раз упоминаете об этом менте? – это Порфирий Исаакович осведомился, презрительно оттопырив губу. – Разве нельзя позвонить в отделение, ведь там же есть дежурный? Или вас, Пётр Трофимович, связывают с этим держимордой особые отношения?

Подумал мстительно Пётр Трофимович, что вольно бывшему главбуху строить гримасы, вот только рискует, что одна из них так и останется навечно у него на лице. А тут и ехидный Карякин не смолчал:

– Разве ты, Трофимыч, заделался сексотом?

– А вот, представь себе, заделался! И посмотрел бы я, Семён, как бы ты поступил на моем месте.

И Пётр Трофимович, запинаясь и повторяясь утомительно, поведал жалостную историю своих особых от-

ношений со страхолюдным капитаном Ханенко. Пока говорил, сотрудники отводили от него глаза, а когда замолчал, Карякин, уставившись в угол каморки, заросший паутиной, проскрипел:

– Бывают такие обстоятельства... Не знаешь, как бы сам поступил. В техникуме у нас гэбист прямо с лекции вызвал в кабинет директора одного паренька, выставил директора в предбанник, а того Сероштанко назначил сексотом на курсе. Секретарша была не дура и по секрету всему свету... Когда знаешь, кто доносит, оно легче живется.

Изгибаясь, словно лист кровельного железа, Левчук запротестовал:

– Сам ты сексот, Семён! Раз Петро нам признался, то никакой он не сексот ментовский, а наш шпиён, вот! Мы теперь первыми будем знать, чего там этот урод Ханенко замышляет! Ура!

– Во-первых, сравнили вы, Семён, кое-что нам теперь ненужное с пальцем. Одно дело – всесильный КГБ, а второе – крольчанский мент, желающий скачать взятку с хозяина завода...

– Нету теперь КГБ, – пискнул обиженно Пётр Трофимович.

– А что есть? Свято место пусто не бывает, – блеснул на него сплошными белками глаз главбух, явно недовольный тем, что его прервали.

– Служба бэзпэки.

– Бандеровцы, что ли?

– Кто их там знает...

– А чем они тогда занимаются?

– Государственная тайна вроде. А доцент Аристарх Николаевич говорил, что там служат те же гебисты,

только сосредоточились теперь на вылавливании инопланетян.

– Глупости, инопланетян не бывает... Только перебили мне мысль без толку! Ага, вот о чём я хотел... Вы, Пётр Трофимович, будете теперь не шпион, а бери выше – двойной агент! Значит, так. Звонить вашему капитану вам лучше утром, а пока мы каморку снова закроем на ключ.

Пётр Трофимович безмолвно указал пальцем на бутылку с остатком водки.

– Ах, как я тебя понимаю, Петро! – сложил чёрные остатки губ в улыбку Левчук. – Но тебе бы сперва от палёнки отойти, а тогда уже и заполировать можно.

– А если именно этой водкой Вонифатьич и отравился? – это жёлчный Карякин предположил.

– Во-первых, трогать тут ничего нельзя. Во-вторых, старик, скорее всего, отравился рыбой. Слышали, как она там смердит? И это неспроста. Вам ли не знать, Семён Макарович, какую ядовитую дрянь мы спускали в речку из вашего цеха дефекации?

Пётр Трофимович предложил было высосать жидкость из бутылки соломинкой, не сдвигая сам вещдок с пыльной тумбочки, но его не послушали. Пришлось ему запереть каморку на ключ и на сухую плестись за сотрудниками, решившими осмотреть цехи на предмет поиска места казни для зловредного олигарха. Остановившись в тени главного корпуса по малому делу, Пётр Трофимович отстал от приятелей уже солидно, забеспокоился, но вскоре нашел их. Живые мертвецы стояли над техническим колодцем и рассуждали, небось, о том, как подключиться к главному кабелю.

Полная луна обливала живым серебром их плечи, и на мгновение показалось Петру Трофимовичу, что прошлое вернулось. На заводе произошла авария, начальство было поднято с постелей, и вот... Не доставало только головы простого работяги, торчащей из люка, и чтобы покуривал себе, ожидая, пока руководители согласуют свои ценные указания.

Глава 24

Той же ночью.

Курилка у кемпинга «Сахарок»

Не спалось Нателле, ныло под ложечкой и страсть как тянуло выкурить сигаретку, но ей показалось стрёмно дымить в комнате, где похрапывали эти старые гримзы, Анька и Клавка. Выползла она из-под одеяла, накинула халатик, в один кармашек засунула пачку сигарет, в другой – зажигалку. Хотела было постоять на крыльце, там безопаснее, но полная луна светила так ярко, что решилась дойти до курилки, хоть и видела уже, что свет в ней не горит.

Повернула за угол и замерла: в курилке на скамейке согнулась массивная мужская фигура. Сощурившись, присмотрелась – и узнала Богдана. Уж кого-кого, а этого придурка она нисколько не боится. Прикурила, с удовольствием затянулась ненужным, вредным, но таким желанным дымком, выдохнула и спросила негромко:

– Не помешаю, Богданчик?

– Едва ли, – ответил он, помедлив и не оборачиваясь.

– А чем это ты тут занимаешься? – осведомилась Нателла скорее из вежливости. И он, видно, почувствовал это её безразличие.

– Вторую ночь не удается заснуть, – ответил неохотно. – Сегодня даже выпил лишнего, сверх своей нормы. Думал, упаду. Нет, опять ни в одном глазу.

– Это у тебя, Богданчик, на новом месте, – она несколько даже заинтересовалась. – Мой папахен, как в

армию его забрали, неделю не мог сходить по большому делу.

– Мерси за утешение, – дёрнул он плечом, по-прежнему показывая ей спину. – И не постеснялась о таком?

– А мне надо тебя стесняться? – хихикнула Нателла. – После вчерашнего? После того, как мы с тобой в голом виде полчаса обжимались на людях? И перед камерой, заметь.

Он промолчал. Нателла почувствовала, что настроение у неё портится. Когда вчера оказалась в объятиях Богданчика, да ещё голого, как сосиска, она в первые секунды, чего уж там, испытала достаточно приятственные ощущения. Потому что вспомнила миленькое такое начало их с этим качком лёгкого романчика. А когда почувствовала на себе взгляды съёмочной группы, а главное, пристальное внимание Славика, роскошного мужика с шапкой полуседых волос, и представила, как он пожирает голубыми своими глазками её наготу через линзы этой огромной камеры, то совсем отвлеклась эмоционально от партнера, от тех миленьких соприкосновений. Принялась играть, как умела.

– Работа такая у нас была. Мне вчера Тарасик объяснил, как надо входить в роль.

Врёт! Можно подумать, она не почувствовала, куда именно стремился он войти! Она понимала, что Богданчику пришлось несладко, ведь мужчины, молодые особенно, устроены просто, срабатывают автоматически, будто реле тока, увиденное некогда ею на уроке физики. Она уже попробовала тогда секса, а мать, после того, как капитально накостыляла ей, пояснила, что нехрен было торопиться по-дурному. Сама, мол, начала получать хоть какую-то, мизерную сладость от стыдного дела только через пять лет после замужества. Вот Нателла и позволяет теперь мужикам болезненную и опасную

для себя доуку только в случае крайней необходимости. С Богданчиком не стоило бы ссориться, однако её уже понесло.

– Это ты брось, Богданчик! Я же чувствовала, как захотелось тебе меня трахнуть. Но этого не будет, и не надейся.

– А мне и не нужно, – согласился он слишком поспешно. И со смешной важностью. – Наша с тобою глупая история, та пара месяцев на первом курсе, хорошо укладывается в общую нелепость и бесперспективность моего существования. Как тяжело было поступить в театральный! Но теперь у меня крепнет ощущение, что от нас в институте хотят поскорее избавиться. Занимают разной чепухой, ну, чтобы только за партами удержать. А потом швырнут диплом – нате, можете поиграться за ваши же деньги! Бросил бы всё и уехал, куда глаза глядят – так маму нельзя оставить! Впрочем, при тебе не стоило вспоминать о моей маме.

Она отвела руку с тлеющей сигаретой, скосилась... Сигаретки осталось всего ничего, стало быть, и разговора с дурачком на полминуты.

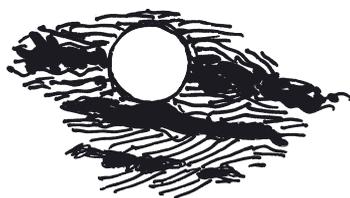
– Я, между прочим, твою маму, Антонину Павловну, не обижала! – и свистящим шепотом. – Оставь своё нытьё и прекрати дурацкие претензии ко мне. Нам надо досниматься в фильме, а тогда уже вали от меня на все четыре стороны.

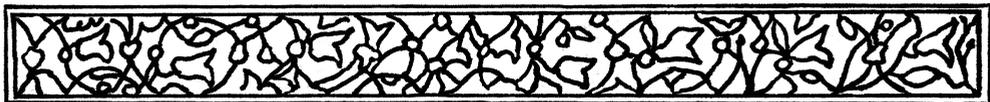
Из сказанного же Богданчиком Нателла поняла немного. Просто не захотела углубляться в такие сложные материи, ведь всё, что произошло уже и произойдёт ещё с нею в Киеве, она уже сейчас, заранее, предпочитает той бодяге, на которую была обречена в родных, чёрт бы их подрал, Семихатках. От общаги полдня пилить маршруткой, электричкой и на попутках. Она потушила сигарету в консервной банке, полной вонючих окурков.

– Маму мою Павлиной Антоновной зовут, – продолжал он ныть, и вдруг совсем другим уже голосом. – Ты только посмотри, Натка, какой народ по этому заводу ночами бродит! Вон, у проходной.

– Призраки, что ли? – попробовала она догадаться. Посмотреть вдаль ей было несложно, конечно, да только ничего там не увидела. Потому что скрывает сильную близорукость и очки держит в сумочке на всякий пожарный случай. Интерес к себе Богданчика она намеревалась удерживать по крайней мере до конца съёмок, да и сумочки, как на грех, с нею не было.

– Бери выше. Зомби! Вот прикольно! И тот старый чудило, что с ночным горшком на голове, он с ними!

Глава 25

Той же ночью.

Шоссе между посёлком сахарозавода и заводом

– Всё-таки не пойму я, почему мы не взяли с собою Петра? Дело-то у нас общее, – проворчал главный бухгалтер Млинский. А если точнее, как подумал Левчук, то проворчало, что от него, главбуха, осталось.

– Общее-то общее, но не тот уже наш Трофимыч, что был, – заметил Карякин. – Укатали сивку крутые горки... Да не шаркайте вы так, Порфирий Исаакович, а то подмётки отвалятся! Я ещё днём приметил, что у вас правый штиблет каши просит.

Млинский принялся костерить супругу, проявившую при похоронах мещанскую скупость – и что ей стоило передать санитаркам в морг его выходные полуботинки? Нет, начистила до пошлого блеска стоптанные, по древней моде остроносые; уже и не помнит он, почему эти опорки не выбросил... Левчук испытал удовольствие от того, что товарищи его показали себя корешами на «ять», умолчав в разговорах о вынужденном сексотстве их живого коллеги. Сам же он согласился в тайне от технорука провести операцию по наказанию главного предателя, директора Глеба Александровича, ибо пребывал в убеждении, что всё едино от Петрухи, поддатого, перепуганного и усталого донельзя, немного было бы толку.

Редкие фонари заводского посёлка светились экономно, а в окнах темно, все давно спят. Лысина Карякина блестела бы в лунном свете, если бы на ней больше осталось кожи. Молча миновали мертвецы крайние ба-

раки и уже почти прошли мимо тёмной громады двухэтажки для ответработников, когда Левчук опомнился и дёрнул Млинского за рукав:

– Тпру, Порфирий Исаакович! А то ещё свою квартиру проскочите! Здесь же на первом этаже и эта гнида, наш гендиректор обитает – неужто забыли?

– Так продал же Глеб Александрович квартиру, – не оборачиваясь, скучно вымолвил главбух. – Продал и вложился в новый особняк. Туда вас и веду.

– Вот ведь жох – заводскую квартиру продать ухитрился! Она же у него уж точно не кооперативная была, – жёлчно заметил Карякин. – И не посадили ведь голубчика!

– А не за что было сажать! Пока вы, коллеги, в земельке отсыпались, добрые люди сумели и служебную жилплощадь приватизировать. Так что теперь можно продать любую квартиру – и гуляй, Вася, хоть на улице живи.

Левчук не удивился поразительному нововведению ловкачей, перевернувшему, небось, с ног на голову квартирную политику сограждан. Об этом хорошо бы подробнее расспросить Порфирия Исааковича, только когда-нибудь после. Сейчас для него важнее было иное: переселение генерального директора из роскошной и без того квартиры в частный особняк доказывало, что главбух не катил на него бочку напрасно: мало ли какие контры были между ними раньше, о чём слухи доходили и до среднего управляющего звена...

– А вот и хоромы Глеба Александровича, – дёрнул косянным подбородком главбух.

Да уж, ночью и в лунном свете особняк действительно выглядел огромным. Подошли поближе – и оказались перед высоким бетонным забором. А подняв голову, увидел Левчук, как тускло поблескивают под луной вму-

рованные сверху тёмно-зелёные бутылочные осколки и угрожающе чернеют тонущие местами в темноте звенья колючей проволоки.

– Заперта калитка... – проскрипел Карякин. – Ну, как, позвонить мне? Вон она, звонковая кнопка.

– Похерим тогда фактор внезапности, Семён. Карякин встрепенулся.

– Однако ты, Харитон Ильич, разве не хвалился, что теперь и в самом деле пролезешь в любую щель?

Обиделся Левчук, да так, что не сразу сумел и ответить.

– Посмотрел бы я на тебя, Сенечка, посмотрел бы я, – зашептал яростно, – как бы ты сам сквозь щель пролез, если бы тебя так сплющило! Да я и того не соображу, каким таким чудом я в плоском-то виде кумекаю кой-чего и руки-ноги шевелятся, как у меня и сердце продолжает действовать: поколет в нем, поколет, однако же тикает дальше, не останавливается... А ты – в щель пролезать! Тут топаешь и боишься, что в следующий миг свернёшься в трубку, как лист ватмана – а ты: в любую щель...

– Хорош ныть, Харько! Навряд ли и с огородов Глеб Александрович обезопасился такой же стеной. Здесь же самая окраина поселка, зайдём с тыла, да и просочимся...

Однако с огородов просачиваться не пришлось. Слева от директорского терема темнела недостроенная коробка, и с того участка проникнуть на соседний труда не составляло: у Глеба Александровича тоже не хватило порошу обвести крепостной стеной всё своё земельное владение. Млинский пытался остановить товарищей: а вдруг Глеб Александрович за эти годы успел собаку завести? На что Карякин ответил, что собака, напротив, их самих испугается.

Едва вышли они к высокому крыльцу, как в тереме засветились два окна.

– Да этот хмырь нас, будто девку, у окошка выглядывал, что ли? – изумился Левчук.

Карякин молча поднялся на крыльцо и, шаря в карманах ветхого пиджака, чуть ли не остатком носа уперся в замочную скважину. Отодвинулся и прошипел:

– Какой-то новый замок, заграничный... Тут и моя универсальная отмычка не помогла бы, блин.

– Выходит, ты у нас, Сеня, взломщик? – весело изумился Левчук. – Отчего же раньше об этом твоём даровании ни слуху, ни духу?

– Чтобы меня менты замели? А я ведь потомственный слесарь, для нас обычные замки ещё не самые сложные были механизмы. Слышь, Харько, кончай зубы скалить, поработай теперь ты. Вон, в новомодном том окне довольно широкая поверху щель. Давай-ка мы тебя посадим.

Пришлось Левчуку взбираться на плечи Семёна и, уже с них стартовав, пролазить – вниз головой! – в проклятую щель. Еле справился он с этим делом, распрямился-развернулся кое-как, поднялся с пола и, не уверенный, что ничего больше в своей брэнной телесной оболочке не повредил, прошлёпал к входной двери, отодвинул ригель замка и впустил товарищей.

Карякин шумно потянул носом.

– Не нравится мне здешний воздух, – прошептал. – С чего бы это у нового русского несло кислой капустой? Да ещё капитально залежавшейся?

– Угу, Семён. Вон она, дверь.

Мастер повозился в дальнем конце сеней, и они проникли в прихожую, напомнившую Левчуку коридоры в гостиницах райцентров. Сквозь щели одной из дверей сочился свет. Главбух поднял было руку, чтобы посту-

чать, однако передумал и резко пнул костяной ногой. Дверь распахнулась, свет, непривычно яркий для блуждавших ночью, ослепил слабые глаза мертвецов, но не только световой поток их встретил. Оглушительно грохнуло впереди, в комнате, резко чавкнуло за спиной, всех троих окутало известковой пылью. Карякин опомнился первым, отпихнул Млинского, ворвался в комнату... Хриплый мат, ойканье и голос мастера дефекации:

– Чего встали? Хозяин уже сказал нам: «Здрасьте!».

Товарищи его переглянулись, синхронно чихнули и вдвинулись в комнату, затянутую сизым пороховым дымом. Карякин вцепился там в Глеба Александровича, не давая ему перезарядить уже переломанную двустволку. Совместными усилиями гендиректора обезоружили, а Карякин, подхватив ружьё, подобрал с пола возле его кресла с десятков патронов, краснеющих картонными гильзами, и рассовал по карманам. Хозяин, с побелевшими за двадцать лет волосами, белел и лицом, челюсть у него отвисла и дрожала. Сидел он в кресле с таким потеряннным видом, что Левчук, не ожидая от него больше никаких каверз, решил удостовериться, что товарищи не пострадали.

Заряд дроби из двух стволов шестнадцатого, не меньше, калибра ударил между ним и главбухом. На себе Левчук не чувствовал повреждений, а вот плащ-палатку Порфирия Исааковича дробь испортила капитально. Ворча, скинул её главбух и принялся ощупывать левое плечо, превратившееся в месиво из ткани и красно-фиолетовой плоти.

– Будто меня кто-то хлопнул по плечу... Это же надо! Были вы, шеф, мелким пакостником, а теперь вздумали в людей стрелять!

– И вы гляньте, гляньте, Порфирий Исаакович, из какой железяки эта мразь в вас выпалила? – и Карякин

ткнул двустволку под нос главбуху. – Имел ведь немецкий «Зауэр три кольца», отличное ружьецо, я ведь помню. А это же тульская дешёвка конца пятидесятых, когда боролись за уменьшение себестоимости! Стволы из водопроводных труб, не иначе... А кстати, Харько, тебя не зацепило ли? Нет? Просто удивляюсь я, как это он в тебя не попал, ты же у нас теперь, как ходящая мишень!

Седой и сморщенный Глеб Александрович, некогда царь и Бог на Крольчанском сахарозаводе, зыркнул на своего бывшего снабженца безумными выцветшими глазами, закатил их и поспешно отвёл в сторону. «Лейб-доставала» обиделся, хотел закусить губу, да вспомнил вовремя, что почти уже нечего там закусывать.

– Две-три дробинки не в счёт, – буркнул. – И если я в таком поганом виде, то вот он вам, виновник! Хмырь этот вот! Предлагаю без долгих слов порешить иуду – и с концами! А то ещё заговорит нам зубы – умеет гад!

– Обеими руками голосую за предложение Харитона Ильича! Знаю я этого жоха! Этого православного... нет, атеистического иезуита! Небось, уже в полицию успел позвонить, а теперь придумывает, как бы время потянуть.

– Господи, скорый помощниче! Воззри на мя, своего грешного раба, – еле слышно вымолвил бывший директор и перекрестился.

Левчуку показалось было, что перекрестился Глеб Александрович по-католически, но он прикинул на себе, как покойная бабушка учила креститься... Нет, правильно иуда перекрестился. Тем временем главбух разбушевался, принялся кричать – хрипло, сипло, размахивая длинными руками и внимания не обращая на то, что из его правого плеча разлетаются по комнате малоаппетитные красно-синие комочки.

– Вот! Я ж вам говорил! Ищите, Семён, бельевую верёвку покрепче, и я сам не побрезгую его вздёрнуть! Сколько эта гнида крови из меня выпила, да! Иудушка Головлёв вы, Глеб Александрович! О, как давно хотел я это вам сказать!

– На себя бы лучше посмотрел! Вот именно ты, Порфишка, и есть Иудушка Головлёв! Впрочем, все вы здесь подхалимы и подлизы, – забубнил тихонько бывший директор. – Лизали мне задницу, когда я при власти был и мог каждому из вас премию подкинуть. Лишь теперь расхрабрились, как поступили в зомби. Я из тебя, Порфишка, кровь пил? Это ещё вопрос, кто из кого на работе кровь пил. Только сейчас это ты пришел, вурдалак долговязый, напиться моей крови! Сами припёрлись мой мозг сожрать, да ещё обзываются! Таких, как вы, только и можно остановить, отстрелив головы ваши мерзкие – жаль, что у меня не вышло.

– Что вы несёте, Глеб Александрович? – изумился Левчук. – Зачем нам жрать ваш мозг? Нам вон и водка в горло не лезет, в нашем-то положении...

– Нехер придуриваться, «Лейба-проходимец»! Можно подумать, что я в кино не бывал! Вот придет полиция с «Макаровыми», она вам бошки-то прострелит!

Мертвецы переглянулись. Директор, по всему видать, прискорбно поддавшийся тяготам жизни, проговорился, и медлить было нельзя. Карякин пошарил глазами по комнате, пожал плечами и вышел. Левчук ощутил в себе неготовность и даже нежелание лично вешать предателя, он надеялся в этом на решительного мастера дефекации – кому ж ещё делать грязную работу? Похоже, что и Порфирий Исаакович на самом-то деле не горел желанием свои руки марать. Однако не даром же он в отсутствие технорука считался самым умным в их команде, вот и решил, времени отнюдь не теряя, изобразил

зить нечто вроде суда. Приосанился, прочистил горло и, по-прежнему хрипло, спросил:

– Ну, Глеб Александрович, во что конвертируются нынче пресловутые тридцать серебряников? Сколько, короче, вам заплатили за наш завод? Который не одному вам, между прочим, по справедливости принадлежал!

А гнусный предатель будто ждал этого вопроса, тут же принялся по-прежнему тихонько причитать:

– Каким ты был, таким ты и остался, чернильная твоя душа, арифмометр ты ходячий, мелочный ты наш счетовод! Точную сумму ему подай! Да если бы и вспомнил я... Что она тебе скажет, та точная сумма, если курс с тех пор двадцать раз поменялся? Спросил бы лучше, Порфирий, сколько мне не заплатили?

– Что?!

– Ах, как глазки вылупил, словно в былые года, когда я предлагал поставить на базаре в Полтаве палатку и подторговывать карамелью, произведенной из сверхплановой патоки! Так знайте, что я такая же жертва аферы с нашим заводом, как и вы все!

– Нельзя ли теперь поподробнее, – услышал тут Левчук собственный голос. Звенел бы праведным негодованием голос, словно у сталинского прокурора Вышинского – если бы горло не подгнило.

– Изволь! Можно и уважить просьбу человека-блина, – ухмыльнулся хозяин. Обнаружил тем самым, что остались у него во рту только два передних зуба, отчего бывший заводской громовержец стал похож на облезлого хомячка. – Смак ведь был не только в единовременно выплаченном бонусе! Меня пообещали назначить председателем правления компании с миллионным, если в сегодняшних деньгах, содержанием и с пачкой акций. Да только сперва всё завтраками кормили, а потом бес-

совестно кинули. Меня, Героя Социалистического Труда, Глеба Александровича Неборака кинули, как последнего ханыгу-снабженца, Господи прости!

Левчук уже размахнулся было, но подавил в себе справедливое желание врезать в морду предателю. А бывший главбух заскучал и, оглядываясь на дверь, зачастил:

– Вижу, нет желания покаяться, Глеб Александрович? На нет и суда нет... Обойдёмся и без покаяния вашего. А вина ваша вполне очевидна и доказательств не требует... А вот и Семён Макарович, наконец!

В комнату ввалился Карякин. На плече у него висела свернутая веревка, в руке держал розовую мыльницу с куском жёлтого мыла.

– Чёрт его знает что, – пробурчал. – В доме как шаром покати... Вот только в соседней комнате телевизорчик чёрно-белый, а на экране улица перед воротами. Видел я, как собака там прошмыгнула... Вот и нас гад увидел, и телефон там на столе. Я открыл чёрный ход, сможемся через него. Как только вздёрнем. Вот только где? Осины, как положено в таких случаях, поблизости не наблюдается...

Тут глаза всех четверых поднялись к потолку, точнее, ко крюку в потолке, на вид солидному, предназначенному для тяжелой хрустальной люстры, так что можно было надеяться, что и... А вот почему крюк пуст, а к торчащему из потолка кабелю подсоединена бедная тусклая лампочка? Тут-то и пробило Левчуку, что вся комната зияет пустотой, а из мебели в ней – одно кресло, на котором восседает Глеб Александрович.

– Напрасно трудился ты, Сенька, мастер дефекации, – горько вымолвил обнищавший, как видно, генеральный директор. – Посмотрел бы хоть, какой галстук у меня на шее.

Темновато в комнате, однако, присмотревшись, увидел Левчук, что на шее имеет Глеб Александрович петлю из толстой верёвки, свободный конец которой, смотанный в кольца, валяется на полу. По-видимому, до схватки с Карякиным за своё ружьё бывший директор держал верёвку на коленях. Хотел было присвистнуть Левчук – да где уж ему, с его теперешними губами...

Тем временем директор продолжил жалостно:

– Вот видите! На что мне самому такая жизнь, спрашивается? Езжу на позорном «запорожце», то есть стоит у меня в гараже эта стыдобушка, а вся нищенская моя пенсия уходит на бензин. То есть уходила бы на бензин, если нашлось бы куда мне на «горбатом» ездить. Живу на переводы из Киева от дочки, но она какой месяц пришлёт копейку, а какой и нет: сама у мужа на шее...

– Это Иреночка ваша, что ли? Но разве она у вас не экономический закончила? – удивился главбух.

Хозяин дома только пухлой ручкой отмахнулся от него, а Карякин прикрикнул:

– Кончай время тянуть! Лучше бы меня предупредил, что уже запаса верёвкой, и я по-дурному бы не искал... Вот только сейчас петлю намылю, затянется тогда ловчее и быстрее. Вот так, теперь будет славненько...

Директор замер и только рот раскрывал, но сказать ничего не мог: переклинило его. Карякин спихнул безгласного с кресла, сам забрался на мягкое сиденье с ногами и, на цыпочки поднявшись, перекинул свободный конец верёвки через крюк для люстры. Скрипнул коленями, спрыгнул. Шутовски поклонился:

– Проше пана до гиллякы.

Теперь надо было поставить на кресло Глеба Александровича, но это оказалось трудной задачей: бывший

директор безмолвно брыкался, лягался, и пришлось потрудиться, испуская сугубое зловоние, всей компании мертвецов. Потом Левчук и главбух удерживали бывшего своего начальника на месте, пока Карякин выбирал слабинку на верёвке и привязывал её свободный конец к трубе у батареи.

Когда Карякин закончил уже, а подготовленный к казни вдруг замер в центре страшноватой конструкции, будто курица, внезапно перевернутая вверх тормашками, бывший главбух отступил за толстую спину бывшего директора и поманил к себе товарищей. Спросил шепотом:

– Какие будут предложения?

– Почему я должен всё за вас делать? – возмутился Карякин, почти не понизив голоса. – «Фигаро, здесь, Фигаро – там!». Предлагаю бросить на пальцах, кому выбивать табуретку. Ну, на чём он там, иуда, стоит.

– Связать предателя второй верёвкой и оставить, – прошептал Левчук. Ему окончательно уже расхотелось марать руки-ласты.

Так и сделали. Тут вдруг обрёл голос хозяин дома. Неожиданно тонкий голос подал, можно бы сказать, что и завизжал:

– Идиоты! Ишь ты, «Иуда, предатель...». Да кого я предавал? До сих пор не поняли, что теперь – каждый за себя? Совки вонючие!

Карякин рванулся было к нему, но главбух удержал его за рукав. На ладони левой руки показал косточками пальцев правой, что, пора, мол, сматываться, и острым подбородком – на дверь: «Иди первым». Бывший мастер выматерил бывшего директора и послушался бывшего главбуха. Тот пропустил вперед Левчука, а прикрывая

за собой дверь, бросил прощальный взгляд на хозяина дома.

– Что-то шибко побагровел лицом наш Глеб Александрович, – отметил злорадно.

– Давайте там быстрее, а то, чует моё сердце, менты уже близко, – недовольно отозвался Карякин.

Глава 26

10 июля 201... Уже рассвело. Крольчанск. Кухонька в гостиной официантки Кати

«Тарасик! Вот, сделал всё, что мог. Это “всё” на флешке, прямо сверху, называется: “Исправления к ужасику”. Извини, но принтера с собою не вожу:). Отчаливаю автостопом. Флешку мою заветную не потеряй, а то голову сниму. Мартышке и Славику передай пламенные приветы.

В.»

Перечитал Веня написанное, и глаза ему будто мелким песком засыпало. А чему тут удивляться? Две бессонные ночи, а между ними подремал немножко на табуретке, под шум и гам киношников. Правый глаз вообще пришлось прикрыть, пока складывал бумажку и писал сверху инструкцию официанточке Кате. Развернул записку и обернул ею флешку, чтобы опять инструкцией кверху. Присовокупил купюру и придавил край пакетика заварочным чайником. Теперь можно и в санузел, глаза промыть. Благо, и вода из крана пошла.

Вернулся на кухню, где, головы не поднимая, проработал остаток ночи, почти прежним человеком. За окошком, приветствуя рассвет, голосисто заливались неизвестные ему птицы. Но, поскольку называть их не придётся, Веня тотчас же о них забыл. Выглянул в окно – и забавно повторились ощущения далёкой молодости. Это когда проснёшься, бывало, в незнакомой квартире, вот так же сунешься к окну, а там неизвест-

ный пейзаж. Неизвестный и новый, потому что совсем иначе выглядят улицы ранним утром, нежели ночью.

Выключил и закрыл ноутбук, отсоединил шнур питания и несколько секунд неподвижно стоял с ним в руках. Потом вспомнил, что надо убрать шнур в наплечную сумку. Пошел за нею, стоявшею у раскладушки, на которую Вене так и не довелось прилечь. Ночью трижды вырубался свет, но аккумулятор ноутбука на сей раз не подвёл. При чём здесь это? Хлопнул себя по лбу ладонью, раскрыл сумку и уложил в неё шнур. А не переменить ли рубашку? Частью поленился, частью не захотел хозяйку лишними шорохами будить.

Проходил уже через кухню, когда наступил на шатающуюся половицу, и сама собой распахнулась дверца старенького буфета. Тотчас же сунул туда Венья свой любопытный длинный нос – а там две стеклянные банки стоят, одна поллитровая, другая на четверть литра, одинаково бумажными обертками на резинке прикрытые. В маленькую налита тёмная жидкость до половины, наклейка на ней овальная, а на наклейке напечатано: «Приворотное зелье. От фирмы “Von pin-up”». Взял в руки большую банку, снял осторожно крышку – и пахнуло на него от чёрной с зелёным отливом мази таким острым духом, что в голове помутилось.

Поддался-таки Венья соблазну: вернулся в комнату. Пошатываясь, однако на цыпочках возвратился – и взглянул за ширму. Там, на тахте, спала официанточка Катя. Спокойно посвистывала носом, выставив из-под одеяла крупную, а на ощупь, небось, твёрдую ногу с чёрным лаком на ногтях. Перед тем, как улечься, Катя долго плескалась в санузле, и даже сейчас от неё несло дезодорантом и дамской пахучей дрянью, Вене неизвестной, потому что после «перестройки» перестал он разбираться в духах и дорогих лосьонах. Пренебрёг,

не желая терять время на пустяки. Ага, рядом с Катиной правой ручкой что-то поблескивает. Присмотрелся Веня – а там молоток для отбивных! Ничего себе... И с почтением покосился он теперь на стену, где висела обычная вроде метла, вот только лакированная и красной ленточкой обвязанная.

На улице огляделся. Одноэтажный Крольчанск, подстеленный под одинокую Катину пятиэтажку, мирно спал. Определился по солнцу, в какой стороне Киев. Ошибся при этом и потопал к перекрёстку, чтобы повернуть, как оказалось впоследствии, в противоположную от столицы сторону. Ни людей, ни машин по дороге не встретил и начал уже сомневаться, сумеет ли на сей раз поймать попутку. Принял решение выйти всё-таки за город и подремать на обочине, поджидая если не попутный лимузин, то хоть маршрутку. Когда выбрался уже на шоссе, услышал со стороны города, за спиной, рокот мощного движка.

А это капитан Ханенко выводил свой красный «ягуар» 1990 года на предутреннюю прогулку. Любит он промчаться пустой улицей, а потом погонять за городом на полном газу. После поездки с ветерком, бывало, расслаблялся и успокаивался настолько, что и придавить щёку укладывался до утреннего капучино, минуток этак на девяносто. Вот и сейчас, не ожидая никакой новой для себя неприятности в это хлопотное утро, вырулил капитан на пустое шоссе между Крольчанском и сахарозаводом, а там и надавил на газ.

А Веня тем временем, не остыв ещё от дописывания сценария, мучился, припоминая, как в ужастиках останавливают тачки на шоссе – то ли с обочины, классическим для автостопа жестом, то ли выбегая на середину. Заодно экспериментировал на местности. В результате оказался он на середине проезжей части очень не во-

время. Увидев же, что мчащееся прямо на него красное чудо-юдо и не собирается тормозить, ничего лучшего не придумал, как повторить виденный в каком-то боевике финт. И прыгнул чудищу на капот.

Тотчас же взлетел он высоко вверх. В полёте сорвало с его плеч сумку с ноутбуком и подбросило в одну сторону, самого же Веню, уже потерявшего сознание и зачем-то растопырившего слегка в стороны руки, как в детстве, когда прыгал в воду «ласточкой», вознесло в сторону, противоположную от сумки. На мгновение завис он над придорожным участком поля и спикировал головой вперёд прямо в дупло огромного сухого дуба. Содрогнулся замшелый великан, и удивительное дело: сначала из дупла торчали кроссовки неудачливого летуна, а потом и они внутрь втянулись.

Никак нельзя сказать, чтобы капитан Ханенко совсем не собирался тормозить, увидев недоумка на дороге. Напротив, он почти решился было нажать на тормоза, вот только в последний момент пожалел резину на покрышках. Ведь и без того лысовата, а если вдобавок каждый день стёсывать, тогда зимой хоть и не ездил совсем! Не успеешь оглянуться, как попадёшь в ДТП, и уже не такое безопасное для водителя, как сегодняшнее... Разумеется, он сбросил газ, потом аккуратно притормозил и вернулся к месту досадного происшествия. Несколько удивился, нигде не обнаружив пострадавшего идиота, и собрался было поискать, однако передумал. Во-первых, капитану совсем не улыбалось мочить в росе домашние шлепанцы, во-вторых, погоды стоят жаркие, так что, как только завоняет, дурачка и без него найдут. Поленился капитан Ханенко разворачиваться снова, не стал и продолжать безнадежно испорченную поездку, покати́л домой.

А Венин ноутбук упал в канаву на густую траву и не разбился. Потому что в полёте выпал из наплечной сумки, раскрылся и, повиснув на ремне той самой сумки, спустился на неё, наполненной воздухом, как на парашюте. Ну, пусть и не совсем, как на парашюте, главное, что остался цел. Пришли к нему муравьишки, лазили по нему, лазили, самые храбрые и внутрь забрались, но ничего примечательного не совершили – слишком уж малы. Прибежали полевые мыши, и ведь снова аккумулятор не подвёл: сумели хвостатые ноутбук включить. Запищали от радости, когда монитор осветился, и начали на нём мелькать всякие штуки, а вот когда появилась картинка, выбранная Веней для своего рабочего стола, разбежались бедные. А причина в том, что любит, очень любит Веня кошек, однако дома завести не может из-за аллергии на шерсть. В компе же побаловал себя, вывел на рабочий стол фотку роскошного рыжего кота, уставившего со строгим видом на зрителей круглые глазищи: «А вы, гр-р-раждане, что тут поделываете на м-м-моей тер-р-ритории и по каком-м-му пр-р-раву?».

Конечно же, полевые мыши городского домашнего кота и в глаза не видели, но одна из них бегала в Крольчанск, где у неё дальняя родственница живёт, домашняя мышка. Вот та её водила на соседский двор, чтобы страшного кота показать. Привела её к петуху и спрашивает весьма замысловато, чтобы страшилице по его собственному имени не назвать и тем самым не наклепать на свою голову: «Привет тебе, царь Будимир, от царицы Земляной! Скажи-ка нам, где сейчас Чирик Кучумпир пребывает?». Царь Будимир, существо тоже страшноватое, хоть и красавец собой, посмотрел-посмотрел на них искоса... Но, поклекотав, ответил вежливо: «На заборе отдыхает, а если соскочит оттуда, придётся

вам, девушки, брать ноги в руки». Почти сразу же бросились мыши наутёк, но гостя успела всё-таки разглядеть кота, сидящего на заборе. Сейчас она первая запищала от страха, узнав Чирика Кучумпира, и всполошила товарок.

Прискакал к ноутбуку заяц, подивился-подивился картинке, ничего не понял по природной своей глупости, поскакал дальше. Потом монитор погас, в экономный режим перейдя.

Тут чупакабра по канаве проскользнула, возле ноутбука остановилась, нос кривой высунула, принялась, потом глазами блевотного цвета окрестности обшарила, успокоилась и за игрушку принялась. Душка-кот оставил эту вонючую уродину совершенно равнодушной. Носом-пуговкой, на полусгнившую вишню похожим, давай все кнопки по очереди нажимать, да и открыла в конце-концов Википедию. Лапой облезлой своей принялась над мышкой по-всякому издеваться, пока не вызвала на монитор собственное изображение.

Как и почти всякой даме, снятые с неё фотографии не понравились чупакабре, а о фотошопе она и понятия не имела. Поэтому, ревниво на себя полюбовавшись, фыркнула уродина и сплюнула – да так ловко, что сбила кузнечика, повисшего на стебле молочая не ближе, чем в метре от неё. Тут на шоссе послышался звук человеческой таратайки. Прислушалась она, и решила укрыть игрушку поглубже в канаве, чтобы не отобрали. Сама же на всякий случай притворилась дохлой собакой и язык наполовину высунула.

Проехала таратайка, навоняв на шоссе, и взялась снова чупакабра за свою с неба свалившуюся игрушку. Наигравшись, решила и высказаться. Клацая ког-

тями по клавишам, сумела-таки набрать: «W GROBU JA WIDALA WASCHYCH KUREJ A KOZY W ARGENTINIE KUDA WKUSNEJ». Тут скучновато стало чупакабре, да к тому ж издалека бляние козье донеслось. Или слышалось ей с голодухи?

А тем временем Веня постепенно приходил в себя. И вовремя, надо сказать, вернулось к нему соображение. Потому что, плюхнувшись в целое озеро мёда, скопившегося в дупле, расплескал он часть содержимого по стенам и потолку, а сам постепенно уходил вглубь, ещё и сверху потихоньку орошаемый мёдом. Очнулся же он, когда рот его и подбородок уже погрузились в сладкую массу, а теперь и нос ему начало заливать. Чихнул Веня и руками-ногами попытался заработать, как если бы брассом в воде поплыл, но мощный медовый дух обрисовал ему реальное положение. Тогда принялся он ноги опускать вниз, а руками от мёда отталкиваться. Не сразу это удалось, и каждое мгновение надеялся он вот-вот достигнуть носками кроссовок дна, но... Увы! Пришлось постоянно подгрести руками, чтобы хотя бы лицо оставалось на поверхности.

Вдруг до ушей чупакабры, безобразных по форме, зато замечательно чутких, донесся медвежий рык. При этом с направления весьма неожиданного – сверху, с неба. Она знала, что медведей в этих краях не водится, но... Похоже, сюда они залетают с Севера. Подняла голову, похожую на объединенную молью меховую ушаночку детского размера, – слух не обманул её: по синему небу, все же пониже белых тучек, и в самом деле летел большой медведь. Лапами он помахивал, чёрным

хвостом в воздухе рулил, а ушами своими пошевеливал. Чупакабра вытаращила зверю навстречу выпуклые, кровью налитые глазищи. Да, она не ошиблась: медведь явно шёл на посадку. Чупакабра поджала хвост, голову опустила к земле и на полусогнутых побежала канавою прочь. Только что была здесь пресловутая чупакабра, и вот уже нету её.

А медведь и в самом деле снижался. Вот приземлился он на мохнатую задницу, ловко кувыркнулся и пустился бегом к старому дубу. Встал на задние лапы – и к дуплу. Попробовал лапу засунуть – не получилось, головой ткнулся – не вышло. Потом вдруг ухитрился – и весь в дупле исчез.

Глава 27

Тем же ранним утром.

Крольчанск. Крестовоздвиженская церковь

Отец Сѣргий дотянул вполголоса «Многолетие», разоблачился, не торопясь, и, уже на выходе из церкви, обнаружил, что одна из прихожанок, о долгой жизни коих, равно как и прихожан, он только что молился, всё-таки почтила драгоценным присутствием утреню. Присмотревшись, уточнил: нет, не прихожанка. Тех баб знает всех в лицо, да они и не забывают, собираясь в Божий храм, прикрыть волосы платком. Разве новая овца пришла проситься в православное стадо?

– Здравствуйте, гражданин поп.

– Здравствуйте. Имеете ли ко мне какое-либо дело? – промолвил со всей возможной любезностью. – Вообще же со священником надлежит здороваться словами: «Батюшка, благословите!». А называть вам меня лучше отцом Сергием.

Успел уже к тому времени охватить её взглядом, и не вызвала посетительница никакого интереса. Выше среднего роста, сухопарая, заведомо не годилась она в Дюймовочки. И в домоправительницы тоже: в возрасте, правда, подходящем, соблазна отнюдь не вызывающим, зато накрашена неблагословенно. Как продавщица, ей-богу. Продавщица? А ведь и в самом деле продавщица из «Гастронома» на окраине, на Заводском конце! На той окраине отец Сѣргий редко бывает, а то и уличную кличку вспомнил бы уже.

– Ага, поняла. Да уж, нужда привела, отец. Не стала бы я без дела беспокоить святую особу в такую рань. А где мы смогли бы поговорить?

– В храме не вполне удобно: у вас волосы не прикрыты. Можно ко мне в дом, в гостиную.

Она отшатнулась и, буравя отца Сергия маленькими припухшими глазками, шумно втянула носом воздух. Он нахмурился: зачем принимаешься, бабуля накрашенная? Если от него чем и несёт, так несколько заношенной шерстью от рясы, и уж вовсе не козлиным душком похоти. Вы уж простите, мадам, но для вожделения малость не тот объект вижу. Или «предмет» – кому там барышень учили строить глазки? Эта же барышня явно не в себе. А к таковым следует проявлять снисхождение. Отец Сергий заставил себя улыбнуться.

– Вижу я, вам ко мне в дом зайти нежелательно? Тогда предлагаю перейти улицу и посидеть вон на той лавочке. До городского сквера отселе далековато.

Лицо посетительницы смягчилось, она кивнула. Прошмыгнула между колоннами, спустилась по ступенькам и принялась, суется тощими ногами, переходить дорогу, в сей ранний час свободную от докучливого автотранспорта. Скамейка, для беседы предложенная отцом Сергием, стоит под забором, с незапамятных времён окружающим пустырь. Бесхозная, она, казалось бы, давно уже должна была подгнить и впасть в ничтожество, а там и в конечное небытие, однако всегда находятся анонимные доброхоты, готовые без лишнего шума сколотить её наново. Для чего именно, отец Сергий понял первой же весенней ночью после переезда в Крольчанск: уж очень недвусмысленные звуки доносились со скамейки через открытые окна поповского дома, чередуясь со смехом, музыкальным хрипом мод-

ных тогда кассетных магнитофончиков и приглушенными взвизгами.

Итак, уселись они на ложе беззаконной любви и бескорыстного порока, и отец Сергей спросил, бессмысленно уставившись на храм своего пастырского служения:

– Так какое же дело вас привело ко мне? Извините, не знаю вашего имени-отчества...

– Вот как раз думаю, как рассказать, батюшка. Платок я к цыганке брала, а к вам, я извиняюсь, забыла. А как меня зовут... Вам оно, отец, без надобности.

Отец Сергей крякнул. А поскольку молчанье затягивалось, решил он воспользоваться случаем и рассмотреть со стороны, уже осмысленно и будто чужим взглядом, Крестовоздвиженскую церковь, в которой колготится вот уже без малого четверть века. И предстало его взору не лучшим образом сохранившееся (в чём отец Сергей и свою вину признаёт) двухэтажное здание в стиле провинциального ампира, украшенное мощным портиком с колоннами ионического ордера. Внешне этот домина на церковь никак не похож, а смахивает на то, для чего и был построен – на Дворянское собрание, после революции превращённое в Дом культуры, а в середине пятидесятых, когда город получил помпезный Дворец культуры, переданное общине православной церкви. Случай был, конечно же, уникальный, и говорили старожилы, что в церковной десятке верховодили тёща и супруга тогдашнего председателя райисполкома. Настоящее, полное название храма – Церковь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня – представляется отцу Сергию символическим, хоть воздвижение маломерных крестов на конических крышах двух угловых башен (на месте, небось, двуглавых орлов, сбитых после революции) весьма немного изменило во внешнем виде Дво-

рянского собрания. Бывало, что во время скучноватой повседневной службы отец Сергей развлекался, представляя себе тупые физиономии музыкантов уездного духового оркестра, надувающих щеки на подиуме, где нынче алтарь, или как провинциальные барышни, местные Наташи Ростовы, порхают в своих бальных туфельках по наборному паркету, истёртому теперь сапогами прихожан... Ага, заговорила, наконец!

– Мне бы, отец, управу найти на живого мертвеца. Это Сенька, я с ним в восьмом классе немножко крутила, а он двадцать лет как уже умер. И надо же, заявился вчера ко мне на работу и просит водки в кредит. Но я не растерялась и сбаврила ему две бутылки палёнки.

– Так у вас в магазине имеется венгерская водка?

– Какая ещё венгерская? Я же сказала: «палёнка». Или вам, отец, слон на ухо наступил?

Призвав на помощь всё сохранившееся в его разочарованной душе человеколюбие и вооружившись терпением, соизмеримым со ангельским, отец Сергей спросил:

– Вы не признаете, стало быть, возможности, что ошиблись, и это был не ваш старый знакомый?

– Да что ж я – Сеньку бы не узнала?

– Почему же вы решили, что это был живой мертвец?

– А кому ж ещё быть? Вонял ведь, словно падаль со свалки, и смотрелся не лучше. Коню понятно было, что двадцать протёкших лет не в холодильнике морга пролежал. Ох, боюсь я, что напрасно вас побеспокоила, отец. Уж слишком долго приходится вам объяснять. Вот была я у спасительницы Эсмесральды – ну и имечко, не выговоришь... Та хоть и жутко вредная цыганка, да ещё и ведьмой оказалась, зато всё хватает на лету. Пойду я, пожалуй. Может, и придумаю, кто ещё смог бы бедной одинокой женщине помочь.

Крепко захотелось отцу Сергию ответить: «Ну, и ка- тись ты колбаской по Малой Спасской!». Однако нет в Крольчанске никакой Малой Спасской; во всяком слу- чае, он такой улицы не застал. И не к лицу было про- тоиерею школьничать, да и обидчица осталась сидеть, как сидела, унылые ножищи под сиденье убрав. К тому же заинтересовала его эта Эсмеральда, правду сказать. Суеверие одно, кто спорит, и не сможет такая ловкачка от чего-то там спасти, а вот, что порчу сумеет навести, ему почему-то верилось.

– Так, может быть, эта цыганка за то, что ей не за- платили, и вызвала... и наслала на вас эту галлюцина- цию. Сон наяву, то есть.

– Какой ещё сон? Палёнка из-под прилавка сама по- шла погулять? Я смотрела ведь, проверяла: обеих буты- лок как не бывало. Да и заявила я к ней уже после того, как Сенька убрался.

– И всё-таки расскажите мне подробнее про эту вашу Эсмеральду.

Рассказала она и бумажку, снятую с доски объявле- ний, дала посмотреть. В повествовании её, сумбурном, однако же и подробном, не пропустил он жалоб на козни невидимых врагов и на умничанье кошки Нюски, оце- нил должным образом. Не говоря уж о полётах цыган- ки в образе пузатой ведьмы. Однако только получив в руки бумажку, и в самом деле, длинную, подобно реце- пту старопрежних времен, почувствовал себя на твёрдой почве.

– Жулё махровое они, эти ваши цыганки-спаситель- ницы, скажу я вам.

– Вот так уж сразу же – «ваши»...

– А кто первым делом к цыганке побежал? Особливо же злобесны они тем, что примазываются к авторитету нашей православной церкви. А хоть бы и на вашу бу-

мажку посмотреть. Вот здесь: «На фото Эсмеральда и настоятельница монастыря “София” (справа)». Фотографии этих баб обрезаны по краям и приклеены к фото куполов Софии Киевской. Однако же храм сей входит в государственный заповедник того же имени, никакой из церквей не принадлежит, и при нём нет сейчас и не было никогда женского монастыря. Был мужской, но очень давно, за царя Панька, как у вас тут говорят. И ещё: там забор ведь, невозможно так вот сняться на фоне куполов Софии. Ничем эта ваша Эсмеральда не помогла бы вам, только деньги снова выманила бы. Суеверие одно, да к тому же мошенничество.

– А вы, отец, сколько с меня запрашиваете?

– Я с вас ничего не запрашиваю. Во-первых, вы до сих пор не сказали толком, какой помощи от меня хотите, а во-вторых, я сам пока не знаю, возьмусь ли за это дело.

– А я и не смогу, наверное, заплатить вам, отец. Я женщина бедная ведь. Разве что натурой.

«А ведь цыганке ты потащила все деньги, что имела», – припомнил отец Сергей. Отвращение к человеческой жадности отвлекло его, и он осведомился небрежно:

– Это яйцами, наверное? Так вы кур на дворе разводите, что ли?

– Курей не развожу, так что яичек нет. Чего нет, того нет. Однако же слыхала я, что вы сейчас мужчина одинокий, вот и надумалась, что смогу вам вместо денег отработать.

Отец Сергей окаменел. Что называется, дошло на седьмой минуте. Вдруг представил он себя в постели с этой размалеванной, как дешёвая кукла, и тощей ста-

рухой – и чуть не выблевал прямо на растянутую меж коленями рясу. Она же ещё и сдвинутая – а вдруг нос откусит? Вот было бы ему наказание за все его греховные помышления! За всех его воображённых одинокими ночами нимфеток! А разве не проявил он только что, прямо сейчас, грех гордыни? Оскорбил, хоть и не вслух, женщину, назвал тощею старухой, а сам – кто? Тоже ведь не розанчик!

– Вы, быть может, стесняетесь мне своё белье отдать, потому что геморрой у вас? Или недержание мочи? Так я же медицинское образование имею и руками стирать не собираюсь – стиральная машина у меня! Старенькая, но работает как часы.

– Да ладно, потом сговоримся, – прохрипел он. – Скажите лучше прямо, чего от меня хотите.

– Неужто забыла сказать? Тогда извиняюсь... Сделайте так, чтобы мёртвый Сенька меня больше не беспокоил. Пусть и деньги за водку не отдаёт, обойдусь без его вонючих бумажек... Избавите от Сеньки – и больше мне ничего от вас не нужно.

– Так-таки и ничего? – протянул он иронически.

– Ещё надо бы Ньюську мою святой водой обрызгать, чтобы не брала на себя слишком много, а также – вот! – невидимых врагов бы отвадить.

Отец Сергей окончательно пришел в себя. Даже приободрился.

– Кошка ваша не по моей парафии, понеже не имеют животные бессмертной души, а вот против врагов видимых и невидимых помогает молитва к архангелу Михаилу. Есть ли у вас, чем записать? Нет? Ну, тогда запишите. «О святой Михаиле архангеле, светлообразный и грозный небесного царя воеводо! Помилуй меня,

грешную, требующую твоего заступничества! Сохрани нас...» то есть «меня, рабу Божию...». По имени-то как?

– Фросина я...

– «...меня, рабу Божию Евфросинию от всех видимых и невидимых врагов, паче же подкрепи от ужаса смертного и от смущения диявольского...»

Прочитал молитву до конца, напомнил, что её обязательно надо зааминить. Кивком попрощался, подскочил со скамейки и, духом воспарив, направил стопы своя, снова вольные, через улицу. Рукой уже ухватил за кольцо щеколды на калитке, намерение имея укрыться во дворе, когда догнал его взвинченный вопль этой самой Фросины:

– А с Сенькою-мертвяком чего мне делать?

– Приводите оного Сеньку ко мне, тут и разберёмся, – отвечивал он благодушно.

Совсем немного времени миновало, и понял отец Сергей, что неудачно тогда пошутил.

Глава 28

Тем же утром.

Дупло дуба-патриарха недалеко от шоссе

Снова приходил Веня в себя, однако медленно, ох, медленно возвращалось к нему сознание... Или это он просыпался? Вот если просыпался, то напрасно, не хило бы ещё поспать... Уже почти совсем очнулся Веня, когда вдруг прояснилось окончательно у него в голове, и сообразил он, что вовсе не спал, а произошло нечто похуже пьяной отключки и некомфортного, на похмелье, пробуждения – чёрт знает где и с кем, однако с головной болью так уж точно. Все кости у него болели, сверху не то медовый дождь орошал его, не то мягкий сладкий град засыпал. Вокруг воняло не только вконец осточертевшим уже мёдом, но и гнилым деревом, а снизу волнами поднимался ужасный запах огромного и неопрятного, чёрт бы его подрал, зверя. В ушах стоял звон от громогласного, даже и с пристуком, чавканья. Веня как-то сразу понял, что под ним возится в меду именно медведь, но отвлёкся от этого умозаключения – потому что наконец-то осознал собственное положение в пространстве!

По-прежнему оставаясь в медовом дупле, Веня висел сейчас на его стене и медленно, но неотвратимо отлипал от неё. Или отклеивался. Ощущение было незабываемое и ни с чем не сравнимое. Едва ли можно сравнить его и с тем, что испытывает альпинист, повисший над пропастью на повреждённой веревке, а нитки у неё одна

за другой лопаются. Ведь когда рухнет Веня, он не разобьётся, опасность-то совсем в ином... Или всё-таки ему это снится? Положим, мёд в дупле копился очень долго, десятилетиями или даже... ну, едва ли, это уже чересчур. Во всяком случае, произошло... как это?.. вот, естественное брожение, а он ведь хлебнул мёду, когда нырнул, да и если только нанюхался... Нет, все сны основаны на впечатлениях, полученных в трезвом..., точнее же, в бодрствующем состоянии, а разве с ним уже бывало такое, чтобы левая лопатка успела отклеиться от стены, а задница и правая лопатка ещё держались?

Уже и то утешает, что опасность утонуть ему больше не грозит: косматый монстр успел выжрать столько мёду, что уровень вязкой жидкости в дупле неминуемо должен был понизиться. Медведь продолжал насыщаться, утробно урча от удовольствия, и его огромная, с поблескивающей шерстью спина колыхалась почти под ногами у Вени. Ему тем временем удалось догадаться, что именно произошло. Конечно же, медведь упал в дупло точно так же, как до него сам Веня. Вот только массы у Вени и медведя слишком уж отличаются. Поэтому Веня, рухнув, расплескал на стенки дупла только мёд, а медведь – вместе с мёдом также и содержащееся в мёде, то есть Веню. При этом произошёл гидроудар, вот отчего так сильно трянуло, дало и по мозгам, и по костям. Только если дало по мозгам, откуда это у него выплыло, насчет гидроудара? Ладно, пусть... Теперь же всё, что расплескал тяжёлый зверь, стекает со стенок дупла снова на его дно, и Веня тоже. Едва успел он додумать эту мысль, как отлип от стенки дупла последней точкой склейки, тощим задом. Ненадолго ещё удержался, повисел на фалдах тонкого летнего пиджака – и...

– А-а-а!

Ударился об огромный зад медведя, чуть выше короткого хвоста, медовыми кроссовками приклеился было, но тут же запрокинулся назад и упал спиной в мёд, унося с собою, небось, на подошвах клочки шерсти. Зверь дёрнулся и возмущённо заревел. Лягнул наудачу задней лапой, а затем, прервав завтрак, принялся разворачиваться в дупле, чтобы разделаться с нахалом, осмелившимся причинить ему боль. Однако Веня был уже на ногах, а поскольку медведь успел ударно поработать над мёдом, жидкость доходила Вене только до пояса, и он, хоть и не без усилий, изловчался передвигаться так, чтобы оставаться всё время позади мохнатого чудовища. Мелькнула даже надежда вырваться таким образом на волю: это когда Топтыгин повернётся к дупловому отверстию тылом, и появится возможность подтянуться на краю дыры и выпрыгнуть наружу. Подтянуться? Вот ведь размечтался... Если и в школе мог подтянуться на турнике только один раз, и с огромным трудом, а на второе подтягивание только покушался... На счастье Вени, медведь, по-видимому, не желал утыкаться носом в тёмный угол дупла. Порычав и потоптавшись, монстр успокоился и снова принялся за мёд. Однако не успел Веня перевести дух, как чавканье притихло, зато раздались неясные, но громкие и гулкие звуки, очень похожие на бульканье закипевшего чайника, а сопровождались они нарастающим рокотом. Словно вулкан изрыгает лаву, или будто бумажный мешок с цементом ворчит, когда его рабочий с матами тащит по неметёному асфальту.

Тут Веня заставил себя оставить сравнения и попытался предугадать, какую новую каверзу готовит ему огромный зверь. Если бы! Напрасны оказались его умственные усилия. Ибо не успел он ничего придумать,

как медведь оглушительно сыграл на своей задней трубе, и тотчас же дупло наполнилось удушливой медовой вонью. «В рот никогда больше его не возьму, вашего мёда!» – в отчаянии поклялся Веня, затыкая нос скользкой и приторно пахучей полой пиджака... Почти тотчас же и в голове его помутилось точно так же, как перед глазами, а когда вынырнул он из тумана полунебытия, нечто сказано было ему с насмешливой интонацией, и не сразу разобрал, что ему говорят. А вот что, оказалось:

– Одначе, одначе... Аще ты зарекся пити мёд, неужто тебя станет теперь на покупку во всю жизнь одного дорогущего заморского вина?

Протёр Веня глаза подолом рубашки, выдёрганной для того из штанов, и рассмотрел перед собою, в овальном как бы облаке, старичка с полуседой бородой. Из облачка сильно воняло фекалиями. Ещё раз протёр глаза Веня – и убедился, что не показалось ему: старичок и в самом деле сидит в позе орла или дьявола, выставив вперёд острые коленки, обтянутые тканью в цветочек, а длинной бородой прикрываясь, как фиговым листком. На голове – высокая шапка тёмного блестящего меха, соболиную же шубу, подобрав, руками придерживает, и удивительно всё-таки, как не измазался ещё во всем том разномастном дерьме, среди которого присел.

– Вы-то кто такой? – прохрипел Веня.

– Я-то есмь посол Димитрий Иванов сын Герасимов от великого князя всея Руси Василия Ивановича к папежу римскому Клементию Джулиановичу, а вот ты кто еси? Что чухонец, и сам вижу...

– Отчего ж так сразу – и чухонец? Нет, это надо же...

– А кто ж ещё? Щёки бритые – раз! Кафтаник на тебе тамошний – два! Ну и ты же весь – из моей байки,

небылицы то есть, а мне её чухонец, мой тиун в Лифляндии поведал... Да и речь наша московская у тебя в устах вельми нелепо звучит. Я как раз про тебя только что латинским языком на пиру рассказал, отчего сами господа святейшие кардиналы много смеялись...

– Ладно, ладно... А вы-то сами, боярин, где сейчас?

Посол обернулся. Бросился при этом Вене в глаза его красный нос, но у старичка и всё лицо оказалось помидорного цвета. Пока оборачивался он, зловоние в ноздрях Вени пару раз изменило консистенцию, из чего сделал он заключение, что призрачный собеседник давно и тяжко пьян.

– Вы? А сколько нас здесь, по-твоему? Хмелён, что ли, и в глазах двоится? И не боярин я... А пребываю в преславном граде Риме, в папском дворце, зовомом Бельведерус, на пиру. Ну, в заходе нынче, отдаю дань человеческой природе, чего ни папежу, ни цезарю не избежать, – старичок хихикнул. – Спервоначала подумалось мне, что ты явился мне оттого, что я чрезмерно натужился, и в голове передавлены суть мозговые жилы, а теперь виню папешников-чернокнижников. Опоили меня и видение наслали, алхимики хреновы. Эх, до чего ж отстали мы, друг ты мой дикий чухонец, от европейской безбожной науки!

Тут заметил Веня, что неприличного вида великокняжеский посол легко колеблется, будто наблюдаемый издалека жарким летним днём в сильный бинокль. Никак исчезать собрался! И спросил Веня торопливо:

– Раз вы эту небылицу рассказывали, знаете, наверное, и чем закончилась. Спасся ли тот ваш чухонец от медведя? А если спасся, то как?

Тут расхохотался старичок, со вкусом расхохотался («Ох, не могу...!»), чуть с корточек на окрестные кактусы

не шлёпнувшись, и в такт его корчам принялось изображение покрываться рябью, словно экран ящика в зоне ненадёжного приёма. Однако успел он, меж кудяхтаньями своими, и выкрикнуть:

– А тыхвати покрепче Мишку за яйца, дёрни – тогда и узнаешь, как!

Совсем исчезло видение, и под оглушительное чавканье зверя, отнюдь не утратившего ещё аппетит, Веня смог только посетовать на пещерный уровень чувства юмора у древних москвитов. Однако счёл опасным дольше оставаться в бездействии: выев весь мёд, медведь запросто может и его, мёдом обмазанного, по инерции сожрать! Веня, впрочем, никогда не решился бы последовать совету шутника-московита, но и погибнуть, уподобившись христианскому мученику на арене Колизея... Нет, о таком исходе даже думать не хотелось! Поэтому снова, уже с меньшим успехом, протёр он глаза, присмотрелся, смекая детали анатомического устройства, к тылу монстра, обнаружил искомую цель и... И, собравшись с духом, изо всех сил ткнул в неё носком кроссовка. Тотчас же подпрыгнул и обеими руками уцепился за длинную шерсть.

Будто взрыв случился в дупле – вот только биологический! Смешались в нём обиженный рёв, мощный звериный прыжок, треск прогнившего дерева вокруг входа в дупло – и почти растворился в какофонии этого взрыва гулкий стук от соприкосновения Вениного лба с верхним краем дыры. Уже мало чего соображая, разжал он пальцы – и свалился в овраг, подступивший почти к самому дубу... Последним явлением внешнего мира, зафиксированным тускнеющим сознанием сценариста, стали потрясающие почву гулкие удары лап чудовищно-

го медведя, вдруг прекратившиеся. Не успев удивиться, отключился Веня.

А вот если бы более удачно выбрался он из дупла, имел бы возможность наблюдать, как медведь бежит по заросшему бурьяном полю, блестящим от мёда задом взбрыкивая, как на бегу поднимается на задние лапы, растопыривает передние и становится похож на дикого гуся, разгоняющегося перед тем, как взлететь. Но ведь и медведь тоже взлетает! И Веня ещё тщился бы придумать физические причины этого невероятного явления, как исчез бы зверь в облаках, только его и видели.

Однако Веня лежал себе тихонько в канаве и ничего не наблюдал. А тем временем облака неслись быстро по небу (медведя, что ли, догоняли?), день сменялся ночью за пять минут, а то и ещё быстрее, за три всего минутки. Трава татарник потянулась кверху, поднялась кустами, но вместо красных цветочков, никому, правду сказать, не нужных, проклюнулись из жёстких бутонов – и кто бы мог подумать! – рыбы мальки. И скоренько, с невероятной прямо-таки силой созревания, выросли в солидных карасей и карпов. Самая большая рыба-каarp разевала, разевала рот напрасно – да как гаркнет: «Это что ж, рыбы, делается! На мыло бездарного писаку, придумавшего такую дикую чушь!». Но остался безответен Веня, которого и не видно было уже в высокой траве. Шляпу свою ковбойскую, летнюю, потерял он, и длинные волосы его, и без того полуседые, выгорели на солнце. Прилетела тут куропатка, у него на голове гнездо из мелкого хвороста устроила, яйца положила – и давай высиживать! А Веня всё спит... Птенцы вылупились, пищат вовсю – а Веня не слышит. Тут малыши-муравьи на запах мёда наконец-то подоспели, да-

вай мёд между нитями Вениных тряпок выедать, давай его, бедного, мелко щекотать. Другой бы уже до неба подпрыгнул, а Веня всё спит. Тут один муравей попросил слова, да и говорит: «А не взять ли нам, братцы, это живое мёртвое тело и не оттащить ли его нам в тень, чтобы не тлело?». Послушались муравьишки, подхватили Веню со всех сторон – и ну его из овражка вытягивать! Тянут, потянут, вытянуть не могут. А он всё спит.

Глава 29

Тем же утром.

Сторожка Крольчанского сахарного завода

На рассвете Петра Трофимовича разбудило пение птиц, назойливо громкое и дружное. Поднял он голову с рук, скрещенных на столешнице, да и снова заснул. Заснул беззаботно, ведь ночью он запер снова комнатку с мертвецом и телефоном: мало ли чего.

Очнулся, когда солнце уже светило вовсю, а часы показывали время, всё-таки слишком раннее для того, чтобы поднимать капитана Ханенко. Вышел Пётр Трофимович на двор проветриться, а когда обратил взор в сторону заводууправления, увидел, что киношный народ собирается у крыльца. Потом чёрный джип проскочил мимо него. Слышно стало, как завёлся двигатель автобуса. Вот и МАЗик показался из-за угла, а когда, уже загруженный, проезжал через ворота, новоиспеченный сторож вытянулся возле сторожки, показывая, что несёт службу.

Вдруг затормозил автобус, и на полста метров от ворот не отъехав, лязгнула и откинулась дверца, высунулась немолодая дама из киношных, кудрявенькая такая, но прежде как-то не запомнившаяся Петру Трофимовичу, помахала ему ручкой и крикнула:

– Эй, вы, сторож! Давайте с нами на завтрак! В этот ваш ресторан так называемый! В «Ты меня убеди»!

– Спасибо, но я ещё этой... полочки ещё не получил, – посипев от удивления, непроизвольно подмиги-

вая и скривившись, как среда на пятницу, сумел-таки ответить Пётр Трофимович.

– Мы тоже, – и приятная дамочка повторила приглашающий жест. – А за завтрак фирма заплатит.

А пока подбегал он, кто-то успел уточнить:

– Фирма «Реклам»

– «Реклам»? Фирма «Никому не дам»!

– Да ну тебя, Богданчик, ещё напорочишь!

И общий хохот. Юморные люди киношники! Приятная дама усадила Петра Трофимовича на свободное место рядом с собой и представилась Натальей Денисовной, гримёром. Пояснила, показав на полную молодую блондинку:

– Это я за вас попросила нашего директора. Вот её, Клабочку-голубушку. Не могу я смотреть на голодного мужчину. У меня дома сейчас трое таких страдальцев безруких: муж и два огольца. Уж и не знаю, чем сегодня будут завтракать. Яичница простейшая, и та для них проблема.

Пётр Трофимович привстал с сиденья, приподнял шляпу и легко поклонился директорше. Та свысока кивнула в ответ.

– Вы не обращайтесь внимания, – это соседка шёпотом. – Клабочка – человек добрый и простой. Только она ещё и Девушку с веслом у нас играет, а сейчас входит в роль.

Тут автобус тряхнуло на колдобине, и Пётр Трофимович, не успевший присесть снова, чуть было не оказался на коленях у Натальи Денисовны. Приезжие дружно грохнули смехом. Да уж, весёлый народ!

Возвращался он на том же автобусе, но в составе целой кавалькады из киношных тачек. В той же смешливой компании возвращался, но уже другим человеком. Мало того, что наелся, как давно уже не доводилось, но

ещё и исхитрился, затесавшись в компашку нуждающихся в опохмелке после вчерашнего корпоратива, получить от суровой Кати целительный глоток «Пшеничной». Чистой, как слеза, из запотевшего ледяного графинчика, в гранёной стопочке! И бутербродик с килькой на закуску! Эх, ну и жизнь пошла...

Вот только, после сказочного завтрака размякнув, не догадался Пётр Трофимович ещё в городе, где покрытие работает, попросить у кого-нибудь из приезжих мобилку, чтобы позвонить менту. Пришлось, добираясь до стационарного телефона, открывать каморку с мертвецом. Окончательно испортилось у него настроение, когда оказалось, что страшного капитана он всё-таки разбудил. Тот, однако, вскоре сменил гнев на милость, сказал, что сам перезвонит дежурному, а перед тем, как бросить трубку, задал вопрос, зловещее значение которого дошло до Петра Трофимовича туда попозже:

– А ты упирайся там рогом, вот только продержишься ли, пока я лично прибуду?

Не прошло и часа, как подъехал полицейский газик. Выскочил из него лейтенант лет тридцати. На робкое «Здрасьте» Петра Трофимовича – ноль внимания, кило презрения, только глазами сверкнул – голубоватыми, почти белыми. Выхватил у бывшего технорука ключ, мгновенно открыл замок. Держа дверь распахнутой, быстренько осмотрелся внутри – и пожилому напарнику в штатском и в очках, но с большой сумкой на плече и с приготовленным уже фотоаппаратом:

– Заснул, что ли, Кондратьич?

Тот – в каморку, и давай бльимать там. А лейтенант на Петра Трофимовича прищурился, хмыкнул, потом прошёл вроде мимо, на выход, а сам, не глядя, но силушки своей молодой отнюдь не сдерживая, засветил локтем под дыхалку. Рухнул Пётр Трофимович на пол, а когда

снова задышал, дошло до него, что именно мент Ханенко имел в виду. Но всё-таки спросил, для порядку больше:

– За что?

– Ты что ж не видел, поц, что я просто поскользнулся? Ты в чём меня смеешь обвинять? И на кой хрен разлётся прямо у меня на дороге? Специально, чтобы я перецепился и упал?

Сжался Пётр Трофимович, но недостаточно быстро, и лейтенант успел пнуть его носком казённого ботинка в расслабленный ещё живот. Тут уж роскошный ресторанный завтрак попросился наружу. Огорчился Пётр Трофимович, и захотелось ему во что бы то ни стало удержать еду в себе. Сосредоточившись на этой задаче, он как-то пропустил мимо ушей сказанное ментом. А-а-а, теперь понятно...

– ...замочил старика? Где это ты научился придуриваться, гад?

– Да там и научился, господин-товарищ старший лейтенант, – прокрипел Пётр Трофимович, поднимаясь на ноги и усиленно, почти всю силу остатков соображения на это потратив, удерживая правую руку и правый полуботинок мента в сфере своего внимания. – Где ж ещё научат придуриваться, если не в дурке? Осмелюсь доложить, что Вонифатьич давно уже помер, а я только на днях из психушки откинулся. Вам в Кротьчанске всякий скажет.

– Думаешь, ты не раскроешь жалюзи? Думаешь, не расколешься, как из психушки сбегал, чтобы этого твоего Вонифатьича замочить?

Ох, понимал ведь он, что надо тянуть как можно дольше, кровь из носу надо дотерпеть до появления мента Ханенко, но по некоторым причинам очень опасался получить сейчас ещё и по голове. Поэтому готов

был уже прекратить сопротивление и спросить, где надо подписаться, когда помощь подоспела с неожиданной стороны.

– Да прав ведь этот доходяга. Куда ему... Ты ведь тот самый Дымов, да? Вот и я говорю... Покойничек-то, говорю, слишком уж лежалый.

Это тот, с лампой-вспышкой, промямлил, полужнакомый немолодой очкарик в штатском, когда вынырнул из каморки. И добавил, проигнорировав возмущённый взгляд лейтенанта:

– И непохоже на криминал. Ты забыл, что патологоанатом теперь по совместительству Эсфирь Давыдовна? Ну, ты же знаешь её, все её знают... Эта баба спуска никому не даст!

Тут возник вдалеке рёв мощного движка, усилился до максимума, потом притих. В дверях сторожки мелькнула тень, взвизгнули тормоза. Стукнула дверца, и... Мог ли представить Пётр Трофимович, что наступит момент, когда он будет ждать ужасного мента с таким нетерпением?

– Это что ещё за самодеятельность? Как ты посмел раскалывать моего человека? И на кой, спрашивается, хрен?

– А дело сразу же закрыть у нас уже не почётно, товарищ капитан? Вам, что же, лишний висяк требуется? Начальству висяк разве нужен?

– Да как ты смеешь меня пугать Иваном Степановичем? Дождаться хочешь, чтобы я тебя в долю не взял? Кто ж ещё вас, молодых, научит, как дела делаются? Чего встали, кому говорю?

И мент Ханенко решительно зашагал к заводууправлению, где вокруг крыльца снова кучковались киношники. Оба мента, лейтенант и пожилой в штатском, одинаково, будто по команде, пожав плечами, потяну-

лись за капитаном, а позади всех поплёлся Пётр Трофимович, изо всех сил изображая, будто не имеет к силам правопорядка ни малейшего отношения, что он тут пятое колесо.

Вблизи стало ясно, что же именно на крыльце теперь происходит. Тот самый парень-качок, который вчера для развлечения чернобородого олигарха трахал девушку перед камерой, и девушка... Нет, уже другая, постарше, потелесистее и гораздо больше вчерашней приглянувшаяся Петру Трофимовичу... В общем, они вдвоём маячили на крыльце. Перемазанные кровью, делали вид, будто не могут спуститься по ступенькам, потому что упираются в невидимую стену. Перед крыльцом торчала камера, возле неё оператор, позади вся компания киношников во главе с олигархом. Взгляд Петра Трофимовича остановился на полненькой директорше, Клабочке, сегодня опять щеголявшей в белом гимнастическом купальнике, да так и покоился на её крепеньких, щедро перемазанных мелом ляжках, пока не прозвучало:

– Стоп! Снято!

Тогда и капитан Ханенко выпрямил спину, с явным усилием откинул голову назад и спросил:

– А могу ли я обратиться по одному делу к Ефиму Валентиновичу?

Мало того, что в голосе капитана не услышал Пётр Трофимович надлежащего почтения к олигарху, ещё какой-то Ефим Валентинович ему, видишь ли, нужен.

– Так ведь не приехал ещё Ефим Валентинович, – ответил олигарх несколько свысока, как человеку такого ранга и положено, проделав рукой нечто, показавшееся Петру Трофимовичу странно знакомым. – Сами ждём сегодня-завтра. А что за дело?

– Разве? Значится, мне брехню подсунули вместо информации? – и капитан оглянулся на новоиспеченного

сторожа столь свирепо, будто рассчитывал вогнать его в землю по колени. – Что за дельце, говорите? Да разве стал бы я беспокоить господ кинематографистов из-за какого-нибудь пустяка? Если бы не обнаружилось в сторожке мёртвое тело, и мне не пришлось бы расследовать, кто именно из вашей киношной бражки замочил заводского сторожа?

Маленькие глазки на довольно-таки сонном лице олигарха (или уже не олигарха?) загорелись, он дёрнулся, задрожав молодым животом – и закричал:

– Славик, ты слышал? В сторожку! Наталья Денисовна, вперёд!

Но оператор уже и сам, не дожидаясь команды, отвинчивал камеру от штатива. С камерой на плече, успел он настигнуть толпу, ринувшуюся к сторожке, когда народ подбегал уже к воротам. Толстоватый киношный начальник, рысивший, не теряя чувства собственного достоинства, финишировал сразу же за ним.

– Ну, Дымов, как ты посмел, вошь, мне лапшу на уши вешать?!

– Я нечаянно, товарищ капитан, не сориентировался. Кто их, начальников, различит...

– Чего стал, как пень? Дожидаешься, пока эти чокнутые все вещдоки угробят?

И Пётр Трофимович припустил к сторожке. Вопреки опасениям капитана, слишком большого бардака не обнаружилось. Киношники, в основном, дисциплинированно теснились перед сторожкой, в камерке возился один оператор, а перед дверью в камеру нервно прохаживались полный начальник и приятная дама Наталья Денисовна.

– Ой, не трожьте там ничего! – завопил с ходу Пётр Трофимович. – Не трожьте, а то менты всех посадят!

– Я и не трогаю, – дружелюбно проговорил оператор, не оборачиваясь. – Ваш покойник сам столь прелестно, столь выразительно улёгся... Вот ещё бы попробовать при подсветке снизу... А тогда... Наталья свет Денисовна, вы далеко там?

– Здесь я, Славочка. Но долго не выдержу, чересчур воняет...

– Когда с подсветкой, подмазать бы подбородочек... Вы подготовьтесь пока... И не трогаю я тут ничего, не дурак же я ментов попусту дразнить. Да ещё и дуrolомов провинциальных.

– Славик, я ведь не ошибся, тебе в голову та же идея пришла? – зычно спросил начальник.

– Та ли, не та ли... Я вспомнил, Тарасик, «Техасскую резню бензопилой», – мыча, словно карандаш держал в зубах, отвечал оператор. – Не римейки, а вот именно первую, семидесятых ещё, Тоуба Хупера. Там сначала старые, хорошо полежавшие в земле трупы показывают, а потом уже, зрителя ими подразогревши...

– Ну, а если точнее, несколько ранее саспенс создаётся, проездом перед бойнями. Где я здесь тебе, душа любезный, бойни возьму?

Тут Пётр Трофимович воровато оглянулся, кашлянул и, сам собственной смелости удивляясь и даже несколько ею напуганный, выдал громким шёпотом:

– Насчёт полежавших в земле трупов... Если строго между нами, то можем договориться.

– О! – это Наталья Денисовна с непритворным уважением. И Пётр Трофимович тотчас же осознал, зачем высунулся с необдуманной и опасной инициативой: хотел, дурень, приятную даму заинтриговать. Прежний олигарх, а в действительности, похоже на то, всего лишь режиссёр, посмотрел на него оценивающе. Спросил, не переводя на оператора взгляд:

– Славик, что скажешь?

– Господи, Тарасик, я же снимаю, что дают... Мне, кстати, лихтваген тут понадобится для подсветки, пусть подгонят.

– Розетки тебе мало... Да, ты прав, мой вопрос скорее к нашему писателю. Вот чёрт, никак не привыкну к мысли, что друг Веня смылся... Ладно, Трофим Петрович, потом поговорим.

Разумное решение! Потому что плотная толпа киношников перед сторожкой всколыхнулась, дёрнулась туда-сюда, и протиснулись сквозь неё, под пискливое ойканье и матерок вполголоса, бравые крольчанские менты. В комнатке сразу стало тесно. Капитан Ханенко, не теряя времени, снова выпятил брюхо и загремел:

– Посадки захотели за помехи правоохранительным органам? И что вы за хохмачи такие, если и за мокруху не боитесь залететь?

– Куда залететь? – удивился было режиссер, потом понял. Доброе лицо его широко расплылось. – Да быть того не может! Вы это серьёзно, пан капитан? Ну, спасибо, вот так удружили! Впрочем, нам тут надо посоветоваться... Славик, дружище, не уступить ли тебе эту честь?

– Спасибо, Тарасик, но лично я не вижу необходимости дополнительно пиариться... А для фильма, ты прав, прекрасный информационный повод... Послушайте, а Димон там совсем, что ли, заснул? Мне уже подсветка нужна, разве непонятно?

А Пётр Трофимович вдруг поймал себя на том, что обменивается недоумёнными взглядами с ужасным капитаном Ханенко. «Неужели и я выгляжу так глупо с открытым ртом?» – промелькнуло у него в голове. Тут и киношная толпа примолкла, призадумалась, затем вперед решительно шагнула та самая не совсем юная девица,

что вместе с качком по имени Богдан придурилась, будто неизвестно какая сила не дает ей спуститься с крыльца. Заявила с видом, словно только что встретились они наедине с обманным олигархом, у водоразборной колонки или у сельского перелаза:

– Тарасик, уступи это мне, прошу, – и сделала умильную такую мордочку, аж растрогала Петра Трофимовича. – Мне ведь любой пиар на вес золота, даже и негативный. Ну, уступи, а?

Режиссер Тарас нахмурился и пояснил вполголоса:

– Чтобы возник PR-повод, надо, чтобы объект был хоть сколько-нибудь известен предварительно. Одно дело, если поп-звезда опять опозорилась, заявившись без трусиков на концерт, иное дело – если Христина Явтуховна, спешившая на базар за бураками для борща. Ты, Стасенька, ещё не в той весовой категории. Уж извини.

Подбоченилась девица, сощурилась, губки выпятила, но сказать ничего не успела. Потому что её оттолкнула та самая худышка, что с качком перед камерой трахалась. Заторопилась, затрясла тощими коленками, голубые глазки выпучила:

– Меня, меня возьмите! Ну, пожалуйста, Тарас Андреевич... Меня, меня! Ой... А что мне надо будет делать?

– Тебе? В ментярне? – расхохоталась уже оправившаяся Стася. – Вот тебе там, вполне возможно, ребёночка сделают, это да.

И вдруг подмигнула лейтенанту, стоявшему дураком дураком. Теперь уже Тарас Андреевич посерьёзней:

– Ну, вот ещё, адвокат не позволит никого из нас закрывать. Сообщение будет о том, что наш человек вызван на допрос в качестве свидетеля, а неофициальный источник в местной полиции, просивший его не называть, заявил, что имеются... Да, так. Существуют, мол,

подозрения, что в убийстве замешан один из участников съёмочной группы. Только таким вот образом.

Капитан Ханенко побагровел лицом, приоткрыл рот, закрыл и – свистящим шёпотом:

– Это ж за кого ты меня, киношник, принимаешь?

По лицу режиссера промелькнула тень, выдающая, что он мог бы сказать, за кого принимает капитана, да не считает нужным, и сменилась широкой и добродушной улыбкой.

– Это я не для вас буду объяснять, капитан, а для тех, кто ещё не въехал в ситуацию. Мы ведь снимаем ужастик, а в финале его, как в той будто бы итальянской песенке из «Формулы любви», «в общем, все они умерли»...

– Почти все, – это Стася влезла.

– Да не трюнди ты под руку, darling... Ладно, почти все умерли – а тут чуть ли не на съёмочной площадке вдруг обнаруживается настоящий труп. Сюжет для Агаты Кристи! Разумеется, у местного Эркюля Пуаро...

– Кого-кого? – вытаращился капитан Ханенко.

– Вы правы, инспектор Мегрэ здесь больше на месте... В общем, у крольчанских мен... сыщиков возникает подозрение, что это не простое совпадение, и они решают присмотреться к нашей съёмочной группе. Замечательный пиар-ход! Да газетчики будут драться за такую сенсацию!

– В Крольчанске нет газеты, только сайт. Была районная газетка, да накрылась, – пробурчал мент-лейтенант. – Бывший главный редактор... Говорят, с хлеба на воду перебивается.

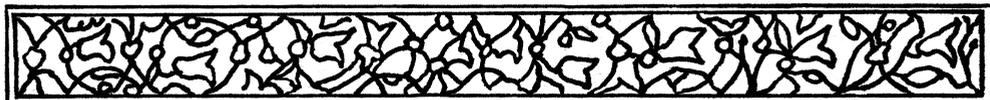
Бородатый режиссёр усмехнулся. Потом пояснил – мягко, с выражением, будто ребёнку что объяснял:

– В данном случае мы не очень-то заинтересованы в ваших местных СМИ. Зачем нам? Ведь столичные таблоиды охотно опубликуют эту новость! Я немедлен-

но... то есть, как только появится возможность, звоню в Киев. К вечеру здесь уже будет корреспондент от «Украина today»! Он возьмет интервью у меня, у вас, капитан, и вы, как... Ну, как делатель новости, у них там такое особое слово есть... Ага, как ньюсмейкер получите скромный гонорар. Вот таким, значит, образом.

Пётр Трофимович понял, наконец-то, о чём речь. Капитан Ханенко, кажется, тоже, потому что кивнул. То ли своим мыслям кивнул, то ли соглашаясь с режиссёром.

Глава 30

***Тем же утром, но попозже.
Крольчанск, квартира Игоря Беседко,
бывшего главного редактора
канувшей в Лету газеты «Голос Крольчанска»***

Ляпнуть, что бывший редактор районной газеты «Ленинский путь» (перед закрытием на несколько лет переименованной в «Голос Крольчанска») с хлеба на воду перебивается, было со стороны ментовского лейтенанта, по меньшей мере, неэтично. На самом же деле, Игорь Кузьмич Беседко (псевдонимы – Честный крольчанец, Обозреватель, Ваш репортёр, И. П. Честнов, ники – Черчилль, Громила, Зелёный человечек, Bastion, Злой барабашка, Страшный тролль, и даже (увы!) Балаболка, Юлечка и Феминистка) перебивался не с хлеба на воду, а с макарон на пиво. В крайнем случае, он обошёлся бы без макарон, но без пива не получал бы настоящий кайф от Интернета. Поэтому приходилось из сил выбиваться, чтобы наскрести на пиво. За квартиру Игорь, как и большинство крольчанцев, не платил. Сначала поверил забытому уже политику-популисту, призывавшему после повышения цен на коммунальные услуги выбрасывать счета, а потом привык как-то, да и долг собрался вовсе неподъёмный.

Старенький комп с пузатым монитором и цифровой фотоаппарат-мыльница достались Игорю после ликвидации газеты, и он привык считать оборудование своим. Не хуже всех прочих крольчанцев Игорь осознавал взаимосвязь таких явлений, как заведенный бывшим

председателем горисполкома, а теперь мэром, режим жёсткой экономии, в тисках которого и отдал Богу душу «Голос Крольчанска», – и трёхэтажный особняк мэра, выросший вдруг на центральной улице. Конечно же, Игорю ничего не стоило бы написать об этом безобразии хлёсткую заметку в одно из киевских изданий, но... Недаром же он сравнивал себя с артиллеристом: тот не станет палить по слишком уж близкой цели, чтобы не зацепило самого осколком. К тому же сайт «Наш Крольчанск», за которым Игорь приглядывал, официально принадлежал мэрии, что обеспечивало главному редактору бесплатный трафик, а без Сети он не смог бы теперь жить. Иногда мэр делился с Игорем копейками, полученными от местных коммерсантов за рекламу.

В нечастых теперь разговорах с согражданами (нечастых потому, что Игорь всё глубже уходил в Инет) он называл себя фрилансером, и это было правдой в том отношении, что настоящей работы не имел, но пытался зарабатывать, на чём только возможно. Подписался на рассылку сайта «Всеконкурсы.ру» и неизменно участвовал во всех российских сетевых конкурсах, если только не препятствовали его возраст и гражданство. Как ни удивительно, кое-что Игорю перепало, хоть и по крохам. Лысый, как колено, в результате ряда жизненных катастроф, он выиграл выпрямитель для волос с керамическими пластинами, набор мячей для гольфа в элегантной упаковке и замечательный шампунь для автомобилей, а ещё зубочистками запасся на всю оставшуюся жизнь. Следил Игорь и за украинскими литературными конкурсами, в Интернете находил электронные адреса лауреатов и каждому предлагал себя как литературного агента. Сведения о ремесле литературного агента Игорь почерпнул из американских детективов в ту пору, когда ещё интересовался книгами, даже кое-какие приоб-

ретал, и считал преждевременным придумывать, как выпугнется, если кто-нибудь из графоманов пожелает его нанять. Правда, до сих пор только один счастливец удосужился ответить. Пристально изучив то письмо, Игорь пришел к выводу, что после получения премии лауреат успел спятить.

Был период (это пока не кончились холсты и не вымазались масляные краски, припасенные бывшей женой), когда он изготавливал абстрактные картины, не без оснований полагая, что умеет это делать не хуже мошенников-абстракционистов и уж, во всяком случае, лучше смышлёной обезьяны-художницы, о которой читал в детстве. Снимал сии творения «мыльницей» и вывешивал в «Живом журнале», но так никто и не соблазнился купить, хоть посещения были. Поскольку интернетные газеты гонораров, как правило, не платят, а в те, которые всё-таки платят, Игорь пробиться не смог, он засыпал заметками все бумажные, «мыла» которых выписывал втихомолку из газетных подшивок в районной библиотеке, пока не закрылась. К тому времени, слава Богу, все уважающие себя газеты завели интернетные версии. Одну и ту же заметку он отправлял сразу по всем газетным электронным адресам, при этом, довольный собственной хитростью, повторял её каждый раз в особом письме, а не демаскировал себя, давая длинный перечень адресов в соответствующей ячейке страницы «Новое письмо». Такая замысловатая рассылка, которую про себя Игорь называл стрельбой по площадям, приносила ему небольшой навар.

Но по-настоящему удерживала Игоря на плаву комнатка, бывшая их с Ирккой спальня. Когда жена его Ирка плюнула на их бездетное супружество и уехала из Крольчанска, появилась возможность сдавать жилплощадь какому-нибудь неприхотливому квартиранту.

Сначала чужой человек в доме помогал забыть Ирку: та вкалывала в итальянском городе Модена няней у итальянского старичка за тыщу евро на всем итальянском готовом. Об этом она раз в месяц хвасталась Игорю на «мыло». Он не отвечал, однако, обзывая сам себя обидным, но стильным ругательством «мазохист», до сих пор прочитывал Иркины письма от начала до конца. В их прошедшем совместном проживании ценил больше неплохие человеческие отношения, а секс... Что ж секс? Когда человеку с монитора улыбаются сногшибательные красотки, даже такой пышный бюст, как у Ирки (а чем она, жлобиха, могла похвастать, кроме бюста?), бледнел в его воспоминаниях.

Как на грех, когда Игорь решился сдавать комнату, ситуация на крольчанском рынке съёмного жилья ухудшилась вот именно для квартирохозяев. Игорь тогда даже проблемную статью задумал, и подводку уже подобрал убойную: «При коммунистах опустели села, при новой власти – обезлюдят городки и местечки?». Однако, когда статья была почти уже готова, дознался автор, что мэр Мардарий Матвеевич вступил в пропрезидентскую партию, а конфликтовать с ним не приходится. Тем более, что именно мэр нашёл ему квартиранта. Тогда двоюродный брат Мардария Матвеевича, тоже крольчанец, основал фирму «О. О. О. Чистота», приватизировавшую соответствующую службу горкомунхоза, занятую очисткой выгребных ям. В интервью для сайта «Наш Крольчанск» новоявленный коммерсант пообещал в ближайшем будущем покончить с выгребными ямами и устроить в городе настоящую канализацию, протянув, в частности, подземный туннель к мощной канализационной сети сахарного завода. А для начала владелец фирмы, в менеджменте стойкий приверженец семейного принципа, на место уволенных сотрудников натыкал

родственников, в том числе и этого Климка, только что вернувшегося после армии в родное село Куски.

Щуплый Климко оказался парнем невредным. Опыт проживания в армейской казарме помог ему приспособиться к цивилизованному городскому быту, а к хозяину квартиры относился он уважительно, понимая кем-то вроде старшины роты, что Игорю даже льстило. Попахивало, правда, от квартиранта после работы застарелыми фекалиями, но и к этому несложно было привыкнуть. А главное, оказался Климко настоящим кладом информации! Любил он, чтобы поднабраться городского ума-разума, почтительно выслушивать последние новости от хозяина подворья, пока насос ассенизационной машины рокочет, а делать обоим нечего, однако и отойти от цистерны-насоса нельзя. Климку по служебной инструкции надлежит присутствовать при выкачке, а хозяину тоже надо присматривать, что и как. Да и расплачиваться мужику и давать на лапу раньше завершения работы нет смысла.

Вот и в то утро, полночи просидев за компом, Игорь выполз на кухню, когда оттуда уже перестали доноситься стуки-грюки. Стало быть, квартирант успел сварганить себе завтрак. Проанализировав на пороге кухни волну хлынувших навстречу ему запахов, Игорь установил, что неизменная у Климка утренняя молочная каша сегодня не подгорела.

Климко, не вставая с табурета, поздоровался с ним и, по-прежнему с набитым кашей ртом, возгласил:

– Игорь Кузьмич, вам воно будэ интересно! В городе мертвецы по улицам бродять!

Игорь как раз раскрывал тогда окно, чтобы начать проветривание, не дожидаясь ухода Климка на работу. Он приступает к приготовлению своего желудёвого кофе, сырьё для которого сам заготавливает и обрабатыва-

ет по рецепту, найденному в Википедии, через полчаса после такого обязательного проветривания. Обязательного, потому что желудёвый кофе, несомненно вкусный и доказанно полезный, весьма восприимчив к... Что?! Игорь отскочил от окна и подпрыгнул, оттолкнувшись двумя ногами сразу. А поскольку с годами успел он распухнуть вширь, кухонная посуда в шкафчике зазвенела.

– Климко! Сто тысяч дьяволов тебе в печень! Прожуй, ради Бога, сколько тебе повторять – и тогда помедленнее!

Послушавшись, Климко чуть не подавился, а затем изложил ту же чушь подробнее. Если ему поверить, то выходило, будто в Крольчанске среди бела дня бесчинствовала целая компания оживших мертвецов. Некий бомж Кашка, из милости похороненный кладбищенским сторожем, ожил и набросился на своего благодетеля с кулаками. В тот же день несколько мертвецов хотели насильничать бабушку Фросину из магазинчика «Лакомка на Зачатьевской», а когда та не далась, забрали бездельно столько водки, сколько смогли унести.

– Фросину? Хм... Да и сидит она вовсе не в «Лакомке», и не на Зачатьевской, прежде Сергея Лазо, а бывшем гастрономчике на углу, на Гробках, что теперь «У тёти Симы».

– Вот-вот, а я что говорил? «У тёти Фиры»!

Но на этом приключении сомнительного вкуса, случившемся с престарелой продавщицей, чудеса не закончились. Как оказалось, в тот же день заявился домой лет тридцать уже как умерший главный бухгалтер сахарного завода, задушил нового мужа своей вдовы, а её саму до того напугал, что лишилась старушка рассудка... К тому же замечены были ходячие мертвецы на территории упомянутого предприятия, а с ними быв-

ший заводской технорук там околачивался, как будто бы ещё живой...

– Давай, Климко, ты доедай свою кашу, только, если это возможно, с закрытым ртом, а я уж попробую разобраться в твоей галиматье.

Однако не стал Игорь вот так сразу же и разбираться, а первым делом кинулся в коридорчик, тотчас же вернулся на кухню, схватил табурет и уже с него вытащил из антресолей заветный фибровый чемодан с железными наугольниками. Ему удалось спуститься на пол без членовредительства, а когда отстегнул замок, прямо над ухом его, вперемежку с чавканьем, раздался голос Климка:

– О! Да тут у вас, Игорь Кузьмич, справжня лаборатория!

Игорь не соизволил ответить. Конечно же, это лаборатория. Лаборатория уфолога-практика, вот что это такое. Теперь, когда ему ослепительно повезло, казалось Игорю, что именно уфология всегда была его главным увлечением, его заветным хобби (почему это слово стало вдруг старомодным?) и что именно сенсационное открытие в области паранормальных явлений позволит пробиться и сшибить копейку. Неужели, неужели это время наконец-то настало?!

Судорожно перебирая свои сокровища, он услышал, что Климко допивает чай, и вот уже снова над ухом:

– Ну, я побежал уже, Игорь Кузьмич...

– Жаль. А то отправился бы со мной на полевое исследование. Когда ещё такое увидишь?

– Та не, бригадир заругает...

Ассистент Игорю очень бы не помешал. Для солидности хотя бы, для создания имиджа. И быть может, недалёкий Климко вскоре горько пожалеет, что побоялся какого-то ничтожного бригадира и не оказался в самом

центре прогремевшей на весь мир паранормальной сенсации. Однако дверь уже захлопнулась. Игорь выбросил квартиранта из головы и принялся отбирать необходимые приборы. Вольтметр, само собой, кассетный диктофон, бинокль на всякий случай, фонарь с ремнем-наголовником, градусник. Положил в наплечную сумку и медицинский же тонометр, хоть и ненадёжный. Вынул было из чемодана портативный газоанализатор, до сих пор, очень может быть, числящийся на балансе районного управления Гражданской обороны, но именно ввиду упомянутой возможности решил не рисковать. Уже захлопнул за собою дверь, когда пришлось доставать ключ и возвращаться за фотокамерой-«мыльницей». Заодно прихватил паспорт и ксерокопию своего регистрационного номера: а вдруг сегодня же придётся заключать договор с каким-нибудь медиа-холдингом?

Скатившись со своего третьего этажа по лестнице, Игорь притормозил только во дворе у подъезда. Сначала следовало разработать стратегию поиска таинственных мертвецов! Кладбищенского сторожа он хорошо знает, а посему доверять его пьяной болтовне не собирается. Нагрянуть домой к вдове главного бухгалтера сахарозавода? Едва ли она так быстро оправилась от потрясения. А поджидать у её квартиры в поселке мертвеца-хулигана бессмысленно: едва ли он возвратится туда, где так славно накуролесил. Искать бывшего технорука? Это имело бы смысл, да только несчастный правдоискатель Дымов глубоко антипатичен Игорю. Он до сих пор не может ему простить (то есть больше себе, само собой), что струсил и не раскрутил ту грязную и возмутительную историю, после которой технорук исчез из Крольчанска на двадцать лет. А вот если бы не струсил, глядишь, и не пришлось бы ему самому ждать те

же двадцать лет, чтобы случилась в Крольчанске новая сенсация! Сейчас уже как в сыр в масле катался бы, а зимовал бы на Канарах. Ладно, что вышло, то вышло... Остаётся бабка Фросина. Конечно же, надо начинать с неё и только с неё! Ещё и потому, что доступнее она других ньюсмейкеров: деваться бабе некуда, сидит ведь до самой темноты в магазинчике, как всем известно.

Летел Игорь по сонным улицам Крольчанска, будто на крыльях, и уже оказавшись перед магазинчиком «У тётки Симы», осознал вдруг, что не продумал план интервью с бабушкой Фросиной. Решил, что кривая вывезет – и решительно поднялся по потрескавшимся бетонным ступенькам.

Внутри выдавил из себя общее приветствие и подождал, пока бабка Фросина договорит по телефону и отпустит двух покупательниц. Бабы, обе средних лет, убралась наконец, а Игорь, на продавщицу внимания как бы не обращая, передвинул сумку на брюхо, откинул клапан и принялся облачаться: фонарик – на лоб, бинокль – на шею, где уже «мыльница» висит, диктофон в футляре – на плечо. Прямо тебе герой стимпанка!

– Братъ что-нибудь будем?

– Я к вам по другому делу, – он взял в руки вольтметр и поднял глаза на бабушку Фросину. Та неподвижно, словно Будда, восседала за кассой. – Я хотел бы провести исследование насчёт происшедшего здесь паранормального явления. Но для этого мне нужно знать наверное... Скажите мне, тут вчера в самом деле произошло... нечто аномальное?

Размалёванное лицо тетки Фросины оставалось неподвижным, а маленькие глазки, устрашающе подчернённые, будто у актрисы немого кино, буравили Игоря. Потом задёргались губы-ниточки:

– Я вас знаю. Вы были начальником в газетке, но газетка ваша – тью-тью. Фамилия у вас смешная – Беседка, вот имени-отчества не запомнила...

– Игорь Кузьмич... А вас как по батюшке кличут? Ефросинья...э-э-э?

– Я Фросина Борис... Отчество моё вам без надобности. Вы проживаете в хрущевке, жена от вас – «Ту-ту-у!». Фря такая, блондинка крашенная. Вы к нам в поликлинику наведывались, к урологу по секретным мужским делам, пока Ромуальд Яковлевич не уехал.

– А как же тайна, эта самая, медицинская? – растерялся Игорь.

– Я же сказала – по секретным делам! О вашем простатите я же ни слова! Теперь вы иногда пристаёте к людям с вопросами, а вас посылают. Вы – неудачник, об вас все, кому не лень, ноги вытирают, и мэр наш первый. Теперь вы приходите ко мне, маскируетесь под офтальмолога и бормочете про какие-то исследования. Что я должна думать, женщина одинокая и лишённая мужской поддержки?

– Ну, знаете ли, – промямлил Игорь, – насчет неудачника это вы загнули. Ну, неудачник, ладно... Времена такие пошли, что почти каждого можно обозвать неудачником... Сто тысяч чертей мне в печень, если наш Крольчанск теперь не стоило бы назвать Неудаченском... И я не под офтальмолога... Я уфолог и исследую паранормальные явления, ну, те, которых не признает официальная наука. Гад я буду, если вру. Вот таким образом.

– А я имею среднее медицинское образование, работала регистратором в поликлинике, пока не сократили. Если наука чего не признает, значит, оно и не существует. И как вы мне докажете, что вас не мои невидимые враги подослали?

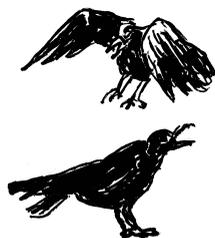
Услышав о невидимых врагах медички-материалистки Фросины Борисовны, уфолог приободрился. Однако ньюсмейкерша согласилась дать интервью только с условием. Ему пришлось показать, что осталось в сумке. Увидев тонометр, Фросина потребовала измерить ей давление, выбралась из-за кассы и закатала рукав на левой руке. Кожа у неё оказалась холодной и скользкой, как у лягушки. Или как у... Однако Игорь не успел толком испугаться, потому что тонометр на сей раз сработал и показал 145 на 90. А откуда взяться кровяному давлению у покойницы?

– В последний раз мне измеряли давление позапрошлой весной, в Пролетарском парке перед перевыборами мэра. Медсестра мерила, Ленка Зализняк. Эта сучка белобрысая держала сторону моих врагов, когда я ещё работала в регистратуре, но ей пришлось тогда обслужить меня, как ни кривила свой поганый рот. Потому что Мардарий Матвеевич выгнал в то воскресенье весь медперсонал в парк, а там заставил бесплатно измерять температуру и давление всем желающим. И под музыку. Под одну и ту же песню, и громко так... «Выбери меня, выбери меня, птица счастья завтрашнего дня!». Так сколько там у меня?

Он сказал.

– Повышенное... А у меня всегда давление, будто у школьницы. Это от присутствия мужчины оно повисилось.

Игорь икнул и подавил в себе желание отскочить к двери.

Глава 31

Тем же поздним утром. Курилка у кемпинга «Сахарок»

– Стоп! Снято! Перерыв...

Толпа киношников начала рассасываться. Вынырнул из неё бородатый режиссёр, снял щегольскую белую каскетку, промокнул лысину платком и огляделся. Когда глаза его остановились на Петре Трофимовиче, у того очки от волнения запотели. Чуть ли не на полусогнутых приблизился он к начальнику.

– Вы, Ким Петрович, сделали мне, помнится, странное несколько, но интересное предложение. Итак...

– Вам, Тарас Андреевич, нужны мертвецы, и чтобы достаточное количество лет пролежали в земле. А у меня есть знакомые такие, их можно пригласить. Только заплатить им... На общих основаниях. Хоть бы ту ставку, что вы, слышал я, пообещали местной кодле.

– Спасибо, что напомнили! А ведь эти молодые люди не пришли сегодня утром, как мы договорились. Верно, этот ваш капитан с чулком, набитым мокрым песком, их напугал. Скажите, а он, этот ваш капитан, не фетишист случаем? Не втрескался ли он в раннем детстве в няньку, натягивавшую при нём шерстяные чулки?

– Если и фетишист, то это ведь лечится, – и Пётр Трофимович поневоле призадумался. Маленького, но уже злого мента Толеньку он сумел себе представить, а вот влюбленного – ну никак. – Нет, Ханенко не фетишист. А что шизофреник, вполне возможно. Тогда шиз у него порядок наводить... Так как вы насчет моих знакомцев?

– Вы произнесли это так, будто уже выкопали их из земли, – с уважением, весьма лестным для Петра Трофимовича, заметил режиссёр. – То-то я припоминаю, мне со всех сторон о вас нелепости говорят. И именно в связи с ожившими мертвецами. Ну, знаете ли, как в фильмах Ромеро... Я думал, глупости. Оказывается, нет дыма без огня.

– Только их, бывших сотрудников моих, прежде сгитировать нужно... Не желаете ли подскочить со мною на кладбище? Тут недалеко, Тарас Андреевич. И вы ведь на колесах.

– Нет, уж лучше вы к нам, – тут бородач ухмыльнулся, неизвестно чему. Хмыкнул и спросил заинтересованно. – А как вы их доставите? Ведь надо транспорт организовать. Гробы ещё, наверное...

– С этим никаких проблем, Тарас Андреевич. Если согласятся, придут своим ходом. Можете не беспокоиться.

А режиссёр не особо этим вопросом, доставки мертвецов на съёмки, и беспокоился. Только всматривался он пристально в Петра Трофимовича, пожевывал полными своими губами и крупной головой покачивал. Потом проговорил:

– Договорились. Любопытно мне на здешних гримёров-искусников посмотреть... Тоже мне самодеятельность... И не Хэллоуин ведь... Давайте так. Вы их, друзей ваших, приводите по-тихому, без огласки, задворками в один из цехов завода. А потом уже, оставив их там, сами ищите меня. Мы тут будем возиться до самого обеда, благо прогноз погоды благоприятный. Я прихватчу с собою нашего оператора и Наталью Денисовну. Устроим коллективный кастинг. Таким вот образом.

– Тогда я побежал, Тарас Андреевич? Я не прощаюсь, хорошо?

Режиссёр кивнул благосклонно, и Пётр Трофимович, он не побежал, конечно, но пустился в путь весьма поспешно. Оглянулся только у ворот: режиссер распоряжался уже возле камеры. Чудак-человек: к чему это он о пацанчике Ромео вспомнил? Покосился на сторожку: труповозка уже приезжала, увезла Вонифатьича, но всё едино был он доволен, что не придётся так вот, сразу же, туда возвращаться.

Дорогой Пётр Трофимович погрузился в неспешные размышления о Наталье Денисовне. Ведь повезло же мужу её, да и сыновьям-оболтусам тоже: мало того, что такой приятной внешности, так ещё заботится о том, накормлены ли её мужчины, даже и на расстоянии, сама в командировке пребывая. А если разбирается в яичницах и, во всяком случае, знает несколько рецептов, то и другие блюда, небось, готовит так, что пальчики оближешь. И принялся он припоминать всякие вкусности да представлять их одна за другой на чистой тарелочке, а тарелочку – в пухленьких и душистых ручках Натальи Денисовны. Особая прелесть этих кулинарных видений заключалась в том немаловажном обстоятельстве, что являлись они, в отличие от прошлых, на полный желудок, хоть и ныло в животе после подлого удара хама-лейтенанта. Тут вдруг осознал Пётр Трофимович, что его восхищение приятной женщиной съехало на гастрономические рельсы, и стало ему по-настоящему тошно. Однако вместо того, чтобы обвинить в позорной деградации своей мужской сущности скорбные обстоятельства жизни, которые только и были здесь причиной, он нашёл иных виновников. И как ни спешил Пётр Трофимович увидеть мёртвых сотрудников, непроизвольно огорчился, когда вдруг оказался уже на заветном участке кладбища и услышал за деревьями сварливый голос Карякина:

– И что ты такого оттяжного находишь, Харько, в спанье на своих собственных досках? Я вот просто не знаю, когда в гробу укладываюсь, проснусь ли снова. И разве на тебя, когда просыпаешься, памятник не давит?

Вышел Пётр Трофимович из-за осины, и вот они, друзья его. Расселись на лавочках вокруг всё того же в землю вкопанного столика. На столешнице в беспорядке валяются грязные карты, и никто не позаботился собрать их в колоду. При виде Петра Трофимовича три страхолюдные рожи изобразили живейшую и искреннюю радость, и он невольно задумался о том, в какой степени приятели рады ему, а в какой степени – новостям, которыми их теперь развлечёт.

– Что ж ты молчишь? – не выдержал Карякин. – Мы тут от любопытства просто помираем!

Хмыкнул тут Пётр Трофимович, бородатому режиссёру подражая, и выложил все новости. Не разочаровал, наверное. Во всяком случае, Левчук выпятил глаз-пуговицу и попытался присвистнуть:

– Ну и ну! Однако же ты и даёшь, двойной ты наш агент!

– Бери выше – Мата Хари! – подхватил главбух.

– Скажете тоже такое, – вступился за товарища Карякин. – Это у Трофимыча ещё не харя! Хари у нас с вами, вот у кого!

Тут главбух буркнул что-то насчет излишней самокритики и покрутил костлявым пальцем у виска, а Карякин вытаращился на него возмущенно. И так вылутился, что Пётр Трофимович побоялся, не выкатятся ли у него глаза на щёки.

– Не обзывайтесь, парни! – замахал Левчук плоскими руками, и вышло у него, как если бы это оципанная курица крыльями проделала. – Я только хотел сказать, что

у Петра вышло всё наоборот: олигарх уже не олигарх, а человек творческого труда, прислужники его и прислужницы – теперь не враги наши, а приятные господа и дамочки. Прямо голова кругом идёт! И в довершение всего ты предлагаешь нам пойти к ним на сдельную подработку?

– Статистами, я правильно понял? – осведомился главбух и, когда Пётр Трофимович кивнул неуверенно, продолжил, в некоторой задумчивости пребывая. – Ты говорил, Пётр Трофимович, что владелец нашего завода молодой, лет тридцати и что зовут его вроде как Ефимом. Это не тот олигарх, не наш обидчик, господа-товарищи. Тому супербогачу было уже в наши времена за сорок, и его звали Наумом Ароновичем. Я хорошо запомнил.

– А какая разница? – окрысился Карякин. – Какая разница, та ли собака? Собаке – собачья смерть! Поджарим его – 220-ти вольт вполне хватит, а такое напряжение сохранилось, проверяли ведь!

– Разница имеется, Семён Макарович. Существенная разница. Одно было дело, когда наше существование на земле вдруг возобновилось, и мы с вами рассматривали это явление как необъяснимый природный феномен. Мы предполагали тогда, что оказались вне всякой юрисдикции, зато сами можем вершить свой справедливый суд над мерзавцами, как нам вздумается. Теперь же... Позвольте напомнить вам обоим, коллеги, а также вам, Пётр Трофимович, что нас курирует некая Высшая сила, и если будем поступать не по её правилам, а нахально и своевольно, не исключено, что допрыгаемся и в нынешнем состоянии до... До загробного наказания, вот до чего.

– Да посмотрите хотя бы на меня, Порфирий Исаакович, – грустно вымолвил Левчук. – Если и прогрешился

я на земле... Ладно, возможно, что допускал я в своей жизни отдельные неправильные поступки. Но разве не наказан я уже в первой жизни своей и разве не слишком жестоко наказан? Куда ж она, эта ваша Высшая сила, смотрела?

– А почему тогда меня от фундамента бывшей церкви отбрасывало? – поставил вопрос ребром Карякин. – По мне, так для того мы и ожили, чтобы покарать этих гадов. Такое у нас теперь жизненное назначение. Посмертное, я хотел сказать.

– «Рука Всевышнего отечество спасла», – пробормотал главбух. И громко. – Я же не против того, чтобы воздать злодеям по заслугам. Я за то, чтобы при этом не совершить роковой ошибки. Даже Сталин постановил, что сын за отца не отвечает. А этот молодой хлюст Фима разве отвечает за ту сволочь, за Наума Ароновича, за владевшего нашим заводом двадцать лет тому назад?

Пётр Трофимович откашлялся. Поднял руку, как на общем собрании в дурке, и заговорил неуверенно:

– Тут такое делалось... Из тех, первых хапунов, из негодяев-первопроходцев дикого нашего капитализма многие сгнули. Быть может, и Наум Аронович уже с простреленной головой гниёт в сырой земле или лежит на резиновой простынке, как овощ, пускает пузыри и писает в трубочку. И вообще, начинать бы надо с гендиректора, с неуважаемого нами теперь Глеба Александровича. Он и ближе к нам, так сказать, и...

– С Глебом Александровичем мы разобрались прошедшей ночью. Пусть он вас больше не колышет, Пётр Трофимович, – прервал его главбух, внимательно наблюдая за вороном, пролетевшим, неторопливо орудуя чёрными блестящими крыльями, над верхушками берёзок.

Бывший технорук помолчал. Правая рука его потянулась к затылку, однако он пересилил себя, поймал нить оборванного рассуждения и продолжил:

– Кажется мне, Порфирий Исаакович прав в том отношении, что надо всё тщательно проверить, а потом уже наказывать. Ведь чуть было не угробили мы этого режиссера, Тараса Андреевича – вот бы сморозили дурость так дурость... И хотел я напомнить, что он предложил вам попробоваться на артистов в его фильме.

– Я только «за», – заявил Порфирий Исаакович. – Не скрою, что киноискусство всегда меня привлекало. Когда просматривали мы с моей мегерой художественные фильмы, я ей, помнится, говаривал, что сумел бы сыграть не хуже того или иного артиста. И она, хоть и женщина вздорная, в большинстве случаев кивала головой. Я ведь, когда в финансово-экономическом учился, принимал участие в самодеятельности, а когда был уже на пятом курсе, пригласили меня в народный театр. Сыграть в пьесе «Не в свои сани не садись». И я репетировал, пока не пришлось уехать сюда по распределению...

– Я бы снялся, хоть дело для меня и новое, – вздохнул Левчук. – Но не в таком же отвратном виде... Я даже на карточку предпочел бы не сниматься сейчас. Или, на крайний случай, пусть щёлкают, но так, чтобы самому мне карточки не показывали. А кино потом многие знакомые увидят, я уже не говорю о моей Оксане.

– А вы что думаете об этом, Семён Макарович? – спросил бывший главный бухгалтер. Пётр Трофимович заметил, что ему не терпится снова высказаться.

Между тем бывший мастер цеха дефекации проворчал, что за других не станет расписываться, но его собственная физиономия и при жизни едва ли годилась для увековечивания киноискусством. Однако вроде бы никто не предлагает им другой работы, а заработок не

помешает. Ему самому, например, давно уже необходимо зубы почистить, а зубной щётки и даже копеечного зубного порошка никто даром не даст. И очень хочется бросить Фросине в её размалёванную рожу доллар за палёную водку, которой она их чуть не отравила.

Тогда, убедившись предварительно, что Карякин сказал всё, что намеревался, Порфирий Исаакович прочистил горло, выбрался из-за стола и выпрямился во весь свой немалый рост.

– Я же уверен, что нам надо принять предложение. Или мы не патриоты Украины? Украинские кинокартины никто никогда не смотрел. Только увидишь, бывало, на афише у киношки «Киностудия имени Довженко», так и говоришь: «Пасс, моя драгоценная, сегодня мы скучаем перед ящиком». При советской власти на Украине снимали плохие фильмы, а после независимости так и вообще кинопроизводство на нуле. И ведь не знаешь, что хуже. Но если сейчас в кои-то веки снимается украинское кино, наша патриотическая задача – помочь, чем сможем, украинским кинематографистам, чтобы они поскорее вышли на мировой уровень.

– Это чем же мы поможем? – оскалился Карякин. Не исключено, что это он улыбнуться хотел.

– Вот тем и поможем, что снимемся в фильме. И тем дадим по шапке Голливуду, этой халтурной фабрике снов! Просматривал я на видаке у цыгана Васьки штатовский фильм про живых мертвецов, так его даже художественной кинокартиной не назовёшь! Чёрный, мутный, но всё равно легко было разглядеть, что мертвецов играют живые люди, только размалёванные. И слабенькие были эти американские мертвецы, ползали еле-еле! Ручки такой хляк вытянет вперёд, головку гнилую отставит – и топ-топ. Мы же в сравнении с ними

просто молодцы, настоящие живчики! И главное наше достоинство в том именно, что мы настоящие...

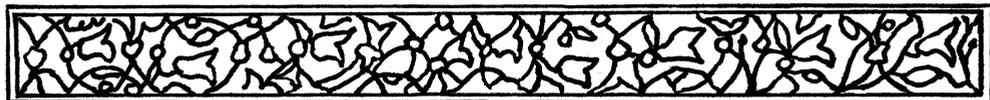
– Это уж точно, мы без булды, – встрял Карякин.

– А если мы настоящие, и нас снимут в фильме, тогда кинокартина выйдет правдивая, и люди ей поверят! Знай наших! Глядишь, ещё и в Канны нас повезут! Может быть, и на весь мир прославимся.

– Что ж, если так... Все пойдут, и я пойду, – промямлил Левчук.

А Карякин кивнул и, глухо постукивая суставами, поднялся со скамейки.

Глава 32

Тогда же.

Магазинчик «У тёти Симы»

– А не мог ли двойник вашего одноклассника, уважаемая Ефросинья, быть инопланетянином, замаскировавшимся под зомби?

В ответ на такое Фросина только хмыкнула и ещё повертела пальцем у виска, точнее у прикрывающей висок завлекалки, выложенной из лиловых крашенных волос.

Молчание повисло в магазинчике, однако едва ли там успел пролететь тихий ангел. Продавщица подбоченилась и выдала агрессивно:

– Вот я, слабая и одинокая женщина, сдалась перед вашим мощным мужским напором. Я – при том совершенно бесплатно – рассказала обо всём, что тут стряслось, и даже не укрыла личных подробностей. И какое же теперь, спрашивается, будет мне за это вознаграждение?

Тон её заявления был хамски скандальным, голос пронзительным, однако Игоря не покидало впечатление, что ужасная эта гримза с ним, тем не менее, кокетничает. Вытаскивать всякие «подробности» из бабки Фросины – дело непростое, он даже взмок от усилий. Кроме того, оказалась баба чересчур глазастой. Посреди своего рассказа засекала, что плёнка в кассете перестала прокручиваться. Пришлось переворачивать кассету. Не объяснять же ей, что эти манипуляции не имеют никакого значения, потому что на запись диктофон давно уже не работает! Зато сложилось у Игоря совершенно

чёткое впечатление, что баба хотя и привирает, но в основном содержании своего свидетельства не фантазирует: такой экземпляр просто не способен придумать многие детали. Стало быть, что-то здесь произошло, какой-то влюбленный слюнтяй Сеня, по идее давно умерший, сюда таки заявлялся. Нельзя, никак нельзя упустить и на сей раз свой счастливый шанс! Игоря снова прошиб пот, он просипел:

– Ваше имя, уважаемая Фросина, теперь навсегда останется в мировой науке. А когда приедут к вам столичные журналисты брать интервью, вы с того сразу и начинайте, что на дурняк ничего не расскажете. Платите, мол, сначала пятьсот баксов. Каждому писаке скажите.

– О!

– А не дадут пятьсот, тогда торгуйтесь. Чего-чего, а торговаться вы ж умеете.

– Почему же тогда вы, Игорёк, не заплатили мне сначала пятьсот доллárov? Как у вас совести хватило обмануть одинокую, лишённую мужской поддержки женщину?

Игорю очень сильно захотелось схватиться за голову, но в руках у него был усовершенствованный вольтметр, посему он удержал в себе этот порыв. Выговорил, изо всех сил сдерживаясь, и от того запинаясь больше обычного:

– Во-первых, у меня нет полтысячи баксов, я так же беден, как и вы, и тоже рассчитываю подзаработать на этой вашей истории. Во-вторых, я должен был сперва убедиться, что ваш рассказ... Ну, скажем так, что ваш рассказ по-настоящему правдив. А за всякие сказки вам никто не заплатит, дураков нет. В-третьих, я же го-

ворил уже, что надо сперва условие поставить: вы, мол, без предварительной оплаты ничего не скажете, и торговаться. А вы этого не сделали.

– А почему же вы меня не предупредили? Противный!

Тут бабка Фросина легонько шлёпнула Игоря по руке, и от прикосновения её прохладной и склизкой ладони он снова чуть было не выронил драгоценный вольтметр. Перемогся и, желая перейти скорее к делу, заметил примирительно:

– И я же не говорю, что вовсе отрицаю возможность, если у меня лично дело выгорит, уделить вам некую сумму, в разумных пределах, конечно же, от своего гонорара.

– И на том спасибо, Игорёк. Но вы меня уже сориентировали в цене, и на меньше, чем пятьсот доллárов, я теперь не соглашусь. Эй, а что вы это там затеваете? Что это у вас там за прибор?

Вздыхнул Игорь и пояснил, что это, мол, вольтметр. Исследователь-уфолог с его помощью может регистрировать присутствие аномальных объектов, которые имеют, кроме непознаваемой духовной, и свою, правда, весьма тонкую физическую природу. Вот именно из-за своей тонкости она не каждым прибором регистрируется, а только особо чувствительным. И добавил:

– Вот, к примеру, мой усовершенствованный вольтметр может зафиксировать незримые следы, оставленные вашим аномальным посетителем. Покажите мне, пожалуйста, где мертвец Сеня у вас тут стоял.

– А на том самом месте, Игорёк, где вы сейчас, бедный Сенечка и стоял. И локтём точно так же и в том же месте на витрину опирался, как и вы сейчас навалились.

Неведомым, а если точнее сказать, то инстинктивным ужасом охваченный, Игорь отпрыгнул на середину

магазинчика. Приборчик свой, однако, в руках удержал, и как только опомнился, правой рукой разместил по очереди два зажима-«крокодила» с проводками на том месте металлического покрытия стеклянной витрины, которое только что использовал как подпорку: продавщица так и не предложила ему сесть, хотя бы на ящик какой-нибудь. Врубил тумблер – но стрелка на приборе не сдвинулась. Увы, чуда не случилось... Однако через несколько секунд стрелка дрогнула и поползла вправо.

– И вот вам результат, – выдохнул он.

– А что это вы, Игорёк, под доньшком этого ящичка своей левой ручкой проделывали? – вкрадчиво осведомилась бабка Фросина. – И рожу скорчили такую, будто мне разорванную десятку свёрнутой подсовываете? И как же это вам не ай-я-яй обманывать одинокую, беззащитную женщину?

Игорь побагровел. И не от стыда кровь бросилась ему в голову, а от возмущения. Можно подумать, что эта дура хоть что-нибудь понимает в уфологии! Игорь вообще невысокого мнения об интеллектуальных возможностях женщин, но таких вот полужнаек, необразованных медичек-материалисток, их он на дух не переносит. Не сразу смог и заговорить.

– Странны и удивительны мне ваши подначки, уважаемая Ефросинья! Зачем мне, уфологу, обманывать вас, убеждая в существовании аномального явления, если вам, в отличие от меня, посчастливилось это самое аномальное явление своими глазами наблюдать, обмениваться с ним кодированной звуковой информацией и даже сбавить ему в кредит две бутылки некачественного, как я понимаю, крепкого спиртного напитка?

– Откуда мне знать, какие вы, Игорёк, замышляете гадости в отношении одинокой и беззащитной женщины? – не растерялась она. – И почему я должна верить

вам, что это у вас вольтметр, а не какой-нибудь шокер? Может быть, вы меня электричеством хотите обездвижить, чтобы не сопротивлялась вашему гнусному насилию, да ещё и извращенному какому-нибудь! Уж не педофил ли вы, Игорёк?

У Игоря лицо и лысина приобрели теперь даже уже и не багровый, а свекольный, с синевой, цвет. Прижал он руку к сердцу, и приборчик повис у него на проводе, мотаясь над полом, пока его хозяин пятился потихоньку к двери.

Фросина поглядела на него с сожалением, сжала кроваво-красные губы в куриную гузку. Привстала со своего сиденья и посмотрела Игорю под ноги. Скрестила руки на груди, промолвила скучно:

– Да ладно вам, не убегайте. Ну, что ж вы за слабаки такие, нынешние мужчины? И пофлиртовать с вами нельзя, сразу за сердце хватаетесь. Имеется ли у вас с собой хотя бы патрончик с нитроглицерином?

Игорь помотал головой и замер почти у самой входной двери.

– Нету, значит. И у меня нет. Знала бы, из дому прихватила бы. Да не придуривайтесь вы, Игорь Баткович! Если лужу из себя не испустили, значит, инфаркта у вас нет. А в груди поколет-поколет, и отпустит.

– Вы меня оскорбили этими инсинуациями, – просипел он. – И лужей. Какая ещё лужа?

– Не смейте бросаться в меня этими вашими учёными словами! – начала бабка Фросина снова на повышенных тонах, однако, к собеседнику присмотревшись, задор оставила, а продолжила снова скучно. – Вот вы, если к примеру, в медицине тоже не разбираетесь. И уж коли у нас о науке речь зашла, то зачем вы руку совали под приборчик-то? Разве не затем, чтобы мне лапши на уши навесить? Я же не дура, понимаю, что если витрина не

бьётся током, то никакого напряжения там нет. Если же вы из вольтметра сделали пробник, то стрелка должна была сразу же прыгнуть, как только вы подсоединили к железке свои щупы.

Игорь крикнул. Оправдалось давнее его подозрение о том, что люди полуобразованные и вовсе невежественные неплохо запоминают то немногое, что им удалось вдолбить в головы ещё в школе. Теперь он решил подойти с другого конца:

– Я ведь отрицал, уважаемая Фросина, только то, что хотел обмануть именно вас. Я же сказал, что вас нет смысла обманывать. У меня там, в коробке под вольтметром, реостат из советского ещё конструктора «Юный электрик». А вот представьте себе, что рядом со мной стоит и ножкой дрыгает столичный телерепортер, человек бессовестный и циничный, клейма негде поставить. Сволочь патентованная, сто тысяч дьяволов ему в печень! Смотрит он на вас и не верит вам – в отличие от меня, кстати. Вот тут-то и начинаю я исследовать то место, где стоял непознаваемый объект и... Ну, скажите сами, что будет в такой ситуации для нас с вами полезнее – если стрелочка дрогнет и прибор зашкалит, или если эксперимент окажется неудачным?

Она кивнула неуверенно. Игорь воодушевился и, хотя в левой стороне груди ещё тягостно давило, продолжил с присущим огоньком:

– Вообще же уфология – это особая наука. Наука, замешанная на вдохновении, можно ведь и так сказать... Вот вы, уважаемая Фросина, обязательно смотрели хотя бы одну серию знаменитых «Секретных материалов», ведь смотрели же? Ну, вот, я так и думал... И что, много там было правды? Разве там настоящие приборы пока-

зывали? И что, разве у тех уфологов, которых иногда показывают по ящику, так-таки и лица правдивых людей?

Тут Игорь вдруг замолчал, глухо кашлянул – и вытирающимся на Фросину, как будто раньше не успел бабу разглядеть. Спросил свистящим шепотом:

– Скажите мне, уважаемая Фросина, признайтесь, руку на сердце положа, вы-то и в самом деле видели живого мертвеца?

Она выпрямилась и откинула голову назад... Однако не успела сказать ни слова – потому что дверь распахнулась, звякнув колокольчиком, и влетела в магазинчик баба Варка. Глазки под кустистыми её бровями сияли, она переводила радостный взгляд с Фросины на Игоря и улыбалась с таким видом, словно ожидала, что они вот прямо сейчас возьмутся за руки и исполнят перед нею на грязноватом плиточном полу какое-нибудь сальто-мортале.

Тётка Фросина тотчас же выпорхнула из-за кассы. Подскочила к Игорю и устроила руку колечком, показывая, чтобы взял её под руку.

– Ты, Варвара Фоминична, посиди тут пару-тройку часиков, а за мной не заржавеет.

– Ладно иди уже, выдумщица, мы же договорились... А я всегда надежду имела, Фрося, что тебе когда-нибудь да повезёт.

Увлекаемый тёткой Фросиной, вылетел Игорь на крыльцо, но прежде, чем дверь, снова звякнув, захлопнулась, услышал он, как баба Варка бурчит: «И куда она только несётся, как бешеная?». Подумал, что и самому не хило бы об этом спросить, однако... Уж лучше промолчать, да и такая язвчатая сама скажет обязательно.

Торжественно спустившись с крыльца, тётка Фросина повернула за угол. «Конвоирует в город, – смекнул

Игорь и похолодел. – Неужели в ЗАГС намылилась?». Фросина крепко прижимала его руку к своему костистому боку, и он боялся наступить ей на ногу – что тогда начнётся?! На улице Мельника, бывшей Красных Металлистов, в это утреннее время – ни людей, ни машин, но обязательно какая-нибудь сплетница типа бабки Варки подсматривает сейчас из-за гардины, гадко хихикает и руки потирает.

– А когда же это вы предупредили сменщицу? Я и не заметил...

– А вы, Игорёк, тогда только на крыльцо поднимались. У вас был такой важный и серьёзный вид, будто пришли мне делать предложение.

Он замычал и вдруг затормозил. Хотелось ему хлопнуть себя по лбу, да обе руки оказались заняты.

– Послушайте, уважаемая Фросина, – заговорил, запинаясь. – Но если вы увидели меня на мониторе системы оповещения, значит, видеокамера зафиксировала и визит вашего Сени. Это же... это... это грандиозно! Сто тысяч дьяволов мне в печень! Мы должны сейчас же вернуться и просмотреть плёнку!

Она захихикала и решительно потянула его снова вперёд.

– Нет никакой системы оповещения. И ни одной камеры в гастрономчике нет: Симонида Максимовна считает камеры напрасной тратой денег. Говорит, что с неё столько содрали бы за одну сигнализацию, такую сумму, на которую у нас и за пять лет не наворуют. А от настоящего бандита никакая камера не защитит.

– Откуда же тогда вы узнали, что я на подходе? – убитым голосом поинтересовался он.

– А мне тетка Мокрина, что за Прокопом-электриком, она ещё перед вами брала кильки в томате, это она мне

сказала, что мужик по улице бредёт, бормочет и на магазинчик умильно посматривает. Ну, я и приняла меры.

Тут вышли они на перекресток, и Фросина решительно потянула Игоря вправо. Он вздохнул посвободнее: Партизанская, это от ЗАГСа в противоположную сторону, стало быть, не в ЗАГС его доставляют – и слава Богу. А вообще-то, напрасно он так испугался. Что помешает, на крайний случай, соврать, что паспорта нет при себе?

– А куда мы всё-таки направляемся, уважаемая Фросина? – осмелился он спросить.

Она помолчала. И здесь было почти безлюдно, только навстречу плёлся по запущенному тротуару незнакомый старичок, к другим прохожим, судя по всему, абсолютно безразличный. Однако, поравнявшись с парочкой, отшатнулся. Игорь понадеялся, что не его испугался.

– Уж если не подарила вам, Игорёк, судьба седых висков, – заговорила непонятное спутница, – потому как ещё раньше облысели вы, как колено, то лучше бы вам вопросов не задавать и молчать себе в тряпочку.

Он промолчал оскорблённо. После недолгого размышления попытался вырвать свою руку из её зажима, да не тут-то было...

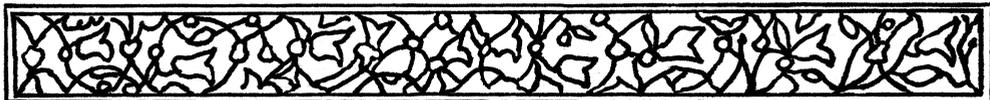
– Да не дёргайтесь вы... Присмотрелась я к вам, Игорёк, и поняла, что вы по жизни больше наблюдатель бездеятельный, на наблюдении своём даже заработать надеетесь... Мне же нужен сейчас такой мужчина, чтобы меня от Сеньки-мертвеца смог бы освободить. Мы к батюшке поэтому идём, к отцу Сергею. Он мне дал молитву от врагов невидимых, и эти мои враги с тех пор не докучали. Стало быть, и Сеньку поможет отвадить. Я уж не говорю о том, что кошка моя Нюська не болтает лишнего, но тут, возможно, и просто совпадение.

– А мне-то какой интерес с вами к попу тащиться, уважаемая Фросина?

– А яду-то сколько! Яду-то не пожалели, Игорёк: кошку отравить хватило бы! А в чём ваш интерес? Удивляете вы меня, право... А пройтись под ручку с интересной женщиной неужто вам не лестно? Прочий же интерес ваш в том, что отец Сергей будет своё дело делать, а вам, Игорёк, авось позволит себя во время действий своих на карточки снимать и, чего говорить будет, позволит вам записывать. А вам разве мало?

Игорь только кивнул в ответ. До церкви ещё пилить и пилить, а он под ручку с размалёванной мымрой. Стыд-позор на весь мир!

Глава 33

То же позднее утро.

У главных ворот бывшего сахарного завода

Финальный эпизод было решено снимать возле главных ворот завода. Хотя по сценарию дело происходит на рассвете, небо как раз затянуло тучками, и мрачный оператор пообещал поправить освещение при съёмке. На сей раз режиссер настаивал на строгом следовании плану, потому что надеялся выиграть время: не надо будет снова наносить сложный грим изменщице Стасе.

Степан Клавдиевич то ли сидел, то ли стоял у ворот, тощим задом опираясь на заветную трость, раскладывающуюся пусть и в неудобное, но всё-таки сидение. Шея у него был обвязана дурацким красным галстуком, но его хоть не видно было, если не опускать специально взгляд, поэтому не так раздражал – в отличие от жирного грима на лице и запаха кетчупа. Степан Клавдиевич мечтал поскорее сбросить мокрые и грязные тряпки, снять с лица грим и стать под душ. А потом натянуть, наконец, джинсы: он снимался в шортах, и в этом тоже находил причину для прикровенного нытья, ведь нынешних своих ног, стариковских, стеснялся, считая их тонковатыми.

Между идиотским кемпингом и воротами, на полпути, стояла на штативе камера и за нею, спинами к Степану Клавдиевичу, вся киношная братия, и он, очень чётко различая дальнюю картинку старческими глазами, вместе со всеми наблюдал, как эта смешная Стася, тоже обмазанная кетчупом, выскакивает из-за угла

кемпинга и пересекает заросшую травой площадку. В пятый раз (или в четвёртый всё-таки?) выскакивает и пробегает, и опять-таки обескураживающе бездарно. За версту видно, как она скована, как пытается контролировать каждое своё движение, чуть ли не голову в плечи втягивает, боясь ошибиться. Он ощущал душевный дискомфорт, столь безнадежно оценивая игру Стаси, потому что был благодарен девушке за внимание к себе, немножко привязался к ней, и даже её бесконечные расспросы о «тайнах актёрского ремесла» его, человека немногословного, почти не нагружали.

Степан Клавдиевич и сейчас размышлял об этом самом актёрском ремесле, к которому так жаждет примазаться Стася, слишком уже, пожалуй, зрелая для дебюта, думал неспешно, для себя, и не очень-то заботясь о выразительности словесного оформления этих своих мыслей. Что ж, тяжёлое у него ремесло, обременительное. В театре оно заставляет тебя трудиться в те часы, когда добрые люди отдыхают. Театру, этому Молоху, наплевать, здоров ли ты, в каком настроении, какого ты вообще образа мыслей, он принуждает во что бы то не стало оттарабанить свою роль в спектакле, да ещё под диктатом режиссёра, хоть тот, как правило, не умнее тебя, зато играть вовсе не умеет. Театр выжимает тебя до нитки, растрчивает на свои нужды твою жизнь, а платит жалкие копейки, вот поэтому и ушёл Степан Клавдиевич на пенсию, ещё более жалкую, зато оставил себе подработки в кино и в сериалах. Увы, случались они не так часто, как ему хотелось.

В сериале сниматься полегче, а вот в кино... На этот раз пришлось уехать из уютного Киева, обитать в какой-то конуре, рисковать свалиться с инфарктом вдалеке от своего прикормленного кардиолога, есть в так называемом ресторане... И эта роль старого сатира,

она была несколько неприятна Степану Клавдиевичу, потому что ему мерещилось, что вынужден играть самого себя. Нет, конечно же, он получил роль Григория Тихоновича вовсе не потому, что кто-то решил этак вот над ним подшутить

Отменно тонко и умно,
Что нынче несколько смешно.

Внешность, вот она, причина. Лет тридцать тому назад Степана Клавдиевича за его спиной околотеатральные болтуны относили к категории «штанов», усматривая в нём актёра, будто бы только демонстрирующего самого себя, свой подчеркнута мужской имидж. Тогда он обижался, а теперь не стал бы. Что такое актриса, как не картонная плоская кукла в бюсте и трусиках, на которую можно нацепить любое платье, любую шляпку и любую обувь? Чем актёр отличается от того здоровяка на щитах вокруг строевого плаца, которого горе-художник одел в формы для всевозможных чинов, от рядового до маршала, оставив одну на всех тупую физиономию без возраста? Есть высокоумная система Станиславского, и есть гениальный рассказ Чехова «Ионыч», в котором толстощёкий лакей, получив распоряжение от хозяина («А ну-ка, Пава, изобрази!»), становится в позу, поднимает руку и – трагическим голосом: «Умри, несчастная!». В кино, во всяком случае, от актёра ничего более и не требуется, кроме как по команде «изобразить»...

– Однако ж и размалевала вас она, эта толстуха! – прозвенел звонкий голосок.

Он повернулся, невольно вздрогнув, и увидел ту симпатичную малышку, как же её? Марточку, да, Марточку. Незаметно она подобралась, окольными путями, вдоль

забора, похоже. Степан Клавдиевич притворился, будто при виде дамы хочет оторвать свой зад от сиденья.

– А вот вы толково пробежали, – буркнул. – С настроением, можно сказать.

– Ух ты, сразу же и комплимента от вас удостоилась! – восхитилась она. – Ох, Степан Клавдиевич, Степан Клавдиевич! Известна нам, безвинным юным разведёнкам, ваша ужасная репутация.

Хотел он возразить, что она как раз не в его вкусе, но предпочёл любезно улыбнуться. И только тогда вспомнил, что он в гриме кровавого убийцы и что все передние зубы, кроме двух, вычернены. Поздновато вспомнил... Малышка невольно отшатнулась и проговорила уже серьёзно:

– Беспокоюсь я, куда это исчез Вениамин Моисеевич. Не случилось ли чего с ним.

– Сделал свою работу и уехал. Занятый он человек, Марточка.

– Я просила Тараса Андреевича позвонить ему, а у Вени мобилка не отвечает.

Он мог бы сказать, что есть много причин, по которым телефон не отвечает. И даже такая, что мужчина далеко не всегда радуется, внезапно встретившись с прежней подругой, но только пожал плечами.

– Не знаю, как вы, а я боюсь, глупая, – выпалила вдруг Марточка.

Он кивнул невольно. Сама атмосфера съёмки фильма ужасов, она способна напугать впечатлительную молодую женщину. Но и на него, давненько не выезжавшего в провинцию, угнетающе подействовала откровенная запущенность и нищета Крольчанска. Ему самому хотелось поскорее вернуться в Киев, где под крылышком

парламента с его депутатами-толстосумами ещё можно, чёрт возьми, жить и даже зарабатывать. Но вслух он сказал:

– Пустой, мёртвый завод. Да, я понимаю.

– А как вам слухи о рабочих-мертвецах, которые тут бродят ночами? Бр-р-р...

О своём мировоззрении, материалистическое оно или же всё-таки идеалистическое, Степан Клавдиевич не задумывался вот уже много лет. Пожалуй, в последний раз такое случилось с ним, когда сдавал в ГИТИСе экзамен по марксистко-ленинской философии, а было это очень давно. Скорее всего, он агностик. Однако в то, что заводом могут слоняться ожившие мертвецы, не верил только потому, что никогда в жизни не видел живых мертвецов и был убежден, что никогда и не увидит. Относительно последнего, как оказалось, Степан Клавдиевич ошибался.

– Стоп! Снято! – донесся до них голос бородатого режиссёра.

Степан Клавдиевич отметил про себя, что не в первый раз наблюдает нежелание Тарасика настоять на своём в ходе съёмки. Видимо, парень предпочитает впоследствии, уже самостоятельно, усовершенствовать и приспособить полученный посредственный продукт. Можно представить, как это злит талантливого и амбициозного оператора-самоучку! Глядишь, имел бы Тарасик характер потвёрже, заколачивал бы бабки в Голливуде, а не в Голливуде, так уж, во всяком случае...

– Ну, я пошла, Степан Клавдиевич. Спасибо вам, мы с вами так душевно поговорили...

Малышка улыбнулась, и удивлённый Степан Клавдиевич, опять забыв о гриме, ответил ей своей самой очаровательной улыбкой. А толпа уже приближалась к ним, и он постарался вспомнить, чего ему там предсто-

яло изобразить. Впрочем, тут же отвлекся, потому что впереди всех спешила к воротам его партнерша в финальном эпизоде. Уже в облике Девушки с веслом, то есть выбеленная донельзя мелом и оное весло держа на плече, под мышкой левой руки Клавдия зажимала эту её стукалку-хлопушку. Проскочив с разбегу мимо Степана Клавдиевича, она развернулась и встала рядом с ним. Пахнуло явно недорогой, но приятной косметикой и чистым запахом тела молодой, деятельной женщины.

– Ах, простите, Степан Клавдиевич!

Он увернулся от весла, на котором ещё будут смонтированы отрезанные руки-ноги той зажатой худышки, улыбнулся снова и подумал, что напрасно всю жизнь предпочитал милых шлюшек, столь же добрых к тебе, как и к твоему скорому преемнику. Если бы остановился вовремя и выбрал бы такую простую и верную девушку, не пришлось бы теперь...

– Вот, подержите, Степан Клавдиевич!

Он с отвращением принял весло и принялся припоминать слова той пионерской песни, которую им с Клавочкой придется выкрикивать нарочито противными голосами. И вспомнилось ему начало восьмидесятых, когда, повинувшись неисповедимой режиссёрской моде, драматические актёры вдруг вынуждены были запеть и затанцевать. Сполз с сидения, прислонил, не складывая, трость к столбу ворот с тылу, чтобы не попала в кадр, сам принял надлежащую позу. Вот Клава щёлкнула хлопушкой, звонко продиктовала, что нужно, положила хлопушку режиссёру под ноги и бегом вернулась к партнёру. Степан Клавдиевич с шутовским поклоном протянул ей весло, и Клавочка, закусив губку, погрузилась в роль.

Тем временем чудаковатый оператор, держа камеру на плече, принялся рывками приближаться к воротам. Умелец таким наездом камеры имитировал точку зрения бегущей в отчаянии студентки. Тотчас же Степан Клавдиевич представил на его месте испуганную Стасю, а в себе ощутил кураж серийного убийцы, которому мало было соблазнить бедную девочку, а вот желательно к тому ж и растерзать её на части. Сам почувствовал, какой плотоядной вышла у него улыбка, а ведь ещё и грим...

Глава 34

Тогда же.

Крольчанск. Крестовоздвиженская церковь

– Так что же привело вас в таком виде в храм Божий? – поинтересовался отец Сергей. – Вот вы, уважаемый, кепку-то с головы – долой!

Спросил, замечание сделал, распорядился – и укрылся снова в алтаре, где планировал сегодня навести, наконец, порядок. Но вскоре, грешник неисправимый, соскучился в пыльной компании большой метлы и малых метёлок, снял передник и снова высунул нос в кафоликон. Половина души отца Сергея, жаждущая покоя, желала, чтобы незваные посетители успели уже убраться. Вторая же, грешная половина, алчущая мирских развлечений, надеялась, что они останутся, вчерашняя устрашающая баба и бомжеватый толстяк, в котором он не сразу распознал некогда щеголеватого главного редактора отдавшей Богу душу местной газетки. Ему ведь изрядно уже надоело всегдашнее общение с благостными пожилыми прихожанками, открывавшими перед ним, кроме разумной скупости, разве что одну только черту реальной и суетной стороны их душевной жизни – привычку посплетничать.

Ага, не ушли они. Бывший редактор обнажил свою лысую голову, а бейсболку сунул в карман. Безбожно размалёванная вульгарная бабка за время отсутствия отца Сергея не только укрыла ядовито-лиловые волосы под тёмный платок, но и подготовила, видно, речь, ибо тут же и выдавала:

– Так что очень я благодарна вам, батюшка, за молитву от врагов невидимых. Испугались мои враги невидимые, спрятались, и вот уже вторые сутки пошли, как боятся мне гадости обстрипывать. Да и кошка моя Нюська... Впрочем, о кошке в святом храме, наверное, вспоминать неприлично?

Отец Сергей и сам не ведал, пристойно ли рассуждать об этом бездушном домашнем создании в храме не во время службы, посему только промычал многозначительно.

– Вот-вот, и я о том! Про Нюську лучше промолчу. А привела нас к вам, батюшка, большущая просьба. Уж если вы, оказывается, такой скорый помощник и... как это?

– Эффективный менеджер, – подсказал бывший журналист с гнусной ухмылкой.

– А вы, Игорёк, лучше бы молчали, пока вас не спрашивают... Я хотела сказать, что пришла снова просить у вас, батюшка, управы на наших крольчанских мертвецов. Он ведь не один оказался, тот Сенька... я на него вам жаловалась уже. Слухи о бесчинствах мертвецов отовсюду до моего магазина доходят. Шляются, ты ж посмотри, и пакостят во всех околотках. Покропили бы вы их святой водой, батюшка.

Отец Сергей крикнул и вынужден был вслух признать, что народная молва о проделках злокозненных мертвецов достигла и его ушей. Глас народа, похоже, и вправду вопиет! Поинтересовался, а какой стороной к этому делу прикосновен господин бывший главный редактор.

Не успела Фросина и рта раскрыть, как толстяк пробурчал:

– Кому объект для применения так называемой святой воды, а для уфологии это аномальные явления. Я

здесь для того, чтобы зафиксировать их и исследовать. Вот таким образом, гражданин поп.

– А яду сколько! Яду-то сколько излил! – всплеснула нелепыми ручищами бабка Фросина. – Прямо мухи в воздухе поиздыхали, прости Господи! Вон на полу лежат.

Докучные мухи, действительно, неблаголепно жужжали в благовонном воздушном пространстве храма, а некоторые, как разглядела зоркая бабка, валялись бездыханными трупиками и на его полу, отнюдь не украшая истёртый паркет. Отец Сергей почел ниже своего пастырского достоинства объяснить, что церковная уборщица и приходящая помощница по хозяйству баба Стефания две недели тому назад как уехала в Кадиевку на бракосочетание племянника, так и с концами. Вместо этого он симпровизировал:

– Любые исследования в храме производятся только с разрешения настоятеля и за соразмерную мзду.

На что бывший журналист примирительно:

– С меня сейчас и малейшей мзды вам не скачать, отченька. Да и к чему нам с вами собачиться? Вы, небось, и забыли уже, что нас познакомили на банкете в честь первого избрания Мардария Матвеевича мэром. Вы тогда ещё освящали кабинет отца города, вот именно обрызгивая стены святою водичкой. Меня зовут Игорем Кузьмичом. И если в церкви нам поговорить нельзя, то почему бы вам не выйти с нами на улицу?

Отец Сергей кивнул и пошел к выходу. «Прошу к нашему шалашу», – вертелось у него в голове, но не слышном ли много чести? Тем не менее, он привел незваных гостей в свои апартаменты. Четверть века тому назад бывшая сторожка Дворянского собрания, достроенная в середине пятидесятых, показалась выпускнику семинарии настоящим дворцом; теперь, в сравнении с тере-

мами нынешних нуворишей, она выглядела просто убого. И в середине не лучше, тем более в отсутствие бабы Стефании. Вот только просторно с тех пор, как Валя уехала и увезла детей... Отец Сергей даже приёмную, она же кабинет, оборудовал, куда и завёл сейчас странную парочку. Усадил на диван, покрытый обтрескавшимся тёмно-коричневым дерматином, сам обосновался за письменным столом. Получилось, что спрятался от посетителей за пузатым монитором, поэтому подвинулся вместе со скрипучим креслом влево. Сосредоточился – и принялся размышлять вслух:

– Боюсь, что мало чем могу помочь, не говоря уже о том, что не имею права на какие-либо новшества, – у нас в лоне церкви, и особенно в нашей епархии, Боже упаси!

– Какие ещё новшества? – выпучился на него бывший редактор.

– И привлекать все к себе внимание СМИ у нас строго воспрещается... Новшества? Дело в том, уважаемый Игорь, что укрощение оживших мертвецов в православном Требнике не предусмотрено, – любезно пояснил отец Сергей. – В католическом тоже, насколько мне известно.

– И неужели так-таки ничего и нельзя с озорниками поделаться? – огорчилась баба.

– Да имеются, не буду скрывать, кое-какие мыслишки... Но надо ещё проверить... Имеется древний чин изгнания бесов, не все в православном сообществе, правда, его одобряют... Но вот если попробовать рассудить последовательно, выстроить, с вашего позволения, логическую цепочку, тогда... Отчего мертвец ожил и озорует, как вы сказали, уважаемая Евфросиния? Не потому ли, что в мёртвое тело вселился бес и создает дьявольскую свою иллюзию, будто мертвец ожил? Не следует ли тогда

изгнать беса таким же способом, каковым священнику, согласно древней христианской традиции, дано изгнать беса из живого человека. Для этого употребляется каждение, как о том в Книге Товия сообщается, а также святая вода. Бес выйдет, а покойника можно будет вернуть в могилу.

– «Экзорцист»! – ахнул бомжеватый Игорь, выпучив белёдые глаза. – Был такой прикольный фильм, не смотрели ли, отец? Вам, правда, было бы неприятно, что бес там выбрасывает иезуитов из окна, да с такой силой, что шеи ломают...

– Я отнюдь не отождествляю себя с католическими патерами, тем более с иезуитами, кои зело прогрешились перед Богом и людьми, – отец Сергей тонко улыбнулся. – К тому же, насколько я помню...

– Теперь и римский папа – езуит! – прервала его Фросина.

– Какое вам дело до понтифика, уважаемая? – ехидно спросил отец Сергей. – Неужели экспансия католицизма достигла Крольчанска, и вы...

– Очень мне надо! – фыркнула она. – Но если о нём так много болтают по ящику, то он, наверное, хороший человек.

– Пиарщик он лукавый, вот именно иезуит! – это уфолог заметил свысока.

Отец Сергей хмыкнул. Выдержав паузу, заявил значительно, с тем же выражением, как на проповеди:

– Мы отклонились от главного русла нашей беседы, Я же хотел сказать, что православные изгонители бесов как раз успешно справляются с этим делом. Особо в славной Троице-Макарьевской лавре, тамошние монахи и в Интернете о том оповещали на собственном сайте...

– Точно! Надо в Википедии посмотреть! – вскинулся бомжеватый журналист. – У вас, отец, комп рабочий ли?

– Ну, работает... – промямлил отец Сергей, застигнутый врасплох. Как многое отдал бы он, если догадался бы тогда согрешить в малом, солгать – и тем избегнуть ужасного конфуза! Но вот подтвердил же...

– Вы позволите, отец? – и хотя хозяин ничего ему позволить или запретить не успел, бывший журналист проворно извлек отца Сергея из его кресла и со всем своим жульническим оборудованием уже взгромоздился за столом.

Размалёванная баба ахнула и дёрнулась было вослед спутнику, но осталась на месте. О, не прошло и минуты, как отец Сергей возблагодарил Бога за то, что она сохранила остатки стеснительности, Им положенной женскому полу!

Хамоватый журналюга спросил тем временем:

– У вас на батарее, отец, или прямо в сеть врубаете?

– Что? Да, на батарее, в сети постоянно... Монитор у меня старенький, его никакой скачок напряжения не угробит, а вот компьютер весьма уязвим, весьма...

– Тогда, с вашего позволения... У вас кабель – или Вай-Фай? – и он, никакого позволения не дожидаясь, да и ответа на свой нелепый вопрос тоже, нажал кнопку на пыльном ящике, тут же замигавшем жёлтыми и красными огоньками.

– Какой там у нас Вай-Фай? – буркнул отец Сергей. – У меня от телефона, и дерут несусветно... А вам не кажется, уважае...

Он прикусил язык, потому что за привычной компьютерной абракадаброй на экране появился рабочий стол – и во всё пространство его разлеглась на песочке нимфетка в купальнике. Позу она приняла соблазнительную и ножки скрестила лихо, вот только непропорционально большие ступни и кисти рук заставляли вспомнить о лапах неуклюжего щенка овчарки. И она

вполне могла бы обойтись без верхней части купальника, отнюдь не нарушив благопристойности. Но вызов на гладеньком личике, но выражение оно! Но как сложила накрашенные розовым губки! О Господи, девчонка явно провоцирует, и если, присмотревшись к её бесстыжим и заодно безмятежным глазкам, вернуться к бедным её прелестям... Это сколько же земных поклонов придётся теперь отбить?

– Вывели на рабочий стол фотку дочери? – сочувственно отозвался журналюга. – Наслышаны мы о ваших семейных проблемах... Где ваши отдыхали, не в Евпатории ли? Песочек там, вижу.

– Откуда взялась...? – прохрипел отец Сергей. – Там же была наша церковь... Осенью, со всех сторон в жёлтой листве... «Осенняя пора, очей очарованье...»

– Чего там у вас? Блудница вавилонская? – и проклятая Фросина сорвалась со своего места. Однако увидеть бесовский подарок не успела – Игорь успел выйти в Интернет. Из-за спины хозяина продолжила разочарованно. – Вы так побагровели, батюшка, что я пожалела, что не прихватила с собою флакончик фармадипина. Знаете, на кусочек сахара...

Игорь бесцеремонно перебил:

– Откуда взялось? Да очень просто... Вы фотку, небось, редактировали, а потом вместо «Сохранить как», то есть в папке своей, щёлкнули «Сохранить как фон для рабочего стола»... Сами будете набивать – или мне доверите?

– Нет уж, позвольте я сам, – ядовито протянул хозяин. За малым не вытолкал нахала из кресла, уселся. Тут промелькнула у него мыслишка, что надо бы встать и уступить женщине место, промелькнула и погасла... Он встрепенулся. – А чего набивать?

– Уже забыли... Ладно, набивайте «эк-зор-сизм». А вот теперь, первым делом, щелкните Википедию. Её, родную.

Отец Сергей, уже оправившийся несколько, припомнил, что на эту страницу ему доводилось заходить. Да и как было её не узнать, если справа на ней вывешена картинка, а на ней субтильный желтолицый католический святой изгоняет бесов из ещё более тощего и прямо тебе лимонного больного? У обоих вид такой, будто в бане давно не бывали, да и не умывались вовсе. Зато бесы, столпившиеся за спиной одержимого, весьма живописны, весьма...

– Вот! Распятие не забудьте прихватить, батюшка, – ляпнула Фросина.

– Что-то не вижу я... – отмахнулся от неё Игорь. – Зато фильмов, фильмов-то сколько было снято! «Я купил мотоцикл-вампир»... Во дают! Да гад я буду, если это не круто!

– Я вспомнил – здесь! – и отец Сергей навел курсор на красноватую строчку «Чин отчитки (изгнания злых духов) архимандрита Вассиана». Перекрестился и щёлкнул.

Потянуло-потянуло и выплыла страница. Притемнённая, правда, а посередине яркий прямоугольник, и на нём: «Горячие новости». Посередине – голый и жирный донельзя женский живот с верхней частью бёдер и рядом: «Не ешьте 4 продукта, и живот уйдёт за неделю».

– А если по мне, то и не надо вовсе ей худеть, – заявил Игорь.

– И там, в телевизоре, такой же, как вы, Игорёк, охальник сидит!

А отец Сергей промолчал и щёлкнул по полосочке справа сверху на прямоугольнике. На его маленьком экране она не читалась, но он помнил, что это коман-

да перехода на сайт. Ещё потянуло, и вот монастырский сайт осветился во всей духовной красе. Справа, впрочем, осталась реклама игры с надписями, сверху – «Rising Cities», внизу – «Хочу играть уже». Скривившись, отец Сергей прокрутил колесико на «мышке», и из-под «Rising Cities» выполз портрет сурового монаха с панагией на шее, из подписи же явствовало, что это и есть тот самый архимандрит Вассиан (Луков).

– Сюда, сюда, давайте! – завопил журналюга и ткнул толстым пальцем в экран. – Вот, «Скачать Отчитку с Letitude»!

Отец Сергей пожал плечами. Зачем скачивать, когда можно просто посмотреть? Перевел курсор на «Смотреть Отчитку онлайн на Letitude» и щёлкнул «мышкой». Выплыла реклама заработка в Инете по две тысячи зелёных ежедневно.

– А попробуйте вернуться – и ещё раз!

На этот раз появилось предложение быстрого скачивания (за 6 минут) и долгого (за два с чем-то часа), о возможности просмотреть онлайн и слова нет. Вдруг появилась табличка «Хотите скачать Отчитку? Быстро нажмите “Ok”». Отец Сергей послушно нажал – и непроизвольно, с гостем синхронно, вздохнул разочарованно. Ибо появилась табличка с номером, на который следует отправить СМС «для получения премиум кода», и с расценками. Извините, но это мы уже проходили...

– Что там стряслось? – всполошилась Фросина. – Неужели опять объявление о конце света?

– Лохотрон! – хором ответили мужчины.

Уже не дожидаясь подсказки, отец Сергей вернулся назад. Так, так...

– Может быть, поставить на долгое скачивание? – скучливо спросил Игорь.

– Но стоит ли ждать аж два часа? Попробую-ка я это, – и нажал на «Ссылку для скачивания через “Skymonk”». – Ишь ты, придумали... Skymonk!

– А что такое «скаймонк»? – осведомилась Фросина. – Я в английском не сильна.

– Тьфу, ты, не реагирует, – огорчился отец Сергей.

– А тут надо перенести ссылку на браузер и щёлкнуть, – подсказал свысока Игорь. – Skymonk? Это «небесный монах»... Вот, появилось! Щёлкайте скорей!

Уставший от внутреннего сопротивления нахальному посетителю, отец Сергей щёлкнул, где было сказано ему. Написания вроде «Отчитка Архимандр... ехе» смешили, конечно, но не хихикать же ему над монахами перед мирянами... Что такое? Появилось предупреждение системы безопасности.

– Это стандартная процедура, – успокоил его знаток. – Входите, отец!

Отец Сергей огрызнулся было («А Ваську-компьютерщика кому придётся вызывать – вам или всё-таки мне?»), однако, перекрестившись, нажал на «Выполнить». Появилось «Вас приветствует мастер установки Skymonk-2!». И ниже: «Перед установкой программы Вы должны прочитать и принять “Лицензионное соглашение”». Опять двадцать пять!

– Чего там у вас снова не слава Богу? – закудаhtала Фросина.

– А почему бы вам, отец, не прочитать сначала «Лицензионное соглашение»? Вдруг там об оплате – ни слова? – это уже Игорь отозвался.

– Тут всенепременно хитрость мошенническая. Даже мне известно, что файл «ехе» можно раскрыть и другой программой, не обязательно этим их «Летающим монахом». А главное, у меня принцип: не давать в таких слу-

чаях свой электронный адрес, а они обязательно потребуют. А тогда залезть в мой комп – раз плюнуть!

– А я не боюсь, пусть залазят. Вы что же, отец, боитесь, что вас накроют, когда по не тем сайтам бродите? Успокойтесь, вам ведь больше шестнадцати.

– Да замолчите вы, Игорёк! Кому тут нужны ваши подначки? Я, правда, не усекала о чём вы это, но голос у вас был уж больно ехидный.

– Ваше замечание о криминальных сайтах оставляю на вашей совести, – торжественно заявил отец Сергей, у которого как раз насчет порносайтов совесть была чиста. Своих нимфеток он высматривал на вполне приличных порталах. – Если вы сами развлекаетесь порнухой, то другие атеисты и похуже безобразия творят. Однако позвольте вас спросить вот о чём. Стоит ли на вашем компе лицензионная Windows, или всё-таки вам Васька левую поставил, а?

– Где я вам тысячу возьму на лицензионную? – ступевался насмешник. – Да ладно вам, не обижайтесь, я только пошутить хотел.

– Вот-вот, а я не хочу оказаться под судом за нарушение этих самых авторских прав.

От Фросины за спиной отца Сергея пахло волной дешёвого парфума: то ли подбоченилась, то ли украдкой пшикнулась. И визгливо:

– Кончайте, мужчины, трепаться о непонятном! А если жаль вам денег, то вернитесь туда, где этот симпатичный батюшка с седыми висками, и почитайте, что там напечатано. Это ведь бесплатно?

Мужчины переглянулись. Отец Сергей подумал, что устами Фросины глаголет истина, однако, понятное дело, промолчал. Сказано – сделано. Вернулись к главной странице про Отчитку, принялись сообща разбирать мелкоту.

– Эврика! – воскликнул отец Сергей. Давненько он так не развлекался. – Эврика! Вот оно: «В чине над одержимым важна каждая буква, – поясняет...». Ну, не важно, кто именно поясняет. Не нужен нам вообще никакой архимандрит Вассиан! У меня ведь есть старый Требник с чином Отчитки!

– Святая вода тоже имеется? – осведомился представитель науки – и вдруг огорчился. – Всё путём, а как мы этих зловредных мертвецов искать будем?

Фросина фыркнула.

– А чего там их искать? На кладбище пойдём: должны же они где-то и передых свой иметь. А где Сенькина могилка, я помню, мой ведь человек, как никак.

Глава 35

В то же утро. Половина одиннадцатого. Дежурная часть Крольчанского райотделения полиции

Глеб Александрович не блефовал, перед вторжением к нему мертвецов он действительно успел позвонить в полицию. Однако ошибся жёлчный Карякин, предположив ночью, что бдительная полиция уже наступает ему и его товарищам на пятки. На самом же деле дежурный в отделении, приняв вызов, пробурчал в трубку, что полагается в таких случаях, и снова погрузился в здоровый молодой сон.

Совесть у того курносого младшего лейтенанта была абсолютно чиста: Неборак, некогда видный в городе руководитель, а теперь просто ханыга, не брезгующий и собиранием пустых бутылок. Старый либо свихнулся, либо претерпевает приступ белой горячки. Можно было бы, конечно, переадресовать вызов в «скорую помощь», но зачем делать лишние движения? Смешно было бы от дежурящих там медиков требовать, чтобы они по ночи забирались в единственную в городе исправную карету «Скорой помощи» и мчались препираться с сумасшедшим или пьяным, рискуя и бутылкой по голове заработать. У них и на настоящие экстренные вызовы бензина не хватает, а ближайший психиатр – за сотню километров.

И неизвестно, как повернулось бы дело со звонком некогда всемогущего, а теперь несчастного Глеба Алек-

сандровича, если бы не капитан Ханенко. Водворив в морг останки вольнолюбивого сторожа Вонифатьевича и пообщавшись по телефону с Эсфирью Давыдовной, с тем самым врачём-хирургом, а заодно и патологоанатомом, которая никому спуску не даст, он вдруг преисполнился служебного рвения, будто заразившись от Эсфири Давыдовны, ворвался в дежурную часть отделения полиции и пожелал ознакомиться с записями ночных сообщений и сигналов граждан.

Дважды прослушал капитан плаксивое SOS Глеба Александровича и, понимая его чуть ли не коллегой по старым делишкам, решил всё же прореагировать на однозначно бредовый вызов. Приказал дежурному вызвать сержанта-кинолога с собакой, а когда дождался его, самолично уселся за руль казённого «газика», задействовал движок и покатил в заводской посёлок.

Альма, далеко не чистокровная немецкая овчарка, поглядывала на его толстый, в складках затылок с обожанием. Этот полубог, заставивший только что заливаться слезами самого Сержанта, грозного ее хозяина, изволил её прогулять, прихватив заодно и её начальника-проводника, никуда не годного с тяжкого похмелья. Не сказать, чтобы ей были по душе поездки в «газике», однако дорожные неудобства всегда, как только прибывали на место, с лихвой компенсировались замечательными развлечениями. Альма понимала, что люди устраивают их для себя, но ведь и её не забывали пригласить! И если поиграть в догонялки удавалось далеко не всегда, то уж знакомство с новым набором запахов, ранее неизвестных, таинственных, а то и вкусных, было ей обеспечено.

Поездка оказалась недолгой, да и большую часть пути пришлось ехать по гладкому шоссе. В конце снова

немного потрясло, но вот Товарищ Капитан лихо притормозил. Впрочем, Альма уперлась лапами и уберегла нос, а там Сержант пристегнул к её ошейнику поводок и выпустил из железного ящика на колёсах.

Итак, они втроём оказались возле большой каменной клетки для людей, и тут почти сразу же, как только ноздри Альмы чуток притерпелись к резкой и удушливой вони сгоревшего бензина, в них проник изумительно интересный своей новизной, невероятного происхождения запах. Она нагнула морду к каменной плите тротуара у калитки, и уже не могла от неё оторваться: так удивительно пахли два следа от мужской обуви достаточно большого размера. Получалось, что какие-то затайники принесли сюда человеческого мертвеца, при этом весьма давнего мертвеца, и поставили его на ноги! Альма принялась вынюхивать плиты рядом, ожидая, что обнаружит следы этих живых затайников, однако они тоже оказались человеческими трупами... Тем временем Сержант заявил со вполне понятной гордостью:

– Псина что-то нашла, товарищ капитан.

Альма тем временем сложила два и два. Человеческие трупы ходить не могут! Тут произошло нечто совершенно неслыханное! Она заставила себя оторваться от диковинных следов, села, повернула голову к Товарищу Капитану и коротко твякнула, докладывая.

– Умница, – погладил её по голове полубог, и она от счастья заулыбалась. – Сразу поняла, что здесь толклись чужие.

Альма заурчала. Товарищу Капитану это, пожалуй, не к лицу и не по чину, а вот её проводнику, тому стоило бы стать на четвереньки и самому принюхаться к тротуару. Хотя... Люди не слышат слабых запахов, а

своим густым перегаром Сержант, наверняка, заглушил бы уже вынюханное и осложнил бы дальнейшую забаву. Что там буркнул Сержант? «Ищи!»? Да с полным нашим удовольствием!

Поразительно пахучие следы вели в обход забора к окну справа от крыльца, возле него один из чудных вонючек то ли забрался по стене на крышу, то ли взлетел в небо, остальные взошли на крыльцо. Входная дверь оставалась приоткрытой, но Альма не стала её толкать, обернулась на Сержанта, и тот первым вошел в каменную будку. Внутри появился и усилился химический запах, возникающий при применении людьми весьма опасных железных трубок с рукоятками. Тем не менее, Альма легко унюхала, что третий вонючка присоединился внутри к двум другим, вошедшим через дверь. Вот и внутренний коридор, здесь ударил ей в ноздри дух сторевшей химической дряни (что успокаивает, так то, что давний уже, холодный дух). И ещё ощутился внутри везде запах четвертого человека, живого. Жилец, наверное, этой каменной будки. Запах струился из двери, приоткрытой в коридор, вместе с падающим из неё светом. Да, теперь и этот стрелок, похоже, уже не живой человек, а там кто знает...

– Тут стреляли, товарищ капитан, – доложил Сержант, а Альма почувяла, что хозяин испугался.

– Чего ждёшь, Сидоренко? Вперёд! – и громко. – Полиция! Бросай оружие! Неборак, без глупостей мне там!

Тут Сержант наклонился над нею и отстегнул поводок. Нет, чтобы самому вбежать в комнату, где вполне можно заработать порцию свинцовых шариков из железной трубки! Тем более, что команда была Сержанту, а не ей. Альма тут же бросилась на пол, прямо в кучу

пахучей известковой пыли, принялась делать вид, что вытирает свой чувствительный нос о передние лапы, и заставила себя пару раз чихнуть. На самом деле вонь, где смешались всякие химические и строительные запахи, а ещё резко усилившийся личный смрад одного из ходячих человеческих трупов, не была ей уж настолько неприятна. Зато в комнату она вошла вслед за Товарищем Капитаном, последней.

Оказалось, что жилец этой большой каменной будки мёртв, однако же правильно мёртв, неподвижно и безопасно. И для Альмы вполне неинтересно, поэтому отвлеклась она от разговора о свежем трупе между Товарищем Капитаном и Сержантом – к тому же не вполне ей понятного («Картина маслом»; «Откинул коньки Неборак, а какой был фигурой!»; «Ага, окоченел») – и принялась работать над следами ходячих мертвецов. Вскоре установила, что один из затейников так громко заявил о себе её носу потому, что оставил на полу в коридоре и в комнате частицы своей мёртвой плоти. Тогда она переключила внимание на хозяев и сослуживцев, живых людей, и села, ожидая благоприятного момента, чтобы ввязаться в их разговор и доложить о своём открытии.

– Неборак в них из двустволки выпалил, товарищ капитан, а они его повесили. Вот.

– А не сам повесился? Разве так вешают? И к чему бы тебе умничать, Сидоренко? Разве не дело это Эсфири Давыдовны, и разве не ответит она по закону, если соврёт?

Тут Альма дважды тьякнула. А когда на неё обратили внимание, показала носом на частички пострадавшего от выстрела трупа. Сержант присел на корточки, коленные суставы его издали ужасный треск.

– Ну и мерзость! И когда это трупная ткань успела позеленеть...

Тут Товарищ Капитан огорчил Альму нарушением субординации, потому что присел на корточки рядом с подчиненным и принялся ковырять пальцем в валявшийся на полу дряни. Поднялся на ноги полубог, отряхнул руки и – Сержанту:

– Гнилое мясо гнилым мясом, но как же ты обрывков зелёной резины не разглядел? Плащ-палатка? Рыбак у нас? Почему бы тебе не достать пакет и не спрятать туда парочку этих вещдоков?

– Так не было приказа запастись пакетами, товарищ капитан.

– Отставить! А в карман слабо насыпать? Не видишь разве: покойник-свежак стрелял в покойника давнего, а тот, возможно, его за это удавил? Спрашивается, кто будет подавать заявление о возбуждении уголовного дела? Но не поглядеть ли нам на этих шустриков? Альма, ты долго ещё будешь рассиживаться?

– Альма, ищи!

А она рада стараться – тем более, что опасную железную трубку ходячие трупы не взяли с собой. Вот вывели хозяева её опять на улицу и, пометавшись снова возле калитки, выяснила Альма, что пришли вонючие гости слева, а ушли направо. Она потянула Сержанта в ту сторону. Поводок натянулся, а Сержант остался на месте. Альма обернулась и увидела, что её проводник почтиительно ожидает, когда окончит Товарищ Капитан свои глубокие размышления. Вот, наконец:

– Разве не на кладбище ведёт эта дорога? Так зачем же нам впустую ноги бить?

«И лапы тоже почему бы не пожалеть?», – добавила

про себя Альма, забираясь в железную коробку на колёсах.

Мигом домчали они до кладбища. Товарищ Капитан высадил у ворот Альму и Сержанта, а сам остался в «газике». Альма почти тотчас же снова взяла след и потащила на поводке Сержанта вдоль ограды. Товарищ Капитан выпускал из себя и втягивал дым, глядя им вслед, и подъехал только тогда, когда они сквозь пролом в ограде проникли на территорию кладбища.

Изумительный запах от следов усилился, и Альма вошла в раж. Тащила Сержанта, спрямляя путь, через кусты, а он не возмущался, потому что она своё дело делала. Потом Альма затанцевала на участке, пахучими следами совершенно затоптанном, и мгновенно обнаружила лёжки всех троих ходячих мертвецов. Показала их Сержанту – и удивилась результату. Окаменел Сержант, а когда притопал Товарищ Капитан, дрожащей рукой отстегнул поводок. Она и сама знала, что должна была сделать. А когда показала Товарищу Капитану лёжки, тот хмыкнул и принялся размышлять. Завершив же мыслительный процесс, забормотал:

– Какое может быть обвинение? Нарушение паспортного режима? Злостное хулиганство? Доведение до самоубийства? Не маловато ли информации?

Тут полубог обратил внимание на Альму и выдал приказ искать. Услышав это его «Чего расселась?», она с огромным удовольствием принялась метаться по площадке. И минуты не прошло, как снова твякнула, обнаружив под скамейкой странную чёрную штуку с новым, уже живым, человеческим запахом. Товарищ Капитан похвалил её и приказал Сержанту достать находку, но тот не сумел сдвинуться с места, только мычал бессмыс-

ленно. Товарищ Капитан поощрил его словами, странным образом касавшимися матери Сержанта, однако пришлось полубогу самому, кряхтя, наклоняться и поднимать чёрный предмет.

– Ага... «Ленин и Сталин в творчестве народов СССР», говоришь? К чему бы это? И где они теперь, эти творческие народы?

Альма ничего не поняла, но на всякий случай улыбнулась, умильно уставившись на Товарища Капитана.

– Ну, разве ты, псина, не умница? Не против передохнуть, пока твой хозяин-слабак не оклемается?

Она улеглась на брюхо и высунула язык, чтоб легче было отдышаться. Но тут же запрядала ушами: со стороны ворот кто-то приближался по аллее, да-да, несколько человек, и между собой разговаривали. Альма зарычала тихонько. Товарищ Капитан хлопнул ладонью себя по бедру, приказывая: «К ноге!». А Сержант, тот только глаза закатил.

Над кустами появились три человеческих головы. Альма напрягла свои слабые глаза: нет, хоть и трое их, это не давешние трупы, это живые. А тут ещё ветерок пахнул с той стороны, и выяснилось, что там двое пожилых человеческих кобелей и сука, вот вроде Альмы, только тоже староватая. Подошли они поближе, и установила Альма, что пахнет от каждой особи по-своему, и разница столь сильна, будто имеешь дело с собаками трёх разных пород.

Оглянулась с безмолвной мольбой на Товарища Капитана, тот кивнул, разрешая, – и помчалась Альма, без звука помчалась. На бегу всё надеялась, что кто-нибудь из чужих побежит от неё, и тогда можно будет устроить на аллее замечательные догонялки. Однако незнакомцы остались на месте, застыв не хуже бедняги Сержанта.

Вот уже почти рядом они, и как раз успела Альма сообразить, кого из троих задерживать. Длинноволосый и бородатый в женском тёмном платье и с сумкой на плече – этот из вообще неприкасаемых. Человеческие суки в серьёзных делах, когда не до вязки, хозяевам малоинтересны, а вот крайний справа, лысый... Испугался он её, испугался! Не меньше, чем Сержант, когда лёжки ходячих покойников увидел! А коли испугался, значит, виноват голубчик! И слишком много разных железных цапок на себя нацепил, без разрешения, наверное... Она аккуратно ухватила лысого за невероятно пыльную брючину, еле удержалась, чтобы не чихнуть, рыкнула неодобрительно и потащила к сослуживцам.

– Фу, Альма! А вам, господин служитель культа, почему бы не предъявить, что там у вас в сумке?

Как скажете, «Фу!» так «Фу!». Она доставила-таки провинившегося и легла у ног Товарища Капитана, предвкушая удовольствие от ещё одной его речи – не только недостижимо умной, но и своим покровительственным нахальством чем-то близкой её собачьей душе. Однако, пока божество морщило лоб, собираясь с мыслями, неожиданно подал голос по-прежнему неподвижный Сержант:

– Ты, писака! – прохрипел он. – Руки на машину, кому говорят!

– На Фросину? – удивился обвешанный игрушками. – Не понял...

– Ещё чего! – выкрикнула названная Фросиной.

Она бы ещё что-нибудь твякнула, но наконец-то сказал своё весомое слово Товарищ Капитан:

– Кого я вижу? Наш уважаемый отец Сергей – и в такой компании? Собрались выпить в холодке у могилки,

а потом групповухой поразвлечься? А почему с самогонкой пришли? Неужели не могли у Фросины напитком поблагороднее разжиться? И как это наш горе-редактор сумел к вам присоседиться?

– Да что это за чушь произносить изволите? И в бутылке вовсе не... – начал было длинноволосый и бородатый, но Фросина перебила его. Подбоченившись и оттолкнув в сторону лысого, она завизжала:

– И такую дичь несет тот воспитанный товарищ капитан, которому я из чувства уважения подарила в последний ваш визит флакон коньяка? Своими кровными рассчиталась, вот как! Думаете, небось, что у нас, как в старину – усушка, утруска, бой? Заделает тебе жадюга Симонида Максимовна такой бой, такую утруску устроит, что небо с овчинку покажется!

Альма зарычала на глупую, безошибочно определив, что воет не по делу. Та повернулась было к ней, однако, встретившись со внимательным собачьим взглядом, заткнулась. На Альму же хлынула тугая волна химических запахов, и она уже непритворно расчихалась. Пока чихала, потеряла нить перебранки между своими и чужими, а когда снова принялась вслушиваться, выяснилось, что в бутылке не веселящая жидкость, которой можно запросто обжечь нос, а какая-то «святая вода». Потом люди переговорили уже поспокойнее, а там и Альме нашлась работа: велено было показать лысому подземные лёжки ходячих мертвецов.

– Только все фотки мне после обеда на стол – понятно ли я говорю?

– Господи, да вы хоть знаете, сколько будет стоить выпечатка? Да я с Васькой в «Компьютерленде» никогда не рассчитаюсь!

Пока Альма водила лысого от одной примечательно пахучей ямы к другой, пришло ей в крутолобую голову,

что Товарищ Капитан, кажется, взял лысого трусишку на место Кондратьича, того пожилого, он тоже с белым огнём в коробочке. А Кондратьича – на пенсию – понятно. Вот только интересно, усыпляют ли старичков на пенсии, как заслуженных собак в питомнике? Её веселила догадка, что очень скоро Товарищ Капитан прикажет продолжить погоню, и она с удовольствием принимала красивые позы возле каждой могильной ямы. Одно Альму беспокоило: не вышли бы у неё на карточках глаза красными, как в прошлый раз.

Глава 36

Тогда же. Полдень.

Между бывшим заводоуправлением и главными воротами

Снимали сцену, в которой героиня Стаси натывается на повешенную на воротах Дору Павловну. То бишь не сцену всё-таки, а заготовки к ней.

Тарас посоветовался с озабоченным Славиком, и со-обща решили начать с демократической ипостаси Доры Павловны. Понадеялись, что тётя Паша заради святого киноискусства безропотно перенесёт необходимые процедуры, и тогда Алевтине Францевне труднее будет отворачивать от ворот свой аристократический носик.

В сторожке Пётр Трофимович передвинул бронзовую рукояточку тумблера, им же некогда прикрученного к приборной доске из текстолита. Рукоятка обычно сияла, до блеска отшлифованная корявыми пальцами покойного сторожа Вонифатьича, а теперь поблекла. Электродвигатель, однако, взвыл исправно, створки ворот поехали по рельсам навстречу друг другу и сомкнулись. А тут и баба Паша появилась на крыльце в ужасающем гриме, сзади вежливо подталкиваемая приятной дамой Натальей Денисовной.

Едва успели привязать к воротам бабу Пашу, со стороны камеры незаметно, как снаружи, от шоссе донесся мягкий рокот автомобильных движков, усилился, замолк. Раздался мелодичный, однако ж и настойчивый сигнал. Выглянул Пётр Трофимович из сторожки – а перед воротами белый, длинный, как кишка, «Мерсе-

дес-Бенц», за ним два точно таких же. Кто-то выкрикнул дурашливо:

– Отворяй! Хозяин пожаловали!

Сначала послушно передвинул Пётр Трофимович рукоятку тумблера влево, а уж потом осенило его: если бабу Пашу привязали между створок, женщина может и пострадать. Но тут же раздалось уже бесспорно начальственное «Стой!» – и Пётр Трофимович с облегчением душевным остановил движение щитов. Не без боязни выглянул он в окно: слава Богу, бабу Пашу ни о столб, ни о железный ящик с двигателем не ахнуло, висит себе тихонько аккурат перед дальним столбом. Тут промелькнули одно за другим три длинных тела «мерсов»: им хватило места проехать и в не раздвинутые до конца ворота, и мимо собравшихся за штативом с камерой.

Передний монстр на колёсах развернулся и подкатил к толпе сзади. Чёрнокостюмный водитель выскочил и, склонившись в полупоклоне, открыл среднюю дверцу. Наружу выбрался полнощёкий молодой человек с аккуратной, будто по моде начала пятидесятых, причёской, одетый в лёгкую летнюю пару. Лениво прошлёпал он мимо толпы к воротам и остановился напротив бабы Паши, в ужасе закрывшей глаза.

– Это что же такое? – спросил молодой человек в пространство, подбородком указывая на петлю у бабы Паши на шее.

– Муки творчества, Фимочка! – незамедлительно ответил ему из толпы голос Алевтины Францевны. – Ты бы хоть с людьми поздоровался!

Полнощёкий кивнул, а баба Паша открыла один глаз, улыбнулась и промолвила:

– С приездом! А ведь правда, я похожа на Любовь Орлову?

Поскольку кроме двух резцов, Наталья Денисовна зачернила ей все зубы, не выпавшие естественным путём, славная получилась улыбка. Второй глаз смелая уборщица открыть не могла при всём желании: он скрывался за нашлапкой-опухолью, вышедшей из умелых ручек гримёрши.

– Так мы работаем – или нет? – раздался у них за спиной раздражённый тенорок оператора. – Я понимаю, на «мерсы» пялиться приятнее... Здорово, Фима!

Молодой олигарх снова кивнул. А Пётр Трофимович, поняв услышанное и увиденное как руководящее указание к действию, перевел рукоятку тумблера вправо. Тотчас же улыбка бабы Паши отъехала в сторону, и перед носом олигарха оказалась плоскость проржавевшего щита из кровельного железа, а в дыре, очертаниями похожей на Корсику – унылая лента шоссе, с сорняками по бокам, и торчащие из-за бугра вторые этажи домов рабочего посёлка. Олигарх надул и без того полные щёки и на каблуках крутанулся к толпе.

– Марина! – позвал зычно. – Если дети увидят... То, что на воротах, если увидят, я вас тотчас же, на месте, уволю. Возвращайтесь снова на шоссе. Ну, полевые цветы им покажите, расскажите сказочку про трёх поросят. Быстро!

Звонкие детские голоса, взметнувшиеся было над заводской территорией, примолкли, а возле молодого олигарха оказалась его жена, крепенькая такая молодуха по имени Лиза. Забубнила вполголоса:

– Да если снимают, пусть уже снимают, Фимусик. Сам ведь говорил, что час простоя тебе обходится в копеечку. И удели, будь добр, больше внимания бабушке Алевтине, ей здесь трудно пришлось.

Он глазами нащупал в толпе Алевтину Францевну, белозубо ей улыбнулся – и тут же отвёл глаза, потупился... И громко:

– Да вы продолжайте, продолжайте, Тарас Андреевич! А закончите эпизод, тогда поговорим.

Они и продолжили, но прежде пришлось бабе Паше покататься туда-сюда на воротах. А к супругам, наблюдавшим за работой украинских кинематографистов, присоединилась Стася – как была, в гриме и на себе имея топ и шорты, некогда белые, а теперь перемазанные кетчупом и ещё чёрт его знает чем. Воспротивившись мужественному желанию Лизы заключить её в объятия и осыпать поцелуями, Стася тепло улыбнулась её мужу.

– Я же в гриме, – пояснила гордо.

– Да уж, видос у тебя, подруга! И как тебе здесь?

– Лучше не бывает! Знаешь, я узнала так много нового...

Лиза подмигнула заговорщицки и показала глазами на Тараса. Стася потупила глазки (подведенные лиловым, вокруг левого – синяк), украдкой показала два пальца и глазами же – на Степана Клавдиевича. Тот, по-прежнему в рабочем прикиде, полусидел, полустоял на своей раскладной трости, а почувствовав на себе взгляд двух молодых женщин, выпрямил спину и приосанился.

Лиза поджала губы.

– А душ тут у вас есть?

– Есть, наверное. Только я не здесь обитаю, а в гостинице... Тоже, конечно, сарай. А как дети?

– Господи, да как же ещё! Четверо, и все малолетки, с кем-нибудь одним всегда не слава Богу... А ты, Фимусик, – повернулась она к супругу, – напрасно пригрозил Маринке. Такую няню, если что, долго придётся искать.

– Ты, как всегда, права, дорогая, – рассеянно ответил супруг.

– Моему гению только что в голову пришла очередная бизнес-идея, – вполголоса пояснила Лиза, позабыв, что уже не раз просвещала в этом разрезе подругу. – Это у Фимусика называется «переносис». Увидит где-нибудь приём – и переносит к себе в рекламу. Последний раз подсмотрел что-то у таксиста и, представляешь...

– Разве вы ездите на такси?

– О, это было такое приключение! А как тут моя вице-бабушка? Небось, строит вас всех?

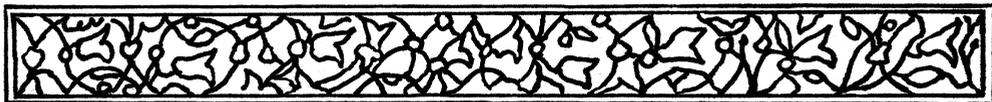
– Есть немного. Вообще же ведёт себя как очаровательная старая леди.

– Н-н-ну, ты ж помнишь, как она на юбилее своём, подпив немножко, рассказывала о босоногом детстве в дворницкой в Питере. Кстати, один историк открытие сделал. Обнаружил, что мой Фимусик принадлежит к роду гетмана, как его, Калнышевского. Знай наших!

– Уж лучше бы Полуботинка. Но это, наверное, дорожке стоит.

Лиза взглянула на подругу диковато как-то: вспоминала, наверное, правильную фамилию гетмана. А впрочем, какая разница? Если насчёт Калнышевского уже и родословная с печатью есть.

Глава 37

Тогда же, чуть попозже.

Цех дефекации бывшего сахарного завода

Невероятная троица мертвецов маялась в пустом цехе дефекации, дожидаясь, когда Пётр Трофимович приведёт к ним киношников, чтобы устроили смотрины. Добирались они до места кружным путём и притомились в дороге, особенно Левчук. Вот и повалились в цеху, кто где стоял, прямо в годами копившуюся пыль.

На родной завод они проникли через задние ворота. А сначала пришлось преодолеть бывшее свекловичное поле и выйти на бульжник внутризаводской магистрали. По ней в былые годы, сразу же после постройки и пуска завода, безостановочно тянулись в сезон телеги с дровами и со свёклой. Потом завод перешел на солярку, на дороге появились цистерны, и уже после войны вместо телег загудели тут грузовики-полупотрки. Прошли мимо бескрайнего кагатного поля, уже наполовину заросшего травой, миновали пустые склады, проплыли справа от них огромные резервуары для патоки, с которыми варвары, уничтожавшие завод, ничего не смогли или не успели поделать. Остатками шоссе выбрели на задний двор, где, судя по старинной фотографии, некогда стояли штабеля дров – нескончаемые и по размеру сравнимые с египетскими пирамидами, а на их памяти уже, по распоряжению страстного болельщика Глеба Александровича, были распланированы футбольное и баскетбольное поля.

Что тут скажешь, картины запустения и разрухи ошеломили мертвецов. Не удивительно, что именно о родном заводе заговорили они, когда оклемались немного. Впрочем, Левчук начал высказываться, ещё не отдышавшись окончательно, и потому выдавал свои ценные соображения прерывисто:

– Это же надо... до такого довести... наш замечательный завод...

– Хватит ныть, Харитон! – буркнул Порфирий Исаакович. – Как нам с вами ни больно, но в гибели нашего завода была... Она, погибель, в общем, была в те времена закономерной.

– Уж не заговариваетесь ли вы, Порфирий Исаакович? – угрожающе протянул Карякин. – Это ж надо, в чём закономерность нашли...

Мастер цеха дефекации злился, потому что до глубины сердца был уязвлён и лично обижен разбоем, устроенным новыми владельцами завода в его цеху. Поэтому он и уселся на трёхногом табурете посередине цеха, спиной к главным безобразиям, и прямо на него падал сквозь одно из высоких окон золотой световой конус. Бывший главбух отвёл от бывшего мастера глаза: выглядели его товарищи по несчастью так, что куда приличнее им было бы прятаться по тёмным углам, как, впрочем, раньше и поступали. Стоит ли в таком виде лезть под софиты киношников? Предчувствие неудачи обожгло Порфирия Исааковича, но он перемогся, собрался с мыслями. И ответил куда более мягко и вежливо, чем собирался ещё полминуты назад.

– Я дольше вас, Семён, землю потоптал, больше успел увидеть, так что лучше бы вам не злобиться на меня, а послушать. Помнится, в советские времена сахара местами не хватало, особенно как пойдут осенние заго-

товки. А тогда и населения на Украине было побольше. Помните ли вы гордые плакаты «Нас 52 миллиона»?

– А как же... – подтвердил Левчук и вроде бы улыбнулся, а там не поймёшь его безгубого. – Было дело... Нет, чтобы подумать... Что дурное дело нехитрое...

– В тот горестный год, когда и я покинул юдоль плача, население Украины составляло уже от силы 48 миллионов. Так что нехитрое, но приятное занятие перестало обеспечивать прирост народонаселения. Уже при вас молодые не решались заводить детей, а роддом в Крольчанске простаивал. Сколько нас... их, то есть, украинцев сейчас, боюсь и прикидывать. А если людей меньше, то и сахара для них не нужно производить столько же, сколько раньше. Вот наш завод и оказался в лишних. Это раз. И вы же сами видели, как обеднел народ. А бедняки сахара потребляют меньше. Это два.

Карякин ощерился:

– Имел я вашу логику, сами знаете куда! Так и представляю, как вы откидываете костяшку на ваших счётах! Есть и три?

– И четыре тоже. А счётами давно никто не пользуется. Так вот, тогда победил тезис: «Покупать лучше, чем производить». Ясно?

– А для кого... Для кого лучше, Порфирий Исаакович?

– Молодец, Харитон, в яблочко! Да для коммерсантов, что в других странах покупают, а у нас продают, для них лучше! И для производителей сахара в других странах, само собой.

– Так, постойте, не гоните лошадей! – вскинулся Карякин. – А почему бы нам тут, на Украине, не производить сахара столько же, как и раньше, а излишки не отвозить за границу?

– Да потому, Семён, что для этого надо было умишком пораскинуть, в экономике разбираться, в настоящей со-

временной, а не в этой нашей школярской политэкономии. Нам же тогда навязали капитализм, а наши шустряки начали со стадии первоначального накопления капиталов, прямо по Марксу. Легче было демонтировать дорогое оборудование, продать его за пфенниги на металлолом, зато быстро сбить копейку. Тогда это главное было...

– И что же во всём этом хорошего лично для меня, если кто-то сбил быструю копейку? – занял Левчук. – Знаете, братцы, мне что-то назад в могилку захотелось... И плевать мне на то, что для партийного или комсомольского жлоба тогда было главным...

Карякин только вздохнул. Окна цеха начинаются высоко над полом, поэтому он подошел к двери, в которой сам когда-то выдолбил и застеклил смотровое окошечко. Выходит оно как раз на здание заводоуправления, да и ворота на виду. Это позволяло избежать неожиданного визита начальства, если у него в цеху творилось что-нибудь запрещённое или готовилась обычная пьянка... Эх, ведь была же житуха!

Прищурился мастер дефекации, присмотрелся к тому, что происходило на площадке у ворот... У самого потеплело на душе, и захотелось ему друга Харько развеселить. Снова пересёк он золотые конусы, высветившие мириады пылинок, и навис над распростёртым, как блин на сковороде, «лейб-доставалой».

– Харько, кончай придуриваться! Посмотри лучше, что на площади творится. Такого ведь ты не видывал, чтобы два белых лимузина сразу...

– Я и одного белого не видел, правду сказать... Лучше, ей-богу, ещё полежу, Сеня.

– А погоды, погоды стоят какие! За те дни, что мы... снаружи обретаемся, в общем... ни одной ведь капли дождя!

Подошёл к двери главбух, наклонился немножко к окошечку, постоял. Плечо ему довольно живописно замотали остатками плащ-палатки, уцелевшими после злополучного дуплета из директорской двустволки. Мастеру показался он в таком виде похожим на картинного итальянского нищего, только вот широкополой шляпы не хватало. Когда же повернулся Порфирий Исаакович к товарищам, имел на лице выражение скорее унылое.

Пожевал-пожевал главбух синими губами, да и говорит:

– Знаете, эта задумка Петра Трофимовича с киносъёмками нравится мне всё меньше и меньше. Боюсь, что если не выйдем к ним, как только Харитон Ильич оклемается, я не решусь нос высунуть. И не будем ждать их здесь: тягостная тут, в цеху, атмосфера. Уж лучше мы сами к ним пойдём.

– Отлично! – Карякин радостно потёр руки и, кажется, вывихнул при этом себе большой палец. – Только не отсюда, не через площадь промаршируем. Лучше задами просочимся за контору и появимся из-за неё. Вот где будет явление Христа народу! Потом люди скажут: «Аналогичный случай был только в городе Одессе!»

– А что там случилось, в Одессе? – осведомился главбух подозрительно.

– Не вижу смысла вам рассказывать, потому как и слов таких не знаете.

Глава 38

В тот же день, когда у нормальных людей обеденный перерыв. Площадь за заводскими воротами

Возле заводских ворот назревал конфликт. Загримированная с утра, Алевтина Францевна едва согласилась, чтобы ей на шею надели верёвочную петлю, а вот висеть на воротах сварливо и наотрез отказывалась. Пришлось Славику напомнить вполголоса Тарасу о необходимости прибегнуть к дипломатии, и Тарас объявил перерыв, чтобы олигарх смог пообщаться с народом.

Олигарх принялся общаться незамедлительно. Обнялся со Славиком, пожал руку Тарасу и Степану Клавдиевичу, поцеловал ручку Алевтине Францевне, чмокнул в щёчку Стасю и сделал общий поклон. Остальной народ, которому и предназначался поклон, не успел сориентироваться, чего ему ожидать от великого человека, поэтому просто глазел на него, на лимузины и на Лизин прикид.

Толстощёкий молодой человек замешкался ненадолго, потом солнечно улыбнулся и заговорил напористо:

– Я тут, на съёмках, и четверти часа ещё не потерял, а уже вижу главную вашу проблему. Быстро и качественно отмыться – вот что вам необходимо! Я немедленно же связываюсь с замминистра обороны! Очаровательный старый бурбон – вы согласны, Алевтина Францевна? Из ближайшей войсковой части привезут дивизионный полевой помывочный пункт на десять душей. Солярка у

них своя. Подсоединяем ППП шлангами к ближайшему водоёму...

– Да тут водопровод имеется! – выкрикнул осветитель Димон и спрятался за Костю-звукооператора.

– Ещё лучше! Вообще же эта штука предназначена для дезактивации личного состава, но воду гонит замечательно горячую. А в чистом виде и работа веселее пойдёт.

– А как насчёт аванса, Ефим Валентинович?

Это Клавка спросила, но собравшиеся у камеры киношники сперва на олигарха посмотрели, а потом уже на смелую Девушку с веслом и хлопушкой. На лице Ефима Валентиновича нарисовалась такая искренняя потерянная невинной души перед лицом человеческого коварства, что и Клавку они увидели теперь словно его глазами, и общая мысль у всех промелькнула. Не хило бы, мол, тебе, девушка, сперва отмыться от кетчупа и мела, а тогда уже беспокоить занятых людей глупыми вопросами.

Олигарх прочистил горло, деликатно откашлявшись, однако осталось неизвестным, собирался ли он высказаться насчет аванса. Потому что раздался истошный крик. Это Димон вопил – и уже на бегу.

– Вот они! Я! Предупреждал! Теперь! На нас идут!

Продолжая выкрикивать нечто совсем уж нечленораздельное, Димон пролетел через ворота и пустился по шоссе. Однако никто не вздумал провожать его глазами, кроме разве Петра Трофимовича из окна сторожки, потому что открылось новое зрелище. Обойдя курилку, со стороны кемпинга к киношникам приближались мёртвые друзья бывшего технорука.

Режиссёр поколебался немного, но в первую очередь решил успокоить олигарха и его супругу. Приблизился к ним и произнес лёгким светским тоном:

– Это местные приколисты, из клубной самодеятельности. Они по-любительски загримировались под зомби и пришли на кастинг: я через нашего сторожа с ними договорился. Теперь и вы поучаствуете заодно, да сами, Ефим Валентинович, и примете решение, стоит ли с ними связываться. А заплатили бы, как в массовке... Наталья Денисовна, прошу подойти! Славик, ты готов? Это местная самодеятельность! Все слышали?

– Лиза, друг мой! – позвал вполголоса олигарх, глаз не отрывая от приближающихся синеличных лицедеев. – Тотчас же звони Марине, чтобы она ни в коем случае не возвращалась с детьми сюда.

– О да, дорогой! Но Лёночка будет сердиться, что не позвали на таких дядей посмотреть.

– Я кому сказал... О!

Тут Славик, до того молча присматривавшийся к пришлецам, потрепал Лизу по голому пухленькому плечу, пустил в ход знаменитую улыбку Асися и заявил снисходительно:

– Загримировались и приоделись мужички неплохо. Разве что слишком традиционно, я бы сказал. Ты, Лизанька, только не бойся, главное.

Наталья Денисовна, позабыв про всяких тебе знатных гостей, выдвинулась вперёд. Шумно втянула воздух в ноздри, повернулась к режиссёру и спросила строго:

– Неужели вы не чувствуете смрада, Тарас Андреевич? Или у вас насморк?

– Есть немножко, – кивнул Тарас. – Теперь и до меня дошло! Как ни удивительно, но местные энтузиасты сцены пустили в ход одоративную составляющую. Впрочем, они сейчас нам сами расскажут... Здравствуйте, господа!

Живые мертвецы нестройно и хрипло ответили на приветствие, однако рассказывать ничего не стали. Со-

бирались с мыслями, переминаясь с ноги на ногу и застенчиво поглядывая на пёструю толпу. А Славик вдруг присвистнул, протиснулся между Костей-звукооператором и Марточкой-малышкой, затесался в толпу и исчез. Тарас удивился необязательности, столь не характерной для этого всегда увлечённого своим делом творческого работника, но продолжил заполнять паузу:

– ...не помню только, Ефим Валентинович, в Париже или в Голливуде это было, но построили тамошние штукари в шестидесятые кинотеатр с запахами. Но для него, кажется, и спецфильмы снимались. Вот на экране, к примеру, появилось поле цветущих тюльпанов – тотчас же в зале распространяется их аромат.

– Тюльпаны не пахнут, Тарас Андреевич. Разве что травой, – отчеканила Марточка, неприязненно вглядываясь в провинциальных коллег. – В отличие от этих вот.

– Послушайте, – вдруг Лиза затараторила. – Я, кажется, поняла. Нам сейчас господа самодеятельные артисты разыграют сценку «Чарли Чаплин, Пат и Паташон». Они станцуют все вместе, потом Чарли Чаплин соло. Потом Чарли даст ногой под зад длинному Пату и как бы заведет его... ну, включит его. Я на «Ютубе» раз десять, наверное, просмотрела, до того уморно... А ещё...

– Извините, мадам, мне придётся вас перебить, – заявила Наталья Денисовна. – Я обращаюсь не к вашему мужу, а к Тарасу Андреевичу, потому что на съёмочной площадке главный – режиссёр. Это не по моей части, Тарас Андреевич. Тут не грим, вот вам и Анечка скажет. Я не знаю, как оно устроено, но это и в самом деле трупы. И плохой сохранности.

Тут раздался отчаянный визг. Оказалось, что чернявая Анна Вадимовна предпочла именно таким способом подтвердить слова гримёрши. Художник-постановщик визжала, вцепившись в свои коротко подстриженные

волосы, визжала безостановочно, делая только перерывы, чтобы набрать воздуха, поэтому, если что и говорилось в это время на съёмочной площадке, мало кто сумел расслышать.

А кое-что говорилось и делалось-таки. Толстощёкий олигарх высказал предположение, что ему показали голографическое кино. Лиза посоветовала мужу заткнуться, чтобы не смешить людей. Бывший главбух высказал предположение, что им, кажется, тут не рады. Прибежал Славик, уже с камерой на плече, принялся подталкивать актёров поближе к мертвецам, а всех остальных умолять, чтобы отошли. Не нужны они в кадре! Стася тем временем, левой ручкой зажимая себе носик, правой обняла Карякина за талию. Студенты-актёры всей компанией держали Панченко, чтобы не удрал. Левчук забытым теперь жестом просил закурить. Степан Клавдиевич обвис на своём сидении-трости, однако сумел добыть из кармана горсть таблеток, а вот запивать ему пришлось коньяком из фляжки, которая нашлась у Клавы-помрежа в той же наплечной сумке, где носила она сценарий, прочие бумаги и хлопушку. Тарас наслаждался ситуацией, воображая себя Одиссеем перед ямой с жертвенной кровью, куда слетаются ужасные тени мёртвых. А ещё ему позвонила, как всегда, очень вовремя, супруга Лилька. Осведомилась подозрительно, что там, мол, у вас за детский крик на лужайке, на что Тарас ответил по местному обычаю вопросом. Будто не знает она, что на съёмках всегда бестолковщина? А сейчас спонсор и продюсер пожаловали. Одарили визитом.

Глава 39

Тогда же.

На полпути от посёлка сахарного завода до Крольчанска, недалеко от шоссе

На зелёном холмике сидели в рядок четверо деток от двух до пяти и няня их Марина. Рассажены были детки наподобие того, как Марина, одолевшая два курса филфака, видела на лекции по русскому народному творчеству. Преподаватель приходил молодой и стеснительный, язык у него не очень хорошо был подвешен, вот и крутил записи скучных былин да показывал слайды. На одном из них, сфотканом из старой книжки, и увидела Марина, как бабушка в белом платочке, посадив на траву четырёх деток, рассказывает им сказку. И тоже среди ромашек.

Конечно же, повторение той деревенской идиллии вышло не полное. Там старушка в платочке, а здесь отпадная блондинка в стильном, до горлышка застегнутом английском костюмчике. Та из себя что-то выдавливает, а Марина по роскошной книжке фирмы «Rosman» читает с выражением. Там детки разномастно одеты, кто в фуражечке, кто в панамке, кто вихрами светит, а эти упакованы – ого-го! Там на маркой траве сидят, а тут на ковриках, принесенных Эдуардом из лимузина, и сам Эдуард на приличном расстоянии маячит – сторожит. Ну, и вряд ли у бабки-сказочницы были подобные заботы... А вот Марине пришлось Лёнечку посадить так, чтобы не смог из своего пистолетика стрельнуть ей в глаз пластиковой пулькой, а рядом с ним Олечку, чтобы

ручкой не дотянулась: обожает воткнуть няне в ляжку булавку.

Вернулась Марина мыслями к сказке, читает звонким своим голоском:

– «Тут лиса и говорит...»

– Лиска хорошая, – встряла Сонечка.

– Ага. Вот... «Мужик стал отворачивать голову волку да и задел лису по голове, и убил её до смерти, приговаривая: “Старая хлеб-соль забывается!”».

– Лиску жалко... – захныкала Сонечка.

Марина закусила губку и, оставив пальчик на странице вместо закладки, перевернула книжку задней стороной переплёта наверх, будто надеялась там найти, что ответить ребёнку на его замечание. Вот ведь, блин, абсолютно по делу малышка выступила...

– Маринка, а, Маринка! А вон Ивасик-Телесик летит!

В голоске Лёнечки, вечного пофигиста насчёт всех и всяческих сказочек, прозвучало такое искреннее удивление, что и Марина, позабыв обо всём прочем, зыркнула в ту сторону, куда он показывал своей шкодливой ручонкой. И впрямь невдалеке летели по небу два больших гуся, а под ними, уцепившись за их красные лапы, никакой, конечно, не Ивасик-Телесик, а тощий мужичонка в грязном белом костюме.

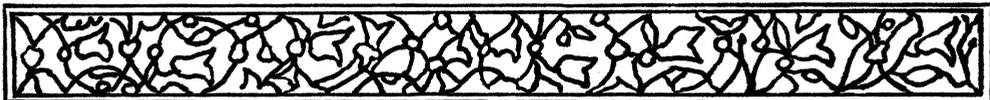
Тут призадумалась Марина. Как оно будет педагогичнее объяснить деткам? Можно ведь сказать, что Ивасиков-Телесиков не бывает, а можно и соврать, что это – Ивасик-Телесик. Так и не придумала ничего, решила промолчать. А Лёнечка опять:

– Маринка, а, Маринка! Вон Баба-Яга по небу летит, в мусорной урне и с метлой!

Огляделась Марина, показала детям в улыбке все свои белые зубки и попеняла нежно Лёнечке, чтобы над нею не прикальвался. И права в том была. Потому что

ведьма, гастролировавшая в Крольчанске, и вправду не пролетала тогда над полем в антикварной дубовой ступе. Обернувшись цыганкой-спасительницей Эсмеральдой, она ехала по шоссе на дамском велосипеде в сторону завода. В рюкзачке за спиной имела две иконы, две чёрные свечи и почти полную поллитровку приворотного зелья. Промчавшись по Крольчанску, три белых «Мерседеса» произвели сенсацию, и Эсмеральда надеялась срубить бабла на приезжих из столицы.

Глава 40

В то же время.

Площадь за заводскими воротами

А за заводскими воротами вдруг визг прекратился. Естественно, что все присутствующие, живые и мёртвые, тотчас же уставились на Анечку-художницу. Она же безмолвно указывала указательным пальчиком, длинным, костлявым, а в чём-то и весьма изящным, в небо над воротами.

Толстощёкий Фима повалился на колени:

– Слёзы счастья застилают мне глаза! Неужели это Ты, Иисусе, во всей славе Своей? Ведь земля отдаёт-таки своих мертвецов... Прости меня за то, что не верил старику Иоанну!

Поскольку же всем прочим слёзы счастья отнюдь не застилали глаза, они увидели в небе всего лишь двух крупных гусей, между которыми в воздухе болтался невероятно грязный мужчина. При этом киношники почти тотчас же узнали в пассажире свою пропажу, сценариста Веню Безыменского. Олигарх присмотрелся, насупился, как обиженный ребёнок, встал с колен, а супруга, ворча, принялась отряхивать ему брюки.

Между тем гуси снизились над площадью достаточно низко, чтобы летающий сценарист смог отпустить их лапы. Он и рухнул между воротами и толпой, едва не свалив сиротливо торчащий там штатив от камеры. Полежал сначала неподвижно, но тут один из гусей вернулся, приземлился рядом и пару раз ущипнул аэронавта за тощую задницу. Веня взбрыкнул пострадавшим

местом, а гусь, гогоча возмущённо, разбежался, размахивая крыльями, взмыл в воздух и, набирая высоту, пролетел прямо у толпы над головами.

– Никогда не мог понять, как они там этакое крыльями проделывают, – пробормотал олигарх. – И почему нынешняя хвалёная нанотехнология не может воспроизвести.

– Больше не о чем тебе подумать? – ткнула его жена в бок локотком. – Опомнись! Подумай о детях. Ведь если ты свихнёшься, кто будет... Нет, это же невозможно!

Веня между тем приближался, и видно уже было, что он оброс жёсткой седой щетиной и что на голове вместо шляпы имеет гнездо, из которого торчит сухая трава, и чуть ли не яичная скорлупа оттуда белеет. Да это просто чудо, что хрупкое сооружение удержалось у него на голове!

– Такого не бывает! – проскрипел вдруг Левчук, указывая на сценариста пальцем с синим пятном на месте ногтя.

– Не может быть, так может статься, Харько, – заметил наставительно мастер дефекации и снова повернулся к Стасе, чтобы продолжить светскую беседу. – Мы, девушка, никого пугать не хотели. Лично я намеревался только подзаработать деньжат. На зубную щётку и зубной порошок, без них вот и перед вами неловко.

– Зубной порошок опасен для эмали зубов! – выкрикнула злобно Лиза и схватилась руками за голову. – Боже мой, что за чушь я несу? Не лучше моего муженька...

– Да это же Лиза! – удивился Веня, но вяло эдак. – Ты-то откуда здесь взялась?

Вместо ответа Лиза взяла мужа под руку, а Славик, не отрываясь от монитора, попытался вспомнить, не служила ли она в кукольном театре. Выяснилось, что он

никогда не интересовался, где подвизалась Лиза, пока не вышла замуж за своего Фимусика.

– Сдается мне, Вениамин Моисеевич, – заметил олигарх язвительно, – что жители Крольчанска обмазали вас дёгтем, а вот вывалять в перьях забыли.

– А что такое дёготь, дорогой? – поинтересовалась Лиза.

– Это на мне никакой не дёготь, а натуральный мёд, – не теряя чувства собственного достоинства, отвечивал Веня. – Если не верите, Ефим Валентинович, можете найти на моём костюме место почище и лизнуть.

Тарас присмотрелся к нему, даже принялся, забыв о насморке. От Вени действительно несло приторно сладким, однако со спонсором и работодателем надлежит разговаривать поаккуратней. Он улыбнулся и тому, и другому, пожал плечами, устремив преданный взгляд на олигарха, а Веню попросил:

– Ты сядь, душа любезный, вон хотя бы на мой стул, передохни, отдышись. Мы все страшно рады, что ты вернулся, поверь. Твое появление, прилети ты эдак ещё полчаса назад, сделало бы здесь замечательную сенсацию, да только сейчас мы несколько отупели. Насмотрелись, знаешь ли... Твой замечательный полёт бледнеет перед тем, как у нас кастинг повернулся. Ты хоть видишь, что у нас тут творится?

– Угу, мертвецы заявили, – отвечивал Веня безмятежно. – Сдается мне, стоящие. Но сценарий для них, в который уже раз, переделывать не буду! После того, что я пережил в дупле с мёдом, у меня, похоже, изменились взгляды на жизнь.

Веня повел чёрными печальными глазами, разыскивая стул, но его опередила бабка Паша. Как была, с верной шваброй наперевес, бросилась она защищать казённую собственность. На выразительном лице Вени нарисова-

лось такое страдание и такая обида на чёрствое человечество, что Марточка не выдержала. Выхватила из заднего кармана джинсов чёрную пластиковую штучку, похожую на большую мобилку, дёрнула ею в сторону бабки Паши, потом в сторону олигарха... И вдруг подскочила к разинувшему безгубый рот Левчуку и ткнула приборчик ему в руку!

При этом прокричала она что-то вроде, как вы, мол, смеете, Венечку обижать, но к ней мало кто прислушивался. Потому что все смотрели на человека-плюшку. От него пошли искры, на площадке запахло, будто на нескошенном лугу во время грозы, а затем хлынула волна ещё более густого смрада. Между тем удивлённое выражение на плоском, как у монгола, лице Левчука сменилось выражением нечаянного удовольствия, а затем и полнейшего счастья.

Марточка выронила шокер, охнула, сжала ручками щёчки и замешалась в толпу.

– Спасибо, детка, – проскрипел Левчук, не без труда поднял игрушку и, словно мочалку в бане, принялся совать её под мышки своих рук-ласт. – Ну, прямо-таки офигенно освежает!

Карякин отстранил от себя Стасю, с которой позировал Славику чуть ли не в обнимку:

– Я извиняюсь, девушка... – и вдруг ловко выхватил у Левчука шокер. – Ты забыл, Харько, что товарищ Ленин завещал нам делиться!

Однако на кого остатки заряда хитрого устройства подействовали и в самом деле живительно, так это на бывшего главбуха. Он принялся плясать! Конечно, далеко было Порфирию Исааковичу до орденоносца, лауреата Сталинской премии второй степени Николая Черкасова, протанцевавшего своего Пата не только в клипе, что потешил Лизу, но и чуть ли не во всех цирках

довоенного СССР и на огромном количестве его эстрад и клубных сцен. Однако съёмочная группа оценила несколько судорожный ритм Порфирия Исааковича и своеобразие его неуклюжих па. Лиза начала прихлопывать ему, Стася притоптывать, а тётя Паша завела лишённым приятности фальцетом:

И по камешку, по кирпичику
Растащили кирпичный завод.

Костя-звукооператор принялся искать в своём планшетнике подходящий аккомпанемент, однако он же первый, с его музыкальным слухом, распознал в общем гаме новые, тревогу в души вселяющие звуки. Замахал на гротескного плясуна своими длинными руками, шикнул, побуждая весёлую гоп-компанию утихомириться, – и вот уже все услышали невдалеке собачий лай.

Притих киношный народ и сбился в кучу, когда из-за курилки появилась овчарка на поводке, а за нею двое ментов в форме и трое, два мужика и баба, в штатском. Степану Клавдиевичу пришлось искать по карманам новую порцию лекарств, а Карякин жёлчно предположил, что в ментярне наконец-то раскопали его страшное преступление: в 1957 году он стырил пирожок с ливером ценой в тридцать восемь дореформенных копеек в буфете станции Жмеринка Юго-Западной железной дороги.

Когда же Альма, прямо-таки подылавшая от любопытства, подтянула свою команду поближе, и Сержант, державший под мышкой большую чёрную книгу, по команде Товарища Капитана спустил овчарку с поводка, разглядела она, что у одного из ходячих мертвецов в руке неизвестное оружие, а самый шустрый из живых нарушителей имеет нечто большое и непонятное на пле-

че. Она тут же умерила прыть, уселась на безопасном расстоянии, высунула язык и оглянулась на своих. Те подтянулись к ней, а киношники принялись громко обсуждать появление в ментовских рядах попа с кадилом, яйцеголового с приборами и размалёванной старушки.

– Да их капитан по дороге арестовал! – сообразила художница Анечка, и почти все с нею в душе согласились. Только Левчук покачал сплюсненной головой: он подозревал, что попа подослала его богомольная Оксана.

Тут капитан Ханенко выпятил губу. Потом проделал правой рукой свой знаменитый жест, затем подбоченился. И выдал слабакам-киношникам на всю катушку:

– И кто же теперь насмеется сказать мне в эти мои честные глаза, что вы тут не нарушаете?

И что на такое ответишь? Однако Лиза подтолкнула гениального своего мужа, и тот понёс всякую чепуху:

– Здесь, капитан, происходит творческий процесс. А все юридические вопросы вам удобнее будет уладить с моим адвокатом. Э-э-э... А где, кстати, Эдуард?

– Он с Мариной, охраняет твоих детей, дорогой, – трагическим шёпотом ответила Лиза.

Пока капитан Ханенко переваривал услышанное, а главное, пытался сообразить, не свела ли его судьба на этот раз с настоящим олигархом, тем самым, благодетелем подполковника Ивана Степановича, вперёд решительно выступил бывший главный редактор. Не в последнюю очередь толстяка подвигло на этот судьбоносный шаг то обстоятельство, что его впервые в жизни снимали такой большой, профессиональной кинокамерой.

– Дорогие мои крольчанцы и гости нашего замечательного города! А главное, я к вам обращаюсь, дорогие мои соотечественники, по неизвестным науке причинам оставившие свои могилы и тем самым, это уже не-

сомненно, прославившие наш Крольчанск! Я знаю, что среди вас находится бывший главный бухгалтер нашего завода. Уж вы-то человек образованный! Не стесняйтесь, выйдите вперед, чтобы я мог сфотографировать вас для науки уфологии и зафиксировать ваши физические параметры! Да гад я буду, если мы все вместе не срубим на этой сенсации капусты! Сто тысяч дьяволов мне в печень!

– Сенечка, выйди к людям, мой хороший, – и себе принялась выкатать Фросина. – Не бойся, я не за должком пришла... То есть не только за должком, а ещё...

– Заткнись, старуха! – гаркнул тут олигарх, стряхнул с себя руку попытавшейся придержать его супруги, встал в боксёрскую стойку и боксёрским же шажком подскочил к уфологу. – Ты как только что сказал? «Сто тысяч дьяволов тебе в печень», говоришь?

Игорь, белый как мел, только кивнул.

– Так, значит, ты и есть тот самый «Зелёный человечек»?! Колись, троль вонючий!

Неожиданность разоблачения столь ошеломляюще подействовала на Игоря, что он даже и не попытался отмазаться. Молчание самозваного ученого ещё больше разъярило олигарха, он сдёрнул с себя галстук, попробовал порвать – не вышло, тогда бросил под ноги и принялся топтать.

– Отхлынь, женщина! Есть, есть Бог на свете! Есть-таки божественная справедливость! О, как мечтал я встретиться с тобою лицом к лицу, троль ты затраханый! Знали бы вы, как он измывался надо мной на сайте «Гармония христианского мироустройства», как подло глумился над моими тонкими богословскими и экзистенциальными соображениями, над излипаниями моей страдающей души, он, тупой провинциальный уродец! Пришлось на корню купить сайт, чтобы только заткнуть

это извержение дерьма пополам с блевотиной! Эй, охрана! – и обвел толпу налитыми кровью глазами. – За кой хрен я вам плачу, спрашивается? Хоть придержите слизняка, чтобы я ему врезал на первый случай!

Тут активизировались три охранника в чёрных костюмах, каждый с радиостанцией на левом ухе, которые до команды хозяина старались раствориться в толпе. Один из них стоял возле Кости-звукооператора и, несмотря на чёрный костюм и чёрную же блямбу в ухе, выглядел, как его брат-близнец. Второй прикрывал хозяина и его супругу от живых мертвецов, но под них не маскировался, а косил под фонарный столб. Ещё один на всякий случай торчал перед Альмой и пытался выдать себя за выведенного на прогулку чёрного водолаза. Обменявшись условными жестами, два чёрнокостюмных умельца проскользнули к Игорю и заломили руки ему за спину, а третий остался на линии между мертвецами и своими хозяевами.

– И найти такую вошь невозможно! Лучшие хакеры тебя искали! Комп собран чёрт знает где из чёрт его знает чего! Оригинал «Windows» был продан в Могадिशе в прошлом тысячелетии! Получай же теперь, поц!

С уфолога посыпались его цацки, он завопил от ужаса – и тем помог менту Ханенко стряхнуть с себя оцепенение. Уязвлённый до самой глубины своей души, капитан прошипел:

– Таким образом, значитесь? Это у вас социальная справедливость такая? Это она, ваша, с позволения сказать, политкорректность? Дружинника, представителя СМИ – хватать? А ты чего стоишь, сержант, почему их не вяжешь? А тебе, Альма, особое приглашение требуется?

Сержант и Альма сунулись было вперёд, но Сержант сразу же получил от одного из чёрнокостюмных локтем

в нос, облился красной юшкой, выронил из-под мышки чёрную книгу и больно ушибся задом об асфальт. Сержанту так давно не давали сдачи, что от боли и обиды он заплакал. Альма тотчас же уселась тоже, но на таком расстоянии, чтобы лап не отдавили, и принялась подвывать. При этом она косилась на Товарища Капитана (субординации-то ведь никто не отменял), но божеству оказалось не до команд. Живые мертвецы молча, но яростно набросились на него и стали неумело махать руками и ногами. И хоть они заметно мешали друг другу, длиннорукому главбуху удалось-таки пару раз достать вонючим кулаком капитана: в первый раз скользнуть костяшками по обтянутому жирной кожей твёрдокаменному лбу, а во второй – сбить с головы словно приклеенную в обычное время фуражку.

Порыкивая, капитан Ханенко отступал к бывшему заводууправлению – пока пролаза Левчук не подкатился к бабке Паше, не выхватил у неё швабру и не исхитрился всунуть её между ногами капитана. Ужасный мент рухнул, как крепостная башня, подсеченная коварным подземным взрывом, и Карякин с победным хрипом запрыгнул ему на живот... Потрясённая до глубины собачьей души, Альма коротко взвыла и прикрыла лапами морду, чтобы не видеть позора бывшего своего божества. Баба Паша, лишившись швабры, стащила у Алевтины Францевны с шеи верёвку и, сложив в несколько раз, принялась лупить Фросину, обзывая при этом почему-то ментовской подстилкой. Лиза со Стасей, обнявшись, с гордостью наблюдали, как раскрасневшийся Фимусик тузит компьютерного тролля.

Киношники тоже не стояли без дела. Наталья Денисовна и успокоившаяся Анечка присматривались к живым мертвецам, соображая детали грима и костюмов на будущее. Славик и Тарас всю снимали,

Костя-звукооператор обеспечивал автономную запись звука, пока вдруг не замер на месте и не выматерился долго и замысловато. Оставив аппаратуру, он исчез за углом бывшего заводууправления и вскоре возвратился с пожарным топором, выщербленным, но в остатках красной краски. Расставив длинные ноги, принялся Костя-звукооператор размахивать топором, грозно поглядывая на живых мертвецов, но с места, однако, не сдвигаясь. Худышка Нателла колотила кулачками по спине толстяка Панченко, а качок Богдан, имея трудно объяснимое выражение на обширной физиономии, подругу оттаскивал. Алевтина Францевна, по-наполеоновски сложив руки на груди, презрительно наблюдала за свалкой, малышка Марточка шныряла под ногами у бойцов, разыскивая свой шокер. Только отец Сергей одиноко стоял себе поодаль и засовывал кадило в наплечную сумку. Он хвалил себя за то, что додумался заранее не раздувать угли в кадиле, а бутылку со святой водой вовсе не вынимал.

Тем временем в открытые по-прежнему ворота въехала на велосипеде ведьма-спасительница Эсмеральда. Бросив цепкий взгляд на схватку, она прислонила велосипед к забору, добыла из недр своей длинной чёрной юбки коробочку с визитными карточками и принялась всучивать их зрителям, начав с Алевтины Францевны. После некоторого колебания подошла она и к отцу Сергию, сунула визитку ему в руку. Тот удивленно поднял брови, когда одетая монашкой не попросила у священника благословения, поднёс карточку к близоруким глазам – и вдруг хищно усмехнулся:

– Пресловутая Эсмеральда собственной персоной, это же надо! А вот я вас, ведьма, святой водой!

Цыганка фыркнула, ловко выхватила у него свою визитку и, уже отходя, пообещала нанести крайне тягост-

ную для мужчины порчу. Вздохнул отец Сергей элегически: уж если преподобный печерский Моисей Угрин, главный православный спец в таких делах, не откликнулся на его горячие молитвы, не пожелал избавить от плотских искушений, то эта мелкая мошенница не сумеет и подавно.

Вот именно к нему, к отцу Сергию, направился по широкой кривой в обход схватки Пётр Трофимович, когда решился, наконец, отойти от сторожки. Благословляться не обученный, он просто поздоровался и снял шляпу. Потом, подмигнув пару раз и подёргав ненужно подбородком, вздохнул и заговорил:

– Ничего хорошего из этого не выйдет, господин священник. Мои сотрудники по сахарному заводу кайфуют в данный момент, потому что подарили себе глоток свободы, как о том доцент Аристарх Николаевич говорил. Но закончится заварушка – и станет нам всем ещё хуже, и совсем заест меня позорный мент Ханенко, хоть сейчас, вот и вы свидетель будете, я и пальцем его не тронул. А как хочется!

– Меня принято называть «отец Сергей»... Я не в укор какой, а так, для порядка. Вы ведь техноруком были тут, на сахарном, а это ваши товарищи, погибшие в пикете двадцать лет назад?

– Угу. А меня Петром Трофимовичем кличут.

– Простите меня, Бога ради, за то, что не решился помочь вам тогда. Молодой был, неопытный, с юной женой на руках и маленькими детьми. Теперь уж постараюсь защитить вас, если что. А про глоток свободы вы хорошо сказали. Только те, кому, как нам с вами, довелось невинными в крытке чалиться, знают страшную цену, которую приходится платить за радость бунта. За призрачную радость, не угодную Богу, свирепо преследуемую жестоковыйным земным начальством.

– А сегодня за что вас мент Толька Ханенко загрёб?

– Загрёб, говорите? Ну, ну... Сагитировал меня вон тот лысый, из которого пыль выбивают, изгонять бесов из ваших товарищей. Однако они так здорово вписались в общество живых, что поневоле думаешь, что в нём, в обществе, злых бесов сидит немерено, и не достанет у меня на них на всех ни ладана, ни святой воды. Ментам не до меня сейчас, так что я поглазею ещё немного, дивясь бывшему, да и побреду в свои палестины. Как раз успею к обедне.

– Да вы только гляньте, святой отец! Я уж думал, что сегодня на сахарном заводе стряслось уже всё, что только могло случиться...

А это древняя карета «скорой помощи» на полном ходу пролетела через ворота, сбила треногу штатива и затормозила аккурат перед свалкой. С места рядом с водителем спустилась чернявая женщина средних лет в белом халате и решительно зашагала к живым мертвецам, как раз усевшимся передохнуть на бездвижном капитане Ханенко.

– Эсфирь Давыдовна! – ахнул Пётр Трофимович и дёрнул рукой, чтобы снять шляпу с уже непокрытой головы. – Совсем не изменилась! Боевая женщина!

– Да уж, эта дама спуску никому не даст, – подтвердил отец Сергей.

А Эсфирь Давыдовна заявила:

– Это что же вы тут творите? Я к вам обращаюсь, обитатели кладбища! Невиданное безобразия! Марш в морг на всестороннее обследование! Тотчас же!

Недовольно обернулась она, потому что в небе застрекотали движки военных вертолётчиков. В открытой дверце переднего сидела омовенец с пулемётом на коленях и болтал ногами.

– А ну назад! Не нужно вас тут! – погрозила омовцам кулачком Эсфирь Давыдовна, – и вертолётцы послушно развернулись. Улетели. Исчезли.

– Ну и сильна же Эсфирь Давыдовна! Но мои хлопцы и ей не поддадутся! – воскликнул Пётр Трофимович и повернулся к собеседнику, ожидая одобрения своих слов.

Отец Сергей едва ли и слышал его, вряд ли и на вертолётцы обратил внимание. От малышки Марточки, вот от кого не отрывал он восхищённых и робких глаз. Неужто не обман случился зрения, и это неземное создание в самом деле ему улыбнулось?

Эпилог

Тогда же, на шоссе между сахарным заводом и Крольчанском

Отец Сергей смотрел себе под ноги, и его ножищи в дешёвых сандалиях казались ему нелепо громоздкими и уродливыми рядом с маленькими ножками Марты. Духом он воспарил высоко и оказался способен размышлять одновременно о самых разных вещах. И о том, посмотрит ли епископ сквозь пальцы на его развод, и о том, что не сразу, медведь этакий, догадался забрать у Марты её рюкзачок. И как хорошо, что она не торопится, и как приятно было сидеть на обочине и наблюдать за малышкой, пока она собирала придорожные ромашки и плела себе венок. И смелую – в мечтах потому как – выработывал он стратегию собственного преобразования из временного спутника Марточки, пообещавшего отвести на автостанцию и посадить на киевскую маршрутку, в вечного спутника её жизни. Чтобы она всегда вот так же болтала, как сейчас, рядом с ним, и не имеет большого значения, о чём звенит её милый голосок... Не имеет? Отчего ж это не имеет?

– ...даже и не видела его никогда. Алименты приходили по почте, а сам никогда нам с мамой не показывался. Мама думала, наивная, что ему стыдно было.

– Отсутствие отцовского попечения более опасно для развития мальчика, нежели девочки, – осторожно заметил отец Сергей.

– Я знаю... Ходила я (по другому, правда, делу) к психоаналитику, и он объяснял, что именно семейная ситу-

ация вызвала у меня тяготение к мужчинам постарше себя... Послушайте, Сергей Михайлович, а вы уверены, что я успею на маршрутку?

– И даже успеете попить у меня на дорожку чайку с крыжовенным вареньем, – предложил он как бы в шутку, а сам посмотрел, как отреагирует. Кивнула только, слава Богу. И отец Сергей решился. – А нельзя ли узнать, по какому делу навещали вы того самопального фрейдиста?

– Психоаналитика? – переспросила она, с явным удовольствием произнося мудрёное слово.

Отец Сергей испытал нелепый укол ревности, тут же забытый. Потому что малышка кокетливо улыбнулась ему.

– Вы ведь тоже постарше меня будете, а ходила я, тратилась по-глупому именно из-за сложных отношений с мужчинами вашего возраста. И вовсе не собираюсь подробно вам докладывать... А что вы там увидели, Сергей Михайлович?

Он углядел на шоссе тёмное пятно, приближающееся со стороны сахарного завода. Прищурился – и показались ему движения пешехода знакомыми.

– Кажется, там Дымов, бывший заводской технорук, нас догоняет.

– Да, это тот чудик, сторож, – подтвердила Марта. – Так о чём это мы с вами говорили?

Не желая напоминать, он судорожно придумывал безопасную тему, пока его не выручил Пётр Трофимович. Тяжело топая и шаркая подошвами, тот подбежал – и тут же повалился на выгоревшую траву обочины. Как только немного отдышался, проговорил:

– Давно не бегал... Сердце... ни к чёрту...

– Чем же мы обязаны тому, что вы трудились нас догонять? – осведомился отец Сергей, недовольный тем,

что чужак нарушил их тет-а-тет с Марточкой, и досаду-ющий на себя за это.

– Да вот нашёл я вашу игрушку, девушка, – и Пётр Трофимович осторожно достал из внутреннего кармана и вручил Марте её шокер. – Я ж видел, как вы искали, беспокоились. Рассчитывал вас на автовокзале перехватить... Дорогая, наверное, штучка.

– Вот спасибо! Да нет, не очень. Я через интернет-магазин купила. С шокером себя чувствуешь куда безопаснее.

– А я там ещё свою книгу нашёл. Я её на кладбище оставил, вроде как для буккроссинга, а менты на завод зачем-то принесли. Тоже на земле валялась.

– Это чёрная такая, толстая? – оживился отец Сергей. – Так это ваша? Позвольте полюбопытствовать: зачем вы на кладбище с книжками ходите?

Пётр Трофимович рассказал ему всю историю, связанную с книгой «Ленин и Сталин в творчестве народов», – и до того изумил, что отец Сергей даже позабыл на минуту о существовании Марточки.

– И Ефим Валентинович вот так же удивился, – кивнул Пётр Трофимович. – И, представьте, вдруг пожелал её купить. За пять долларов. Вот только наличных у него с собой не нашлось, он набрал в мобильнике номер моей пенсионной карточки и перешлёт на неё.

Марточка фыркнула. Отец Сергей спросил поспешно:

– А зачем бы богачу покупать эту вашу книгу про Ленина и Сталина?

– Меня этот вопрос тоже интересовал, но неловко, знаете, было спросить, – признался Пётр Трофимович. И добавил безмятежно. – Наверное, надеется с нею мёрт-

вых оживлять. Ему же покойников больше понадобится, для его партии «Блок живых и мёртвых за правду и справедливость» – или как-нибудь этак вот.

Как оказалось, когда драка утихла, олигарх поставил перед ожившими мертвецами вопрос ребром: или они вступают в его партию, или попадают в руки к Эсфири Давыдовне, а уж она их так в морге располосует, что оттуда дорога одна – назад в могилы. Ну, они и купились, больше за обещание, что при удаче и в парламенте удастся позаседать.

– «Блок мёртвых и живых», это скорее для коммунистов подходит, – серьёзно заметил отец Сергей. – Так значит, олигарх пообещал вашим друзьям проходные места в избирательном списке?

– Вроде того. И сказал, что такие бойцы обеспечат победу своей партии в любой парламентской драке.

– Мужчины, сейчас же прекратите говорить о политике! – пискнула Марточка. – И почему бы нам не продолжить путь?

– Мнится мне, – робко выговорил Пётр Трофимович, – что я для вас двоих типа третий лишний. Если желательно вам, я поспешу вперёд, а вы уж...

Малышка только ресницами из-под сплетённых ромашек захолопала, а отец Сергей запротестовал поспешно. Краем глаза увидел он в небе в стороне Крольчанска тёмную тучку, при приближении оказавшуюся стаей воробьёв, вот только не до птиц небесных ему тогда было. И уж вовсе никто не заметил, как поднялась над придорожной канавой отвратная голова чупакабры и сразу же спряталась. Тем временем Пётр Трофимович приободрился:

– А вот уже не о политике, девушка. Мне кажется, вам, отец, как психологу-практику, тоже будет интересно.

– С чего бы это я у вас оказался психологом-практиком?

– А это так о приходских священниках доцент Аристарх Николаевич отзывался. Даже психотерапевты они, говорил. То есть вы.

– О! – это Марточка уважительно.

– Так вот, хотел я найденную штуку хозяйке вернуть, это само собой, но в то же время мне вдруг припекло слинять с завода. Последний разстряслось со мною такое, когда мы году этак в... Чёрт с ним, неважно, в каком точно году. Монтировали мы центрифугу после ремонта, и будто мне кто-то в ухо шепнул: «Уходи». Другими, правда, словами, не при девушке повторять...

– «Не стой под стрелой!» – звонко проскандировала Марточка. – Правильно?

– Ну, в общем-то... Я и отошел в сторонку. А через несколько секунд на это место сорвался с крюка ротор, весом не меньше...

Не договорил Пётр Трофимович, потому что на шоссе послышался тонкий писк и слитный шорох тысяч маленьких лапок, а сплошной серый ковёр, напозающий со стороны Крольчанска, перед сандалиями отца Сергия разбился на два потока мышей, бок о бок, плотно бегущих, чтобы рассеяться по полю. От города донёсся истерический собачий лай, но и кошачий ор тоже. Отцу Сергию пришла в голову нелепая мысль, что это собаки, вдруг взбесившись, напугали кошек и мышей. А Марточка завизжала, взглянула на одного спутника, на другого – и вдруг подпрыгнула и повисла на шее у Петра Трофимовича.

И вот тогда в небе, со стороны Крольчанска, скрытого за бутром, внезапно возникла ослепительно белая

капля, и нельзя уже было оторвать от неё глаз. На лету она мгновенно вытянулась, потом разбухла впереди в сияющее круглое облачко... Всё вокруг ярко осветилось, а потом по ушам ударил треск, похожий на звук разрываемого холста.

– Ложись! – выкрикнул бывший технорук, стряхнул с себя малышку, бросился на асфальт, сдёрнул с носа и спрятал очки, а последним движением придержал обеими руками шляпу на голове.

А вот отец Сергей зазевался и не успел прикрыть собой Марточку. Тугая пыльная волна прошла над ними, сорвав с малышки венки. Других потерь они не обнаружили, когда встали, отряхнулись и догадались осмотреть друг друга. С двух сторон, от завода и от города, донеслись крики. Отец Сергей некстати припомнил, что такие отовсюду слышались в Киеве, когда он праздничными вечерами снисходительно наблюдал фейерверки.

– Что это было? – прошептал Пётр Трофимович. – Неужели наши малохолдные вояки опять не туда запустили ракету?

– Это не ракета. Метеорит вроде Тунгусского... Нет, больше похоже на Чебаркульский, – пробормотал отец Сергей. – Там, на Урале, только окна побило, а осколками стёкол поранило людей. Никто, слава Богу, не погиб. Авось и у нас не хуже. Ничего... Вы не бойтесь, Марта.

– Да не боюсь я вовсе, – выдавила из себя малышка. И заплакала.

– Что за чушь? Какой ещё Чебаркуль?! – возмутился Пётр Трофимович.

– Да вот такой Чебаркуль! Вы, что же, в ящик совсем не заглядываете? – закричал отец Сергей, побагровев. – И что за память у вас дырявая?

– В какой такой ящик?!

– Корчите из себя юродивого! Господи, прости меня грешного...

– Родненькие вы мои, перестаньте цапаться, – сквозь слёзы попросила малышка. – И сойдите оба с дороги. Неужели сигнала не слышите?

А это по шоссе стремительно приближалась, тревожно завывая, старенькая карета «скорой помощи». Неожиданно начала тормозить и, прокатившись мимо них, остановилась. Раздался недовольный бас, наверное, водителя, потом дверца кабины с лязгом распахнулась, и высунулась по-прежнему энергичная Эсфирь Давыдовна.

– Эй, врачебная помощь не требуется? У вас, мужчины, вид какой-то неадекватный.

Стоявшие в ряд на обочине синхронно замотали головами, а Пётр Трофимович ещё и спросил осторожно:

– Я извиняюсь, но у вас в кузове не мои ли сотрудники? Те, неживые, в некотором то есть роде?

– Удивительное безобразие! Наотрез отказались от обследования! Я госпитализирую киношного старичка с острой стенокардией и пожилую даму с иностранным именем-отчеством – не понравилась она мне, хоть и бодрится.

Исчезла в кабине Эсфирь Давыдовна. «Скорая» взревела, споро поднялась на ближайший бугор и исчезла за ним, оставив облачко бензиновой гари. Над невидным с дороги Крольчанском успели, оказывается, подняться два столба дыма. Над обочиной дороги повисло неловкое молчание.

– Я прощения прошу, – трудно вымолвил отец Сергей. – Сам не понимаю, откуда злоба взялась. Видимо, перетрусил я от души...

– Это я виноват, отец. Всё нервы проклятые...

– Вот и хорошо, что объяснились, Трофим Петрович, – почувствовал, что голос у него дрожит, но ничего не смог с этим поделать. – Я вот как раз думал... Хорошие мы люди, здесь, на Украине, мирные. Таких на Земле немного. Повыступать, побеситься, даже подражаться – всегда пожалуйста, но... Разве не поразительно, что даже в многолюдную, с сильными национальными эмоциями, Оранжевую революцию обошлось без жертв? Кое-кто пошел на посадку после неё, кое-кто чалится сейчас, но не с колодкой же на шее! И сегодня ведь если и накостыляли кому, так это по делу... Господи, что там снова?

Теперь со стороны бывшего сахарного завода слышался лёгкий и частый стук. Повернулись туда мужчины, прищурились – ментовская овчарка мчалась к ним, без голоса, изо всех сил торопясь, и это её когти стучали по выметенному взрывной волной асфальту. Невольно все трое отступили на шаг, но овчарка была уже рядом. Проскочила по инерции мимо, тут же вернулась и, ухватив священника за подол рясы, потащила в кювет. Легла на дно канавы и прикрыла морду лапами. Теперь уже отец Сергей не оплошал. Уложил он покорную малышку в канаву, заслонил собою, а в глазах стояла картинка вида на завод. Слева к башенкам его зданий спускалась с небес такая же сверкающая капля, как та, что надела бед в Крольчанске, а справа возносилось над заводом нечто, похожее на чёрную запяточку.

На этот раз вспышка блеснула столь ярко, что свет проник сквозь веки закрывшего голову руками отца Сергея. И громыхнуло куда сильнее, чем в первый раз. Нестерпимо громкий треск разрывал, казалось, бара-

банные перепонки. Взрывная волна ахнула почти сразу же, и это было настоящее потрясение, от которого у отца Сергия помутилось в голове. Очнувшись, он увидел, что ряса задралась ему на голову, а когда неверными руками одёрнул её, обнаружил под собой девчущку в тунике и джинсах. Не сразу вспомнил, кто такая, однако поразился: хоть и лежит неподвижно, но явно цела. На этот раз у Дымова унесло-таки шляпу и оторвало правый рукав пиджака. Собаку протащило дальше по канаве, и теперь, взъерошенная, она возвращалась к новому хозяину с виноватым и обескураженным выражением на морде. Качаясь, поднялся отец Сергей на задрожавшие под ним ноги.

На месте сахарного завода клубилось море огня, странным образом принявшее форму красной розы с чёрными краями лепестков. Потом на его глазах поднялся классический «гриб», уже из огня и дыма, разбавленных пылью. Над верхней кромкой пламенного облака реяли какие-то предметы, близоруким священником не распознанные. В поле у шоссе, ближе к заводу, ярко пылала верхушка одинокого сухого дуба. И почудилось отцу Сергию, что оттуда пахло подгоревшим медовым пряником. Малышка, бывший технорук и овчарка стояли уже рядом с ним.

– Боже мой! Болид был больше первого и взорвался над самой землей. Там никто не выжил! – прокричал он и не услышал своего голоса. Перекрестился и воззвал столь же беззвучно. – Господи, упокой их души!

Потом слух вернулся к нему.

– Я видела, как кувыркался в воздухе белый «мерседес»!

– Привиделось, девушка! То паточный резервуар парил в облаках, что твой бумажный самолетик!

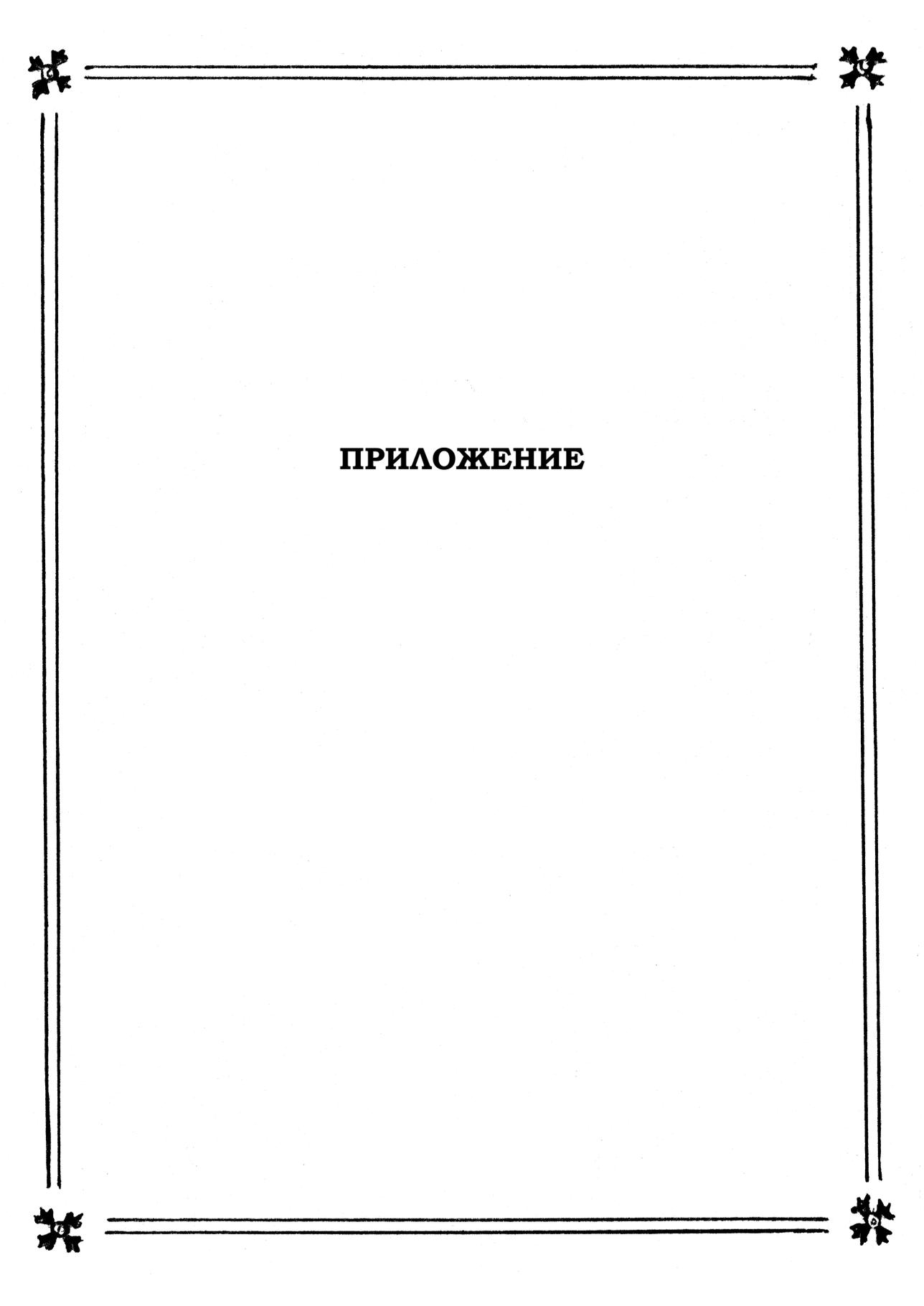
О чём они? Откуда такая бесчувственность? Нет, чтобы задуматься, почему погибли именно эти люди? Потому, что «семь пар нечистых», потому что устроили новые Содом и Гоморру? Отчего же не метнул Господь свой перун в развратный, печати негде поставить, Амстердам или в тот же Лас-Вегас? Опять у тебя, Господи, славяне во всём виноваты? И почему спасся он, самый безнадежный грешник из крольчанцев?

Тут почувствовал отец Сергей, что малышка держит его за руку, и услышал:

– Сергей, очнись! Тут где-то должны быть дети. Первым делом нужно найти детей, миленький.

2013 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Эпилог к повести
«Оживление мертвецов по-украински»*

Два неземных создания, инопланетяне Цгак и Квак переглянулись. Телепатически испросив согласие напарника, Цгак лёгким усилием воли выключил монитор электронного нанотелескопа и мысленно заявил Кваку:

– Надоел уже мне этот сериал. Пора придумать что-нибудь новенькое.

Квак ответил тоже телепатически:

– Может возьмём этого побитого мужичка, на нас похожего, к себе? Устроим бедняге семинар по его любимой уфологии?

Цгак промолчал. Они вообще не спорили между собой, Цгак и Квак, а решения принимали, сливаясь мыслями и соображая совместно, чьё мнение основательнее. От себя замечу, что Квак здорово преувеличил, когда заявил о том, что бывший главный редактор на них похож. Да, согласен, головы у них, у всех трёх, лыбые и заострённые кверху, и на самом деле похожи, зато Цгак и Квак, в отличие от землянина, имеют по четыре руки и по четыре ноги каждый, и заметьте: руки без локтей,

* Через год после написания романа (варианты названия: «Ужасы в Крольчанске», «Зловещие мертвецы», «Хоррор in Ukrainian») автор переделал его в повесть, в тексте которой, кроме прочего, почти полностью убрал сюжетную линию, связанную с кинематографистами. Оканчивается повесть сценой знакомства отца Сергея с Марточкой на фоне потасовки возле заводских ворот: «...Неужто не обман случился зрения, и это неземное создание в самом деле ему улыбнулось?». После этого подаётся эпилог, который приводим здесь полностью (*Прим. ред.*).

а ноги без коленей. К тому же я не уверен, что это именно Квак предложил похитить несчастного Игоря, а не Цвак: уж очень они, инопланетяне, на наш человеческий взгляд, похожи друг на друга – ну прямо одно лицо!

Цвак и Квак, если по-нашему, это вроде как космонавты-исследователи, а их космическая станция вот уже неделю висит над Крольчанском на геостационарной орбите. Снизу их не видно, потому что снаружи станция обработана по технологии Stells, а над ними никто, собственно, кроме инопланетян, и не летает.

Помолчали они, а потом Цвак (или это всё-таки Квак был?) и говорит:

– Едва ли стоило терять время на эти повторные наблюдения. Мало тебе было Оранжевой революции? Разве не стало уже тогда нам ясно, что за люди украинцы?

– Раз уж ты поднял этот вопрос, ты и формулируй, – телепатически предложил Квак.

– Милые они люди, таких на Земле немного. Повystупать, побеситься, даже подраться – всегда пожалуйста, но ведь даже многолюдная Оранжевая революция обошлась без единой жертвы! Кое-кто сел после неё, кое-кто сидит сейчас, но не с колодкой же на шее! И сегодня ведь если и наkostenяляли кому, так это по делу.

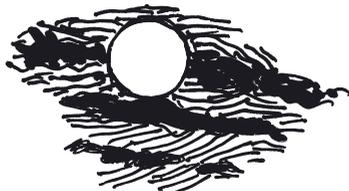
– Одного ухайдокали всё-таки.

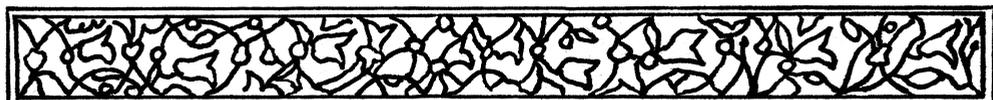
– Немножко помогли перебраться в мир иной. Но если бы и прикончили эту сволочь, мое мнение об украинцах не изменилось бы.

– Что ж, предлагаю для чистоты эксперимента повисеть недельку над Львовом.

На том и порешили.

2015 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Пролог, а в нём кое-что происходит в городке
Крольчанске на левобережной Украине 6 июля
199... года, около шести часов утра 3
- Глава 1, уже о наших днях. Снова лето, снова
6 июля. После полудня. Где-то на трассе
между Киевом и Крольчанском 9
- Глава 2. Тогда же. В Крольчанске, на бедной
улице Первого мая, в половине домика,
принадлежащей Петру Трофимовичу 19
- Глава 3. В тот же день, тогда же. Возле
автозаправки недалеко от Крольчанска 25
- Глава 4. День как будто тот же. Стрелки
на часах расползаются, но в пыльном окошке
закат. Спальня Петра Трофимовича 31
- Глава 5. 6 июля 201..., четверть девятого
вечера, бывший зал для совещаний заводо-
управления – нынче в кемпинге «Сахарок» 35
- Глава 6. Под той же датой. За четверть часа
до полуночи. Кладбище на окраине Крольчанска,
в трёх километрах от сахарозавода 51
- Глава 7. 7 июля. Четверть первого ночи.
Крольчанск. Номер для VIP гостиницы
«На волнах Лубеди» 63
- Глава 8. Та же ночь, около двух часов.
Бывший сахарный завод. Тень от сторожки
сразу за воротами 77

Глава 9. 7 июля. Позднее утро. Центр Крольчанска. Ресторан «На волнах Лубеди»	91
Глава 10. В тот же день. Тогда же. Спальня в домике Петра Трофимовича	97
Глава 11. В тот же день. Перед полуднем. Комната № 4 в кемпинге «Сахарок»	107
Глава 12. В тот же день. Полдень. Двор сахарозавода, затем коридор перед комнатой «4» кемпинга «Сахарок»	121
Глава 13. Тогда же. После полудня. Комната «4» кемпинга «Сахарок»	129
Глава 14. Тогда же. Крольчанское районное отделение полиции. Кабинет капитана Ханенко	137
Глава 15. В тот же день. Время послеобеденное. Крольчанское городское кладбище	147
Глава 16. Тогда же. Курилка перед кемпингом «Сахарок»	163
Глава 17. В тот же день. Окраина городского кладбища в Крольчанске	171
Глава 18. В тот же вечер. У тыльной стены заводоуправления	183
Глава 19. В тот же вечер. Магази́чик «У тётки Симы»	193
Глава 20. 8 июля 201... Начало первого. Зал ресторана «На волнах Лубеди»	209
Глава 21. Той же ночью. Тогда же. Кладбище. Участок 199... года, поминальная беседка	219

Глава 22. Той же ночью. Крольчанск. Спальня в доме священника при Крестовоздвиженской церкви	229
Глава 23. Той же ночью. Сторожка бывшего сахарного завода	237
Глава 24. Той же ночью. Курилка у кемпинга «Сахарок»	247
Глава 25. Той же ночью. Шоссе между посёлком сахарозавода и заводом	251
Глава 26. 10 июля 201... Уже рассвело. Крольчанск. Кухонька в гостинке официантки Кати	263
Глава 27. Тем же ранним утром. Крольчанск. Крестовоздвиженская церковь	271
Глава 28. Тем же утром. Дупло дуба-патриарха невдалеке от шоссе	279
Глава 29. Тем же утром. Сторожка Крольчанского сахарного завода	287
Глава 30. Тем же утром, но попозже. Крольчанск, квартира Игоря Беседко, бывшего главного редактора канувшей в Лету газеты «Голос Крольчанска»	299
Глава 31. Тем же поздним утром. Курилка у кемпинга «Сахарок»	311
Глава 32. Тогда же. Магазинчик «У тётки Симы»	321
Глава 33. То же позднее утро. У главных ворот бывшего сахарного завода	331
Глава 34. Тогда же. Крольчанск. Крестовоздвиженская церковь	339

Глава 35. <i>В то же утро. Половина одиннадцатого. Дежурная часть Крольчанского райотделения полиции</i>	351
Глава 36. <i>Тогда же. Полдень. Между бывшим заводоуправлением и главными воротами</i>	363
Глава 37. <i>Тогда же, чуть попозже. Цех дефекации бывшего сахарного завода</i>	369
Глава 38. <i>В тот же день, когда у нормальных людей обеденный перерыв. Площадь за заводскими воротами</i>	375
Глава 39. <i>Тогда же. На полпути от посёлка сахарного завода до Крольчанска, недалеко от шоссе</i>	381
Глава 40. <i>В то же время. Площадь за заводскими воротами</i>	385
Эпилог. <i>Тогда же, на шоссе между сахарным заводом и Крольчанском</i>	399
Приложение	409
Эпилог к повести «Оживление мертвецов по-украински»	411

В интервью газете «Вечерний Киев» 2011 года С. К. Росовецкий, искавший для каждого своего романа или пьесы новую жанровую форму, утверждал: «Я не стесняюсь своей работы в жанровой или массовой литературе, более того, именно она кажется мне чрезвычайно важным средством для эстетического развития современного читателя, обращения его, не побоюсь высоких слов, к гуманистическим идеалам классики».

Литературно-художественное издание

Росовецкий Станислав Казимирович

МЕРТВЕЦЫ ОРДЕНОНОСНОГО САХАРОЗАВОДА

Хоррор

Редактор: *Ю. Б. Дядищева-Росовецкая*
Компьютерная верстка: *С. С. Росовецкий*
Корректор: *Ю. Б. Дядищева-Росовецкая*
Дизайн обложки: *С. К. Росовецкий*

В издании использована графика С. К. Росовецкого

На авантитуле фотография С. К. Росовецкого
авторства С. Н. Саломатина